Ирина ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ФАВОРИТЫ У РОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА

Фавориты у трона

Ирина ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ФАВОРИТЫ У РОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тема предлагаемой читателям книги может показаться на первый взгляд в достаточной мере скандальной. Однако продиктована она не столько интересом к альковным историям в высших сферах государственной власти, сколько проблемой: действительно ли, как это обычно представляется, все фавориты и фаворитки у престолов оказывали на государственные и общественные дела большое влияние, причём отрицательного свойства? Как они проявили себя в исторических условиях? Кто из них и какое влияние имел на политику государства? Какой вклад внесли фавориты в развитие страны и в защиту её от внешних врагов? И, наконец, чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Книга издана в авторской редакции.

- Оглавление
  -
  -
  - Несколько слов о фаворитизме
  - Фавориты российских правительниц, цесаревен, великих княгинь и императриц
    - Первый почти официальный фаворит у русского престола — Иван Фёдорович Овчина-Телепнев-Оболенский
    - Талант царевны Софьи — князь Голицын Василий Васильевич
    - Фавориты императрицы Екатерины I Алексеевны
    - Фавориты императрицы Анны Иоанновны
    - Фаворитизм при дворе правительницы Анны Леопольдовны
    - Любовники и фавориты Елизаветы Петровны, цесаревны и императрицы
    - Любовники и фавориты великой княгини Екатерины Алексеевны и императрицы Екатерины II
  - Фавориты российских царей и императоров
    -
    - Фаворитизм в правление Иоанна IV Васильевича Грозного
    - Фаворит и соправитель царя Феодора Иоанновича — Борис Годунов

- Фавориты царя Алексия Михаиловича — Борис Морозов и Артамон Матвеев
- Франц Яковлевич Лефорт и Александр Данилович Меншиков — фавориты царя и императора Петра I
- Иван Долгоруков — фаворит императора Петра II
- Император Павел I и его фаворит Иван Павлович Кутайсов
- Алексей Андреевич Аракчеев — фаворит императоров Павла I и Александра I
- Фаворит Александра I — Михаил Михаилович Сперанский
- Григорий Ефимович Распутин — последний фаворит у российского престола

- Послесловие
- Библиография

- notes
  - 1
  - 2

Оглавление

Ирина Васильевна Воскресенская
Фавориты у российского престола

Светлой памяти мужа моего, Эфенбаха Георгия Александровича, посвящается

Выражаю благодарность

Свитич Луизе Григорьевне, доктору филологических наук, старшему научному сотруднику факультета журналистики МГУ им. МВ. Ломоносова, профессору Института международной экономики и права им. А. С. Грибоедова, и

Савинской Луизе Петровне, члену Союза журналистов России, члену Международного союза Славянских журналистов, члену Союза писателей Москвы, члену Союза театральных деятелей России, Президенту РОО «Женский клуб „Москвички“» за ценные предложения и критические замечания, которые помогли созданию книги.

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы.

(Лк. 12:2)

Избрание этой темы, в достаточной мере интимной, продиктовано не интересом к альковным историям в высших сферах государственной власти, а вопросом: действительно ли (как это обычно представляется) все фавориты и фаворитки у

престолов оказывали на государственные и общественные дела большое влияние, причём отрицательного свойства.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, какие люди и почему оказывались любимцами государей стран с абсолютной монархией, как они проявили себя в исторических условиях, кто из них и какое влияние имел на политику государства, какой вклад внес в развитие страны и в защиту её от внешних врагов? И, наконец, чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Последний вопрос и заставил автора в данной книге проследить судьбы фаворитов у престола России в сравнении с престолами западноевропейскими.

Книга «Фавориты у российского престола» состоит из двух разделов: «Фавориты российских правительниц, цесаревен, великих княгинь и императриц» и «Фавориты российских царей и императоров».

Такое разделение фаворитов связано с тем, что фавориты государынь — это, как правило, любовники, а фавориты государей — это, прежде всего, близкие им люди, связанные с ними родственными или давними дружескими связями, но также те, кто проявил себя отлично на государственной службе, в том числе и на военном поприще.

Как же становились фаворитами у русского престола? Каково было их влияние на политику и развитие России? Каков был личный вклад каждого из них в дело процветания Российского государства и в защиту его от врагов? Какова была судьба каждого из временщиков?

Фавориты российских государынь и государей не могли бы появиться на самом верху власти, обогащаться и вести свою политику, если бы у престола России не расцветал пышным цветом фаворитизм как мораль абсолютной монархии.

Несколько слов о фаворитизме

В русском языке слово фаворитизм произошло от французского слова favoritisme, образованного от латинского favor (благосклонность). Оно вошло в русский язык через польский (fawor — w fawore) во времена Петра I (М. Фасмер). Слово «фавор» и теперь употребляется в выражениях «быть в фаворе» (быть любимцем, получать выгоды и преимущества фаворита), «войти в фавор» (стать фаворитом, получить благосклонность влиятельного лица), «быть не в фаворе» (не иметь или лишиться благосклонности высокопоставленного лица).

От того же латинского слова favor произошли и русские слова иноязычного происхождения «фаворит» и «фаворита», встав в один синонимический ряд с исконно русскими: «любимец», «любимица», «милый дружок», «метреска», «любовник», «любовница». Надо сказать, что в последние годы слово «фаворит» получило иное значение — «самый первый», победивший. Таковы фавориты соревнований, конкурсов — мастера спорта или искусства. Но возможно фаворитом назвать и лошадь, пришедшую к финишу первой во время бегов, и кошку, и собаку, победившую на выставке. Но это совсем иное значение, чем фаворит, стоявший у трона и получивший статус влиятельного лица.

Итак, вернёмся к явлению фаворитизма.

Мы не будем говорить о том, что такое фаворитизм вообще, на всех сословных уровнях, а в соответствии с нашей темой зададим вопрос.

Так что же такое фаворитизм у престола? Фаворитизм у престола — это приближение к себе монархом понравившегося ему лица и на почве монаршего благорасположения неумеренное и по сути незаслуженное награждение этого лица, передача ему больших полномочий, льгот и преимуществ. В результате такого положения сам монарх и жизнь всего общества, всего государства оказывались под влиянием идей и деятельности фаворита, который вне зависимости от его знаний, ума и человеческих качеств, на основе только личных, дружеских отношений с монархом или любовных — с государыней мог фактически стать правителем страны.

Фавориты и фаворитки получали от своих покровителей высокие государственные чины и посты, в том числе и для родственников и близких знакомых (зачастую отнюдь не бескорыстно), тем самым оказывая неблагоприятное влияние на

государственное управление и развитие общества. Они получали также различные поощрения, награды и дорогостоящие подарки, особенно земли, поместья, замки за счёт государственной казны, тем самым разоряя государство и его народ. Благосклонность государей-покровителей предоставляла этим любимцам возможность, исходя из личных амбиций и не обращая внимания на интересы государства, вести свою политику, заполнять высшие государственные посты своими ставленниками (зачастую за взятки), преследовать соперников из числа государственных деятелей и расправляться с теми, кто мешал им своей персоной занять какой-нибудь высокий пост или не признавал их главенствующей роли. И в Европе, и в России на волне фаворитизма в высших сферах государственной власти становились историческими личностями, влиявшими на ход истории страны, всякого рода фавориты, основным достоинством которых была родственная или дружеская с детства близость к государю или внешняя, наружная красота и, как мы теперь говорим, «отсутствие комплексов» у фаворитов государыни.

Фаворитизм не является отличительной чертой именно высшей власти: он в той или иной степени проявляется во все времена и во всех сферах общения людей и установления между ними взаимоотношений, потому что он связан с общечеловеческим чувством благосклонности на основе приязни, любви, выделения одного или группы лиц, понравившихся как монарху, так и простому смертному — человеку самого низкого ранга.

Фаворитизм в государственных учреждениях, где начальник выделяет фаворита или фаворитку и усердно благоволит такому человеку, постепенно подпадая под его влияние, как правило, наносит вред и служащим такого учреждения, и делу. Эту тему великолепно развил М. Е. Салтыков-Щедрин в серии очерков «Помпадуры и помпадурши», не случайно назвав «помпадурами» чиновников, получивших начальственное место в провинциальном городе благодаря фавору у высокого петербургского начальства, и «помпадуршами» их любовниц, присвоив и тем и другим название, производное от имени мадам Помпадур, знаменитой фаворитки французского короля Людовика XV. На русском языке эти названия звучат особенно комично в связи с тем, что слово «помпа» означает «торжественность, торжество, расчитанное на внешний эффект», но в сочетании с «дуры» и «дурши» представляет в сознании русского читателя как бы «торжество дураков».

Фаворитизм в высших сферах власти, на высоком государственном уровне, — явление особое, потому что

затрагивает интересы не одного какого-либо учреждения, а всей страны.

Большая часть фаворитов, которых в России не без основания называли также временщиками, в основном более заботилась о своих выгодах, чем об интересах государства, и уж совсем не о благосостоянии народа Попав в фавор, временщик сразу же оказывался на арене жестокого соперничества и вынужден был больше внимания обращать на борьбу за свою власть у трона, за своё влияние на монарха, потому что именно это предоставляло ему личное обогащение и большие преимущества. Потому он и получил наименование «временщик», что его власть и влияние были временными, зависящими от многих случайностей. А таких случайностей было немало. Например, перемена отношения покровителя к фавориту в результате оговора, ревности или не понравившегося поведения (но чаще в связи с избранием другого фаворита). Отставка фаворита могла произойти вследствие перемен на престоле из-за смерти государя, его свержения, из-за государственного переворота, из-за возникновения правительственного кризиса. И всё это могло случиться неожиданно для него. Так что фаворитизм имел и оборотную сторону для временщика. Случалось, что после непродолжительного фавора: власти, блеска, всеобщего поклонения, роскоши и богатства — фаворит-временщик мог быть объявлен государственным преступником, и тогда жизнь его могла окончиться в опале, в ссылке, в тюрьме, а то и на плахе. В России так случилось с Иваном Фёдоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским, доведённым до смерти в застенке; с фаворитами Иоанна Грозною (Алексеем Адашевым, князем Афанасием Вяземским и другими), казнёнными после страшных пыток; с сосланным в далёкий Березов Александром Меншиковым; с сосланным в тот же Березов, а затем четвертованным Иваном Долгоруковым; с сосланными Петром Бестужевым-Рюминым и Эрнестом-Иоганном Бироном; с удалённым от двора Александром Дмитриевым-Мамоновым и другими. В западноевропейских странах раправа с любимцами властителей была страшнее, потому что отрубали голову не только фаворитам (Роберт Девере Эссекс и другие), но и их покровителям (королева шотландская Мария Стюарт, королева французская Мария Антуанетта, король французский Людовик XVI).

Однако среди фаворитов и фавориток были и неординарные, талантливые люди, служившие своей стране, защищавшие её (например, Сперанский, Аракчеев), и даже такие, которые продолжали своё служение после того, как любовные их

взаимоотношения с монархом давно закончились и любовное ложе заняли уже другие лица. Таковыми, например, были во Франции — маркиза де Помпадур, а в России — светлейший князь Потёмкин.

Считается, что фаворитизм у престола — это возвышение конкретного человека или даже группы лиц только на основе личной благосклонности монарха. Но такое определение фаворитизма, на наш взгляд, всё же носит несколько поверхностный характер. Причина фаворитизма у престола, как явления, значительно глубже. Монарх, приближая к себе любимца, следовал не только чувственному призыву, он видел в любезном ему человеке опору своей власти. Через фаворитку или фаворита, благодаря благоволению монарха получавших власть и преимущества, а следовательно, и крепкие связи, позволявшие создавать кружки единомышленников и даже политические или религиозные партии, монарх окружал себя верными людьми, способными, как ему казалось, поддержать его в любое время и противостоять враждебным ему силам.

Занимая такое положение в государстве, некоторые фавориты и фаворитки оказывали большое влияние на жизнь общества, становясь законодателями моды и модных направлений в культурной жизни, в искусстве, воздействуя на отношение монарха к ею окружению, а главное — учреждая политические партии и формируя политику государства, как внутреннюю, так и внешнюю. Так, например, уже упомянутая мадам Помпадур со временем приобрела в государстве даже большее значение, чем сам король. Фаворит российских императоров Петра I и Екатерины I — Александр Данилович Меншиков — в царствование Екатерины I и первых лет правления Петра II фактически был правителем Российской империи. Фавориты последних российских императора и императрицы Григорий Ефимович Распутин (Новых) и Анна Александровна Вырубова (Танеева), имевшие огромное влияние на императрицу Александру Феодоровну, а через неё на Николая II, по сути вместе с императрицей стали править страной, назначая «своих» министров, притом получая за это деньги.

Фаворитизм, приносивший пользу и любовные утехи государю, пагубным образом сказывался на жизни государства, потому что многие фавориты, как уже говорилось выше, прежде всего думали о личных своих выгодах и, боясь потерять своё положение, окружали себя людьми, верными не столько монарху, сколько им самим. Они добивались для них доходных должностей и наград прежде всего в своих личных интересах, а уж потом в интересах монархии, во многих случаях даже вопреки

интересам государства и общества.

Российский государственный деятель Никита Иванович Панин, выступая против фаворитизма, писал о царствовании Елизаветы Петровны: «При Елизавете, как и при ее предшественниках, много значили „припадочные люди“, то есть фавориты: делами управляла „сила персон“». И далее: «Сей эпок заслуживает особливое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотению припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». Н. И. Панин очень метко подметил, что при фаворите (временщике) «всё было жертвовано настоящему времени», то есть без внимания к тому, что может оказаться в результате его деяний в будущем, потому что он временщик и будущее не могло входить в его интересы.

В 1762–1764 годах Никита Иванович Панин представил Екатерине II проект об учреждении Императорского совета, в котором доказывал, что Совет особенно важен потому, что он даст возможность устранить влияние на управление Российской империей фаворитов, которых он называл «припадочными людьми», своекорыстными, властными и чуждыми интересам страны. Он считал, что фаворитизм порождает произвол, угодничество, казнокрадство и безнравственность. В этом проекте Н. И. Панин писал: «Государь, сколь бы он ни был талантлив, трудолюбив и проницателен, не в состоянии охватить все стороны управления страной. И ему постоянно должны помогать не случайные люди — фавориты, а постоянно действующее учреждение — Императорский совет из 6–8 членов, среди которых 4 статс-секретаря, которые бы ведали внешней и внутренней политикой, военными и морскими делами». Другими словами, Императорский совет должен быть разделён по крайней мере на 4 департамента, возглавляемых статс-секретарями.

По одной из легенд, Екатерина II якобы согласилась с предложением Панина, даже назначила поимённо членов Совета и статс-секретарей, а затем подписала манифест, но в последний момент задумалась и оборвала лист в том месте, где стояла её подпись. Конечно, она сослалась не на своё желание быть абсолютной монархиней и сохранить возможность иметь фаворитов, а на мнение генерал-фельдцейхмейстера Вильбуа, который, видимо из холопских побуждений, обнаружил в этом проекте «олигархические тенденции». В учреждении Императорского совета она увидела не столько отставку своего фаворита (в то время Григория Орлова, которому была обязана возведением на трон), сколько ограничение её самодержавной власти. Ведь любой фаворит не в состоянии был ограничить её власть в такой степени, в какой мог Императорский совет,

состоящий из нескольких высокопоставленных лиц.

Действительно, фаворитизм порождал угодничество, произвол, казнокрадство, безнравственность. Порой вред обществу наносили не столько сами фавориты и фаворитки, сколько лица, которых они выдвигали на значимые государственные посты.

В любом его проявлении фаворитизм вносил в общество безнравственность. Отношение двора к фаворитам, и особенно к фавориткам, было всегда безнравственным: их ненавидели, устраивали им различные провокации, на них клеветали, выставляя их перед государем в самом неприглядном свете, и в то же время заискивали перед ними, льстили им, в глаза возносили до небес их красоту и достоинства, демонстрируя свою показную любовь.

Но можно ли сказать, что фаворитизм — это только отрицательное явление? Ведь именно на волне фаворитизма в России поднялись такие прогрессивные государственные деятели, как И. И. Шувалов, А. Л. Аракчеев, М. М. Сперанский, Г. А. Потёмкин. Давайте рассмотрим это явление на фоне истории в лицах.

Фавориты российских правительниц, цесаревен, великих княгинь и императриц

Первый почти официальный фаворит у русского престола — Иван Фёдорович Овчина-Телепнев-Оболенский

Ещё до того, как во Франции в 1545 году герцогиня Диана де Пуатье (1499–1566) одна из первых получила придворный титул официальной фаворитки короля Генриха II, в России Великая княгиня Елена Васильевна Глинская (1508–1538), вдова Великого князя «всеа Русии» Василия III Иоанновича, ставшая правительницей при своём сыне, малолетнем Великом князе Иоанне IV Васильевиче, — в 1534 году, за 11 лет до французского события, открыто оказала покровительство своему фавориту — боярину и конюшему, князю Ивану Фёдоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому (ум 1539).

До правления Елены Глинской русская история не знала такого явления, как фаворитизм у русского престола, да еще со стороны женщины. Женщины православной Руси, в том числе и Великие княгини, жили в соответствии с христианской моралью, отличались целомудрием и скромностью, особенно вдовы, которые чтили память своих умерших мужей. Такие случаи, когда Великая княгиня, потеряв мужа, становилась правительницей русского государства при малолетнем своём сыне, Великом князе, уже были на Руси. Например, Великая благоверная княгиня Ольга, канонизированная на соборе 1547 года как равноапостольная святая Русской Православной Церкви; Великая княгиня Евдокия (Авдотья, в иночестве Евфросинья), вдова великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича Донского, которая после смерти мужа не только помогала советами править государством своему сыну Василию I Дмитриевичу, но до его возмужания фактически была правительницей Московского государства. За свою чистоту, целомудрие и непорочность, за свою деятельность в строительстве церквей и их поддержании она тоже удостоилась причислению её к лику святых Русской Православной Церкви. Когда по Москве поползли слухи, затрагивающие честь великой княгини, и её сыновья хоть и не верили этим слухам, но были смущены ими, Великая княгиня Евдокия призвала к себе своих сыновей и показала им вериги, которые она во вдовстве своём носила на своём почерневшем, крайне исхудалом теле. Главной советчицей в государственных делах у Великого князя Московского и всея Руси Иоанна III Васильевича была его мать, Великая княгиня Мария Ярославна, снискавшая своей мудростью

и благочестием уважение и любовь не только своего сына, но и окружавших его бояр и окольничих.

К сожалению, такими добродетелями Елена Васильевна Глинская, вдова Великого князя Василия III, не обладала.

Елена Васильевна Глинская (1508–1538), порождению литовская княжна, воспитывалась в Европе, долгое время жила у своего дяди Михаила Львовича Глинского в католической Италии, а потому имела взгляды, чуждые православным традициям. Красота 18-летней литовской княжны Елены, в облике которой нашли отражение европейские черты и оставило след её монгольское происхождение (Елена была потомком рода темника Мамая), её свобода поведения и открытость желаний пленили 47-летнего Василия III, который после знакомства с нею сразу же принял решение заточить свою неплодную жену Соломонию Сабурову в монастырь и жениться во второй раз на красивой, молодой литовской княжне, так не похожей на российских княжон и боярышен. Он был уверен, что она родит ему наследника, что у него будет настоящая, полная семья.

Он был влюблён, и летописи отметили, что он даже обрил бороду (что считалось грехом), стал молодиться, использовать притирания для лица, одеваться, как щеголь, на европейский лад, и всё это — чтобы только быть любезным Елене. Василий Иоаннович презрел традиционный смотр невест, потому что ему не терпелось скорее стать мужем только этой прекрасной девушки и получить наконец наследника.

Это нетерпение было так велико, что, отправив Соломониду Сабурову в суздальский монастырь в октябре 1525 года, Великий князь Василий III Иоаннович всего лишь через три месяца, 21 января 1526 года, сыграл свадьбу с Еленой Глинской.

(Следует отметить, что в том же 1525 году английский король Генрих VIII тоже охладел к своей жене, королеве Екатерине Арагонской, и, предъявив ей такую же претензию в бесплодии, как и Василий III Соломонии Сабуровой, стал искать возможность развода с нею. Но причина была та же, что и у русского Великого князя: он полюбил другую женщину, Анну Болейн.)

Великий князь Василий Иоаннович был счастлив: княжна Елена, наконец, стала его женой и Великой княгиней. Однако с наследником дело не ладилось в течение четырёх с половиной лет (!). Когда, наконец, Елена забеременела, казалось, что это именно поездки великокняжеской четы в монастыри, молитвы и молебны сделали своё дело, и 25 августа 1530 года Елена разрешилась сыном, названным Иваном, будущим Иоанном IV Васильевичем Грозным, ставшим первым, официально

признанным русским царём.

Боярыней-мамой к младенцу Великому княжичу была приглашена боярыня Аграфена Челяднина, в девичестве княжна Телепнева-Оболенская, родная сестра будущего фаворита Ивана Фёдоровича. Через неё появилась реальная возможность тайного сближения Елены Глинской с конюшим, боярином Иваном Фёдоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским.

Счастье Василия III оказалось недолгим: 4 декабря 1533 года в Москве Великий князь Василий III Иоаннович скончался. По его завещанию бояре возвели на престол его трёхлетнего сына, Великого князя Иоанна IV Васильевича, а правительницей при малолетнем Великом князе была определена вдовствующая Великая княгиня Елена Васильевна Глинская.

(В Англии в этот год Анна Болейн разрешилась от бремени дочерью, будущей королевой Елизаветой I, весьма огорчив этим Генриха VIII, ожидавшего мальчика, наследника престола.)

Великая княгиня Елена Васильевна должна была править страной вместе с боярами, главными среди которых, по завещанию Василия III, были назначены ближний боярин Шигона Поджогин и, благодаря стараниям Елены, недавно освобождённый из тюрьмы её дядя Михаил Львович Глинский. Однако на удивление всех ближних бояр Елена вскоре выбрала главным боярином и воеводой, своей правой рукой, — молодого боярина, конюшего, князя Ивана Фёдоровича Овчину-Телепнева-Оболенского.

Князь и боярин Иван Фёдорович Овчина-Телепнев-Оболенский принадлежал к роду князей Оболенских, отрасли черниговских князей. Родоначальником князей Оболенских был внук Великого князя Черниговского Михаила II Всеволодовича — удельный князь Роман Семёнович (XV колено от Рюрика), имевший столицей своего княжества город Новосиль, почему и именовался князем Новосильским (Новосильцевым). Войны с Литвой, набеги татар разорили его удел и город Новосиль, и Роман Семёнович перенёс столицу своего княжества в город Одоев и, таким образом, стал называться князем Одоевским. В 1407 году, в княжение его сына, Юрия Романовича, Одоев был захвачен литовцами, и князья Одоевские оказались под властью Великого княжества Литовского. Эта зависимость продолжалась до 1492 года, когда Великий князь Иоанн III Васильевич начал войну с Литвой за освобождение русских земель. Тогда некоторые князья Одоевские перешли на службу в войско Великого князя «всеа Руси». Поход русских войск был успешным, и в 1494 году Литва подписала мирный договор, по которому русские земли, в том числе и княжество Одоевское, перешли под власть Иоанна III,

и все князья Одоевские стали служить Великому князю Московскому.

Род князей Одоевских имел несколько ветвей. Одной из ветвей был род Телепневых-Одоевских, родоначальником которого стал Василий Васильевич, по прозванию Телепень[1].

О значении слова «те́лепень» можно получить справку в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля:

Может быть, Василий Васильевич получил прозвище Телепень за свою неуклюжесть, мешковатость, медлительную речь. А возможно, за большой кистень вроде цепа, с которым он не расставался. Важно, что полководец он был хороший. В 1492 году, не дожидаясь освобождения от литовской зависимости, он пошёл служить воеводой к Великому князю Владимирскому и Московскому Иоанну III Васильевичу и отличился тем, что взял у литовцев Мценск. В 1493 году во время похода на Литву был вторым воеводой передового полка, а затем воеводой правой руки. Василий Васильевич, ставший Телепневым-Одоевским, передал эту двойную фамилию своим потомкам. А фаворит Елены Глинской, князь Иван Фёдорович, добавил к ней еще одну составляющую — прозвание *Овчина* — и стал именоваться князем Овчиной-Телепневым-Одоевским. Неизвестно, в связи с чем князь Иван Фёдорович получил такое прозвище: любил ли он носить в походах овчинный тулуп, или за свою злость и жестокость, которые сменялись благодушием, вызывал у людей образ волка в овечьей шкуре, или по какой-нибудь другой причине?

Род Телепневых-Одоевских существовал недолго, менее века, и угас в конце 1530-х годов. Пресечение рода непосредственно связано с судьбой Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского.

Со своим фаворитом, тогда ещё боярским сыном, князем Овчиной-Телепневым-Оболенским, Елена Васильевна, возможно, познакомилась на своей свадьбе с Великим князем Василием III Иоанновичем, а может быть, и еще раньше.

Отец Ивана Овчины-Телепнева, боярин и князь Фёдор Васильевич, был конюшим при дворе Василия III, то есть вторым лицом в государстве после Великого князя. На свадьбе Василия III с Еленой, состоявшейся 21 января 1526 года, Фёдор Васильевич по свадебному розряду получил должность и чин конюшего, и ему было «велено быти у государева коня и ездити весь стол и вся ночь круг подклети[2] с саблею голою или с мечем».

Его сын, Иван Фёдорович, в числе четырёх детей боярских (личной охраны Великого князя), по свадебному чину находился на лестнице у двери опочивальни для новобрачных вместе с боярынями, вдовами ближних бояр, Еленой и Аграфеной

Челядниными. Участвуя в свадебном чине, он должен был «колпак держать у Великого князя и спати у постели и в мыльне мытися», как было записано в свадебном чине.

Вдова Аграфена Фёдоровна Челяднина (рожд. Телепнева-Оболенская) имела в тереме дворовый чин боярыни у Великой княгини Елены Васильевны и по свадебному розряду дежурила вместе со своей золовкой, боярыней Еленой Челядниной, у двери опочивальни. Можно сказать, что почти всё семейство Телепневых-Оболенских присутствовало, в соответствии со свадебным чином, или «розрядом», на свадьбе Елены Глинской. Елена Васильевна не могла не приметить среди детей боярских молодого, красивого и статного Ивана Овчину. Да и в последующей жизни во дворце он, как охранник Великого князя и Великой княгини, постоянно был у неё на глазах. Она знала, что одна из боярынь её дворового чина — Аграфена Челяднина — родная сестра Ивана. Да и Великий князь относился к Ивану Овчине со вниманием. И было за что.

Постниковская летопись гласит, что «летомъ 7041 августа (1532 год. — И.В.) В.к. Василий Ивановичъ хотелъ ехать на Волокъ Лъмский на охоту, но пришла весть 11 августа, что къ Рязани идуть крымцы во главе съ царемъ Сап-Киреемъ, съ нимъ Исламъ царевичъ Магметъ-Киреевъ царевъ сынъ, хотять воевать Московские земли».

Великий князь Василий Иванович послал на Оку, в Коломну, своих воевод: князя Дмитрия Федоровича Вельского, князя Василия Васильевича Шуйского, князя Михаила Васильевича Горбатого, Михаила Семеновича Воронцова, да Ивана Васильевича Лятцкого.

Далее в летописи говорилось: «А князей Семена Федоровича Вельского, Ивана Федоровича Овчину-Телепнева и Дмитрия Щереду Федоровича Палецкого послал в Мещеру». Это было перед известием о набеге крымцев, а потому он послал к ним гонца с приказом вернуться в Коломну с войском И все воеводы сошлись в Коломне, с ними княжата и дети боярские. Наместником в Коломне был князь Иван Федорович Вельской. 15 августа крымцы подошли к Рязани и стали ее воевать, жечь, хватать людей в плен. «В.к. Василий пришел в Коломенское».

20 августа было затмение солнца, что, по мнению постниковского летописца, было плохим предзнаменованием. И он записал: «Тогда же воеводы великого князя зъ берегу послашя за реку воеводу Ивана Федоровича Телепнева Овчину, а съ нимъ княжать и дворянъ великого князя и детей бояръскихъ. Князь же Иванъ доеде сторожей татарскихъ и потопташе ихъ и побишя». Татары побежали, но натолкнулись на многих людей русских. «И

туть князя Ивана навстретишя».

В столкновении с татарами Иван Овчина показал себя храбрым и умелым воином, потому и заслужил одобрение и внимание Василия III, а с тем и внимание Елены. После смерти отца Ивана, боярина и конюшего, князя Фёдора Васильевича Телепня-Одоевского, Великий князь пожаловал Ивану чин боярина и возвёл его в высокое придворное звание конюшего. Есть предположение, что этому возвышению Ивана Овчины способствовала Великая княгиня Елена. Как боярин в высоком звании конюшего, Иван Овчина получил право не просто заседать в Боярской думе, но стать её главой. А потому, когда Елена после смерти Василия III стала правительницей государства, формально она с полным правом поручила боярину и конюшему Ивану Фёдоровичу Овчине-Телепневу, как главе Боярской думы, самые важные государственные дела. И Иван Фёдорович, её любимец, «милый дружок», стал как бы официальным её фаворитом в полном смысле этого слова и приобрёл исключительно сильное влияние на Великую княгиню, а через неё и на управление государством (Следует отметить, что слова «фаворит» в XVI веке в русском языке не существовало, говорили: «любимец», «любимчик», «милый дружок».)

В условиях тесного московского дворца и его женской половины — терема, под пристальным вниманием боярынь и бояр, любовные дела Елены и Ивана Овчины не могли долго оставаться тайной. И, конечно, вызвали недоумение и возмущение как со стороны ближних думских бояр, так и со стороны боярынь её дворового чина. И тогда Елена Васильевна открыто предоставила все права своему фавориту, а он настолько подчинил её своей воле, что фактически сделался единоличным вершителем всех государственных дел Московского государства.

Появление фаворита у престола Московского государства объясняется не только страстной любовью Елены Глинской. Женщина, оказавшаяся правительницей обширного государства, в состав которого входило несколько княжеств, возглавляемых своенравными удельными князьями и сильными боярскими кланами, должна была найти крепкую опору, сильного и верного ей человека, который сумел бы удержать власть Великого княжества Московского над другими княжествами. И такого человека она видела только в лице Ивана Овчины-Телепнева, уже доказавшего свой талант воеводы и показавшего свой крутой нрав, силу и твёрдость, выдвигавшие его перед другими боярами на первый план. Правя государством именем Великого князя Ивана Васильевича, Овчина-Телепнёв-Оболенский не останавливался ни перед какими злодеяниями.

И бояре до поры до времени сносили его произвол. А кто противоречил ему или — упаси Бог! — не подчинялся, а позволял себе говорить о любовной связи с ним Елены, — те быстро исчезали из дворца и оказывались в тюрьме, в колодах и на цепях. Некоторые ближние бояре, например Семён Бельской и Иван Ляцкой, уже через год правления Глинской, опасаясь тяжелой участи, бежали в Литву. В том же 1534 году были брошены в тюрьму князья Иван Фёдорович Бельской и Иван Михайлович Воротынский, обвинённые как соумышленники князей, бежавших в Литву. На самом деле они возмущались самим фактом появления любовника-фаворита у трона в православной стране. Князь Михаил Львович Глинский, дядя Елены, считавший себя главным помощником Елены, неосторожно укорил племянницу в её порочной связи с Иваном Овчиной. Он был уверен, что для Елены, которая стала Великой княгиней благодаря его стараниям, и для окружавших её бояр он, Глинский, является главной опорой в политике государства. Но Елена выбрала не его, а «милого дружка», потому что на роль «главной опоры» старый Глинский уже не годился. И она отдала приказ посадить Глинского в тюрьму за то, что он якобы намеревался единолично править государством и вообще отравил (!) Великого князя Василия III Иоанновича. Глинский умер в тюрьме, уморённый голодом и холодом.

Смелость Елены Глинской, официально выдвинувшей Ивана Телепнева-Оболенского фаворитом, можно объяснить и тем, что, воспитанная в Европе, она знала, что во Франции в эти годы у короля Франциска I была при дворе официальная фаворитка герцогиня Анна д'Этамп; у его сына, дофина, а затем короля Генриха II, официальной фавориткой была герцогиня Диана де Пуатье, что не мешало ему жениться на Екатерине Медичи, племяннице римского папы Климента VII, который, по всей видимости, добиваясь этого брака, считал нормальным такое положение вещей.

Овчина-Телепнев, взяв бразды правления в свои руки, не останавливался ни перед какими средствами для достижения цели, даже самыми тяжелыми и гнусными. Ведь главной своей задачей они с Еленой считали уничтожение возможных претендентов на престол. И Елена, и он знали, что на Руси многие годы существовал закон о престолонаследии, по которому наследником становился не сын, а брат по старшинству. Знали они также, что любой желающий мог предположить, что их любовная связь началась еще при жизни Василия III, что до этой связи Елена 4,5 года не беременела, а потом в 1530 и 1532 годах подряд, с интервалом всего лишь в полтора года, родила сразу

двух сыновей — Ивана и Юрия. И что если Иван, объявленный Великим князем, и Юрий, князь Угличский, не сыновья Василия Иоанновича, то наследниками московского престола должны быть братья Василия III: прежде всего, как старший, — Юрий Иоаннович, князь Дмитровский, а после его смерти или отказа от престола — Андрей Иоаннович, князь Старицкий. А Елена Глинская вообще здесь ни при чём, а за свою срамоту — публично признанного любовника, возможно, отца её детей, — должна понести достойное наказание, а с ней и её любовник.

Страх перед таким освещением событий заставил правительницу и её фаворита срочно предпринять меры по уничтожению предполагаемых претендентов на престол. И они принялись за братьев, исходя из их старшинства.

Юрия Иоанновича, удельного князя Дмитровского, теперь старшего брата после Василия III, тоже сына Софьи Палеолог, человека доброго и даже добродушного, обвинили в том, что он якобы переманивал к себе на службу московских бояр и вообще хотел завладеть престолом. С согласия думных бояр его схватили, бросили в тюрьму, где он в 1536 году умер от голода и невыносимых условий содержания.

Другой брат покойного Великого князя-Андрей Иоаннович, удельный князь Старицкий, пользовался у бояр большим авторитетом, а потому добиться у них согласия на его арест было делом непростым И Овчина-Телепнев с Еленой не стали просить бояр об этом, а стали действовать самостоятельно. Тем более что князь Старицкий в своём уделе, в кругу своих бояр и князей-советников, позволял себе говорить откровенно и прямо, возмущаясь действиями Елены и её фаворита, и делал различные предположения об их любовной связи ещё при жизни Василия Иоанновича. «Доброжелатели» все его высказывания, конечно, с преувеличениями и намёками, передавали Елене и Ивану Овчине-Телепневу, которые еще больше утверждались в решении избавиться от него.

Известие об участи брата Юрия напугало князя Старицкого, и, когда Елена пригласила его в Москву якобы для совещания по казанским делам, он не поехал, сказавшись больным. Овчина-Телепнев не поверил ему и отдал приказ схватить некоторых его бояр. Андрей Иоаннович понял, что в Москве ему готовится участь брата, и принял решение с отрядом детей боярских искать поддержки в Новгороде. Но Овчина-Телепнев предвидел его ход: он уже отдал распоряжение воеводе Бутурлину из Новгорода выступить против взбунтовавшегося князя Старицкого. На помощь Бутурлину Овчина выслал отряд под начальством воеводы Никиты Васильевича Хромого-Оболенского, а сам во главе

большого отряда зашел в тыл отряду Старицкого и настиг его возле села Тюхоля.

В Московских списках летописи говорится, что Андрей Иоаннович не захотел «бой поставите», а вступил с Овчиной-Телепневым в переговоры. Он был согласен сложить оружие и решить дело мирным путём, если Елена простит его и не отправит его в тюрьму. Овчина-Телепнев, не имея возможности быстро согласовать это с Еленой, дал клятву, что Андрею Иоанновичу не нанесут никакого вреда. Князь Старицкий поверил этой клятве и поехал с Овчиной в Москву с повинной головой. Но Елена при боярах сделала выговор Овчине-Телепневу за то, что он дал клятву без её согласия, и отдала приказ заковать в оковы князя Старицкого и бросить его в тюрьму, «чтобы больше такой смуты не было».

В других летописях говорится, что Овчина-Телепнев-Оболенский первый стал посылать к князю Старицкому предложение не проливать крови, а мирным путём решить вопрос Он давал клятву, что Великий князь Иоанн Васильевич пожалует его всякими милостями, в том числе и вотчинами, что никакого вреда князь Старицкий не получит.

Какие бы версии ни были, а факт остаётся фактом: Овчина-Телепнев нарушил свою клятву. Андрей Иоаннович по прибытии в Москву был схвачен, брошен в тюрьму, где через полгода, в 1537 году, он умер, измученный пытками. Ему, сыну Великого князя Иоанна III Васильевича и Великой княгини Софьи Палеолог, было тогда 47 лет. Не избежали его участи ни его жена, ни дети. Так были уничтожены все возможные претенденты на престол «всеа Руссии».

Эти злодеяния объяснялись необходимостью сохранить для малолетнего Великого князя Иоанна престол, завещанный ему Василием III Иоанновичем. Но бояре стали ждать своего часа.

Но и в другой своей ипостаси, как государственный деятель и воевода, Овчина-Телепнев-Оболенский проявил себя достойно. Когда в 1534 году истёк срок перемирия между Москвой и Литвой, литовский король Сигизмунд I не стал продлевать мира. Уверенный в слабости русского государства, возглавляемого малолетним князем и его матерью, всего лишь ребёнком и женщиной, он двинул войска на Русь, чтобы завоевать Смоленск. И сначала имел успех, но, встреченный Овчиной-Телепневым с войском, начал терпеть одно поражение за другим: Овчина-Телепнев, дойдя с полками почти до самой Вильны (ныне Вильнюс), опустошил на своём пути несколько литовских волостей.

В начале следующего, 1535 года пришло известие, что

Сигизмунд снова идёт походом на Смоленск. Во главе передового полка опять выступил воевода Овчина-Телепнев-Оболенский, но ему не удалось встретиться с войсками Сигизмунда на поле брани, потому что литовцы пошли другим путём Однако московские воеводы под началом Овчины-Телепнева сожгли посад Мстиславского и опустошили его окрестности. Получив реальное сопротивление, Сигизмунд стал искать мира с Москвой.

Война с Литвой, благодаря действиям Овчины-Телепнева, окончилась удачно для Москвы. В 1537 году был заключен мирный договор сроком на пять лет. Переговоры с королем Сигизмундом велись как бы от имени Великого князя Иоанна Васильевича, но на самом деле переговоры вёл князь Иван Фёдорович Овчина-Телепнев-Оболенский.

В том же году Иваном Овчиной-Телепневым был заключён мирный договор со Швецией, по которому Густав Ваза обязался не помогать в войне с Московским государством ни Литве, ни Ливонскому ордену. Договор предусматривал взаимную свободную торговлю и выдачу беглецов с обеих сторон. Усилиями Телепнева-Оболенского были подтверждены прежние договоры с Ливонией, продолжение сношений с султаном турецким, который присылал в Москву грека для закупки разных товаров. Поддерживались отношения и с Польшей.

Вообще в конце правления Елены Глинской ни одно дело не проходило без участия Овчины-Телепнева-Оболенского.

Теперь все посольские и иные грамоты с предложениями шли Овчине-Телепневу, и иноземные короли получали ответ от Овчины-Телепнева, который умело вёл дипломатические переговоры и переписку, и в этих делах Овчина-Телепнев целенаправленно поддерживал достоинство Московского государства.

Во внутренних делах самым главным считалось, в целях безопасности государства, построение новых крепостей и новых сооружений. Этим делам Иван Овчина уделял большое внимание. Был построен новый деревянный город Устюг. В Новгороде Великом и в Вологде сооружены новые оборонительные укрепления. Заново отстроены сгоревшие города Тверь и Ярославль, во Владимире срочно починена городская стена, повреждённая пожаром. В Москве, вокруг обширной территории, прикрывавшей подступы к Кремлю, была сооружена каменная стена, укреплённая особой кладкой — «китой». Эта обнесённая стеной территория получила название Среднего города, или Китай-города (названного «китаем» по наименованию укрепления каменной кладки — «киты»). Закладка стены происходила 16 мая 1535 года. Строительство было поручено Петру Малому Фрязину.

Еще в 1533 году, незадолго до смерти Великого князя Василия III, обнаружились порча денежных монет путём их обреза и подмесь в них другого металла и, как следствие, обесценение денег. Из гривенки было принято выделывать 250 новгородских денег или 2 рубля 6 гривен московских. А дело дошло до того, что из гривенки стали делать 500, а то и больше фальшивых денег. В сентябре 1533 года Великий князь Василий III приказал казнить в Москве людей, виновных в порче денег. Так как явление это было повсеместное, то казнили многих людей из разных городов — из Москвы, Смоленска, Костромы, из Ярославля и других приволжских городов. Казнили страшной казнью: отрубали руки и ноги, четвертовали, лили в рот расплавленный металл. Довести дело борьбы с фальшивомонетчиками Василию III помешала смерть. В марте 1535 года Великая княгиня Елена по представлению её фаворита Ивана Овчины издала указ о полном запрещении обращения резаных и поддельных денег. Она приказала все деньги перелить и чеканить из них гривенки уже по 300 новгородских денег или по 3 рубля московских. При Великом князе Василии III на монете изображался князь на коне и с саблей в руке. На новых деньгах он изображался с копьём в руке, отчего, в отличие от «сабельных», монеты стали называться «копейными», а затем копейками.

Казалось, всё идёт хорошо, и Елена, а особенно её фаворит, торжествовали. Хотя все грамоты шли от имени Великого князя Иоанна IV Васильевича, который посольские дела решал как бы в совете с боярами, на самом деле (и это знали все) всё правление формально лежало на Великой княгине Елене, а реально посольства отправлялись к боярину конюшему, князю Ивану Фёдоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому; разрешения на какие-либо дела добивались, бив челом тому же князю Ивану Фёдоровичу. Разумеется, бояре (особенно могучий род Шуйских) считали, что они имеют более прав, чем Овчина-Телепнев, что нельзя допускать срама при московском престоле — правления «полюбовника Елены». За неимением прямых наследников престола, чтобы не поднимать смуты, было решено оставить на престоле малолетнего Ивана, впредь признав его права, и править до его совершеннолетия боярским правлением. А чтобы избавиться от фаворита и всего этого позора — порешить Елену. После её смерти с фаворитом расправиться — дело будет простое.

В ночь со 2 на 3 апреля 1538 года неожиданно, накануне весь день будучи здоровой, Великая княгиня Елена скончалась. В летописи было записано: «В лета 7046 апреля 2 день преставися великая княгиня Елена, со вторника на среду в 7 час нощи». По свидетельству Герберштейна, она была отравлена,

предположительно, солями ртути.

На шестой день после её смерти, по решению Боярского совета, несмотря на плач и мольбы Великого князя Ивана, первый фаворит на престоле Московского государства и «всеа Руси», конюший, боярин и князь Иван Фёдорович Овчина-Телепнев-Оболенский был схвачен и брошен в тюрьму, в Набережную палату, где ранее сидел и умер Михаил Глинский. «И тягость на него, железа ту же положиша, что и на Глинском была». По рукам и ногам закованный в кандалы и прикованный к стене, Иван Овчина-Телепнев-Оболенский вскоре умер от голода, жажды и нестерпимых условий, несовместимых с жизнью. Вместе с ним была арестована и боярыня-мама Великого князя Ивана — Аграфена Фёдоровна Челяднина, его родная сестра, помогавшая сближению и любовным встречам Елены с её фаворитом. Аграфену Челяднину сослали в дальний северный монастырь, где постригли в монахини.

Так трагично окончилась жизнь правительницы «всея Руси» Великой княгини Елены Глинской и первого фаворита на русском престоле, сыгравшего немаловажную роль в правлении Московским государством и благодаря этому отразившегося в зеркале русской истории, — Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, по смерти которого пресёкся род Телепневых-Оболенских.

Талант царевны Софьи — князь Голицын Василий Васильевич

Фаворитизм у российского престола продолжал процветать. Елена Глинская позволила себе открыто иметь фаворита, что просто шокировало боярство, которое поспешило отделаться от этого срама простым способом: отравив свою правительницу и тем самым избавившись и от срамницы, и от её полюбовника.

Великая княгиня Елена Глинская была замужней женщиной, вдовой и не была природной русской царевной, она была княжной литовской и воспитана за границей, в европейском, католическом духе.

Правительница Софья, также открыто проявившая своё пристрастие, свою любовь и сделавшая боярина князя Василия Васильевича Голицына своим фаворитом, в отличие от правительницы Глинской, была девицей и природной русской царевной, дочерью царя Алексия Михаиловича. Елену и Софью, так смело и открыто присвоивших себе право иметь фаворитов, сближало европейское воспитание, на основе которого сформировались их миропонимание, их менталитет. И та, и другая, получив власть, имели потребность в мужской руке, в мужской опоре. И каждая выбрала для этого, естественно, того, которого любила и которому более всех доверяла.

Несмотря на то что Франция и Англия были далёкими от России странами, благодаря торговым и иным связям дух фаворитизма проник и в Россию. Во Франции в эти годы царствовал Людовик XIV, и его фаворитка Франсуаза Атенаис маркиза де Монтеспан царствовала в сердце короля и властвовала в его государстве. Жизнь двора, направляемая деспотичной, тщеславной и самовлюблённой фавориткой Монтеспан, проходила в 70-80-е годы XVII века в сплошных удовольствиях и развлечениях.

Царевна Софья, став в 1682 году правительницей, регентшей России при больном, слабоумном брате, царе Иоанне V Алексиевиче, и малолетнем брате царе Петре I, нашла свою любовь и опору в боярине князе Василии Васильевиче Голицыне, который еще при её отце, царе Алексии Михаиловиче, и брате, царе Феодоре Алексиевиче, проявил себя как успешный государственный деятель.

Каким же он был, главный фаворит царевны Софьи?

Боярин князь Василий Васильевич Голицын (1643–1714), потомок Гедимина в XIV колене, названный в родословной первой

ветви князей Голицыных «Великим», был одним из весьма значительных персон второй половины XVII столетия.

Род князей Голицыных ведет свое начало от сына Гедимина — Наримонта (в крещении Глеба), а фамилию — от Михаила Ивановича Булгакова (ум 1554), получившего прозвище Голица за то, что имел привычку носить рукавицу (голицу), притом только на одной руке. Родоначальником четырех ветвей князей Голицыных явился князь Андрей Андреевич Голицын (ум 1638), воевода в Тобольске (1633–1635), возведенный в боярский чин в 1638 году, в царствование Михаила Феодоровича Романова От четырех сыновей князя Андрея Андреевича Голицына — Василия, Ивана, Алексея и Михаила — пошли четыре ветви князей Голицыных, неофициально названных — Васильевичами, Ивановичами, Алексеевичами и Михайловичами.

Князь Василий Васильевич Голицын был внуком боярина князя Андрея Андреевича Голицына и сыном боярина князя Василия Андреевича, родоначальника первой ветви князей Голицыных — Васильевичей.

Василий Васильевич Голицын начал службу при Государевом дворе царя Алексия Михаиловича 15-летним юношей в качестве стольника, а затем чашника. Красивый, статный, образованный молодой князь снискал доверие царя, а потому в 1666 году был назначен государевым возницей, и в этом звании 10 лет служил Алексию Михаиловичу. В 1676 году, в первый год царствования Феодора Алексиевича, к которому Василий Васильевич к тому времени был достаточно близок, молодой царь пожаловал князя Голицына главным стольником Государева двора и в том же году — думным чином боярина с дарованием ему крупных земельных владений и поручением руководить Пушкарским и Владимирским судными приказами.

Собственно восхождение князя Василия Васильевича к власти началось не на волне фаворитизма, а с 1676 года, когда царем стал Феодор Алексиевич, человек образованный, находившийся, как и князь Василий Голицын, под влиянием идей просветителя Симеона Полоцкого. Отношение царя к Василию Васильевичу, их сближение основывались, прежде всего, на общих для них, для того времени прогрессивных мировоззренческих позициях относительно внешней и внутренней политики Российского государства, развития науки и культуры. Оба они были первыми у верховной власти западниками, оба считали, что необходимо провести реформы и преобразования в России по западным образцам.

Боярин князь Василий Васильевич Голицын был человеком весьма образованным и прогрессивным. Он получил хорошее

домашнее воспитание и образование. К тому же огромная библиотека, которую он собирал в течение всей своей активной жизни, постоянно пополняла его образование. Он знал несколько иностранных языков, среди них — немецкий и польский, и особенно хорошо владел латинским языком, который в те времена был языком международного общения.

Василий Васильевич считал, что Российское государство должно иметь крепкие связи с Европой и приобщиться к европейской культуре. Его отношение к европейской культуре ясно видно из обстановки его дома. Это был не традиционный боярский терем, а вполне европейское жилище: кирпичный, со стеклянными окнами дом, в котором палаты (комнаты) были обставлены европейской мебелью, а стены украшены географическими картами и зеркалами, в ту пору для многих людей диковинными предметами. В столовой палате висела огромная люстра. На специальных полках была выставлена для обозрения (как интерьер) золотая, серебряная и венецианская стеклянная посуда. В опочивальне (спальне) под пологом стояла кровать иноземного производства. В отдельной палате была размещена огромная библиотека, состоявшая из множества книг духовного, философского и светского содержания, что свидетельствовало о высоких духовных запросах ее владельца.

Такая роскошная обстановка в западноевропейском вкусе была большой редкостью даже в среде именитых бояр.

Василий Васильевич Голицын был, безусловно, выдающейся личностью с особыми вкусом и манерами, с мировоззрением, намного опередившим миропонимание многих его современников.

Разумеется, при жизни царя Алексия Михаиловича, у которого Голицын был возницей, князь многого себе позволить не мог, и не только потому, что в те времена он не был особенно богат. Царь Алексий Михаилович требовал от своих придворных, чтобы они «иноземных немецких и иных обычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземных образцов не носили и людям своим по тому ж носить не велели».

Уложением 1649 года, которое было принято на Соборе в царствование Алексия Михаиловича, курение табака строго запрещалось, курильщиков предписывалось ссылать в Сибирь, а продавцов табака предавать смертной казни.

И царь, и его бояре, составители Уложения 1649 года, видимо, понимали, какой вред русским людям нанесет курение табака, это воистину «богомерзкое», как тогда говорили, занятие, уносящее здоровье и отравляющее окружающую атмосферу. Не

мог тогда Алексий Михаилович даже предполагать, что его сыночек Петруша, став Петром I, не только сам будет курить табак, но и других к тому будет понуждать. Это теперь понятно, что тогда остановить начавшееся движение в сторону даже такого «прогресса», как курение табака, а тем более европеизации России, было невозможно. Но в те времена Алексию Михаиловичу пресечение европеизации казалось вполне возможным через запрет, и он запретил.

Летописи свидетельствуют, что еще в царствование Василия III щеголи носили европейское платье и брили бороду. Да и сам Василий III, когда женился на литовской княжне Елене Глинской, тоже брил бороду, надевал чужеземное платье и использовал притирания для лица, чтобы нравиться молодой супруге, воспитанной на европейских образцах.

Дошедшие до нас портреты второй половины XVII века, изображавшие русских вельмож с бритыми лицами и в иноземной одежде, являются свидетельством того, что в царствование Феодора Алексиевича, старшего сына Алексия Михаиловича, движение это ускорилось. Связано это было и с тем, что царь был женат на боярышне польского происхождения Агафье Семёновне Грушецкой, её польские родственники окружали царя, а её польские родственницы входили в состав царицына дворового чина. Да и государственная политика России наметила свой курс на более тесные контакты с иноземными государствами и предвосхитила борьбу Петра I с бородами отсталых бояр. При царе Феодоре Алексиевиче одни бояре по своей воле носили бороды, а другие брились, и только Пётр I, переполняемый своей неуёмной энергией, унижал бояр и других разрядных людей, приказывая насильно обрезать им бороды, а иногда и вырывать их с мясом.

Мировоззрение князя Голицына, как последователя новых западных идей, формировалось еще в царствование Алексия Михаиловича под влиянием таких крупных государственных деятелей XVII века, как Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Федор Ртищев, как явившийся в Москву из Полоцка просветитель Симеон Ситнианович, известный в русской истории под именем Симеон Полоцкий.

Симеон Полоцкий (1629–1681) родился в Белоруссии, учился в Киевской духовной академии, по окончании которой заведовал школой в Полоцке. Его появление при российском дворе имеет свою историю.

Человек одаренный, Симеон Полоцкий писал вирши (стихи), и когда в 1656 году Алексий Михаилович посетил Полоцк, Симеон поднес ему приветственные вирши собственного

сочинения. В 1661 году Полоцк опять перешёл к Речи Посполитой, и Симеон, боясь преследований со стороны поляков за выражение им симпатии к русскому царю, ушел из Полоцка в Москву, где устроился преподавателем в Спасской школе.

Царь запомнил талантливого пиита из Полоцка, показавшего в Москве, что он опытный и добронравный учитель, и в 1667 году пригласил его преподавателем к своему старшему сыну, 13-летнему царевичу Алексию Алексиевичу. Наследник, царевич Алексий, умер в 1670 году, когда ему исполнилось всего 16 лет. И Симеон Полоцкий стал учителем второго сына Алексия Михаиловича — царевича Феодора Алексиевича, которому в то время было 8 лет.

Будучи учителем сыновей царя, Симеон Полоцкий своим просветительством, несомненно, повлиял на формирование мировоззрения и царевича Феодора, и царевны Софьи, которая, нарушив теремные традиции, тоже стала его ученицей.

Вполне естественно, что Симеон Полоцкий оказал влияние и на князя Голицына, который на правах друга молодого царя был вхож в царские палаты Феодора Алексиевича.

Служа при Государевом дворе царя Феодора Алексиевича, боярин князь Голицын внес немалый вклад в дело развития Русского государства и защиты его интересов. Крупным государственным деятелем боярин князь стал именно в царствование Феодора Алексиевича, проявив свои способности прежде всего на дипломатическом поприще, которое было, судя по всему, подлинным его призванием.

Первым его ответственным делом было разрешение весной 1676 года весьма сложных внешнеполитических вопросов, связанных с Правобережной Украиной, которая становилась то принадлежностью Речи Посполитой, то, в связи с большим процентом православного населения, переходила к России.

Голицын был направлен царём в Путивль для переговоров с поляками. В результате его тонкой дипломатии и отпущенных казной денег земли Правобережной Украины перешли к России, причем мирным путем Однако ходили недостоверные слухи, что Голицын присвоил себе из казенных денег 100 тысяч рублей.

В 1677 году турки напали на южные границы России, подошли к гетманской столице Чигирину и в 1678 году, несмотря на отчаянное сопротивление Чигиринских жителей, продолжавшееся почти год, всё же сумели захватить город. В связи с этим среди русских военачальников была проведена перестановка, и боярин Голицын стал воеводой Большого полка, возглавив левый фланг обороны, находившийся в Севске.

Участвуя в Чигиринских походах, Голицын одновременно

выполнял отдельные поручения царя, в большей степени дипломатические. Благодаря этому он приобрел полезные связи, позволившие ему в дальнейшем зарекомендовать себя на международной арене крупным политическим деятелем.

В 1681 году царь отозвал Голицына в Москву и назначил его главой Владимирского судного приказа для решения важнейших проблем — установления правого суда, урегулирования налогообложения и создания регулярной армии.

14 ноября 1681 года царь Феодор издал указ о создании комиссии, которой поручалось «ведать ратные дела для лучшаго своих государевых ратей устроения и управления». Главой этой комиссии царь назначил Василия Васильевича Голицына.

При полном одобрении и поддержке его действий со стороны царя Феодора Алексиевича Голицыну удалось реформировать налогообложение, заменив мелкие сборы единой податью, что позволило направлять необходимые средства на «устроение» и содержание армии и государственного аппарата.

Для «лучшаго своих государевых ратей… управления» Голицын учредил три новых приказа Разрядный, Рейтарский и Иноземный, которым подчинил созданные им «полки нового строя» (рейтарские) и стрелецкие полки.

Комиссия во главе с Голицыным провела также реорганизацию дворянского ополчения, заменив существовавшую прежде сотенную систему строгой ротной системой, благодаря чему были учреждены новые ротные командные чины, которые заняли представители дворянских родов, знатных и менее знатных.

Это новшество сразу столкнулось со старыми обычаями местничества, не позволявшими на командные должности назначать талантливых, но менее знатных людей.

Комиссия, возглавляемая боярином князем Голицыным, потомком Гедимина, «била челом» царю об отмене местничества.

Царь откликнулся на это челобитье и 12 января 1682 года, несмотря на своё уже смертное нездоровье, созвал Земский собор, на котором было принято решение: «Да погибнет в огне оное Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не вспомянется вовеки!»

Первым поставил свою подпись под этим решением Земского собора боярин князь Василий Васильевич Голицын.

Но наивысшей славы как государственный, политический и военный деятель Русского государства князь Голицын достиг в годы правления царевны Софьи (1682–1689), когда он, будучи женат, стал фаворитом, возлюбленным правительницы России.

Софья и Василий Васильевич встретились впервые в палатах

Феодора Алексиевича и сразу почувствовали влечение друг к другу, притом не столько любовное, сколько духовное, как люди со сходным миропониманием. Влечение Софьи понятно: Голицын был красавец, умница, щеголь и галантный кавалер. Софья была некрасивой девушкой с грузной и мешковатой фигурой, но когда она воодушевленно говорила о просвещении, театральных пьесах и действах, о политических и культурных проблемах, то становилась прекрасной. Она была такая же просвещенная и одаренная натура, как и Василий Васильевич Голицын. Софья говорила по-польски, была знакома с польской культурой, что для двора Феодора Алексиевича было, как уже говорилось выше, весьма актуально. Софья писала пьесы, и под руководством Симеона Полоцкого, и самостоятельно, и эти пьесы разыгрывались в дворцовом театре. Царевна Софья, не будучи старшей среди царевен, её сестер (она была четвёртой дочерью царя Алексия Михаиловича и царицы Марии Ильиничны Милославской), заняла среди них первенствующее место благодаря своей смелости, решительности и воле. Никогда до неё в теремные покои царевен не входили мужчины, даже мальчики-стольники, но в покои Софьи приходил Симеон Полоцкий, её учитель, возможно, и Василий Васильевич Голицын. Ни одна царевна до Софьи не позволяла себе входить в палаты царевичей, а Софья постоянно бывала в палатах своих братьев Алексия и особенно Феодора. Когда царь Феодор болел и уже почти не выходил из своей комнаты, Софья лично за ним ухаживала, ничуть не смущаясь тем, что она, девушка, находится в палатах хоть и брата, но мужчины.

Встреча царевны Софьи с Василием Голицыным в покоях царя Феодора Алексиевича оказалась исторической и связала их настолько, что предопределила их дальнейшую судьбу. Для Василия Васильевича приход к власти Софьи стал восхождением к еще более обширной деятельности его как государственного человека, соправителя регентши. Но и отстранение царевны от власти предопределило падение боярина Голицына.

Когда царевна Софья стала Правительницей, регентшей при двух царях — Иване и Петре (1682), а ближний боярин Голицын ее официальным фаворитом, *галантом*, как тогда это называлось, она передала своему нежному другу руководство всеми важнейшими государственными делами, поручив ему возглавить российское правительство. Ему были доверены самые важные приказы, в том числе один из наиважнейших — Посольский приказ.

Василий Васильевич Голицын, боярин, князь и воевода, стал именоваться «царственные большие печати и государственных

великих посольских дел оберегатель, ближний боярин и наместник Новгородский».

Он действительно оказался, прежде всего, «государственных великих посольских дел оберегателем», проявив себя как знаток большого дипломатического искусства В 1683 году Голицын добился подтверждения (пролонгации) Кардисского мирного договора со Швецией, заключенного в 1661 году. В 1686 году ему удалось заключить, казалось бы, выгодный для России мирный договор с Речью Посполитой. По этому договору, предполагавшему «вечный мир», подтверждались условия Андрусского перемирия, по которым к России отходили Киев, Левобережная Украина, Смоленск и Северные земли. Правда, в этом случае Россия обязывалась войти в Священную лигу, которую составляли Речь Посполитая, Австрия и Венеция. Целью Священной лиги была борьба с Крымским ханством, а следовательно, и с Османской империей. Россия, у которой с Крымским ханством были мирные отношения, должна была разорвать их и начать против крымских татар военные действия. Этот договор, казавшийся таким успешным, оказался причиной многих бед: и неудачных походов самого Голицына, и тягот последующих войн России с крымскими татарами и Османской империей в XVIII и в XIX столетиях. Но тогда, заключая выгодный для России договор, таких его последствий не могли себе даже представить.

В 1689 году Голицын одержал еще одну дипломатическую победу: он заключил Нерчинский мирный и торговый договор с Китаем, с которым граничили русские владения в Сибири. Это был первый в истории России официальный договор с Китаем.

Князь Голицын, глава правительства при Правительнице Софье, о котором она говорила, что он «человек ума великого и любимый от всех», стремился, как и Софья, к распространению просвещения и культуры, а потому продолжил дело создания Славяно-греко-латинской академии, начатое еще при царе Феодоре Алексиевиче. Академия была открыта в 1684 году, и прибывшие в Россию ученые, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, начали читать в академии свои курсы. В науке царили латинский и польский языки, первый из которых хорошо знал Голицын, а вторым прекрасно владела царевна Софья. При Государевом дворе продолжали играть пьесы, написанные Симеоном Полоцким и самой Софьей.

В Москве устанавливался порядок, многое делалось и для украшения столицы. В 1685 году был построен трехъярусный дворец для царевен, сестёр и тёток Софьи. Внутри он был украшен живописью, хорошо обставлен в европейском духе, но с

русским национальным колоритом. Примечательно, что в этом дворце было предусмотрено помещение и для Боярской думы.

Вообще в Москве в эти годы велось большое строительство: было построено около 300 каменных домов, но главное — Большой Каменный мост (в то время его называли Всехсвятским мостом) через Москва-реку. Он соединил центр Москвы с Замоскворечьем Этот мост задумали строить еще при царе Михаиле Феодоровиче, но помешала смерть царя и строителя Кистлера. Царь Алексий Михаилович строительство моста отложил. И вот теперь, в правление Софьи, князь Голицын предложил мост построить. Наблюдение за строительством Софья поручила ему. Мост строился с 1687 по 1693 год — пять с лишним лет. Москвичи были довольны: новый мост не только соединил части Москвы, разделенные рекой, но и своим великолепием весьма украсил столицу. В то же время среди москвичей шли разговоры о том, что на строительство моста было потрачено столько казённых денег, что на них можно было построить два, а то и три таких же. Москвичи считали, что забота Голицына о строительстве моста обошлась городу слишком дорого, и предполагали, куда подевались оставшиеся деньги, намекая на наблюдателя за строительством моста.

В то время на улицах Москвы поддерживалось благочиние: караульные стрельцы строго следили за порядком, останавливая и удаляя тех, кто его нарушал. Воспрещалось употреблять бранные и непристойные слова, ругаться матом. Софья поддержала гуманные устремления первого «министра» Голицына, и существовавшая со времен царя Алексия Михаиловича смертная казнь за употребление непотребных слов была заменена ссылкой.

Отменена была и смертная казнь для женщин, убивших своих мужей, предусмотренная Уложением 1649 года. Это была страшная смертная казнь — «окапывание»: женщину заживо закапывали в землю так, что на поверхности оставалась только одна голова. Можно себе представить, какие муки испытывала женщина во время такого медленного умирания, особенно зимой.

По желанию Софьи правительство во главе с Голицыным прилагало усилия для открытия новых фабрик, особенно текстильных, выписывало из-за границы мастеров для выделки в России бархата, атласа, сукна и других дорогих тканей, которые прежде привозили из-за границы.

Несмотря на гуманные устремления, во внутренней политике Софьи продолжалось преследование старообрядцев, раскольников. Указом Софьи от 1684 года повелевалось ловить раскольников, сажать в тюрьму, а наиболее упорствующих в своей

вере — сжигать.

Это было странное противоречие в Софьином и голицынском «гуманизме», похожее на предательство: с одной стороны, верх жестокости к русским людям, исповедующим веру в Христа по старым, дониконианским святым книгам, а с другой — покровительство Голицыным иезуитству, а Софьей — латинству, католичеству.

Преследовались и беглые холопы. Указом от 13 февраля 1683 года предписывалось «ловить, наказывать и возвращать их владельцам всех беглых холопей, а тех, кого господа обратно взять не пожелают, ссылать на поселение в Сибирь».

Впервые за всю историю России правительство Голицына потребовало, чтобы помещики представили списки их крестьян и холопов с тем, чтобы ловить и ссылать бродяг, никому не принадлежащих. Проведено было и размежевание помещичьих и монастырских земель, определена более точная граница между ними, а вместе с тем и определена принадлежность крестьянина его хозяину.

Ранее по распоряжению правительства тяглые люди, которые уходили из деревень на посады, по просьбе посадского самоуправления имели право там оставаться, что было выгодно и посаду, и царской казне, потому что тяглецы участвовали в уплате податей. Но после решения голицынского правительства и издания Софьей Указа от 17 декабря 1684 года выход тяглых людей из деревень был строго воспрещен. Так проходило твердое прикрепление крестьян к земле, их закрепощение. А между тем Голицын якобы вынашивал планы освобождения крестьян.

Несмотря на то что еще в 1677 году Голицын получил звание воеводы Большого полка, слава полководца была ему чужда. Видимо, у него не было полководческого дара.

Однако подписание Голицыным «вечного мира», требовавшего союза с Польшей, Австрией и Венецией и разрыва мирных сношений с турками, заставило Россию в 1687 году послать войска для защиты польских и русских границ, другими словами, предпринять 1-й Крымский поход.

Главой 150-тысячного войска Софья назначила, конечно, своего фаворита — воеводу князя Голицына. Вероятно, она не сомневалась в полководческих способностях своего любимца и в удачном исходе этого похода.

По плану войско Голицына должно было соединиться с казаками гетмана Самойловича и вместе двинуться против турецких войск. Но план этот не осуществился. Степной пожар, жара и недостаток воды заставили русское войско остановиться. Голицын провел военный совет, на котором было решено: чтобы

сохранить войско, лучше повернуть обратно. И войско направилось домой, в Москву. Поставленные задачи решены не были.

Во всем обвинили гетмана Самойловича, который якобы подстрекал к поджогу степи и неправильно вел себя по отношению к казацкой старшине. В присутствии Голицына казацкая старшина низложила Самойловича и новым гетманом избрала Мазепу, того самого, который впоследствии предал Петра I и Россию.

Таким образом, все неудачи похода были приписаны гетману Самойловичу, а Голицын объявлен героем, которого радостно встречала Москва, а особенно Софья.

Почувствовав безнаказанность, крымские татары с особым энтузиазмом стали разорять окраины России. Пришлось объявить новый поход. Главным воеводой опять был назначен Василий Васильевич Голицын. В начале 1689 года 150-тысячное войско под командованием князя Голицына выступило на защиту южных границ.

Но и этот поход оказался неудачным Вначале все как будто складывалось хорошо. Встретившиеся на пути в Крым отряды крымских татар были обращены в бегство. Обрадованная этим известием, Софья предвкушала полную победу. Но князь Голицын, дойдя с войском до Перекопа, был поражен тем, что вместо ожидаемого им благодатного края перед ним открылась такая же жаркая и безводная степь, которая изгнала его в первом его походе в Крым Для него это был шок. Он так детально изучил все карты (они висели у него в доме на стенах в рамах), и по картам все выходило очень хорошо. Но «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», как однажды заметил Лев Толстой, находившийся, правда, почти двумя веками позже, но приблизительно в тех же краях и тоже с военными целями.

Судя по всему, воевода Голицын был нерешительным полководцем, боялся трудностей, больших людских потерь. Он и на этот раз повернул обратно, не выполнив порученного ему дела.

А Софья снова приписала ему подвиг, победу «над агаряны», и опять встретила его как героя, начальника победоносного войска, щедро наградив и его, и его сподвижников. Несмотря на все усилия Софьи приписать Голицыну какие-то победы, в глазах народа и её подросшего брата, царя Петра I, он не был ни героем, ни победителем Да и сам Василий Васильевич понимал, что его время, как и время правительницы Софьи, приходит к концу.

В начале 1689 года, когда Голицын выступил из Москвы с войском, молодой царь Пётр I вступил в брак с Евдокией

Лопухиной и по закону стал считаться совершеннолетним К тому же Пётр показал свой решительный характер, смелую требовательность, опирающуюся на вроде бы «потешное», но войско, притом хорошо обученное на немецкий лад. Это современное по тому времени войско вполне могло противостоять стрельцам. И Софья, и князь Голицын это отлично понимали.

Пётр уже требовал, чтобы все самые важные государственные дела докладывались ему лично. Теперь Софье приходилось его долго уговаривать подписать какой-либо документ. Он не разделял мнения Софьи о победоносных походах Голицына, считая, что дело это Голицын просто провалил. А потому не хотел ни подписывать похвальную грамоту войску, ни давать добро на награду князю Голицыну. Софья уговорила его на это с большим трудом и 19 июля 1689 года торжественно встречала и награждала, как победителей, князя Голицына и его войско.

Софья давно вынашивала планы физического устранения ненавистного братца. Благородный, просвещенный Голицын этих планов не одобрял. Но начальник стрелецкого войска Шакловитый, верный Софьин слуга, стремившийся стать её фаворитом, поддерживал ее замысел.

В ночь с 7 на 8 августа 1689 года Пётр I был внезапно разбужен: прискакавшие в Преображенское два стрельца принесли известие, что его жизнь и жизнь его семьи в опасности. Не мешкая, Петр вскочил на коня и ускакал в Троице-Сергиеву лавру. Утром следующего дня туда прибыла и его семья.

Несмотря на пережитый испуг, Пётр решительно начал розыск о заговоре Шакловитого против законного царя в пользу регентши. Розыск закончился арестом стрельцов и казнью Шакловитого.

В этой сложной ситуации князь Голицын не кинулся на защиту интересов Софьи. Он надеялся на примирение сестры и брата, на мирный исход дела. Но когда был казнён Шакловитый, Василий Васильевич понял, что Софья проиграла. Не желая вмешиваться во все эти дела и надеясь на защиту своего двоюродного брата Бориса Алексеевича Голицына, который был воспитателем и советником царя Петра, он уехал в свое подмосковное имение, показав этим, каким «преданным и верным другом» Софьи он был.

Но недолго ему пришлось наслаждаться мирной тишиной имения, вскоре он был вызван к Петру для дачи показаний, и ему вместе с сыном Алексеем пришлось отправиться в резиденцию царя — Троице-Сергиеву лавру.

По-видимому, князь Борис Алексеевич Голицын заступился за

своего двоюродного брата, и это сделать было нетрудно: никаких враждебных действий по отношению к Петру князь Голицын не совершал, а потому на допросе легко опроверг все нелепые обвинения нескольких на него доносов. Приговор был сравнительно мягким: жизнь князя Василия Васильевича Голицына была сохранена, но он лишался всех чинов, наград и имений и навечно ссылался вместе с семьей на север. При конфискации богатств Голицына была сделана дошедшая до нас их опись: 100 тысяч червонцев, 400 пудов серебряной посуды и множество драгоценных и дорогих вещей.

В Вологде, по пути в ссылку, Василий Васильевич получил от царевны Софьи последнюю весточку — письмо и деньги — доказательство её верной дружбы и любви.

Сначала Голицын отбывал ссылку в Каргополе, затем в Яренске. В 1696 году он был переведен в Пинежский волок, находившийся между Холмогорами и Архангельском, в село Кологоры.

В этом далеком северном краю с прекрасной природой он прожил, всеми забытый, еще 18 лет. Согласно преданию, он не поддавался горестным размышлениям, а занимался хозяйством, разводил лошадей, общался с местным населением, в большинстве своем владевшим грамотой. Говорят, он учил местных девушек московским песням Возможно, именно в этих краях бывший фаворит у царского престола обрел душевный покой и был по-настоящему счастлив.

Может быть, напрасно Петр I удалил от себя князя Голицына, одного из образованнейших людей того времени, по сути, своего единомышленника, ратовавшего за сближение России с Европой, за принятие европейской культуры. Василий Васильевич мог бы быть преданным соратником Петра I во всех его преобразованиях. Но не случилось.

Князь Голицын скончался в 1718 году под Пинегой, в селе Кологоры, и был погребен в Красногорском мужском монастыре. Он пережил свою благодетельницу Софью на 10 лет.

Фавориты императрицы Екатерины I Алексеевны

Прошло 90 лет с тех пор, как в 1534 году у русского престола правительницы Елены Глинской появился первый фаворит. Третьим в 1724 году оказался фаворит Екатерины I — камер-юнкер свиты Её Императорского Величества Виллим Монс Правда, это был тайный фаворит, а потому на историческое развитие Российского государства не оказавший никакого влияния, а отразившийся в зеркале русской истории исключительно за любовную связь с царицей, а затем императрицей Екатериной Алексеевной, супругой царя и императора Всероссийского Петра I.

Как известно, Екатерина Алексеевна, урожденная Марта Самуиловна Скавронская (1684–1727), литовка, дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского и Доротеи Ган, была второй супругой Петра I. Её появление сначала в качестве наложницы царя, а затем фаворитки имело необычную историю: в 1702 году, во время русско-шведской войны, при взятии русскими Мариенбурга, Марта Скавронская, в то время проживавшая у пастора Глюка то ли в качестве воспитанницы, то ли в качестве служанки, попала в русский плен и стала наложницей генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева Александр Данилович Меншиков, увидев у Шереметева хорошенькую женщину, взял её себе в наложницы, а затем передал её царю Петру Алексеевичу. В 1704 году у Марты родился сын, которого назвали Петром И Пётр I, за два года совместной жизни сильно привязавшийся к Марте, да ещё гордый рождением сына, появление которого ставило непокорного и ленивого царевича Алексея Петровича в положение не единственного наследника престола, задумал жениться на своей фаворитке, теперь уже невенчанной супруге.

В том же году Марта Скавронская приняла православие с именем Екатерина Алексеевна. Её восприемниками были сестра царя Петра по отцу, царевна Екатерина Алексиевна, и его сын, царевич Алексей Петрович. Под новым именем она 19 февраля 1712 года получила статус жены Петра I, царицы Екатерины Алексеевны. За время от рождения царевича Петра в 1704 году до 1712 года произошло много событий: умер в двухлетнем возрасте царевич Пётр; в 1707 году умер царевич Павел, родившийся в 1705 году; затем умерла родившаяся в 1706 году царевна Екатерина; родились царевна Анна (1708) и царевна Елизавета

(1709), будущая императрица Елизавета Петровна.

Став императором, Пётр I 7 мая 1724 года в Успенском соборе Московского Кремля короновал свою жену как императрицу Екатерину Алексеевну.

Екатерина в продолжение 20 лет всегда находилась рядом с Петром, она умела погасить его страшный гнев, она была ему не только возлюбленной, женой, но и подругой, матерью рождённых от него 10 детей. Она помогла ему в Прутском походе, когда он попал в окружение. Тогда Екатерина отдала все свои драгоценности, полученные ею в подарок, и тем самым выкупила освобождение от турок Петра и его войска В благодарность Пётр учредил орден Св. великомученицы Екатерины и первой этим орденом наградил свою супругу. Как ему казалось, Екатерина была ему настолько преданной подругой, что он даже не мог и подумать, что когда-нибудь она начнёт ему изменять. Но это всё же случилось.

При вновь учреждённом Императорском дворе, который в основном составляла придворная свита императрицы, появился камер-юнкер Её Императорского Величества Виллим Иванович (Иоганнович) Монс (1688–1724), а в качестве фрейлины — Модеста (Матрёна) Балк, урожденная Монс, родные брат и сестра Анны Монс, первой любви и фаворитки Петра I, глубоко ранившей его своей изменой. В те времена родство с опальными не имело значения, а потому близкие родственники тогда уже опальной и наказанной Анны Монс были беспрепятственно приняты ко двору.

Виллим Иванович Монс родился в России в 1688 году в Немецкой слободе под Москвой, на реке Яузе (ныне центр Москвы, район Лефортово). Его отец, Иоганн (Иван) Монс, уроженец Германии, был, по одной версии, виноторговцем, по другой — золотых дел мастером Помимо сына Виллима, у него было две дочери: Анна и Модеста (Матрёна). Когда Виллиму было всего около четырёх лет, его сестра Анна стала фавориткой Петра I, и дела семьи, и так отнюдь не бедной, пошли в гору. Для Анны был выстроен отдельный каменный дом с богатой обстановкой, и лучшее общество Немецкой слободы особенно любезно принимало у себя Анну и членов её семьи. А молодой царь одаривал имениями не только свою возлюбленную, но и её родню. Более 10 лет семья Монс, благодаря фаворитке Петра I, жила весьма зажиточно и не имела недостатка ни в чём. Но в 1704 году Пётр узнал об измене ему Анны, и произошел его разрыв с ней. Тогда Виллиму шёл шестнадцатый год. И теперь ему самому, без царской поддержки, предстояло строить свою судьбу.

Двадцати лет от роду, в 1708 году, Виллим Монс поступил в армию Петра I. Принятый адъютантом генерала Боура, он участвовал в битвах под Лесным и под Полтавой, показал себя храбрым воином и ловким, расторопным помощником генерала. Царь не мог не заметить Виллима ввиду его родства с бывшей царской фавориткой, но ему понравились воинские качества Монса, и в 1711 году Пётр взял его к себе личным адъютантом при своей особе. А это означало, что Монс приобрёл не только самого высокого покровителя, но и хорошие военные и придворные связи. В этот период времени его старшая сестра Матрёна Монс (в замужестве Балк) служила в свите царицы Екатерины Алексеевны, пользовалась её благосклонностью и потому имела возможность пристроить брата ко двору. В 1716 году по ходатайству сестры Виллим Монс был принят камер-юнкером ко двору царицы. В его обязанности входило обслуживание государыни, выполнение её поручений как в обиходе, так и в материально-финансовых делах. Постепенно с помощью сестры обаятельный 28-летний Виллим, имевший к тому же привлекательную внешность, своей ловкостью и угодливостью завоевал сердце Екатерины Алексеевны, которая старше его была всего на четыре года. Каждой женщине льстит особое к ней внимание со стороны мужчины, и скоро Виллим Монс стал фаворитом царицы. Как всякий фаворит, Монс получил большую доверенность со стороны своей покровительницы, и скоро в его руках оказались все дела по управлению её вотчинами, а также и материально-финансовой частью в канцелярии царицы, а с мая 1724 года императрицы Екатерины I. Как это принято было при каждом дворе, фаворит сразу приобрёл массу поклонников, угождавших ему, заискивавших перед ним и всячески его одаривавших в надежде получить чин, звание или хлебную должность. Среди этой вереницы лиц были и сановники, входившие с ним в различные сделки. Как всякий фаворит-временщик, Виллим Монс, естественно, заботился о своём обогащении, а возможности у него в этом отношении были не только большие, но огромные: ведь он бесконтрольно, по своему усмотрению распоряжался личным имуществом и капиталом российской императрицы, да к тому же еще брал взятки даже за самые мелкие услуги. В мае 1724 года, по случаю коронования императрицы Екатерины I, многие придворные были милостиво награждены повышением в придворном звании. Екатерина стала хлопотать перед царём о возведении камер-юнкера Виллима Монса в камергеры. Пётр I согласился, был уже составлен документ (он хранится в архиве) и отправлен императору на резолюцию, но Пётр его подписание задержал. До него уже дошли

слухи о непомерном обогащении Виллима Монса. Пётр I ненавидел взяточников, казнокрадов и лихоимцев в своём отечестве, для них у него было одно наказание — смертная казнь через повешение или через лишение головы.

Несмотря на то, что особое покровительство Екатерины Алексеевны по отношению к Виллиму Монсу проходило в строжайшей тайне, с невинным видом, но всё равно не укрылось от ревнивых глаз Александра Даниловича Меншикова, у которого в 1702 году Марта-Екатерина была наложницей. Однако Меншиков, хоть и самый верный и преданный друг и фаворит императора, не рассказал об этом своему благодетелю. Он молчал. Его молчание понять можно: Меншиков видел, что Пётр с его неукротимой энергией подорвал своё здоровье и стареет очень быстро, что он тяжело болен и его конец уже не за горами. А потому после его смерти императрицей должна стать Екатерина. А он при ней — правителем и властителем, а со временем, быть может, и…

И всё же, по некоторым свидетельствам, Петру донесли, что Екатерина назначила свидание Монсу на берегу Финского залива Пётр решил удостовериться в этом собственными глазами и поплыл на лодке к указанному месту. И он увидел любовную встречу, и был потрясён. Но вернувшись, не показал вида никому, особенно жене.

В ближайшие дни император отдал повеление проверить, как Монс распоряжается финансами и имуществом императрицы. Были выявлены факты беззастенчивого казнокрадства Тогда Пётр пригласил Монса к себе на обед и за чаркой мило беседовал с ним. А когда обласканный Монс вернулся к себе домой, его арестовали, предъявив ему очень серьёзные обвинения в казнокрадстве и хищении многих дворцовых вещей. О его фаворе, о его связи с императрицей Екатериной Алексеевной не было сказано ни одного слова, не сделано ни одного даже намёка Монс был предан суду «за плутовство и противозаконные поступки».

Виллима Монса приговорили к отсечению головы. Всем было известно, что за казнокрадство Пётр карает очень жестоко, так что казнь Виллима Монса для всех была явлением обычным Ну а те придворные, которые знали истинную причину ареста и казни Виллима Монса, молчали.

Монс был обезглавлен 16 ноября 1724 года Осведомлённые придворные Императорского двора, естественно, с особым вниманием следили за поведением Екатерины. Но она в этот день была особенно весела, вместе с дочерьми Анной и Елизаветой присутствовала на уроке их учителя танцев и разучивала новые па менуэта.

Рассказывали, что после исполнения приговора Пётр пригласил свою супругу на прогулку в карете. По замыслу Петра их путь пролегал мимо места казни, где высилась голова Виллима Монса, надетая на шест и выставленная для назидания, чтобы брать взятки и красть императорское имущество не повадно было другим. Конечно, Пётр хотел увидеть реакцию своей супруги на это зрелище, но Екатерина при виде головы своего фаворита ни единым мускулом лица не выдала ни испуга, ни волнения.

А Пётр страдал, и страдал жестоко: его предали самые верные, самые, казалось бы, надёжные и близкие друзья. Он уже знал, что Меншиков, его друг, его фаворит, скрыл от него предательство его жены и тем самым тоже предал своего друга и покровителя. Горько было сознавать, что все те, кого он любил: сын Алексей, Анна Монс, Марта (Екатерина), Данилыч (Меншиков), — все изменили ему, все его предали.

Примерно через четыре месяца император Пётр I, страдая и душой, и телом, скончался. Это было 28 января 1725 года.

А Меншиков, когда решался вопрос о престолонаследии, при поддержке графа П. А. Толстого и барона А. И. Остермана, а главное — благодаря призванным ко дворцу гвардейцам, настоял на избрании Екатерины I Императрицей Всероссийской.

Меншиков прекрасно знал, что императрица не только не способна править страной, она даже подпись свою под документом толком поставить не умеет, и опереться ей не на кого, кроме как на старого её друга Данилыча. А потому Александр Данилович Меншиков (1670/1673-1729) неизбежно должен был стать фаворитом и фактическим соправителем императрицы Екатерины I. Войти к ней в фавор было нетрудно, он и так был у неё в фаворе. Она была ему благодарна за то, что он свёл её с царём, за всё время, когда она была наложницей, а затем фавориткой царя, за время пребывания своего на престоле как царица, жена царя, а затем как императрица, за то, что он всегда поддерживал её вплоть до последних дней Петра I. Она привыкла, что Данилыч, этот «полудержавный властелин», постоянно рядом не только с Петром, но и с ней. Между ней и Данилычем всегда были доверительные отношения: он прикрывал её «шалости», а она всегда заступалась за него и спасала его от гнева Петра, особенно в те минуты, когда Пётр бил его палкой и готов был его повесить за взяточничество и казнокрадство.

Отдав правление страной полностью в руки Меншикова и созданного им Тайного Совета, Екатерина предалась своей частной жизни, пристрастившись к вину и любовным утехам. По уже прежде заведённому порядку императрица утром выходила в

приёмную, где её в качестве просителей ожидали матросы, солдаты, крестьянский люд. Она раздавала им милостыню, а тем, кто пришёл с просьбой к ней стать их новорожденному дитяти крестной матерью, она тоже никогда не отказывала. Выполняя данные ею обещания, она непременно присутствовала на крещениях детей.

Часто Екатерина почти целый день проводила на гвардейских учениях и парадах, где она собственноручно подносила водку особо отличившимся офицерам и солдатам. А вечером, если не было приёма иностранных гостей, проводила время в кругу своей постоянной компании, на развесёлой вечеринке, в которой непременным членом был Меншиков. Ночью к ней в спальню приходил один из её любовников. Её любовниками называли красавца Павла Ивановича Ягужинского, получившего в 1726 году при дворе Екатерины I звание обер-шталмейстера; графа Петра Сапегу; барона Лёвенвольде и других, большей частью из числа иностранцев, служивших на русской службе. Подруги и наперсницы Екатерины I и её дамское дворовое окружение подражали в своём поведении своей императрице и нравам европейских дворов.

Почти каждое утро императрицы начиналось с визита к ней Меншикова. Так как Меншиков тоже был приучен к пьянству и бывал на тех же вечеринках, что и она, то они начинали свои дела, по свидетельству очевидца, якобы саксонца Фрексдорфа, с вопроса: «Что бы нам выпить?» (К. Рыжов).

С помощью тех, кто голосовал за правление Екатерины I, Меншиков в первое время осуществлял всё, что было уже назначено указами Петра I.

27 декабря 1725 года было проведено открытие Академии наук, первым президентом которой был назначен лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. В том же 1725 году был учреждён задуманный Петром I орден Св. Александра Невского. Первое пожалование его состоялось 26 мая 1725 года.

Для выяснения, соединена ли Россия с Америкой континентом или разделена проливом, была учреждена в 1725 году Первая Камчатская экспедиция, возглавляемая капитан-командором Витусом Ионассеном Берингом.

Но далее Меншиков, хоть и имел полную доверенность от императрицы Екатерины I, сам лично ничего предложить не мог, а потому задумал организовать себе в помощь коллегиальный орган. Идея создания такого высшего правительственного органа была тоже заимствована у Петра I. Эта идея как нельзя лучше подходила для осуществления желания Меншикова быть выше всех, быть правителем России не только по факту, но и по закону.

8 февраля 1726 года был создан Верховный тайный совет, в состав которого вошли он сам в качестве главы Совета, граф П. А. Толстой, князь Д. М. Голицын, барон А. И. Остерман, граф Ф. М. Апраксин, граф Г. И. Головкин и герцог Карл-Фридрих Голштейн Готторп, муж цесаревны Анны, зять Екатерины I. Председательствовала на этом Совете сама императрица Екатерина I. Сенат и Святейший синод вошли в подчинение Верховному тайному совету. Фактически председателем Совета, которому подчинялись Сенат, Синод и члены Верховного совета — высшие органы правления, а следовательно, первой фигурой Российской империи стал светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Верховный тайный совет занимался сугубо внутренними, текущими делами государства, но, продолжая осуществлять политику императора Петра I относительно науки и культуры, в 1726 году основал Харьковский научный коллегиум, на основании которого в последующее время был создан Харьковский университет. В том же году была одобрена гидрографическая экспедиция Фёдора Ивановича Соймонова на Каспий, что впоследствии позволило Соймонову издать атлас Капийского моря, имевший очень большое значение для развития промышленных промыслов на Каспийском море.

6 мая 1727 года в Санкт-Петербурге в возрасте 43 лет скончалась императрица Екатерина I.

Достоверно неизвестно, от какой болезни умерла так рано Екатерина I. Называют туберкулёз, но это, вероятнее всего, просто официальная версия. Есть свидетельства, что в марте 1727 года у неё сильно распухли ноги и опухоль быстро поднялась к самым бёдрам (тромбофлебит?). В апреле императрица уже совсем не могла ходить и слегла в постель, а 6 мая скончалась.

Александр Данилович весьма предусмотрительно организовал Верховный тайный совет. После смерти императрицы на трон мог быть избран кто угодно, но Меншиков продолжал оставаться главой Верховного тайного совета, то есть верховным правителем России.

И всё же расчёт Меншикова стать безраздельным правителем России оправдался только отчасти. Ему удалось править Россией, почти безраздельно, но недолго: сначала от имени Екатерины I, в течение чуть более полутора лет до её кончины 6 мая 1727 года, а затем от имени Петра II, да и то всего лишь несколько месяцев. После смерти Екатерины I Меншиков, оставаясь главой Верховного тайного совета, счёл необходимым укрепить свои позиции у престола, и уже 25 мая, то есть через 19 дней после смерти императрицы, сумел обручить императора Петра II со

своей дочерью, княжной Марией. Но сорвалось: Пётр II Алексеевич, сын царевича Алексея Петровича, внук Петра I, подружился с молодым князем Иваном Долгоруковым, стал, ездить в имение Долгоруковых Горенки на охоту и на увеселения, а потом, по настоянию своих близких друзей Долгоруковых, вторично обручился, но уже с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой. Настроенный Долгоруковыми против Меншикова, Пётр II удалил своего наставника от двора и потребовал от него вернуть все похищенные им во дворце вещи. Меньшиков пробовал сопротивляться, но 8 сентября 1727 года был арестован и сослан в его имение Раненбург (в Рязанской губернии). Все его огромные богатства были конфискованы и переданы в государственную казну.

19 января 1730 года Пётр II умер в Москве от оспы в возрасте 14 лет. Верховный тайный совет, в составе которого уже не было Меншикова, пригласил занять императорский трон Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую, царевну, дочь «скорбного головою» царя Иоанна V Алексиевича, брата Петра I по отцу, на условиях (кондициях), ограничивающих её власть. Анна Иоанновна воцарилась на российском престоле 25 января 1730 года. Сразу же по воцарении, 25 февраля 1730 года, она публично разорвала кондиции «верховников» и презрела их желание, чтобы в Россию не приезжал её фаворит Эрнст-Иоганн Бирон. Фаворит прибыл и стал фактическим правителем России.

Еще до своей коронации, 4 марта 1730 года, всего через месяц с небольшим после своего воцарения, Анна Иоанновна издала манифест об упразднении Верховного тайного совета.

Узнав об обручении Петра II с княжной Меншиковой, а затем с княжной Долгоруковой, что грозило претензиями на престол со стороны Меншикова и со стороны Долгоруковых, Анна Иоанновна должна была избавиться от всех претендентов на престол.

Меншиков сам неосторожно обратил её внимание на себя. После того как в Москве было найдено подмётное письмо в пользу Меншикова, он был сослан в Сибирь, в далёкий Берёзов, где и умер.

Арестован и сослан вместе со своей семьёй был и Иван Долгоруков, который потом был отправлен в тот же Берёзов, а затем четвертован.

Бывший фаворит Петра I и Екатерины I Александр Данилович Меншиков прожил не очень долго и скончался в Берёзове, в ссылке, 12 ноября 1729 года. Было ему тогда 55 или 57 лет.

Об Александре Даниловиче Меншикове как фаворите Петра I будет рассказано в главе «Фавориты российских царей и императоров».

Фавориты императрицы Анны Иоанновны

Анна Иоанновна (1693–1740), официально признанная дочерью царя Иоанна V Алексиевича и царицы Прасковьи Фёдоровны, правила Российской империей в течение 10 лет — с 1730 по 1740 год.

Её мать, Прасковья Фёдоровна, урожденная Салтыкова (1664–1723), произвела на свет пять царевен, но две из них, старшие, Мария и Феодосия, умерли во младенчестве, так что остались три царевны: Екатерина Ивановна (1691–1733), Анна Ивановна и Прасковья Ивановна (1694–1731). Царь Иоанн V был больным и слабым человеком, официально объявленным царевной Софьей «скорбным головою», то есть слабоумным, не мог иметь детей, а потому тайное предание приписывало отцовство Екатерины, Анны и Прасковьи не ему, а спальнику Царицына дворового чина, дворянину Василию Юшкову, человеку здоровому, крепкого телосложения, видимо, не случайно приставленному служить царице Прасковье Фёдоровне при её опочивальне.

Когда умер царь Иоанн Алексиевич, Екатерине было 5 лет, Анне 3 года, а Прасковье 2 года. Они жили в подмосковной царской вотчине Измайлово, которое досталось их отцу от дедушки, царя Алексия Михаиловича.

Пётр I, по смерти Иоанна V, считавшегося старшим царём, стал править страной единолично. Несмотря на вражду Милославских, раздуваемую регентшей, царевной Софьей, против его матери, Натальи Кирилловны, и против всех Нарышкиных, не оставил вдовствующую царицу Прасковью с тремя малолетними детьми без внимания, а стал заботиться о семье брата как о своих родных. Конечно, этому способствовало то, что его брат Иоанн, хотя и сын царицы Марии Ильиничны Милославской, никакой вражды к Петру не проявлял и никогда ни в чём ему не перечил, соглашаясь на все предложения младшего царя. С такой же уважительностью и покорностью относилась к Петру и царица Прасковья Фёдоровна.

Царевны «Ивановны», как их называли в те времена, росли в Измайлове, при дворе царицы Прасковьи Фёдоровны, наполненном всякими юродивыми, убогими, гадалками, приживалками и предсказателями.

Во дворце постоянно царили суета, шум, неразбериха, грубость нравов, так что фрейлины и горничные могли спать вповалку, и это не считалось каким-то нарушением порядка. Царица Прасковья, став полной хозяйкой Измайлова, проявляла властный и суровый характер, была набожной, но совершенно

невежественной женщиной, не умевшей ни читать, ни писать. Она держала дочерей своих, что называется, «в ежовых рукавицах» и не считала необходимым дать им хорошее воспитание и образование, которыми не обладала сама. А потому её дочери учились только танцам да немного иностранным языкам, преимущественно немецкому. Ни о каком «политесе» речи не было.

Когда царевны Екатерина, Анна и Прасковья подросли и им соответственно исполнилось 19,17 и 15 лет, царь Пётр, навещавший их в Измайлове всякий раз, как бывал в Москве, задумал установить тесные связи с Европой, выдав их замуж за европейских владетельных особ. Он даже прислал царице Прасковье живописца де Брюина, чтобы он написал портреты с неё и её дочерей. И хоть царица Прасковья считала это большим грехом, но противиться воле царя не посмела.

Воспитание и образование царевен, естественно, не подходили под европейские стандарты, и Пётр осуществил переезд вдовствующей царицы Прасковьи с дочерьми и со всем её двором в Санкт-Петербург, предоставив специально для них построенный дом в самом центре города, где проживали все великие вельможи, нанял царевнам учителей и воспитателей, заставил их надеть немецкое платье и посещать ассамблеи. А сам занялся подбором для них женихов.

Первой он сосватал среднюю, 18-летнюю царевну Анну и в 1711 году выдал её замуж за 19-летнего герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма (Кетлера) (1692–1711). Свадьба состоялась в Петербурге, в доме светлейшего князя А. Д. Меншикова, и продолжалась несколько дней. Жениха, склонного к пьянству, напоили так, что, отправившись с молодой герцогиней в Митаву, своё родовое гнездо, герцог по дороге, отъехав всего 40 км от Петербурга, скончался на мызе Дедергоф.

В брачном договоре, предусмотрительно составленном Петром I, говорилось, что царевна Анна Иоанновна, став герцогиней Курляндской, получит приданое в размере 200 тысяч рублей, будет иметь право содержать для себя и своей русской прислуги церковь, где служба должна проходить по грековосточному чину и где её будущие дочери будут крещены по тому же обряду. Сыновья же должны будут принять веру своего отца — лютеранскую. В случае же смерти герцога, при отсутствии наследников, его вдова будет получать от курляндских дворян ежегодно 40 тысяч рублей на своё содержание и будет иметь право пожизненного владения замком и имением, а также правом выкупа курляндских земель. Фактически в случае смерти герцога Курляндского Россия становилась владелицей курляндских

земель; другими словами, Курляндия в этом случае становилась частью Российского государства.

Анна Ивановна не хотела ехать в чужое для неё место, но царь из политических соображений настоял, чтобы герцогиня Курляндская, как владелица замка и земель, жила в Митаве. Он даже хотел, чтобы и царица Прасковья с дочерьми проживала там, но Прасковья Фёдоровна на этот раз категорически отказала Петру в просьбе, и он, передумав, не стал настаивать.

Это ловкое приобретение Россией Курляндии принесло с собой целый клубок проблем, так как оно затрагивало интересы Швеции, Польши и Австрии, да и местным дворянам тоже не нравилось выплачивать ежегодно крупную сумму на содержание вдовствующей герцогини Анны Ивановны.

Разумеется, одна Анна не могла бы справиться с такой сложной миссией. И в начале 1712 года царь Пётр послал в Митаву своего резидента Петра Михайловича Бестужева-Рюмина (1664–1743), который от имени герцогини Анны Ивановны, а фактически от имени России, стал править герцогством Курляндским. В обязанности Петра Бестужева входило: сбор средств с 28 коронных имений, переданных России в обеспечение платежа герцогине Курляндской; управление замком и имением, где жила герцогиня; забота о герцогине, об удобствах её проживания в замке и об её интересах в отношении средств на её содержание. Бестужев был зачислен в придворный штат Анны Ивановны в звании сначала гофмейстера, а затем обер-гофмейстера, что и давало ему право всем распоряжаться по сути в качестве российского наместника края, но якобы по повелению герцогини, передавшей ему свои бразды правления.

Несмотря на значительную разницу в возрасте (29 лет), 48-летний Бестужев, будучи в хорошей форме, сумел завоевать расположение Анны Ивановны. Вскоре ему удалось настолько склонить Анну Ивановну к себе, что он стал её фаворитом-любовником И хоть право на управление курляндским краем дала ему не его покровительница, а русский царь, но для чужих глаз здесь был продемонстрирован фаворитизм в его классической форме.

Вдовствующая царица Прасковья, забыв о грехах своей молодости, зорко следила за нравственностью дочерей, а потому послала в Митаву своего брата, Василия Фёдоровича Салтыкова, для присмотра за дочерью Анной. Салтыков давно невзлюбил свою племянницу, особенно за то, что она помогла его жене, которую он буквально истязал, уехать к отцу, Григорию Фёдоровичу Долгорукому, в то время проживавшему в Варшаве в качестве российского посланника. Живя в Митаве, Салтыков

следил за Анной и Бестужевым и стал доносить о них своей сестре. Узнав, что у Анны появился фаворит-любовник, Прасковья Фёдоровна пришла в крайнее негодование. Она грозила проклясть свою безнравственную, грешную дочь и её полюбовника Бестужева. Полная решимости наказать любовников и прекратить эту порочную связь, она отправила царю Петру письмо с настоятельной просьбой выслать Петра Бестужева-Рюмина из Митавы. Письменный ответ ей пришёл от имени царицы Екатерины Алексеевны. В нём говорилось, что «Бестужев отправлен в Курляндию не для того только, чтоб ему находиться при дворе Анны Ивановны, но для других многих его царского величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другие все дела станут, и то его величеству зело будет противно».

Много лет, несмотря на козни Василия Фёдоровича Салтыкова, на проклятие Прасковьи Фёдоровны, фаворит Петр Бестужев держал расположение Анны Ивановны и по-прежнему управлял Курляндией. За это время умерла Прасковья Фёдоровна (1723), умер царь и император Пётр I (1725). Казалось бы, их любовная связь теперь была как никогда крепка и положение Бестужева в Курляндии весьма прочно. Но Бестужев совершил непоправимую ошибку. В 1726 году он представил Анне Ивановне нового своего знакомого, проживавшего в Митаве, некоего Эрнеста-Иоганна Бирена (по другим сведениям — Бюрена), сына одного из служителей при конюшне прежних герцогов Курляндии. Это был молодой (всего лишь на три года старше Анны Ивановны), красивый, ловкий и довольно образованный человек, правда, не окончивший, но когда-то учившийся в Кёнигсберге, в одном из лучших европейских университетов. Впоследствии, уже в России, он присвоил себе имя Бирон, выдавая себя за представителя французского семейства Биронов. Во Франции смеялись над его затеей, но протеста не выказывали, и Бирон пользовался их снисходительностью к его наглости.

Случилось так, что Пётр Бестужев ненадолго выехал из Митавы в Петербург по своим делам, а когда вернулся, то обнаружил, что его место возле Анны Ивановны уже занято, что герцогиня очарована Биреном, новым своим фаворитом, и полностью ему подчинилась. Поначалу она вежливо обходилась с бывшим своим фаворитом, но потом он стал её раздражать, как помеха её любви, и под влиянием Бирена она стала донимать разными придирками и Петра Бестужева-Рюмина, и его родных: сыновей, Михаила и Алексея, и особенно его дочь, княгиню Аграфену, в замужестве Волконскую, к которой прежде Анна

Ивановна испытывала дружеские чувства, а потом стала буквально её преследовать. Путём обыска у Аграфены Петровны нашли письмо её отца, в котором он сообщал ей, что Анна Ивановна его отвергла и перенесла любовь свою на Бирена, а тот неблагородно воспользовался его отъездом и занял его место. Сумели перехватить и письмо самой Аграфены, в котором она называла Бирена «канальей» и просила «провозгласить о нем дурно».

Бирен был чрезвычайно мстительной натурой. За малейшее нелестное о нём высказывание он мог мстить неустанно в продолжение многих лет. Узнав отзыв о нём Бестужевых, Бирен начал им мстить, настраивая против них Анну Ивановну, которая с готовностью выполняла его волю.

По наущению Бирена Анна Ивановна пожаловалась на Бестужева и его родню в Верховный тайный совет, который управлял Российским государством в царствование Петра II. Верховный тайный совет, поверив всему, что написала герцогиня под диктовку Бирена, присудил сослать княгиню Волконскую в Тихвинский монастырь под строгий надзор. Анна Ивановна, подстрекаемая мстительным Биреном, завела дело и против своего бывшего «милого дружка», фаворита Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, обвинив его в присвоении её доходов и требуя от него выплаты очень большой суммы, которую насчитал ему её поверенный Корф. В 1729 году в Петербурге была назначена комиссия по этому делу, но она несколько месяцев тянула с рассмотрением вопроса и никак не могла вынести какого-либо решения.

19 января 1730 года умер император Пётр II, а 25 января того же года Верховный тайный совет пригласил герцогиню Курляндскую, царевну Анну Иоанновну, на Всероссийский императорский престол. Ни Анна Иоанновна, ни тем более её фаворит Бирен, не ожидали такого счастья, а потому забыли о преследовании Петра Бестужева-Рюмина. По решению Комиссии Бестужев был сослан на поселение в его дальние деревни. Он вернулся в Петербург после 1740 года, после смерти Анны Иоанновны и удаления Бирона в ссылку. В апреле 1742 года императрица Елизавета Петровна издала указ о возведении Петра Михайловича Бестужева-Рюмина вместе с его сыновьями Михаилом Петровичем и Алексеем Петровичем в графское Российской империи достоинство.

Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин не был фаворитом при Российском престоле, но он явился ярким примером фаворитизма на русской почве.

Напомним, что Анна Иоанновна приняла предложение

Верховного тайного совета быть Всероссийской императрицей с условием подписания «кондиций», ограничивающих её власть. В одном из пунктов тайных кондиций говорилось, что Анна Иоанновна не возьмет с собой в Петербург своего фаворита Бирена. Анна Иоанновна не была простушкой, она согласилась на кондиции, но уже в Митаве она презрела все эти кондиции и в Петербург явилась вместе с семейством своего фаворита, его женой и детьми, а затем к ней пожаловал и сам фаворит, без которого она уже даже и не мыслила своего существования, теперь уже не Бирен, а Бирон, возведенный ею в титул герцога Курляндского. Кондиции Верховного тайного совета она публично разорвала и бросила.

Нельзя сказать, что Анна Иоанновна была неумна, у неё был здравый ум, но, будучи недостаточно образованной и потому не способной править огромной страной, она не сумела бы без своего фаворита быть властительницей Российского государства. За годы, проведённые с фаворитом в Митаве, Анна Иоанновна уже привыкла думать мыслями Бирона и исполнять бироновские предложения и предписания, а потому фаворит этот был ей необходим как воздух.

Эрнст-Иоганн Бирен (1690–1772), присвоивший себе имя Бирон и с этим именем вошедший в историю России, родился в Курляндии. Для получения образования он был послан в Кёнигсбергский университет, но, не окончив университетского курса, вернулся к себе на родину.

До 1724 года Бирен, при покровительстве влиятельного курляндского дворянина Кейзерлинга, чтобы сделать карьеру, пробовал себя, то выступая в качестве одного из мелких секретарей при дворе герцогини Курляндской Анны Ивановны, откуда он был изгнан за интриги, то неудачно занимаясь педагогикой в Митаве, то служа в Риге по «распивочной части». Но дело не шло. Он даже отправился в Петербург, чтобы стать камер-юнкером при дворе крон-принцессы Шарлотты-Христины-Софии Бланкенбургской, супруги царевича Алексея Петровича, но ему пришлось вернуться домой, потому что и это его желание оказалось неосуществимым.

Однако в 1724 году настал его звёздный час. Бирен в каком-то его деле обратился, при содействии дворянина Кейзерлинга, за помощью к фавориту герцогини Анны Ивановны — Петру Бестужеву-Рюмину, и тот со всей широтой русской натуры не только помог ему, но и представил его своей покровительнице. А дальше дело было за самим Биреном Он со всем усердием обаял, увлёк Анну Ивановну, да так, что в короткое время стал её фаворитом. С тех пор Бирен никогда не расставался со своей

благодетельницей, особенно, разумеется, когда она заняла Всероссийский престол. Чтобы придать положению Бирена при Курляндском дворе приличное объяснение, Анна Ивановна женила его на внешне не только некрасивой, но даже безобразной женщине, однако имевшей баронские корни, — на Бенигне фон Тротта-Трейден, которая безропотно служила герцогине, а затем императрице Анне. У Бенигны были дети, которые числились как дети Бирона. Однако придворные смеялись, что когда должен был появиться очередной ребёнок, Анна Ивановна чрезмерно полнела, а Бенигна подкладывала себе подушки, изображая беременность.

Переезд в Россию ознаменовал для теперь уже Бирона счастливую пору возвышения, обогащения и славы. И не только для него, но и для его семьи, и для всей его съехавшейся к нему родни. Теперь милости императрицы посыпались на него, как из рога изобилия.

Накануне коронации Анны Иоанновны, 24 апреля 1730 года, Бирон был возведён в обер-камергеры — в то время придворное звание II класса Табели о рангах, дававшее статус второго лица (после императрицы) при Императорском дворе. Летом того же года он был награждён орденом Св. Андрея Первозванного, высшим орденом Российской империи, и полагающимся при нём орденом Св. Александра Невского. 12 августа того же года по просьбе императрицы Анны Иоанновны он был пожалован императором Карлом VI в графское достоинство Священной Римской империи. Получили всякие награды, льготы и поощрения все его родичи и его ставленники при Императорском дворе.

Сам фаворит выглядел теперь основательно: граф Эрнст-Иоганн Бирон, обер-камергер Высочайшего двора, кавалер двух высших орденов.

Все 10 лет царствования Анны Иоанновны Бирон, хоть и был окружён членами Кабинета министров в лице Б.-К. Миниха, Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (сына бывшего фаворита), барона А. И. Остермана, князя *АМ.* Черкасского, графа Г. И. Головкина и других, но фактически правил Россией безраздельно. И это время правления Бирона, имевшее своей высшей целью обогащение за счёт народа и царской казны, а потому направленное против русского народа, считается в истории нашей страны очень тяжелым временем, получившим название «бироновщина».

Конечно, нельзя сказать, что в России того времени всё или стояло без движения, или разрушалось. И в Сенате, и во вновь учреждённом Кабинете министров, и в приказах работали люди, которые продолжали выполнять планы, намеченные и

подготовленные к исполнению еще Петром I. Так, в 1731 году был, как бы мы теперь сказали, ратифицирован Акт о добровольном вхождении в состав России Младшего жуза (Казахстана), подписанный ханом Абулхайром. И это был первый акт доверия к России со стороны среднеазиатской страны, тем более важный, что он получил продолжение в 1740–1743 годах, когда по просьбе хана Семеке в состав России вошёл и Средний жуз — Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области. И справедливости ради заметим, что этот акт не мог состояться без одобрения императрицы, а следовательно, без проведения его Бироном. Фаворит Анны Иоанновны не только набивал свои карманы русским золотом и не только унижал своим презрением и высокомерием русских князей и дворян, служивших при дворе Анны Иоанновны, но он вынужден был в связи с обстоятельствами его служения российской императрице волею или неволею проводить и внутреннюю, и внешнюю политику в интересах России. И этому факту можно привести множество доказательств.

В 1731 году в Петербурге был учреждён Шляхетский кадетский корпус В 1733 году была предпринята Великая Северная экспедиция (Вторая Камчатская), которая продолжалась 10 лет и в которой приняли участие В. И. Беринг, А. И. Чириков, С. И. Челюскин, Лаптевы Д. Я. и Х. П., И. П. Гмелин, С. П. Крашенинников, Ж. Делиль, Г. Ф. Миллер и другие видные учёные. В ноябре 1740 года, перед самой смертью Анны Иоанновны, был основан город Петропавловск-Камчатский, названный так в честь кораблей экспедиции «Св. апостол Пётр» и «Св. апостол Павел». Это событие присоединило Камчатку к российским землям и установило границу России на востоке. Были основаны также крепость Оренбург (1735), казачья крепость Челябинск (1736), город Барнаул (1739), которые тоже явились форпостами российских границ.

Даже избрание Бирона герцогом Курляндским 13 июня 1737 года, которое, казалось бы, было его личной победой, наградой фаворита, на самом деле явилось воплощением мечты Петра I о полном контроле со стороны России всех дел в Курляндии, а затем политики Екатерины II, которая подтвердила Бирону после долгих лет его ссылки титул герцога Курляндского, чтобы Курляндия не отошла к западноевропейским странам, жаждавшим её захватить и выдвинувшим аж двух претендентов на это лакомое место.

В пору руководства страной Бироном заметно оживилась светская жизнь в области культуры, искусства, науки и просвещения. Свои произведения представляли на суд публики

поэты В. К. Тредиаковский и А. Д. Кантемир, художник А. М. Матвеев; стали всемирно известными работы физика Г. В. Крафта, математика Х. Гольдбаха. Академия наук уделила внимание русскому алфавиту и письму. В 1735 году по решению Академии наук были исключены из русского алфавита буквы «зело» и «ижица», заменённые буквой «И, и»; введена буква «Й, й», которую назвали «И краткая». Эти нововведения облегчили печатание и чтение русских текстов.

В 1736 году в Петербург была приглашена испанская оперная труппа, и впервые в России была осуществлена постановка оперы. Это была опера композитора Франческо Арайя «Сила любви и ненависти». Через два года в Петербурге была основана танцевальная школа Ж.-Б. Ланде, положившая начало развитию русского балета.

Внешняя политика проводилась Бироном и его Кабинетом министров тоже в интересах России. В 1733–1735 годах Россия приняла участие в «войне за польское наследство» и весьма в этом преуспела на польский трон вместо избранного королём Станислава Лещинского, противника России, был возведён Август III. Такую интригу можно было провести только под руководством хитрого и ловкого Бирона.

21 января 1732 года Россия была вынуждена подписать с Персией так называемый Рештский трактат о возвращении Персии провинций Гилян, Мазендаран и Астрабад на южном побережье Каспийского моря. Однако 10 марта 1735 года, благодаря дипломатическим усилиям России, был подписан с Персией Гянджинский мирный договор, по которому Персия возвращала России Баку, Дербент и другие города, некогда завоёванные Петром Великим.

В 1735–1739 годах велась Русско-турецкая война Здесь русские генералы П. П. Ласси и Б.-К Миних показали славу русского оружия: Ласси вернул России крепость Азов (июнь 1736), а Миних взял у турок Перекоп и Бахчисарай (июнь 1736), а также *Хотин* (август 1739); в июле 1737 года был взят Очаков. В результате этих побед 18 сентября 1739 года был заключён с Турцией Белградский мирный договор.

При дворе это событие отмечалось широко и длительно. И, конечно, Анна Иоанновна эту победу полностью приписала своему фавориту. 14 февраля 1740 года она преподнесла ему награду — 500 тысяч рублей, которые были вложены в золотой бокал, осыпанный бриллиантами. Это был поистине императорский подарок, но это был подарок последний, как бы прощальный. Долгие празднества подорвали и так не блестящее здоровье чрезмерно располневшей императрицы. Она тяжело

заболела и уже не могла встать с постели, и, разумеется, Бирон был весьма обеспокоен её состоянием.

12 августа 1740 года у племянницы Анны Иоанновны и внучки царя Иоанна V Алексиевича — Анны Леопольдовны (до принятия православия Елизаветы-Екатерины-Христины) и её мужа — герцога Антона-Ульриха Брауншвейгского — родился сын, правнук царя, наречённый Иоанном в честь его прадеда 5 октября того же года Анна Иоанновна издала манифест о признании наследником русского престола младенца, Великого князя Иоанна Антоновича Правительницей при младенце Иоанне VI Антоновиче должна была стать его мать, принцесса Анна Леопольдовна, но императрица не доверяла ветреной и ленивой племяннице, а потому решение вопроса о регентстве задержала Бирон приложил все усилия для того, чтобы и после смерти Анны Иоанновны остаться истинным правителем России. С помощью своего окружения — главных представителей придворной партии и Кабинета министров: Б.-К Миниха, А. П. Бестужева-Рюмина, Остермана, Черкасского и других — Бирону с большим трудом удалось уговорить Анну Иоанновну назначить его регентом при младенце-императоре. За два дня до своей смерти Анна Иоанновна, к великой досаде Анны Леопольдовны, подписала указ о назначении регентом до совершеннолетия Иоанна VI Антоновича — Эрнеста-Иоганна Бирона.

Императрица Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 года и была похоронена в Петропавловском соборе. А её фаворит Бирон, ненавидимый всеми русскими людьми, остался правителем России. Однако дальше править Россией ему не было суждено: в ночь с 8 на 9 ноября того же года генерал-фельдмаршал, граф Бурхард-Кристоф Миних, с одобрения Анны Леопольдовны, арестовал Бирона, членов его семьи, кормившуюся около него родню и его ставленников. На другой день Бирон вместе со всей своей семьёй был помещён в Шлиссельбургскую крепость и предан суду.

В результате этого дворцового переворота Анна Леопольдовна (1718–1746) была провозглашена правительницей России при её сыне, младенце-императоре Иоанне VI Антоновиче.

18 апреля 1741 года был опубликован манифест «о винах бывшего герцога Курляндского». Он был обвинён:

— в захвате регентства обманом и насильственным путём;

— в намерении удалить из России Императорскую фамилию Иоанна VI с матерью принцессой Анной Леопольдовной и отцом герцогом Антоном-Ульрихом Брауншвейгским для того, чтобы закрепить русский престол за собой и своим потомством;

— в небрежении о здоровье рано ушедшей, из жизни (47 лет)

государыни императрицы Анны Иоанновны;

— в непризнании веры православной и русских народных обычаев;

— в отсутствии религиозности;

— в насаждении немцев во все государственные учреждения;

— в проявлении «неслыханной жестокости»;

— в распространении шпионства и наушничества, проявлявшихся в «Слове и Деле».

Рассмотрев эти восемь таких страшных преступлений, Комиссия по делу Бирона вынесла ему приговор о смертной казни через четвертование.

Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих понимали, что некоторые «вины» надуманны, вызваны ненавистью к зазнавшемуся Бирону («непризнание веры православной» и «отсутствие религиозности» как две вины; «проявление неслыханной жестокости» — совсем неубедительно после царствования Иоанна Грозного да и Петра I), поэтому приговор был смягчён, и Бирон лишён был только прав на Курляндские земли, чинов, знаков отличия (орденов) и сослан с семейством в Пелым, на расстояние 3000 верст от Петербурга, Но герцогского титула он лишён не был и оставался герцогом Курляндским, его два сына, Пётр и Карл, — принцами, а дочь, Гедвига-Елизавета, — принцессой.

13 июня 1741 года офицеры Измайловского полка Викентьев и Дурново повезли под конвоем Бирона и всё его семейство в Пелым, куда прибыли только в начале ноября.

А 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна силами около 300 гвардейцев Преображенского полка совершила бескровный дворцовый переворот.

Были низложены и взяты под стражу младенец-император Иоанн VI, принцесса Анна Леопольдовна, генералиссимус русской службы герцог Антон-Ульрих Брауншвейгский, арестованы и сосланы в Сибирь А. И. Остерман, Б.-К. Миних, Р. Лёвенвольде и М. Г. Головкин.

Так называемые «лейб-компанцы», участвовавшие в перевороте, по велению новой императрицы получили дворянское звание.

Императрица Елизавета Петровна, рассмотрев дело Бирона и вспомнив об услугах, которые он ей оказывал в тяжёлое для неё время, приказала перевести его вместе с семьёй в Ярославль, в лучшие условия. С точки зрения современного россиянина, Бирон, обвинённый в таких тяжёлых преступлениях, за которые по закону полагалось четвертование, в Пелымской ссылке жил припеваючи: ему предоставлен был для проживания с семьёй дом

воеводы, он получал на содержание более 5000 рублей в год, пользовался услугами двух лакеев и двух женщин, которые были приставлены к его семье, то есть жил далеко не стеснённо, ни в чём не нуждаясь. Разумеется, быстрое низвержение его с высот престола, богатства и всяческого благоденствия на уровень простого, хоть и не бедного человека, было для него и его семьи тягостным В Ярославле условия содержания ссыльной семьи стали ещё лучше, но моральное, а на этой основе и физическое состояние Бирона не улучшилось. Своё раздражение он вымещал на своей дочери — принцессе Елизавете-Гедвиге. И она сама (а может, и по подсказке отца) задумала бежать от него. Случай представился в 1749 году, через семь лет ссылки. Елизавета-Гедвига узнала, что в Ярославль на богомолье к Троице со дня на день должна приехать Елизавета Петровна. Принцесса Курляндская ночью ушла из дома и пробралась к жене ярославского воеводы Бобрищевой-Пушкиной. Она рассказала ей о притеснениях отца, о своём желании перейти в православие и умоляла устроить ей встречу с императрицей Елизаветой Петровной. Бобрищева-Пушкина познакомила её с фавориткой Елизаветы Петровны, статс-дамой Высочайшего двора, графиней Маврой Егоровной Шуваловой, а та устроила ей встречу с императрицей. Елизавета Петровна приняла горячее участие в судьбе несчастной горбатой девушки, восстановила ей ранг камер-фрейлины, который ей был дарован Анной Иоанновной, стала её восприемницей при крещении в православие, доверила ей надзор за фрейлинами своего двора. При крещении Елизавета-Гедвига получила новое имя — Екатерина Ивановна. Заняв при дворе видное место, Екатерина Ивановна стала потихоньку возвращать ко двору своих родственников. А когда Наследник, великий князь Пётр Фёдорович, ставший после смерти Елизаветы Петровны императором Петром III, избрал её своей фавориткой, она сумела освободить из ссылки своего отца, Бирона, герцога Курляндского. В 1762 году император Пётр III даровал Бирону свободу, призвал его в Петербург, возвратил ему ордена и другие знаки отличия. Но в просьбе вернуть ему герцогство Курляндское отказал, потому что хотел отдать герцогство своему дяде, голштинскому принцу Георгу. Но желание императора Петра III не осуществилось: к власти пришла Екатерина И, а сам Пётр III в процессе дворцового переворота был убит.

22 августа 1762 года указом Екатерины II герцогство Курляндское было возвращено Бирону, а на следующий день герцог Курляндский был отпущен в Курляндию. В течение семи лет бывший фаворит Анны Иоанновны снова правил Курляндией, но в 1769 году, когда ему исполнилось 79 лет и силы его

истощились, он передал управление Курляндским краем своему сыну — герцогу Петру (внешне очень похожему на императрицу Анну Иоанновну).

17 декабря 1772 года 82-летний Эрнст-Иоганн Бирон, фаворит-любовник императрицы Анны Иоанновны, в течение 10 лет безраздельно правивший Российской империей, умер в столице Курляндии — Митаве (ныне Елгава, Латвия).

Время фаворитства Бирона было названо «бироновщиной», «самым тяжёлым временем в истории России», хотя такая характеристика в большей степени вызвана тем, что Бирон воспринимался русскими людьми как чужак у трона, немец, презирающий русских людей, а следовательно, и всё русское.

Фаворитизм при дворе правительницы Анны Леопольдовны

Как мы уже знаем, Анна Иоанновна, умирая, объявила наследником российского престола младенца Иоанна VI Антоновича, своего внучатого племянника, сына своей племянницы Анны Леопольдовны. Однако будучи уверена (что было абсолютно справедливо), что мать младенца-императора по своим знаниям и своему ленивому характеру ни в коем случае не может быть регентшей, она долгое время не подписывала указа о регентстве. Однако фаворит Анны Иоанновны, Бирон, путём различных ухищрений и с помощью Миниха и Остермана сумел добиться именно его назначения регентом при младенце Иоанне Антоновиче. Почувствовав серьёзную опасность, Анна Леопольдовна и её супруг, герцог Антон-Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский, сумели сговориться с генерал-фельдмаршалом Минихом, который арестовал Бирона и тем самым произвел дворцовый переворот. Состоялся быстрый суд, на котором, как уже было сказано выше, были перечислены такие страшные преступления Бирона, по сути в государственной измене, что по существовавшим тогда законам он был достойны только смертной казни. Однако Анна Леопольдовна заменила Бирону смертную казнь ссылкой в сибирский Пелым.

Правительницей России, регентшей стала Анна Леопольдовна.

Никто ранее не мог бы и предположить, что Анна Леопольдовна, жившая в России с 1 августа 1722 года и принявшая православие только через 11 лет, 12 мая 1733 года, окажется на российском троне.

Её мать, Екатерина Ивановна, родная сестра Анны Иоанновны, была выдана Петром I замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда в целях укрепления связей с европейскими владетельными домами, но брак этот оказался настолько неудачным, что Екатерина с малолетней дочерью Елизаветой-Екатериной-Христиной (после принятия православия — Анной Леопольдовной) вынуждена была бежать от психически неуравновешенного мужа-деспота.

Анна Леопольдовна воспитывалась сначала в Европе, а затем при курляндском дворе в Митаве, где её тётка старалась во всём подражать европейским дворам, но не забывала и русские обычаи. Когда при стечении обстоятельств, о которых уже рассказано выше, Анна Ивановна стала императрицей Анной

Иоанновной, она к своему императорскому двору пригласила и свою сестру с племянницей Анной Леопольдовной, выданной замуж за герцога Брауншвейгского Антона-Ульриха 12 августа 1740 года у Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха родился сын, наречённый Иоанном Антоновичем Екатерина Ивановна, бабушка родившегося венценосного младенца, умерла в 1733 году и не имела счастья отметить это радостное событие. Как правнук царя Иоанна V Алексиевича, младенец получил право наследования российского престола. И Анна Иоанновна подписала соответствующий указ о престолонаследовании, в котором будущим императором, её наследником, был назван младенец Иоанн.

Получив воспитание в Европе, Анна Леопольдовна имела европейское представление о королевском или императорском дворе, где царят законы фаворитизма с его распущенностью, обогащением любыми способами и ничем не ограниченной свободой от моральных устоев. Будучи женщиной малообразованной, хотя и довольно начитанной, к тому же весьма легкомысленной, ленивой, но желающей быть в своём поведении свободной на западноевропейский лад, семнадцатилетняя Анна Леопольдовна, ещё будучи незамужней девушкой, влюбилась в саксонского посланника, графа Карла-Морица Линара, молодого, красивого, статного мужчину высокого роста, всегда модно и со вкусом одетого, галантного кавалера с учтивыми манерами. Граф Линар по происхождению был итальянцем, но его итальянская семья ещё в XVI веке поселилась в Германии, так что за два века проживания в этой стране Линары, не утратив своей итальянской внешности, приобрели характерные немецкие черты. Как посланник Саксонии в России, граф Линар прибыл в Петербург в 1735 году, ко двору Анны Иоанновны, где в то время большим вниманием среди иностранных дипломатов пользовалась Анна Леопольдовна, племянница императрицы. Придворные почтительно, но с большой долей иронии относились к Анне Брауншвейгской. Многие не любили её мать, герцогиню Екатерину Ивановну, весьма ограниченную особу, но постоянно, как говорится, сующую нос не в свои дела и выступающую со своим мнением и советами. Но Екатерина Ивановна умерла в июне 1733 года, и Анна Леопольдовна осталась без присмотра матери, на попечении тетки-императрицы. Принцессу Анну Леопольдовну придворные воспринимали как девушку не очень умную и ленивую, но романтически настроенную, для которой пришла пора подыскивать жениха. Для дипломатов же она представляла живой интерес как близкая родственница императрицы, возможно,

обладающая закрытой информацией.

Граф Линар ответил взаимностью влюблённой в него принцессе Анне, и они стали тайно встречаться. Гувернантка-воспитательница Анны, специально выписанная для неё из Пруссии, мадемуазель Адеркас, родственница германского посланника Мардефельда, деятельно помогала этим встречам. Когда Анна Иоанновна узнала о поведении своей племянницы, гневу её не было предела. Гувернантку Адеркас тотчас же отправили в Германию и потребовали, чтобы саксонского дипломата, графа Линара, немедленно отозвали из Петербурга Анна Леопольдовна получила от тётки хорошее внушение, и инцидент был исчерпан.

Но как только Анна Леопольдовна стала правительницей Российской империи и смогла свободно распоряжаться своей властью, ею вновь овладели прежние чувства к Линару, и саксонский дипломат, вновь появившийся в Петербурге, стал фаворитом-любовником у российского трона Эта ситуация, когда иностранный посланник-фаворит при живом муже его покровительницы получил возможность влиять на внешнюю и внутреннюю политику чужой ему страны, России, оказалась совершенно уникальной, ни в одной стране не возможной. Да, в конце XVIII века во Франции у королевы Марии Антуанетты был любовник, некий Ферзен, шведский посланник, но он не имел такого политического и экономического влияния на королеву, как Линар. Ферзен любил не королеву, а женщину и служил своей возлюбленной, пытаясь спасти её от гильотины. Это был тайный её любовник, которого она тщательно скрывала настолько, что впоследствии даже не все историки обнаружили эту любовную связь королевы французской с Ферзеном Через несколько лет после казни Марии Антуанетты французская толпа буквально растерзала Ферзена, не сумевшего простить французскому народу смерть его возлюбленной. Когда же Анна Леопольдовна была арестована и сослана, Линар скрылся в своей Саксонии и даже не пытался помочь своей возлюбленной, что говорит о его подлинном отношении к правительнице России. Когда в первое своё пребывание в Петербурге граф Линар завёл интрижку с принцессой Анной Брауншвейгской, он был женат на некой девице Флеминг, умной и образованной женщине, благодаря которой ему удалось сделать хорошую дипломатическую карьеру и получить назначение посланником в Россию. Но теперь, в 1740 году, он был вдовцом: графиня Линар скончалась незадолго до его приезда в Петербург. Как была предопределена судьба Марии Антуанетты, не желавшей считаться ни с кем в силу её положения королевы, так же была предопределена и судьба Анны

Леопольдовны, желавшей поступать так, как ей захочется, не думая о последствиях, не скрывая ничего и смело предъявляя свой фавор по отношению к графу Линару.

Немецкий посланник Мардефельд в апреле 1741 года писал: «Граф Линар намедни изобразил искусственный обморок, играя с великой княгиней; он идет вперед, так что об нем уже поговаривают в народе. Собственно, ничего между ними не было, они никогда не оставались одни. Как кажется, и фаворитка, и фельдмаршал покровительствуют этой интриге». Видимо, граф Линар шёл очень быстро, потому что через несколько недель Мардефельд уже писал: «Граф Линар не пропускает случая доказать великой княгине, как он безумно влюблен в нее. Она выносит это без признаков неудовольствия… Он нанял дом близ царского сада, и с тех пор великая княгиня регентша, против своего обыкновения, стала очень часто прогуливаться».

Однако видя неудовольствие со стороны придворных и обнаружив, что её связь с Линаром известна всем настолько (даже спустя почти столетие Герцен в своём «Колоколе» писал: «Регентша Анна Брауншвейгская летом спала со своим любовником на освещённом балконе дома»), Анна Леопольдовна со своей фавориткой-наперсницей Юлией Менгден решили завуалировать эти любовные отношения, в связи с чем Линар посватался к Юлии Менгден, и Анна Леопольдовна благословила их брак. Но Юлия служила лишь ширмой, на самом деле Анна продолжала встречаться с Линаром. Для письменного общения они придумали зашифрованные цифры, которые Анна Леопольдовна подставляла в тексты любовных писем Юлии к её жениху (К. Валишевский). Регентша определённым образом готовила своего фаворита к государственной деятельности в России: для него предполагалась придворная служба в звании обер-камергера (в те времена высший, II класс придворной службы), он был награждён высшим орденом Российской империи — орденом Св. Андрея Первозванного, вместе с которым Линар становился также и кавалером ордена Александра Невского. В Линаре многие видели нового Бирона, и по этому поводу в высших кругах стали довольно громко высказываться неудовольствия.

В августе 1741 года граф Линар был официально объявлен женихом фрейлины Юлианы Менгден. Он отправился в Дрезден, чтобы подготовить все дела для женитьбы и вступления в русскую службу, а также выполнить поручение невесты — положить в дрезденский банк переданные якобы ею 35 тысяч рублей. (Вряд ли у Юлианы были такие большие деньги.)

Ещё не вступив на русскую службу, но чувствуя себя

фаворитом правительницы, Линар, находясь в Европе, стал вести внутреннюю политику России. В середине ноября он послал Анне Леопольдовне из Дрездена (по другим сведениям, из Бреславля) письмо, в котором предостерегал её от заговора в пользу Елизаветы Петровны и советовал срочно арестовать Лестока как главного заговорщика, а гвардию, которая находится под большим обаянием дочери Петра I, срочно отправить в Финляндию, чтобы принять участие в войне со Швецией. 24 ноября 1741 года послушная Анна Леопольдовна издала манифест о выступлении гвардии в Финляндию. И в тот же день позвала к себе Елизавету Петровну и укорила её в заговоре против неё. Этот разговор, неприятный для Елизаветы Петровны, ускорил события: ночью 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна при участии своих единомышленников и около 300 гвардейцев Преображенского полка совершила бескровный дворцовый переворот. В тот же день был издан указ о восшествии на престол императрицы Елизаветы Петровны.

Об этих событиях Линар узнал, в Кёнигсберге.

Правительница Анна Леопольдовна с младенцем-императором Иоанном VI Антоновичем были низложены, и всё их семейство вместе с генералиссимусом русской службы Антоном-Ульрихом и дочерью Екатериной было отправлено в Ригу, где, в связи с покушением на Елизавету Петровну с целью посадить на русский трон герцога Антона-Ульриха, их взяли под арест.

В Риге, в замке, куда прежде наезжал Бирон, Брауншвейгская семья прожила под стражей более года 13 декабря 1742 года она была отправлена в крепость Дюнамюнде, где у Анны Леопольдовны родилась вторая дочь — Елизавета. Но оставлять семейство Брауншвейгское в Дюнамюнде было опасно, потому что стало известно, что в Европе отлично осведомлены о местонахождении бывшего императора Поэтому в январе 1744 года Анну Леопольдовну с семейством отправили в Раненбург Рязанской губернии (с 1948 г. Чаплыгин Липецкой области), бывшее имение фаворита Александра Меншикова, куда ссылали Меншиковых по дороге в Берёзов, а затем семейство фаворита Ивана Долгорукого по дороге в тот же Берёзов. В 1744 году Иван Антонович был увезён отдельно от родителей в Холмогоры, а остальные арестанты были направлены в Соловецкий монастырь. Однако по дороге на Соловки, в связи с распутицей, они были поселены в Холмогорах, в архиерейском доме. Там, в Холмогорах, фаворитке Менгден было предложено уехать, и это расставание принесло Анне Леопольдовне неподдельное страдание. Она снова была беременна и лишалась поддержки близкого человека.

В Холмогорах у Анны Леопольдовны родились ещё два сына

— Пётр (19 марта 1745) и Алексей (1746). Последние роды оказались тяжёлыми: началась родильная горячка, и вскоре после родов, 7 марта, Анна Леопольдовна скончалась.

Елизавета Петровна сама распоряжалась похоронами своей двоюродной сестры: прощание с Анной Леопольдовной осуществлялось публично, допускались все желающие проститься. Погребли бывшую правительницу Российской империи на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с могилой её матери, Екатерины Ивановны.

Антон-Ульрих остался один с тремя детьми. Ему было предложено полное освобождение, но дети Анны Леопольдовны как потенциальные наследники престола освобождению не подлежали. Антон-Ульрих отказался от свободы и остался с детьми. Он умер в Холмогорах 4 мая 1774 года, пережив своего венценосного сына Иоанна Антоновича на 10 лет.

Летом 1780 года дети Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха: Екатерина, Елизавета, Пётр и Алексей — по договорённости между Екатериной II и датской королевой-матерью Юлианой-Марией, сестрой Антона-Ульриха, были отправлены на корабле «Полярная звезда» на проживание в Данию, в Горсенс, городок, расположенный в центре страны. На их содержание и содержание православного священника при них была назначена пожизненная пенсия. Никто из детей Анны Леопольдовны в брак не вступил и детей не имел.

Когда бывший император Иоанн VI Антонович рке содержался в Шлиссельбургской крепости, Карл Мориц Линар вернулся в Петербург и продолжал оставаться саксонским посланником при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Так что прибывшая в Россию в феврале 1744 года в качестве невесты великого князя Петра Феодоровича (Петра III) принцесса София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская (после крещения великая княжна Екатерина Алексеевна, ставшая затем Екатериной II) часто встречала его при дворе Елизаветы Петровны даже спустя девять лет и оставила о нём свои впечатления: «Это был человек, соединивший в себе, как говорят, большие знания с такими же способностями. По внешности это был в полном смысле фат. Он был большого роста, хорошо сложен, рыжеватобелокурый, с цветом лица нежным, как у женщины. Говорят, что он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске. Он хвастался, что имел восемнадцать детей и что все их кормилицы могли заниматься этим делом по его милости. Этот, такой белый, граф Линар имел белый дамский орден и носил платья самых светлых цветов, как, например, небесно-голубого, абрикосового, лилового,

телесного».

Есть мнение, что это не тот Линар, а его двоюродный брат. Но Екатерина II не стала бы в своих «Записках» обращать внимание на графа Линара, не вошедшего в русскую историю.

О дальнейшей судьбе графа Карла Морица Линара сведений нет.

Любовники и фавориты Елизаветы Петровны, цесаревны и императрицы

Елизавета Петровна, дочь царя и императора Петра I и Марты Скавронской, царицы и императрицы Екатерины I Алексеевны, унаследовала от отца и матери пылкий темперамент и свободу любовных отношений. Она родилась 18 декабря 1709 года, через несколько месяцев после Полтавской битвы, когда её мать была просто фавориткой-любовницей или даже наложницей царя Петра. Только через три года после рождения Елизаветы, 19 февраля 1712 года, царь женился на Марте Скавронской, принявшей после крещения имя Екатерины Алексеевны, и Елизавета Петровна обрела титул царевны. Этот факт незаконного её рождения послужил причиной того, что после кончины императрицы Екатерины I на российский престол был избран 10-летний отрок Пётр Алексеевич, внук императора, а не его дочь, 16-летняя цесаревна Елизавета Петровна, а после смерти Петра II призвана на царствование опять-таки не дочь Петра Великого, а герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, считавшаяся дочерью слабоумного, но старшего царя Иоанна V.

Елизавета Петровна сама взяла власть. 25 октября 1741 года, окружённая своими сподвижниками в лице Петра Ивановича Шувалова, Михаила Илларионовича Воронцова, Александра Ивановича Шувалова и французского врача, впоследствии графа Жана-Армана Лестока, опираясь на силы гвардейцев Преображенского полка, она совершила бескровный переворот, результатом которого явилось провозглашение её Императрицей Всероссийской.

Когда в России императрицей стала Елизавета Петровна, в Европе шла война за австрийское наследство: Франция в союзе с Пруссией пытались овладеть землями Австро-Венгро-Чешской империи, которую называли Габсбургской державою. Дело в том, что после смерти императора Карла VI в 1740 году его дочь-наследница Мария Терезия вступила на престол И хотя Карл VI, у которого не было сыновей, еще в 1724 году обнародовал акт о престолонаследии («Прагматическая санкция»), позволявший передачу власти женщине, и Марию Терезию признали законной наследницей французский, английский, прусский короли и российская императрица Анна Иоанновна, баварский курфюрст Карл не согласился признать этот факт, потому что был женат на дочери Иосифа I, старшего брата Карла VI, и считал свою жену имеющей больше прав на наследство Габсбургов. Стало ясно, что

курфюрст Баварский будет с оружием защищать права своей жены. Но первым в декабре 1740 года без объявления войны двинулся отнимать Силезию прусский король Фридрих II, который прежде признал законной наследницей Марию Терезию. В апреле 1741 года при Молвице он разбил посланную против него 30-тысячную армию. Карл Баварский тоже не дремал: он заключил союз о разделе австрийских владений с Францией, Испанией и Саксонией, которые забыли о своих обещаниях Карлу VI. Только русская императрица Анна Иоанновна не отреклась от Марии Терезии, потому что в октябре 1740 года она скончалась, а правительница Анна Леопольдовна не вникала в западноевропейские дела, а потому и не торопилась с отправкой вспомогательной армии. Английский король объявил о своём нейтралитете.

Можно себе представить, в каком ужасном положении оказалась вступившая на престолы Австрии, Венгрии и Чехии двадцатитрёхлетняя Мария Терезия: она осталась одна, без помощников, без войска, без денег. Однако Мария Терезия не растерялась. Она была умна, образованна, имела способность к неутомимой деятельности и обладала непоколебимой твёрдостью духа. Дважды потерпев поражение от Фридриха II, она отдала ему Силезию, и он подписал с нею мирный трактат.

Война за австрийское наследство продолжалась до октября 1748 года, когда был подписан Ахенский мирный договор, по которому Австрия потеряла Парму, Пьяченцу и Гуасталлу, но зато сохранила основные наследственные владения Габсбургов.

В августе 1756 года началась Семилетняя война, в которой пришлось участвовать России, в декабре 1756 года Россия присоединилась к австро-французскому союзу против Пруссии. Этот союз возглавляли три женщины: российская императрица Елизавета Петровна, австрийская императрица Мария Терезия и фаворитка Людовика XV — маркиза де Помпадур.

Но вернёмся к фаворитизму у престола России — к фаворитам императрицы Елизаветы Петровны.

Когда говорят о фаворитах у российского престола, обычно прежде всего поминают Екатерину II и её многочисленных фаворитов-любовников. На её фоне Елизавета Петровна выглядит весьма добропорядочно: о её любовниках и фаворитах не принято говорить. А между тем в количестве фаворитов и любовников Елизавета Петровна, унаследовавшая темперамент от своих отца и матери, ненамного уступила Екатерине II Алексеевне.

В мае 1724 года Пётр I, получивший титул императора Всероссийского, короновал в московском Успенском соборе свою супругу Екатерину I Алексеевну с титулом императрицы.

Одновременно Елизавета Петровна и её сестра Анна Петровна получили тогда титулы принцесс, цесаревен.

25 января 1725 года скончался их отец, император Пётр I, и их мать Екатерина I заняла (в основном благодаря А. Д. Меншикову) Всероссийский трон. Надо было пристраивать дочерей-невест. Анна Петровна была выдана замуж за герцога Карла Фридриха Голштейн-Готторп. Пётр I подготавливал этот брак, но присутствовать на свадьбе любимой дочери ему уже не было суждено. После смерти Петра I Екатерина стала осуществлять проект покойного императора выдать Елизавету замуж за французского короля Людовика XV. В переговорах с французским посланником Кампредоном императрица весьма недвусмысленно заявила, что «предпочла бы дружбу с Францией дружбе всех прочих европейских государств». А затем Меншиков отправился к Кампредону и открыто заговорил о браке Елизаветы с Людовиком XV, притом проявил большую уступчивость в брачных условиях, вплоть до того, что российская принцесса может принять католичество. Кампредон ответил, что он должен сообщить об этом в Версаль, чтобы получить соответствующие распоряжения. Но ещё до получения ответа из Версаля стало известно, что Людовик XV ищет союза с английской принцессой. Тогда герцог Голштинский обратился к Кампредону с предложением брака Елизаветы с герцогом Орлеанским. Ответ пришёл 21 мая 1725 года. В нём говорилось, что герцог Орлеанский уже просватан. Так Елизавета Петровна осталась незамужней, а идея укрепления связей России с Францией оказалась неосуществлённой. (К. Валишевский).

Екатерина I царствовала недолго: она умерла 6 мая 1727 года, а в следующем, 1728 году скончалась цесаревна Анна Петровна Оставшись без близких родных, 18-летняя цесаревна Елизавета Петровна вынуждена была самостоятельно решать свою судьбу. Она проживала со своим немногочисленным двором в Александровской слободе, только изредка посещая Петербург и являясь при дворе Петра II, влюблённого в неё племянника Она часто встречалась с юным императором, проводила с ним время в прогулках верхом на лошадях, на охоте, в разного рода развлечениях, но она не разделяла с ним его чувств. Он был всего лишь родственник, племянник, в ту пору 13-летний отрок, сын царевича Алексея Петровича, её брата по отцу. Один из известнейших государственных деятелей — Андрей Иванович Остерман — предложил женить Петра II на Елизавете Петровне, соединив потомков от первой и второй жён царя Петра. Но церковь не могла разрешить этот брак между племянником и его тёткой, да и сама Елизавета Петровна не горела желанием стать

женой отрока Постепенно она стала отдаляться от императора, особенно тогда, когда к ней пришла первая любовь.

Будучи в полном расцвете своей красоты и желания любви, увлекающаяся театральными постановками, пением, танцами, любящая веселье, беззаботная цесаревна Елизавета Петровна в 1727 году влюбилась в Александра Бутурлина, да и он тоже потерял голову: стал почти ежедневно посещать Александровскую слободу. Бутурлин в то время был уже зрелым мужчиной: ему шёл 31-й год. В «Записках графа МД. Бутурлина», одного из его потомков, ему дана такая характеристика «Он был прямодушный, хороший во всех отношениях человек и усердный христианин, но не особенно даровитый в военном искусстве…»

Александр Борисович Бутурлин (1694–1767) принадлежал к известному старинному роду, родоначальником которого был Ратча, или Ратша, выходец из Трансильвании, приехавший на Русь в XIII столетии. К XVII веку род Бутурлиных стали представлять три отдельные ветви. Александр Бутурлин принадлежал к третьей, не старшей ветви, которая пошла от Никиты Ивановича Бутурлина, жившего в XV веке. Представители этой ветви Бутурлиных служили при Государевом дворе боярами, окольничими, постельничими, наместниками, были походными и городскими воеводами. Один из Бутурлиных — Фома Афанасьевич — был известен в XVI веке, в царствование Иоанна Грозного, о чём свидетельствуют документы как того времени, так и последующих времён. Например, в XVIII веке были опубликованы Н. И. Новиковым в VI части «Древней Российской Вивлиофики» разрядные записи и документы Фомы Афанасьевича Бутурлина, в которых он упоминается как один из близких к царю лиц, воевода, а возможно, и боярин, потому что писали его с отчеством.

Его потомки: боярин Иван Андреевич Бутурлин с сыном в 1575 году были казнены по приказу царя Иоанна Грозного; боярин и дворецкий Василий Васильевич Бутурлин (ум 1656) служил тиуном (судьёй) Разбойного приказа и приказа Большого дворца. В 1653–1654 годах, по поручению царя Алексия Михаиловича, Василий Бутурлин возглавлял посольство на Украину и представительствовал на Переяславской Раде, где гетман Богдан Хмельницкий провозгласил воссоединение части Украины с Россией и присягнул вместе со своими соратниками российскому престолу. Верой и правдой служил русскому царю и его сын, боярин Иван Васильевич Бутурлин, получивший в царствование Феодора Алексиевича (1682) звание ближнего боярина и суздальского наместника.

При Петре I был известен боярин Пётр Иванович Бутурлин,

товарищ весёлых юношеских лет царя, получивший наименование «князь-папа Всешутейшего и Всепьянейшего Собора». Александр Борисович Бутурлин, фаворит цесаревны Елизаветы Петровны, приходился ему племянником.

Сначала Александр Бутурлин служил в гвардии, приглянулся Петру I, и тот сделал его своим денщиком В 1727 году, когда у Бутурлина начался роман с Елизаветой Петровной, он находился на придворной службе. Заметив, что Александр Бутурлин зачастил в Александровскую слободу, Пётр II весьма разгневался и решил удалить Бутурлина от цесаревны. В 1729 году он отправил Бутурлина на Украину служить в армии.

Несмотря на расставание на долгие годы и женитьбу Александра Бутурлина на княжне Екатерине Борисовне Куракиной, Елизавета Петровна, став императрицей, не забыла своего первого фаворита-возлюбленного и осыпала его милостями и почестями. За участие в Семилетней войне (1756–1762) она пожаловала его чином генерал-фельдмаршала (хотя, по отзыву его потомка М. Д. Бутурлина, он был «не особенно даровитый в военном искусстве»), затем титулом графа Российской империи и наградила 40 тысячами десятин земли в Воронежской губернии Бобровского уезда Эти земли постепенно заселили выходцы из Малороссии числом от 10 до 12 тысяч, что Александру Борисовичу давало неплохой доход. Из этих поселений составилась слобода из сел, деревень, хуторов, которую назвали Бутурлиновкой. В начале XIX века в ней насчитывалось 15 тысяч душ крестьян.

Так что Александр Борисович Бутурлин, будучи «взыскан милостями дочери Петра как её когда-то фаворит», оставил своим потомкам неплохое наследство: титул графа и Бутурлиновку, приносившую очень хороший доход.

Из «Записок графа М. Д. Бутурлина» мы узнаём, что «фельдмаршал Бутурлин скончался в Москве в 1767 году и погребен в летней церкви упраздненного ныне Георгиевского монастыря, что на Большой Дмитровке, рядом с Благородным Собранием (ныне Колонным залом Дома союзов. — *И.В.)*. Екатерина II, получив известие о его кончине, собственноручно предписала тогдашнему Московскому главнокомандующему (графу Петру Семёновичу Салтыкову. — И.В.) похоронить моею прадеда со всеми подобающими фельдмаршалу почестями. Над его могилой существует и поныне огромный мавзолей в форме пирамиды с длиннейшей надписью из медных выпуклых букв». До наших дней этот мавзолей не сохранился.

Был ли Бутурлин подлинным фаворитом у трона императрицы Елизаветы Петровны? На этот вопрос можно

ответить только отрицательно. Он был возлюбленным, не имевшим никакого влияния на государственные дела, притом любовником не императрицы Елизаветы Петровны, а цесаревны, которая сама не имела влияния не только на государство, но и на политику двора, так как в Александровской слободе её малый двор вел жизнь, изолированную от большого света.

Но вернёмся в 1729 год, когда Елизавета Петровна по воле императора Петра II рассталась с Александром Бутурлиным Она недолго тосковала. Её новым любовником-фаворитом стал Семён Нарышкин, обер-гофмейстер Высочайшего двора. Их отношения были настолько тёплыми и нежными, что придворные стали предполагать, что скоро они будут пировать на свадьбе цесаревны. Но ревнивый Пётр II пресёк эти отношения, отослав своего обер-гофмейстера с каким-то поручением за границу на долгий срок.

Как известно, 19 января 1730 года император Пётр II скончался, и уже 25 января того же года Верховный тайный совет пригласил на российский престол герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, по воцарении ставшую Иоанновной.

Императрица Анна Иоанновна весьма настороженно и даже недоброжелательно относилась к цесаревне, видя в ней конкурентку на трон и боясь, что будет обнаружено завещание Екатерины I, в котором, по слухам, трон передавался дочери Петра. За цесаревной было установлено постоянное наблюдение.

Анна Иоанновна не давала денег на содержание двора Елизаветы Петровны, и цесаревна вынуждена была содержать свой малый двор за собственный счёт. Когда Высочайший двор переехал в Москву на коронацию Анны Иоанновны, цесаревна Елизавета поселилась в своём подмосковном селе Покровское и продолжала там жить и после отъезда двора в Петербург. Вместе со своей любимой камер-юнгферой, а затем статс-дамой Маврой Егоровной Шепелевой (в замужестве графиней Шуваловой) Елизавета Петровна летом веселилась в хороводах с сельскими девушками, слушала их песни, а зимой каталась с ними на санках с горы, устраивала колядки и машкерады. В ту пору она совершенно не интересовалась политическими делами. Но Анна Иоанновна не могла оставить свою соперницу без надзора, а потому приказала ей переселиться в Петербург. Елизавета Петровна безропотно выполнила приказание императрицы и переехала в Петербург, где ей принадлежали два дворца летний, около Смольного, и зимний — на окраине города Здесь она жила скромно, воспитывая на свои средства двух двоюродных сестёр, дочерей своего дяди Карла Скавронского. Двери её дворцов были всегда открыты для друзей, но придворные Анны Иоанновны не

решались к ней ездить, боясь навлечь на себя гнев государыни и особенно Бирона Зато к ней любили приезжать гвардейцы, в основном лейб-гвардии Семёновского полка. А среди них — Алексей Яковлевич Шубин, молодой человек незнатною происхождения, но чрезвычайно красивый, энергичный, решительный, темпераментный. Он имел невысокий чин прапорщика лейб-гвардии Семёновского полка (XII класс Табели о рангах), но умел быть лидером и среди тех, кто был выше чином Гвардейцы любили его, и он имел большое на них влияние. Он стал предметом страстной любви Елизаветы Петровны. По преданию, чувства Елизаветы настолько переполняли её, что она изливала их в своих виршах, одну строфу из которых привёл Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей»:

Я не в своей мочи огнь утушить,
Сердцем болѣю, да чѣм пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легче-б тя не знати, нежель так страдати
Всегда по тебѣ.

Когда приезжал Шубин со своими товарищами, разговор заходил, естественно, о несправедливости предоставления российского престола грубой невежественной женщине, дочери «скорбного головою» Иоанна V, а не красавице, образованной и воспитанной дочери Петра Великого, «Отца народов». Елизавета скромно поддерживала их мнение, но не проявляла особенного желания стать у власти. Она сблизилась со многими гвардейцами, бывала на их свадьбах, становилась крестной матерью их детей, милостиво, с нежным вниманием относясь к ним и их семьям. Солдаты-именинники приходили к ней по старому обычаю с именинным пирогом, она дарила им подарки, подносила чарку анисовки и сама выпивала чарку за здоровье именинника Гвардейские солдаты полюбили добрую и ласковую цесаревну и разделяли мнение Шубина, что ей нужно не одинокой сидеть, а быть на троне.

Став любовником и фаворитом цесаревны при её малом дворе, Алексей Шубин со всей широтой солдатской души хотел защитить красавицу Елизавету, восстановить справедливость по отношению к ней и поневоле стал участником и как бы главным в этом, пока еще не серьезном заговоре против Анны Иоанновны в пользу Елизаветы Петровны.

Сначала, когда Анне Иоанновне и Бирону донесли о новом увлечении цесаревны Елизаветы, они отнеслись к этому спокойно,

но когда они узнали, что её часто посещают гвардейцы-семёновцы, и о том, какие разговоры ведёт Шубин у неё в гостях, что цесаревна часто бывает в гвардейских казармах, они поняли, что здесь может зреть заговор. Тотчас было отдано распоряжение арестовать Шубина Его заключили в крепость, а потом сослали на долгий срок и как можно дальше — на Камчатку, дальше уже было некуда.

Однако на этом след Шубина не затерялся. Во-первых, начали ходить слухи, что Елизавета Петровна в период с 1728 по 1730 год родила от него двоих детей — мальчика и девочку. Проведённый в 1740 году розыск по делу князей Долгоруковых, желавших княжну Екатерину Долгорукову выдать замуж за Петра II, показал, что Долгоруковы якобы видели этих детей. Под пытками они признались, что хотели Елизавету Петровну, мешавшую им своим происхождением утвердиться рядом с троном, заточить в монастырь, предъявив её детей и обвинив её, незамужнюю, «в непотребстве». Но в январе 1730 года планы их рухнули: неожиданно от оспы умер Пётр II.

Слухи имели несколько версий. Одни говорили, что сына Елизаветы звали Богдан Умской и он в её царствование служил в армии (почему не в гвардии?), а другие утверждали, что это был Закревский, который в конце жизни стал президентом Медицинской коллегии. Почему-то ни тот ни другой из названных сыновьями императрицы никак не проявили себя ни на каком поприще. Предполагают, что дочерью Елизаветы Петровны была не княжна Тараканова, которую настолько боялась Екатерина II, что с помощью Алексея Орлова вывезла её из Европы в Россию, а Августа, впоследствии монахиня Досифея. Княжне Таракановой, которая называла себя ещё и принцессой Владимирской, в 1775 году было, по её признанию, всего 23 года, следовательно, она родилась не в 1730 году, а значительно позже — в 1753 году, когда и Шубина уже не было на свете.

Елизавета Петровна не имела обыкновения забывать своих фаворитов-любовников. Став императрицей в ноябре 1741 года, она уже в 1742 году приказала разыскать Шубина, освободить и вернуть. С трудом, но его удалось разыскать в одном камчадальском селении, и в начале следующего года Шубин вернулся в Петербург, но это был уже не прежний Алексей Шубин: ссылка крепко подорвала его здоровье, и он стал весьма набожным, вплоть до аскетизма.

Указом Елизаветы Петровны от 2 марта 1743 года Шубин был произведён «за невинное претерпение» в генерал-майоры армии (IV класс Табели о рангах) и лейб-гвардии Семёновского полка майоры (VI класс Табели о рангах), получил Александровскую

ленту и, естественно, звание дворянина. Это был очень высокий взлёт от чина прапорщика (XII класс), которым он владел перед ссылкой, до IV класса, чина генерал-майора армии. Кроме того, Шубин был пожалован богатыми вотчинами, в том числе селом Работки на Волге. В короткий срок он был повышен в чине до генерал-поручика армии, но он недолго пребывал при дворе, а предпочёл выйти в отставку и жить в пожалованной ему вотчине Работки. На прощание императрица Елизавета, уважая его набожность, подарила ему образ Спасителя в драгоценном окладе и часть ризы Господней. После 1744 года сведений о нём нет. По-видимому, после этого времени Алексей Яковлевич Шубин, бывший фаворит цесаревны Елизаветы Петровны, скончался.

Жизнелюбивая и темпераментная цесаревна Елизавета не могла жить без любви. После ссылки Алексея Шубина место в её сердце на долгие годы занял другой Алексей — Алексей Григорьевич Разумовский (1709–1771), появившийся при дворе «по случаю». История их знакомства была такова.

В 1731 году в капеллу императрицы Анны Иоанновны был принят Алексей Григорьевич Розум, впоследствии известный под фамилией Разумовский. Он был привезён с Украины, из села Чемер, одним из придворных Большого двора, выполнявшим задание императрицы пополнить императорский хор певчими.

Родился Разумовский на хуторе Лемеши в бедной семье реестрового казака Григория Розума Мальчик-пастух обладал прекрасным голосом, желанием учиться грамоте и петь. Он выучился грамоте у дьячка из села Чемер и учился пению в церковном хоре этого села Алексей был хорош собой, крупного мужского телосложения, но особенно пленял всех своим чудным голосом и проникновенным пением В 1731 году Вишневский проезжал через село Чемер, зашел в церковь, услышал там пение Алексея Розума и высоко оценил его талант. Он предложил двадцатидвухлетнему певцу поехать с ним в Петербург, и Алексей согласился. Обер-гофмаршал Императорского двора Лёвенвольде определил его в дворцовую капеллу. На одном из выступлений придворного хора цесаревна Елизавета Петровна увидела красавца-хохла, услышала его чарующее пение и пленилась его красотой и голосом Она уговорила Лёвенвольде передать Розума в хор её малого двора Сближение цесаревны с Алексеем Григорьевичем, теперь уже Розумовским (Разумовским) и его возвышение имело крепкое основание: они были одногодки, он пел в её хоре, но главное — это был очень скромный человек, никогда не претендовавший на какое-то высокое место и обожавший свою благодетельницу. Когда Разумовский потерял голос, Елизавета Петровна предоставила ему место бандуриста,

но это была не престижная должность и не его стезя, и тогда она назначила его управляющим одним из её имений. Он справился с этим делом, и Елизавета повысила его в должности, назначив его дворецким всех её имений и малого её двора Одновременно ему было присвоено звание камер-юнкера малого двора цесаревны Елизаветы Петровны и назначено жалование. Это жалование позволило ему оказывать материальную помощь его матери и выдать замуж двух его сестёр. Алексей Григорьевич Разумовский стал фаворитом цесаревны Елизаветы Петровны при её малом дворе.

Как уже говорилось выше, 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна совершила бескровный дворцовый переворот. Разумовский тоже принял самое горячее участие в возведении Елизаветы Петровны на престол, а потому в ряду других участников был пожалован генеральским чином лейб-кампании.

25 апреля 1742 года в Москве, в Успенском соборе Кремля, состоялась коронация Елизаветы Петровны. Став императрицей, Елизавета Петровна продолжала награждать Алексея Разумовского: он был возведён в звание обер-егермейстера Императорского двора и получил несколько имений в Великороссии и Малороссии. Его мать была перевезена в Петербург и поселена во дворце, но простая, да ещё и пожилая казачка не могла жить в условиях дворца и вскоре вернулась в свои родные Лемеши.

В этот год Алексей Петрович Разумовский стал официальным фаворитом императрицы Елизаветы Петровны при Высочайшем дворе.

Разумовский понимал, что, не имея достаточного образования и находясь вне политики, он не может помогать императрице в государственных делах, но должен как-то оправдать высокое звание фаворита. Он был простодушным, ко всем придворным внимательным и добрым человеком настолько, что при дворе не было у него врагов. Если Алексей Григорьевич узнавал, что кто-то из придворных испытывал большие финансовые затруднения, он приглашал того сыграть с ним в банк и умело проигрывал ему требуемую сумму. Был у Разумовского один серьёзный недостаток: любил он выпить и под хмелем бывал неспокоен, что очень не нравилось Елизавете Петровне.

Он был не только умён, но и хитроумен, а потому сумел занять в обществе место, достойное фаворита Пользуясь своим положенем близкого к императрице человека, Разумовский создал вокруг себя кружок образованных, талантливых людей, куда входили знаменитые творческие люди того времени. Среди

них были: писатель-драматург Сумароков; учёные М. В. Ломоносов и Г. В. Рихман; изобретатель и механик А. К. Нартов; основатель производства русского фарфора Д. И. Виноградов; астроном Ж.-Н. Делиль; путешественник и историк Герард Фридрих Миллер; художники Луи Каравака и Луи Жан Франсуа Лагрене; придворные знатоки искусства Елагин и Теплов; адъюнкт академии, лингвист Василий Ададуров и другие. Канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин тоже примыкал к этому кружку, прибегая к Разумовскому то за советом, то за посредничеством по какому-нибудь делу.

Благодаря Разумовскому, очень любившему Украину и своих земляков, всегда с большим воодушевлением вспоминавшему свою родину, при дворе пошла мода на всё малороссийское. Естественно, императрица первой восприняла малороссийскую моду. Она даже включила в придворный штат «малороссиянку-воспевательницу», разрешила певчим малороссам участвовать не только в церковном хоре, но и в театральном, который составляли в основном итальянцы. При дворе была заведена постоянная итальянская опера, появление которой исходило также от Разумовского, очень любившего музыку.

Придворные в своих поместьях заводили бандуристов, содержали певчих-малороссов. Их примеру следовали и другие помещики. Так что Алексей Григорьевич, как истинный фаворит, был законодателем моды. Кроме того, он всегда обращался к императрице с просьбами относительно духовенства и своей родной Малороссии. Любовь фаворита к своей родине вызвала и у Елизаветы Петровны интерес к этому краю. В 1744 году она предприняла поездку по Украине, побывала в Козельске, у родни Алексея Разумовского, посетила Киев. Малороссы встречали её настолько тепло и дружески, что она была чрезвычайно довольна и увиденным, и услышанным.

В 1744 году, благодаря стараниям Елизаветы Петровны, Алексей Разумовский получил титул графа Священной Римской империи, для чего при его представлении на титул пришлось написать, что Разумовские происходят от графа Романа Рожинского. А через несколько месяцев Алексей Разумовский вместе с его братом Кириллом были пожалованы графским достоинством Российской империи. Помимо этого, Алексей Григорьевич в 1756 году получил фельдмаршальский жезл (чин генерал-фельдмаршала, I класс Табели о рангах), хотя ни разу не командовал солдатами и даже не бывал ни в одном полку. Предполагалось, что он должен курировать казачьи полки. А в связи с тем, что в 1750 году казаки подали Елизавете Петровне прошение о восстановлении гетманства, она милостиво

удовлетворила их просьбу и назначила гетманом Украины родного брата своего фаворита — Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), который до этого, с 1746 года, по милости императрицы являлся президентом Петербургской академии наук.

Существует версия, не подтверждённая документами, что в 1744 году Елизавета Петровна обвенчалась с Алексеем Разумовским, у них родилась дочь (предположительно принцесса Августа Тараканова), которую в раннем детстве отправили за границу, а в 1785 году по приказу Екатерины II вернули в Россию и постригли в московском Ивановском монастыре под именем Досифеи. Инокиня Досифея умерла 4 февраля 1810 года в возрасте 64 лет, при её погребении ей были оказаны большие почести, подобающие августейшей особе. И похоронена она была в Новоспасском монастыре рядом с усыпальницей бояр Романовых. Её могила существует и поныне.

О тайном браке Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским имеется несколько версий. Так, А. А. Васильчиков в труде «Семейство Разумовских» приурочивает это событие к осени 1742 года, притом венчание якобы происходило в часовне подмосковного села Перово (ныне один из районов Москвы), которая существует и по сей день.

П. И. Мельников-Печерский в историческом очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», опубликованном в его полном собрании сочинений в 1911 году, пишет: «В 1744 году Разумовский викарием Римской империи, курфирстом саксонским, был возведен в графское Римской империи достоинство, а через два месяца после этого Елизавета Петровна возвела его в графы Российской илшерии. Это было 15 июня 1744 года. В этот день новопожалованный граф обвенчался с Елизаветой Петровной в Москве, в церкви Воскресения в Барашах, что на Покровской улице». В примечании Мельников-Печерский добавляет: «Одни говорят, что брак Елизаветы был совершен 15 июля 1748, а другие относят его к 1750 году. Но принцесса Августа Тараканова, рожденная от этого брака, скончалась 4 февраля 1810 года 64-х лет от роду. Следовательно, она родилась или в январе 1746, или в 1745 году. По этому расчету мы и относим брак Елизаветы к 1744 году».

При дворе Разумовский умел себя держать достойно, всячески скрывая своё супружество с императрицей и не гордясь своим положением Свою темпераментную супругу он никогда не ревновал, смиренно подчиняясь её увлечениям и даже не пытаясь стеснять её свободу. Некоторые историки считают, что при Разумовском, который до конца дней Елизаветы пользовался её

милостью, у неё были фаворитами Пётр Иванович Шувалов, Иван Иванович Шувалов, Роман и Михаил Воронцовы, Сивере, Лялин, Войчинский и Мусин-Пушкин, то есть все, кто окружал её в эти годы. Во-первых, такой сонм фаворитов при главном фаворите Разумовском не мог бы быть принят придворными: слишком большая толпа для угождения им и заискивания. Возможно, это были мимолётные увлечения, любовные связи, но не фавориты: кроме Шуваловых и Воронцовых, это были незначительные фигуры, притом Воронцовы непродолжительное время окружали Елизавету Петровну и в её царствование никак не повлияли ни на двор, ни на серьёзные государственные дела. С трудом верится, что Пётр Иванович Шувалов, который начинал свою карьеру при дворе в звании камер-юнкера, мог быть фаворитом императрицы. Елизавета приглядела его для своей камер-юнгферы Мавры Егоровны Шепелевой, самой близкой своей подруги и фаворитки, считавшейся с ней даже в каком-то дальнем родстве через пастора Глюка. Маврушка, как её нежно называла Елизавета, сопровождала Анну, родную сестру Елизаветы, в Голштинию, в замужество, и после её смерти вернулась с её телом в Россию. Всё время своего пребывания в Голштинии она вела переписку с цесаревной Елизаветой и по возвращении заняла место камер-юнгферы, придворной служительницы при малом елизаветинском дворе, осуществлявшей интимные услуги своей повелительнице. Как и Елизавета, Мавра любила театральные представления, музыку, пение, веселье. Она даже написала пьесу, в которой восхвалялись достоинства цесаревны. Когда же пьесу, в которой цесаревна представала во всём блеске своей красоты и талантов, разыграли при малом дворе, Анна Иоанновна вынесла за это порицание Елизавете Петровне. По восхождении на престол Елизавета выдала замуж свою любимую Маврушку за Петра Ивановича Шувалова, возвела Шувалова в графское достоинство, а графиню Мавру Егоровну — в статс-дамы Высочайшего двора. Эта женитьба Петра Шувалова значительно приблизила род Шуваловых к трону. Пётр Шувалов со своей неуёмной деятельностью остался в истории России как государственный человек, но не как фаворит Елизаветы Петровны.

Но вот примерно через четыре года после предполагаемого брака с Разумовским Елизавета Петровна приехала однажды в сухопутный кадетский корпус, ею основанный, где был учреждён театр, зашла в театральный зал и увидела на сцене спящего молодого человека. Это был Никита Афанасьевич Бекетов, красивый и статный молодой человек с выпускного курса, который должен был участвовать этим вечером в спектакле. Елизавета Петровна пришла в восторг от его внешности, а затем и

игры в спектакле настолько, что по окончании спектакля присвоила ему звание сержанта. Через три месяца он закончил Кадетский корпус, был выпущен сразу премьер-майором Преображенского полка и назначен генерал-адъютантом к Разумовскому. Говорили тогда, что Бекетову «счастье во сне пришло». Елизавета Петровна, которой в ту пору было уже 38 лет, любовалась его юной красотой и любила наряжать его в девичьи наряды. Но Шуваловы заволновались, опасаясь его возрастающего влияния на императрицу. Нужно было что-то предпринять, и граф Пётр Иванович Шувалов подружился с неопытным юношей, вкрался в его доверие, стал хвалить его красоту и предложил ему, чтобы не исчезла столь любезная императрице белизна его лица, особое притирание (крем). Никита Бекетов намазался этим притиранием, и на его лице высыпала красная сыпь. А графиня Мавра Егоровна Шувалова, жена Петра Ивановича, знавшая все тайны Елизаветы Петровны, шепнула императрице, что Бекетов ведёт распутную жизнь и, наверно, где-то заразился. Елизавета Петровна тотчас же отправила его в армию, подальше от двора. А для его замены Елизавете Петровне был представлен молодой, красивый и образованный Иван Иванович Шувалов, родной брат Петра Ивановича и деверь Мавры Егоровны.

Разумовский и с Бекетовым, и с Шуваловыми был в прекрасных отношениях.

Двадцатидвухлетний фаворит императрицы **Иван Иванович Шувалов** (1727–1797) с 1749 года стал играть значительную роль при дворе Елизаветы Петровны. От своей покровительницы он получил многие преимущества, привилегии и поручения: он объявлял Сенату и высшим чиновникам именные повеления императрицы, через него подавались доклады и просьбы на Высочайшее имя, к нему обращались в таких случаях, когда возможно было решить дело только путём особого указа императрицы.

Иван Иванович Шувалов был образованным человеком. Он знал несколько европейских языков, хорошо разбирался в искусстве, был весьма начитан, обладал хорошим эстетическим вкусом. Он и внешне отличался утончённой красотой лица и изяществом фигуры.

Молодой фаворит Елизаветы Петровны проявил себя прежде всего как значительный государственный деятель в области искусства, науки и культуры. Он стал куратором Академии наук и покровителем видных художников и учёных, особенно Михаила Васильевича Ломоносова. В годы его кураторства развернулась деятельность Г.-В. Рихмана, астронома Ж.-Н. Делиля, путешественника и историка Герарда Фридриха Миллера,

художников Луи Каравака и Луи Жана Франсуа Лагрене, врача П. З. Кондоиди, изобретателя и механика А. К. Нартова, основателя производства русского фарфора ДИ. Виноградова. Все они, опекаемые Иваном Ивановичем Шуваловым, входили и в кружок главного фаворита императрицы — Алексея Разумовского, который также поддерживал их таланты и творчество.

Особой заслугой Ивана Ивановича Шувалова можно считать его покровительство просвещения и образования.

В 1750 году Шувалов способствовал открытию в Ярославле Фёдором Григорьевичем Волковым первого русского национального театра.

По его совету и ходатайству Елизавета Петровна 12 января 1755 года издала указ об основании Московского университета, первого русского университета для всех сословий (!) с двумя гимназиями при нём. Учреждение Московского университета было проведено по плану, разработанному Шуваловым совместно с Ломоносовым, для чего Шувалову пришлось войти во все подробности структуры университета, его устава, его кафедр и подразделений, профессорско-преподавательского состава, оплаты труда.

Торжественное открытие первого университета в России, благодаря стараниям Ивана Ивановича и помощи ему МВ. Ломоносова, состоялось 26 апреля 1755 года Первым куратором Московского университета был назначен фактический его основатель Иван Иванович Шувалов. (А спустя годы, в советское время, Московскому университету было присвоено имя М. В. Ломоносова) Забота Шувалова как куратора прежде всего касалась повышения уровня преподавания и в университете, и в гимназиях. Для этого приглашались иностранные специалисты и преподаватели, направлялись русские молодые люди на обучение и стажировку за границу. По возвращении из-за границы молодые преподаватели получали на кафедрах университета профессорские должности. Получив знания в иностранных университетах, вернулись в Московский университет такие известные личности, как Забелин, Третьяков, Вениаминов, Десницкий и другие. Для обеспечения студентов учебными пособиями и «ради успешного распространения знаний» Шувалов основал университетскую типографию, в которой печаталась также учреждённая им для москвичей газета «Московские новости».

6 ноября 1757 года по инициативе фаворита Шувалова императрица Елизавета Петровна учредила Академию художеств, а в 1758 году была открыта гимназия в Казани, на базе которой

впоследствии был основан Казанский университет.

Вторым куратором университета был учёный-лингвист Василий Ададуров, который прежде обучал великую княгиню Екатерину Алексеевну русскому языку.

Сам Иван Шувалов следил за всеми новостями культурной жизни европейских стран, особенно в области искусства, литературы и науки, выписывал из Франции и других европейских стран книги и газеты. Ему не могли быть неизвестны французские архитекторы, художники, создатели живописных полотен в новом художественном стиле и прекрасных фарфоровых изделий с их потрясающей росписью, те деятели искусств, которых поддерживала, а их произведения использовала в строительстве и украшении своих дворцов маркиза де Помпадур.

Шувалов вёл обширную переписку с известными европейскими деятелями науки и искусства и приглашал в Россию художников и скульпторов из Франции. Польский князь Адам Чарторыйский в своих записках, рассказывая о приёме его и его брата при Всероссийском Высочайшем дворе, дал Шувалову такую характеристику: «Сначала нас представили графу Шувалову, обер-камергеру, бывшему любимцем Елизаветы, человеку всесильному, известному своей перепиской с учёными, добивавшимися его покровительства: д'Аламбером, Дидро и Вольтером Говорят, что, по желанию императрицы Елизаветы, он побудил Вольтера написать его знаменитую „Историю Петра Великого". Он выстроил нас в одну шеренгу в ожидании выхода императрицы».

Если это касалось литературы, Шувалов всегда готов был оказывать своим знакомым личные услуги. Екатерина Романовна Дашкова в своих мемуарах со свойственной ей некоторой недоброжелательностью (если не сказать — ядовитостью) вспоминает: «Шувалов, любовник Елизаветы, желавший прослыть меценатом своего времени, узнав, что я страстно люблю читать книги, предложил мне пользоваться всеми литературными новинками, которые постоянно высылались ему из Франции. Это одолжение было источником бесконечной радости для меня, особенно когда я на следующий год после моего замужества поселилась в Москве…»

Иван Иванович Шувалов, от всей души служивший развитию в России искусства, образования и просвещения, был неординарным фаворитом: он трудился «бескорыстно, мягко и со всеми ровно и добродушно», поэтому у него почти не было врагов. Даже МВ. Ломоносов, обычно воевавший, «невзирая на лица», со своими коллегами, к Шувалову относился с большим

почтением и не раз искал у него защиты.

Фаворит Шувалов служил не столько императрице, сколько Отечеству, и служил настолько бескорыстно, что отказался от предложенных ему императрицей графского титула, поместий и даже от памятной медали в честь первого университетского выпуска. Это был воистину необыкновенный фаворит, пожалуй, единственный в мире фаворит, не стремившийся к личному обогащению, а, напротив, тративший свои личные средства на пользу делу.

После тяжёлой и продолжительной болезни императрица Елизавета Петровна скончалась в С.-Петербурге 25 декабря 1761 года. На престол вступил её племянник, сын её родной сестры Анны — Пётр III Феодорович. Но ему пришлось стоять у власти всего лишь неполных семь месяцев — с декабря 1761 по июнь 1762 года.

Когда на престол вступила Екатерина II, фаворит (или супруг?) Елизаветы Петровны — Алексей Григорьевич Разумовский, — к этому времени богатейший человек, владелец многих поместий и Аничкова дворца в С.-Петербурге, — совершенно отказался от двора и стал вести жизнь уединённую.

Второй фаворит — Иван Иванович Шувалов — по вступлении Екатерины II на престол оказался в неприятном положении. Он не совершил никаких неприглядных поступков: сопровождение им Петра III в заграничную армию было вынужденным, это знали все, восхождение Екатерины на трон он принял без какого-либо сопротивления или явного неудовольствия, он признал новое правительство, но… «его не любила Екатерина, не любили его люди, к ней близкие: он имел слишком большое значение при Елизавете, большое влияние на судьбу всех, начиная с Екатерины, был слишком крупен, нравственно силен, беспрестанно попадался на глаза и потому сильно мешал. Он имел известность за границею, переписывался с людьми, мнением которых очень дорожили тогда в Европе»… «Ив. Ив. Шувалов должен был испытать следствия падшего величия» (С. М. Соловьев).

Начались нападки на Шувалова Так, уже 17 декабря 1762 года, всего через 6 месяцев после вступления Екатерины II на престол и 3 месяца после её коронования, было назначено в Сенате слушание о финансовых затратах в Московском университете, произведённых И. И. Шуваловым. По итогам расследования выступал второй куратор университета Ададуров. Он оповестил Сенат и присутствующую на заседании императрицу Екатерину II, что Шувалов совершал такие выплаты и выдачи из университетских сумм, которые не были предусмотрены императорскими указами; кроме того, отданные

взаймы деньги до сих пор не возвращены, хотя сроки уже прошли.

Выслушав донесение Ададурова, императрица строго приказала взять письменный ответ от Шувалова.

Шувалов такой отчёт представил. Содержание этого отчёта-ответа на обвинение Ададурова мы найдём у CJVL Соловьёва:

«Через месяц читали этот ответ: в нем все затраты были перечислены и оказались необходимыми. Шувалов представлял, до какого совершенства приведен им университет, как достаточно снабжен всем нужным; имеет библиотеку, состоящую почти из 5000 томов, не считая те книги, которые употребляются ежегодно для раздачи в классы ученикам, и кроме тех, которые ежегодно раздаются прилежным ученикам в награждение: таких книг считается почти на 12 000 рублей; университет имеет богатый минеральный кабинет, доставленный им, Шуваловым, и стоящий не менее 20 000 рублей, лабораторию, довольное число нужных и лучших математических инструментов; типография, стоящая не меньше 25 000 рублей, находится в изрядном состоянии.

Но наибольшая польза та, что с основания университета вышло из него 1800 учеников, из которых только 300 разночинцев, остальные все дворяне, и большая часть выпущена с хорошими аттестатами, из них девять человек служат в Кадетском корпусе достойными учителями, преподают математику, латинский, французский и немецкий языки; также находящиеся в чужих краях студенты своими знаниями и прилежанием обещают быть полезными своему отечеству; притом еще и недавно заведенная гимназия в Казани начинает приносить довольные плоды. Наконец, относительно состоятельности университета Шувалов указывал, что университет получает дохода 35 000 рублей, а расход в 1761 году простирался до 31 675 рублей. В заключение Шувалов жаловался, что Ададуров представлением своим нанес ему обиды и огорчения, стараясь об одном, чтобы ему повредить».

В такой обстановке жить и работать не представлялось возможным Для Шувалова был один выход: не попадаться больше на глаза императрице и удалиться за границу.

И. И. Шувалов перестал появляться при дворе и вскоре отправился за границу, где провёл около 15 лет.

Екатерина не хотела дать Шувалову полной отставки, он остался на службе, куратором университета. Ему был дан просто долговременный отпуск. Чтобы понять, что это означало в те времена, достаточно сказать, что князь Никита Юрьевич Трубецкой был уволен в полную отставку с полным жалованьем вместо пенсии и с выдачею единовременно 50 000 рублей. Шувалов, будучи в отпуске, естественно, не получил ничего.

Но и за границей Шувалов продолжал служить России: по его заказу были скопированы и отосланы в Академию художеств известнейшие античные статуи из Рима, Флоренции и Неаполя. Стараниями Шувалова российское общество познакомилось с «Историей Российской империи при Петре I», составленной Вольтером Русские художники и учёные, находившиеся за границей, получали от Шувалова помощь, в том числе и материальную. Так как Шувалов своей деятельностью в России был известен за границей, то в аристократических салонах Франции его принимали с большими почестями.

Видя, что Шувалов за границей ведёт себя как подданный Её Величества императрицы Всероссийской, и зная о больших связях Шувалова, Екатерина II обратилась к нему с просьбой ходатайствовать перед папой римским о замене в Варшаве папского нунция Дурини неким, лично известным Шувалову, папским нунцием Грампи. Шувалов весьма успешно выполнил это поручение императрицы, что вполне открыло ему дорогу к возвращению на родину в 1777 году.

В Петербурге Шувалов был встречен весьма радушно: императрица наградила его званием обер-камергера Высочайшего двора, стала приглашать его к себе для бесед; в газетах были напечатаны приветственные стихотворения в его честь, среди которых особенно достойно внимания было «послание» Державина Вокруг Шувалова образовался кружок известных в Петербурге деятелей, в который входили: княгиня Дашкова, с которой он сотрудничал по изданию «Собеседника любителей российского слова»; Державин, стихами которого он восхищался и которому помогал стать известным сначала широкому кругу читателей, а затем и почитателей его таланта; Завадовский, один из бывших фаворитов Екатерины И; Храповицкий, статс-секретарь Кабинета Её Величества; литератор Шишков, придворный вельможа Козодавлев; Оленин, Дмитриев, Янкевич и другие.

Шувалов постоянно искал таланты и, найдя, помогал им Так, на одном из актов, проводимых в университете, Иван Иванович познакомился с неким Е. И. Костровым, пригласил его к себе и поручил ему перевод «Илиады», что тот и исполнял, живя в доме Шувалова. В 1784 году Шувалов познакомился с крестьянином-самоучкой Свешниковым и всячески содействовал его известности. Помогал Шувалов многим писателям и драматургам, его покровительству и помощи обязаны Фонвизин, Богданович, Херасков. Сам Иван Иванович был писателем скромным: в основном занимался переводами, а писал мало, его перу доподлинно принадлежит лишь несколько стихотворений, да и то он под ними или не ставил подписи, или подписывал их

чужим именем.

Скончался Иван Иванович Шувалов 14 ноября 1797 года, через 5 дней после своего дня рождения, когда ему исполнилось 70 лет. Он умер ровно через год после кончины императрицы Екатерины II и был похоронен в Петербурге с большими почестями.

Но в нашем рассказе о фаворитах Елизаветы Петровны вернёмся к тем дням, когда Екатерина II, совершив переворот, воцарилась на русском престоле.

Казалось бы, в отношении трона Екатерина II должна была быть спокойна: с императором Петром III Феодоровичем было покончено. Но Григорий Орлов указал императрице ещё на одного возможного претендента на престол — Алексея Григорьевича Разумовского, заявив, что иностранцы не зря пишут, что брак Елизаветы Петровны с ним состоялся, что у Разумовского есть документы, являющиеся доказательством этого. На следующий день императрица Екатерина приказала графу Воронцову написать указ о даровании Разумовскому, как супругу покойной императрицы, титула Императорского Высочества, показать Разумовскому проект этого указа и попросить его предъявить бумаги, удостоверяющие брак. Воронцов хоть и очень удивился повелению императрицы, но поехал домой, написал проект указа и отправился к Разумовскому, которого застал сидящим в кресле у горящего камина и читающим Священное Писание. Далее приведём выдержку из исторического очерка П. И. Мельникова-Печерского, передающую рассказ графа Уварова на обеде в Варшаве у наместника князя Паскевича:

«После взаимных приветствий, между разговором, Воронцов объявил Разумовскому истинную причину своего приезда; последний потребовал проект указа, пробежал его глазами, встал тихо с своих кресел, медленно подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром и выложенный перламутром, отыскал в комоде ключ, отпер им ларец и из потаенного ящика вынул бумаги, обвитые в розовый атлас, развернул их, атлас спрятал обратно в ящик, а бумаги начал читать с благоговейным вниманием.

Все это он делал, не прерывая молчания. Наконец, прочитав бумаги, поцеловал их, возвел глаза, орошенные слезами, к образам, перекрестился и, возвратясь с приметным волнением к камину, бросил сверток в огонь, опустился в кресла и, помолчав еще несколько, сказал:

„Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня

благодеяниями выше заслуг моих. Никогда не забывал я, из какой доли и на какую степень возведен был десницею ея. Обожал ее, как сердолюбивую мать миллионов народа и примерную христианку, и никогда не дерзнул самою мыслью сближаться с ее царственным величием Стократ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу в будущем, его же не прейдем, в молитвах к Вседержителю. Мысленно лобызаю державные руки ныне царствующей монархини, со скипетром коей безмятежно в остальных днях жизни вкушаю дары благодеяний, излиянных на меня от престола. Если бы было некогда то, о чем вы говорите со мною, поверьте, граф, что я не имел бы суетности признать случай, помрачающий незабвенную память монархини, моей благодетельницы. Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов, доложите обо всем этом всемилостивейшей государыне, да продлит милости свои на меня, старца, не желающего никаких земных почестей. Прощайте, ваше сиятельство! Да останется все прошедшее между нами в тайне! Пусть люди говорят, что им угодно; пусть дерзновенные простирают надежды к мнимым величиям, но мы не должны быть причиной их толков“… От Разумовского Воронцов поехал прямо к государыне и донес ей с подробностью об исполнении порученного ему. Императрица, выслушав, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую он поцеловал с чувством преданности, и вымолвила с важностью: „Мы друг друга понимаем: тайного брака не существовало, хотя бы то для усыпления боязливой совести. Шопот о сем всегда был для меня противен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссам самоотвержения“».

Имеется огромное количество публикаций, как отечественных, так и зарубежных, в которых утверждается, что у Елизаветы Петровны от Разумовского были дети и что в Перове происходило не бракосочетание императрицы, а крещение её детей. Называли троих детей, но большей частью склонялись к тому, что их было двое: мальчик и девочка. Якобы сын жил под фамилией Закревский, впоследствии был тайным советником и президентом медицинской коллегии. Дочь, Августа Тараканова, содержалась в Ивановском монастыре как монахиня Досифея. Никакого отношения к княжне Таракановой, принцессе Владимирской, которую обманом вывез из Италии Алексей Орлов, она не имела. Удивляет то обстоятельство, что Екатерина II, сильно озабоченная существованием дочери Елизаветы Петровны, не интересовалась сыном её, по фамилии Закревский (странно, но имени его так никто и не назвал), будто бы находившимся на гражданской службе. Письменных

свидетельств о нем не сохранилось, в архивах о нем упоминаний нет, остались только какие-то предания — малое основание, чтобы говорить о нём определённо. По преданиям, он был тайный советник и президент медицинской коллегии, но в то же время почему-то жил в одном из монастырей (неизвестно, в каком) Переславля-Залесского, где, по свидетельству министра культуры ДН. Блудова, якобы встречавшегося с ним, горько жаловался на свою судьбу. Непонятно также, почему Алексей Григорьевич Разумовский, после смерти Елизаветы Петровны проживший ещё десять лет, за эти годы не нашёл своего сына, чтобы помочь ему.

О дочери Елизаветы Петровны публикаций и народных преданий значительно больше, но сведения эти неоднозначны и весьма противоречивы. Подлинная княжна Августа Тараканова (монахиня Досифея), содержавшаяся в Ивановском монастыре, который по указу Елизаветы Петровны от 20 июня 1761 года был предназначен для призрения «вдов и сирот знатных и заслуженных людей», умершая в Новоспасском монастыре и погребенная рядом с усыпальницей бояр Романовых, постоянно смешивается с женщиной, называвшей себя принцессой Владимирской Елизаветой Алексеевной, привезённой графом Алексеем Орловым-Чесменским из Ливорно (Италия) и умершей от чахотки в тюрьме Петропавловской крепости. Были также предположения, что Елизавета Тараканова — это дочь не Разумовского, а Ивана Ивановича Шувалова, однако это мнение не подтверждается датой её рождения.

Но речь в этой книге идёт не о детях императрицы Елизаветы, а о её фаворитах, которыми, при изобилии любовников, фактически были только двое: Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов.

Любовники и фавориты великой княгини Екатерины Алексеевны и императрицы Екатерины II

Фаворитизм при российском престоле в правление Елены Глинской, царевны Софьи, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны и Елизаветы Петровны открыл дорогу для появления любовников у великой княгини Екатерины Алексеевны и фаворитов у престола при императрице Екатерине II.

Елизавета Петровна сама выбрала невесту для своего племянника — наследника российского трона великого князя Петра Феодоровича, — и этой невестой была принцесса София-Фредерика-Августа Ангальт-Цербст, после крещения в православную веру и вступления в брак получившая православное имя Екатерина Алексеевна и титул «великая княжна», а после фактически незаконного вступления её на престол путём дворцового переворота — титул императрицы Всероссийской Екатерины II.

Принцесса (княжна) Ангальт-Цербстская София-Фредерика-Августа родилась 21 апреля (ст. ст.) — 1 мая (нов. ст.) 1729 года в городе Штеттине, губернатором которого был её отец — принц (князь) Христиан-Август Ангальт-Цербст. Её мать, принцесса (княгиня) Иоганна-Елизавета, происходила из Голштейн-Готторпского рода и была двоюродной сестрой Карла-Фридриха, герцога Голштейн-Готторп, отца великого князя Петра Феодоровича.

Фисхен (Fischen), как называли будущую Екатерину в детстве, росла любознательным ребёнком, способным к учению, не по-детски рассудительным и расчётливым Впоследствии в своих «Записках» Екатерина почти ничего не напишет о своей жизни в Германии, но в письмах к барону Гримму и другим своим респондентам она вспоминает свою воспитательницу, госпожу Кард ель, которая учила её тому, что знала сама, а знала она многое. «Кардель была умная женщина», — заключает Екатерина и рассказывает, что Кардель заставила её читать пьесы Мольера и задумываться о серьёзных вещах. Почти во всех письмах к барону Гримму Екатерина II называет себя «воспитанницей госпожи Кардель». В 1775 году в письмах к Гримму Екатерина рассказала о своих учителях: наставнике Вагнере, которого она считала «дураком и скучным педантом», учителе чистописания Лоране («хотя он был и дурак, но недаром брал деньги за уроки каллиграфии»); учителе музыки Рёллиге, о котором она тоже

отозвалась иронически и недостаточно почтительно.

Матушка — Иоганна-Елизавета — мало заботилась о воспитании своей Фисхен. Екатерина вспоминала впоследствии о графе Гилленборге, о запомнившихся ей его словах: «Это был человек очень умный, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мне он оставил признательное воспоминание, потому что в Гамбурге, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, он говорил ей, что она напрасно не обращает на меня внимание, что я дитя выше лет моих и что у меня философское расположение ума». Запомнила она и слова одного каноника из Брауншвейга: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». (Вот уж воистину увидел короны «Великия и Малыя и Белыя России», а может быть, короны России, Польши и Крыма?) Мечты Фисхен о русской короне были не случайны. Об этом говорили её близкие дома; вероятно, в большей степени мать, потому что связи Голштинского дома с Россией были достаточно крепкими. В 1739 году в Эйтине состоялась встреча представителей Голштинского дома, и Фисхен в первый раз увидела Карла-Петера-Ульриха (Петра Фёдоровича), своего троюродного брата, ставшего потом её женихом и мужем.

Елизавета Петровна выбрала невестой своему племяннику принцессу Софию-Фредерику-Августу, отвергнув других претенденток, не из политических соображений. Она очень любила всех своих родственников, а потому пригрела при дворе всех Скавронских, воспитывала при своем малом дворе цесаревны двух своих племянниц, даже своей самой близкой подругой избрала Мавру Шепелеву потому, что та была в родстве с пастором Глюком, приютившим её мать Марту Скавронскую, и потому, что та была камер-юнгферой её сестры Анны, с телом которой она вернулась в Россию. Анна Петровна, её любимая кровная сестра, с которой она провела детство, была замужем за герцогом Карлом-Фридрихом Голштейн-Готторпским, двоюродным братом Иоганны-Елизаветы, по мужу Ангальт-Цербстской, и Пётр Фёдорович приходился племянником и Елизавете Петровне, и Иоганне-Елизавете. Между тётками великого князя издавна велась переписка В конце 1741 года Иоганна-Елизавета поздравила Елизавету Петровну с восшествием на престол. В ответ на это поздравительное письмо Елизавета Петровна попросила прислать ей портрет Анны Петровны, и Иоганна-Елизавета прислала портрет её любимой сестры, умершей в 1728 году. Елизавета Петровна в благодарность отослала Иоганне-Елизавете свой портрет, осыпанный бриллиантами, стоимостью 18 тысяч рублей.

Елизавету Петровну не смутило даже то, что Пётр Фёдорович

и принцесса Ангальт-Цербстская троюродные брат и сестра и по православным законам не могут быть повенчаны. Но с церковью этот вопрос был, естественно, как-то улажен.

Идея этого брака была поддержана Германией. Воспитатель великого князя Петра Фёдоровича Брюммер и прусский резидент в Петербурге Мардефельд всячески содействовали реализации этой идеи. Сама же молодая принцесса-невеста в письме к Фридриху II благодарила его за подаренное ей счастье: ведь, по мнению многих, король, чтобы угодить Елизавете Петровне, имея в виду этот брак, пожаловал отцу принцессы Ангальт-Цербстской, принцу Христиану-Августу, чин фельдмаршала, чем возвысил благородство их рода.

Дело было сделано, и в середине января 1744 года невеста с матерью выехали тайно сначала из Цербста, а затем из Берлина в Россию, в Москву, где тогда находился Императорский двор.

Елизавета Петровна весьма радушно встретила германских принцесс Говорили, что она даже прослезилась, увидев Иоганну-Елизавету и вспомнив, что двоюродный брат принцессы, епископ Любской епархии, принц Карл-Август Голштинский в 1726 году посватался к ней, и хоть это была не блестящая партия, она приняла его предложение. В июне 1727 года, накануне свадьбы, жених скоропостижно скончался в Петербурге, так и не осчастливив цесаревну Елизавету Петровну. В то время Елизавета Петровна глубоко переживала потерю жениха.

Вначале общее родство и воспоминания об ушедших в мир иной женихе и сестре Анне, а также приготовления к свадьбе давали повод Елизавете Петровне к сближению с Иоганной-Елизаветой и невестой. Но вскоре обнаружившиеся шпионские связи Иоганны-Елизаветы, докладывавшей в письмах к Фридриху II обо всём, что происходило при дворе императрицы, привели Елизавету Петровну в такое негодование, что все при дворе думали: Елизавета Петровна вышлет из России принцесс Ангальт-Цербстских — и мать, и дочь. Несколько дней Фисхен, упорно перед этим изучавшая основы православной веры под руководством учителя Симона Тодоровского, русский язык с лингвистом Василием Ададуровым, танцы с балетмейстером Ланге и жаждавшая поскорее овладеть русским языком, переживала тяжёлое время ожидания: каково будет решение Елизаветы Петровны? Она очень хотела понравиться Елизавете Петровне и даже, когда заболела воспалением лёгких и была при смерти, вместо лютеранского священника попросила пригласить к ней Симона Тодоровского, дав понять, что готова принять православную веру. Она была уверена, что если императрица решит выслать её из России вместе с матерью, её жених не

вступится за неё. Позднее в своих «Записках» она признается: «Что касается до меня, то, зная его свойства, я бы не пожалела его, но к короне русской я не была так равнодушна».

Еще будучи невестой великого князя, умная, одарённая, энергичная и темпераментная великая княгиня горько разочаровалась в своём женихе — цесаревиче Петре Фёдоровиче, отличавшемся невеликими умом и способностями, узким кругозором, примитивными потребностями и дурным воспитанием По признанию самой Екатерины, высказанному ею в «Записках», она с детства мечтала стать правительницей какой-либо страны, а после избрания её невестой русского цесаревича — самодержицей России. Пока её супруг играл в солдатики, она приложила все усилия, чтобы стать русской: усердно учила русский язык и много читала, особенно литературу по истории России. Не сумев преодолеть полностью свой иностранный акцент, Екатерина стала выучивать русские пословицы и поговорки, запоминать чисто русские, даже народные выражения и тем самым утвердила в своей речи русскость. Второй её задачей было стать православной верующей. Она видела, какое значение придают этому вопросу Елизавета Петровна и её придворные, а потому она стала изучать таинства и обряды Русской Православной Церкви, прилежно учить наизусть основные молитвы. Во время своего крещения в православную веру Екатерина так чётко и без запинки произнесла наизусть выученный ею Символ веры, что привела всех в восхищение. Она строго соблюдала посты, много молилась (особенно на людях), чем добивалась одобрения набожной Елизаветы Петровны и вызывала гнев атеистически настроенного Петра Фёдоровича.

Позже Екатерина писала об этом времени ожидания свадьбы: «Сердце не предвещало мне счастья, одно честолюбие меня поддерживало. В глубине моей души было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею».

Наконец, через полтора года после приезда принцесс Цербстских в Москву, 21 августа 1745 года состоялась свадьба, и Екатерина Алексеевна получила титулы великой княгини и цесаревны.

Семейная жизнь её с Петром Фёдоровичем не складывалась, шли годы, а детей не было, что весьма волновало императрицу, желавшую иметь наследников.

Большой двор Елизаветы Петровны, видя прохладное отношение великого князя к своей супруге, принял молодую цесаревну довольно сдержанно. Этому способствовало и

подозрительное отношение к ней со стороны императрицы Елизаветы Петровны, которая, чтобы приглядывать за великой княгиней, приставила к ней гофмейстерину Чоглокову и её мужа. Елизавета Петровна понимала, что сердце шестнадцатилетней великой княгини, не получив ни нежности, ни внимания от мужа, жаждет любви на стороне. В то время Екатерина сблизилась с графом Захаром Григорьевичем Чернышёвым (1722–1784), который приглянулся ей еще в 1745 году и, по-видимому, стал её первым любовником. Захар Чернышёв был на семь лет старше Екатерины, в то время ему было 23 года. Он был молод, но уже тогда проявлял неординарность, и Екатерина это угадала.

Семья Чернышёвых была почитаемой при дворе. Отец Захара, генерал-аншеф Григорий Петрович Чернышёв (1672–1745), в начале XVIII века был известным военным и государственным деятелем, был участником Азовского похода Петра I в 1695 году и активным участником Северной войны, в сражениях которой отличился личной храбростью и мужеством, а потому пользовался большим расположением к нему царя Петра I. Царь назначил его членом Адмиралтейств-коллегии, потом генерал-кригскомиссаром, в 1722 году поручил ему перепись податных сословий в Москве и Московской губернии, затем назначил его сенатором В начале царствования Анны Иоанновны, в 1730 году, Григорий Петрович снова стал сенатором и был пожалован в генерал-аншефы, а в следующем году определён в Московскую губернию московским генерал-губернатором и исполнял эту обязанность до 21 августа 1735 года 25 апреля 1742 года, по случаю коронации Елизаветы Петровны, он был возведён в графское достоинство с нисходящим потомством и награждён орденом Св. Андрея Первозванного. Он скончайся в 1745 году и, как человек заслуженный, был погребён в Александро-Невской лавре.

Мать Захара Григорьевича Чернышёва — Евдокия Ивановна Ржевская (1693–1747), статс-дама Императорского двора, была близка к Петру I, он называл, её «бой-баба» и удостаивал своим «особым вниманием».

Елизавете Петровне донесли о сближении великой княгини с графом Чернышёвым, и Захар Чернышёв быстро, но под благовидным предлогом был удалён от двора. В 1751 году он вернулся ко двору и нашёл, что Екатерина очень похорошела. Роман возобновился, но ненадолго. Однако Екатерина заручилась поддержкой в будущем способного к государственной деятельности графа Захара Чернышёва. В дальнейшем Захар Григорьевич Чернышёв стал участником Семилетней войны (1756–1763), в которой проявил себя настолько достойно, что

русские войска под его командованием в 1760 году захватили Берлин.

Екатерина не ошиблась в нём Когда она пришла к власти, Чернышёв стал одним из её верных помощников. 7 ноября 1775 года Екатерина II издала Указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Исполнение этого указа она поручила своему давнему любовнику Захару Григорьевичу Чернышёву, который к тому времени приобрёл большой административный опыт, исполняя её волю, начиная с 1772 года в качестве наместника вновь присоединённых к России Могилёвской и Полоцкой губерний. Во исполнение Указа императрицы граф Чернышёв должен был заняться формированием и развитием столичной системы управления, а это означало, что он должен был осуществить чёткое определение границ Московской губернии, осмотреть и подготовить к работе здания присутственных мест в столице, подобрать чиновников для присутственных мест в коллегиях, департаментах, управлениях и проч., то есть то, чем и теперь, во втором десятилетии XXI века, российское правительство вынуждено заниматься снова.

Захар Григорьевич справился с этим поручением блестяще, и 5 октября 1782 года его стараниями была проведена торжественная церемония «открытия» Московской губернии.

В семь часов утра пушечные выстрелы возвестили о начале церемонии. В Грановитой палате собрались чиновники присутственных мест, городской голова, знатные представители дворянства, купечества и мещанства. Захар Григорьевич, получивший от императрицы еще 4 февраля 1782 года статус московского главнокомандующего, произнёс приветственную речь, затем все участники торжества проследовали в Успенский собор на Божественную литургию, после чего был зачитан Манифест императрицы Екатерины II. В отчёте о проведённой церемонии было сказано: «-напоследок учинили присягу определенные чины на свои должности, а дворянство — на выбор предводителей и судей».

Граф Захар Чернышёв, как генерал-губернатор Москвы, за два года командования Москвой сумел довольно много сделать для украшения и благоустройства Первопрестольной: вдоль Камер-Коллежского вала были построены пятнадцать застав с кордегардиями, которые вместе со вновь учреждённой полицейской службой (1783 год) обеспечивали безопасность города; была отремонтирована стена Китай-города; в Кремле шло строительство здания Присутственных мест и прочее.

Дом графа Захара Григорьевича Чернышёва на Тверской

(ныне дом 13, в то время одноэтажный, второй этаж был достроен в советское время) до сих пор украшает Тверскую-Ямскую улицу. Впоследствии купленный казной, этот дом стал официальной резиденцией высших чинов московской администрации, он и теперь является отделением московской мэрии. В конце XVIII века переулок по правому фасаду дома получил наименование Чернышёвского по имени хозяина этого дома (а вовсе не в честь писателя и литературного критика Чернышевского). Он и теперь, после двойного его переименования, носит то же имя, напоминая тем, кто хорошо знает историю Москвы, о графе Захаре Григорьевиче Чернышёве, бывшем любовнике Екатерины II, получившем полномочия фаворита спустя двадцать лет после окончания их романа.

Но вернёмся в те времена, когда великая княгиня Екатерина Алексеевна стала искать поддержки в новом возлюбленном И тот, кто её по-дружески поддержал в её окружении при дворе, был граф Сергей Васильевич Салтыков (1726–1765). В то время (1752 г.) ему было около 28 лет, и он был старше Екатерины Алексеевны всею на три года Он был молод, слыл самым красивым мужчиной при дворе, был образован, обладал европейскими манерами, приобретенными им за годы служения посланником в Гамбурге и Дрездене, а затем в Париже, имел хорошее знание немецкого и французского языков. Ходили слухи, что сама Елизавета Петровна была не прочь сделать его своим фаворитом, но он предпочёл императрице великую княгиню. Когда Елизавета Петровна узнала об этой связи, она пришла в негодование. Можно только предположить, что, возможно, она не столько пеклась о чести великого князя, сколько злилась как отвергнутая дама Салтыкову, чтобы не подвергнуться наказанию, пришлось на время уехать в деревню, скрыться от императрицы с глаз долой. Вернулся он только в феврале 1753 года, и Елизавета уже не гневалась.

В «Записках» Екатерина рассказала, что Елизавета Петровна была недовольна тем, что прошло семь лет со дня свадьбы, а наследник всё еще не появился. На одном из куртагов она позвала свою гофмейстерину Чоглокову и стала выговаривать ей, что она плохо смотрит за великой княгиней, та чересчур увлекается верховой ездой, и у неё от этого нет детей. Чоглокова пояснила, что детей не бывает тогда, когда нет причины для их рождения, а у их высочеств за семь лет супружества ни разу не было этой причины. Сомневаясь в детоспособности своего племянника, Елизавета посоветовала Чоглоковой прибегнуть к старому, но радикальному методу, благодаря которому в прежние времена, например, у царицы Прасковьи Фёдоровны родилось

пять дочерей от совершенно больного и не способного к деторождению царя Иоанна V Алексиевича, благодаря вовремя посланному к царице постельничему. И Чоглокова, получив нагоняй и боясь следующего, решила исполнить совет императрицы буквально. Однажды она подошла к Екатерине и сказала, что хочет поговорить с ней откровенно. Позже Екатерина писала: «Я, разумеется, стала слушать во все уши. Сначала, по обыкновению, она долго рассуждала о своей привязанности к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегчения супружеских уз; затем стала делать уступки и сказала, что иногда бывают положения, в которых интересы высшей важности обязывают к исключениям из правила. Я слушала и не прерывала ее, не понимая, к чему все это ведет. Я была несколько удивлена ее речью и не знала, искренно ли говорит она или только ставит мне ловушку. Между тем как я мысленно колебалась, она сказала мне: „Вы увидите, как я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не может быть, чтобы кое-кто вам не нравился; предоставляю вам на выбор Сергея Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь, вы отдадите предпочтение последнему“. „Нет, вовсе нет“, — закричала я. „Но если не он, — сказала она, — так, наверное, Сергей Салтыков“. На этот раз я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: „Вы увидите, что от меня вам не будет помехи“».

И действительно, под покровительством Чоглоковых Екатерина смогла беспрепятственно встречаться с Сергеем Салтыковым Однако Елизавета Петровна заставила своего племянника уделять жене больше внимания, чтобы была «причина» для появления наследника, а Екатерине приказала не противиться этому.

Екатерина забеременела два раза подряд, но это были выкидыши. Забеременев в третий раз, она родила сына; ее духовник в честь св.св. Петра и Павла назвал новорожденного наследника Павлом. Это случилось 20 сентября 1754 года. Имея одновременно и мужа, и любовника, Екатерина, видимо, и сама не знала, кто явился отцом ее ребёнка. В раннем детстве Павел был так хорош и мил, так похож на нее, что Екатерина была убеждена, что его отец — любимый ею человек.

В «Записках» Екатерина жалуется, что сразу же после родов, когда она еще не сошла с родильного стола, сына у нее взяли по приказанию императрицы и унесли. А ее оставили на несколько часов на родильном столе без присмотра: она выполнила заказ и более не была нужна. Сразу же после рождения Павла Елизавета Петровна отправила Салтыкова, как тоже выполнившего заказ, в Швецию с дипломатическим поручением.

Впоследствии Екатерина II не только не отрицала своей связи с графом Салтыковым, но даже в своих «Записках» назвала его отцом своего сына, великого князя Павла Петровича (Павла I). Разумеется, каждый, кто сравнит портреты Петра III и Павла I, сразу увидит между ними поразительное сходство, а потому не сможет поверить в версию, высказанную Екатериной II. Понятно, что императрица, зная, как Павел рвётся к престолу, как часто повторяет, что он законный наследник, а она незаконно захватила власть и не хочет отдать её законному наследнику императора Петра III, убиенному её клевретами, — чтобы прекратить эти разговоры, объявила и устно, и письменно, что отец великого князя Павла Петровича — граф Сергей Васильевич Салтыков. А из этого следует, что Павел Петрович, как якобы наследник Петра III, не имеет права не только на трон, но даже на титул великого князя. Поэтому пусть будет доволен, что он наследник Екатерины II.

Кем же был предполагаемый отец Павла Петровича, каково было его происхождение?

Граф Сергей Васильевич Салтыков, любовник великой княгини Екатерины Алексеевны, происходил из древнего и знатного княжеского, графского и дворянского рода Салтыковых, который при дворе российских государей был известен с начала XIII века. При московских великих князьях потомки одного из родоначальников — Михаила Игнатьевича, по прозванию Салтык (Солтык), давшего роду фамилию, издревле занимали высокие посты при Государевом дворе. Его сын, Андрей Михайлович (ум 1522), при Государевом дворе Василия III имел чин оружничего; его сыновья Яков (ум 1571) и Лев (ум 1573) дослужились до боярского чина при дворе Иоанна IV Грозного; Михаил Михайлович (ум 1608) в царствования Феодора Иоанновича и Бориса Годунова служил окольничим; Василий Михайлович Салтыков был знаменитым воеводой, известным с 1518 года, со времени войны с Великим княжеством Литовским, когда он при защите Опочки от нашествия войска князя Константина Острожского, военачальника Сигизмунда III, не только отстоял город, но и нанёс польско-литовскому войску значительный урон, убил их воеводу Сокола и захватил вражеское знамя, а когда подошла из Москвы подмога, он довершил разгром войска князя Константина Острожского и захватил много пленных, стенобитные орудия, пушки и обозы с продовольствием и боеприпасами.

Были среди Салтыковых и дипломаты: Михаил Глебович Салтыков («Кривой») много раз был участником переговоров с Польшей и Швецией. В период Смуты он принимал сторону то

Лжедмитрия I, то Лжедмитрия II, то, приняв сторону царя Василия Шуйского, выступал против них. Во времена Семибоярщины был послан в качестве главы посольства к Сигизмунду III для избрания на русский престол королевича Владислава Ваза Изменническая деятельность Михаила Глебовича Салтыкова, когда он отправился в Польшу с посольством в 1611 году, вынудила его остаться в Польше, где он и умер в 1618 году. Дети его под фамилией Солтык остались жить в Великом княжестве Литовском, получили там земли и другие пожалования, стали исповедовать католическую веру. Они явились родоначальниками польской фамилии Солтыковых. Вернулись в Россию только его внуки в 1654 году.

Избранник Екатерины II Сергей Васильевич Салтыков, воспитанный за границей и знавший европейские языки, продолжил дипломатическую традицию рода Салтыковых.

В XVII веке род Салтыковых в лице боярина Михаила Михайловича и его брата Бориса возвысился благодаря матери, находившейся в одном монастыре и очень крепко подружившейся с инокиней Марфой, матерью избранного на престол царя Михаила Феодоровича Задумав еще более приблизиться к царю, выполнив волю его матери, инокини Марфы, — женить царя на княжне Марии Владимировне Долгоруковой, Михаил Михайлович и его брат Борис Михайлович оболгали первую царскую невесту Марию Хлопову, объявив её больной неизлечимой болезнью. Мария Хлопова была сослана на Урал. Через три месяца после свадьбы царица Мария Долгорукова скончалась, и Михаил Феодорович, не забывший свою первую невесту, узнав, что она здорова, потребовал разобраться в этом деле. Когда выяснилось, что в этой интриге виновны братья Салтыковы, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку», их сослали в их деревни, а вновь пожалованные им поместья и вотчины передали в казну.

В январе 1684 года род Салтыковых породнился с царствующей династией Романовых: красавица-боярышня Прасковья Фёдоровна (1664–1733), дочь боярина Фёдора-Александра Петровича Салтыкова (ум 1697), была выдана замуж за считавшегося первым царём, за Иоанна V Алексиевича, царствовавшего совместно с братом по отцу — царём Петром I. Она была матерью императрицы Анны Иоанновны и двоюродной бабушкой Анны Леопольдовны, правительницы России при малолетнем императоре Иоанне VI Антоновиче.

После смерти царя Иоанна V Алексиевича царь Пётр заботился о семье брата: навещал Прасковью Фёдоровну с дочерьми в Измайловском дворце, где они жили, перевёз их из

Измайлова в Петербург, обеспечил европейское образование царевен, выдал замуж царевен Анну и Екатерину (мать Анны Леопольдовны) за европейских владетельных герцогов, а Прасковью — за И. И. Дмитриева-Мамонова, предка одного из фаворитов Екатерины II — Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова.

В XVIII веке представители рода Салтыковых дослужились до чина генерал-фельдмаршала (I класс Табели о рангах): например, граф Семён Петрович, его сын граф Пётр Семёнович (1696–1742) и его внук граф Иван Петрович (1730–1805). Среди Салтыковых были генерал-аншефы (II класс Табели о рангах), например Иван Алексеевич Салтыков. И трое Салтыковых служили губернаторами древней столицы Москвы. Так, в царствование Петра I губернатором Москвы с 1713 по 1716 год был боярин Алексей Петрович Салтыков. С 6 марта по 5 октября 1730 года московским генерал-губернатором был родной брат царицы Прасковьи Фёдоровны и родной дядя императрицы Анны Иоанновны — Василий Фёдорович Салтыков (1672–1730), который явился первым графом в роду Салтыковых, будучи возведён в графское достоинство императрицей Анной Иоанновной при восхождении её на престол. А в царствование Екатерины II с 15 мая 1763 года по 13 ноября 1771 года пост главнокомандующего, генерал-губернатора Москвы занимал генерал-фельдмаршал, граф Пётр Семёнович Салтыков (1698–1772), тоже состоявший в родстве, правда дальнем, по отцовской линии с императрицей Анной Иоанновной.

Одним из самых известных представителей рода Салтыковых был сын генерал-аншефа Ивана Алексеевича — Николай Иванович (1736–1816), который в течение многих лет состоял попечителем великого князя Павла Петровича, с 1796 года императора Павла I, и был руководителем обучения и воспитания великих князей Александра (будущего императора) и Константина Павловичей. Это был крупный политический и военный деятель, сенатор, член Совета при Высочайшем дворе, президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал, с 1812 года по 1816 год председатель Государственного совета и Комитета министров. В октябре 1790 года по указу Екатерины II он получил титул графа Российской империи с нисходящим потомством, а в августе 1814 года указом Александра I был возведён с нисходящим потомством в княжеское достоинство Российской империи с титулом светлости. Николай Иванович перевёл из армии в дворцовый караул Платона Зубова, способствуя проникновению Зубова к престолу в качестве фаворита Екатерины II, последнего её фаворита.

И в XIX веке, и в начале XX века представители рода Салтыковых занимали самые высокие посты и были отмечены высокими наградами, так что надо признать вполне справедливым замечание П. В. Долгорукова «Ни из одной фамилии не было столько бояр, столько фельдмаршалов и столько начальников Москвы, как из Салтыковых».

Граф Сергей Васильевич Салтыков, представитель этого могущественного аристократического рода, вполне был достоин внимания великой княгини Екатерины Алексеевны, которая, оказавшись в одиночестве и под пристальным взглядом Чоглоковых и других доносчиков Елизаветы Петровны, вынуждена была искать опору при елизаветинском императорском дворе, где все отношения между придворными строились по законам фаворитизма, а потому и её отношения с Салтыковым получили ту же основу. Ей нужна была надёжная поддержка со стороны мужчины из знатного и могущественного рода, а такую поддержку, как считалось в эпоху фаворитизма, женщина может получить только в результате любовной связи. Разумеется, фаворитом должен быть красивый и статный мужчина, достойный любви. Сергей Салтыков соответствовал всем требованиям эпохи.

Чисто женскую стратегию, причём доступную отнюдь не для всех женщин, — очаровать мужчину, а затем пользоваться его покровительством и помощью в делах, Екатерина II в своих «Записках» объяснила так: *«Я* получила от природы великую чувствительность и наружность если не прекрасную, то во всяком случае привлекательную; я нравилась с первого разу и не употребляла для того никакого искусства и прикрас Душа моя от природы была до такой степени общительна, что всегда, стоило кому-нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободным и вести со мною разговор, как будто мы с давних пор знакомы. По природной снисходительности моей я внушала к себе доверие тем, кто имел со мною дело, потому что всем было известно, что для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательностью и самою строгою честностью. Смею сказать (если только позволительно так выразиться о самой себе), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имела скорее мужскую, чем женскую душу; но в том ничего не было отталкивающего, потому что с умом и характером мужским соединялась во мне привлекательность весьма любезной женщины. Да простят мне эти слова и выражения моего самолюбия: я употребляю их, считая их истинными и не желая прикрываться ложною скромностью. Впрочем, самое сочинение это должно показать, правду ли я говорю о моем уме, сердце и

характере. Я сказала о том, что я нравилась, стало быть, половина искушения заключалась уже в том самом; вторая половина в подобных случаях естественно следует из самого существа человеческой природы, потому что идти на искушение и подвергнуться ему — очень близко одно от другого. Хотя в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но, как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я по крайней мере не знаю до сих пор, как можно предотвратить это. Может быть, скажут, что есть одно средство — избегать, но бывают случаи, положения, обстоятельства, где избегать невозможно; в самом деле, куда бежать, где найти убежище, как отворачиваться посреди двора, который перетолковывает малейший поступок Итак, если не бежать, то, по-моему, нет ничего труднее, как уклониться от того, что вам существенно нравится. Поверьте, все, что вам будут говорить против этого, лицемерие и основано на незнании человеческого сердца. Человек не властен в своем сердце; он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу».

Эта честность признания своей «великой чувствительности» (т. е. чувственности), своего темперамента, свободное рассуждение об интимных ситуациях вполне понятны в атмосфере фаворитизма, царившего в XVIII веке не только при Российском императорском дворе, но и при западноевропейских дворах. Не случайно век восемнадцатый называют галантным (от фр. galant — «изысканно вежливый, чрезвычайно обходительный»). Напомним также, что по-русски синоним слова галант — любовник.

Опыт любви с Сергеем Салтыковым оказался печальным: не только поддержки и верной любви, но и простого уважения со стороны любовника великая княгиня Екатерина Алексеевна не получила По возвращении из Швеции Сергей Салтыков стал относиться к Екатерине холодно и неуважительно: он позволял себе назначать ей свидание и не приходить на него. Однажды он обещал ей прийти на свидание, но, прождав его до трёх часов ночи, она так его и не дождалась. Судя по «Запискам», Екатерина искренно и страстно любила графа Салтыкова и потому сильно переживала его охлаждение. До неё дошли слухи, что в Швеции Салтыков вёл весёлую жизнь и волочился за всеми женщинами подряд, а это показывало, что у него не было к Екатерине настоящего чувства. В этот период её жизни она чувствовала себя особенно одинокой, часто болела и редко бывала при дворе.

В 1755 году в Петербург прибыли английский посланник Уильямс и его протеже, назначенный секретарём английского

посольства, граф Станислав-Август Понятовскии, весьма привлекательный двадцатитрёхлетний молодой человек, один из самых блестящих и образованных людей своего времени. Граф Станислав Понятовский в скором времени появился в высшем петербургском кругу, а также и при малом («молодом») дворе, был представлен великому князю Петру Фёдоровичу и великой княгине Екатерине Алексеевне, произвёл на них самое благоприятное впечатление, а потому постепенно стал постоянным посетителем молодого двора. Его посещения обнаружили его особый интерес к великой княгине и вызвали у неё ту «чувствительность», о которой она писала позже. Граф Станислав Понятовский, долгое время проживший в Париже и знавший толк в женщинах, был очарован Екатериной. В своих воспоминаниях он оставил нам словесный портрет великой княгини Екатерины Алексеевны той поры: «Ей было двадцать пять лет. Она лишь недавно оправилась после первых родов и находилась в том фазисе красоты, который является наивысшей точкой ее для женщин, вообще наделенных ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны: брови у нее были черные и очень длинные, нос греческий, рот как бы зовущий поцелуи, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорее высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятный тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр».

Любовные отношения Екатерины и Понятовского скоро не стали секретом ни для английского посольства, ни для двора, ни для великого князя. Английский посол Уильямс из политических соображений способствовал сближению своего секретаря с великой княгиней. Придворные делали вид, что не замечают этих отношений, тем более что эти отношения не выставлялись напоказ. Лев Нарышкин, будучи в приятельских отношениях и с Понятовским, и с Екатериной, помогал любовникам: по вечерам он в своей карете отвозил Екатерину, переодетую в мужское платье, на место свидания — к своей невестке, жене брата, Анне Никитичне Нарышкиной, а под утро, никем не замеченная, Екатерина возвращалась во дворец.

У Петра Фёдоровича в это время тоже был роман, с Елизаветой Романовной Воронцовой, родной сестрой Екатерины Дашковой, и потому великий князь был полностью равнодушен к любовным похождениям своей жены. Супруги, увлечённые своими романами, не мешали друг другу. Однажды дворцовая стража Ораниенбаума, где пребывали супруги, задержала Понятовского, возвращавшегося после ночного свидания с Екатериной, и

препроводила его к великому князю. На все вопросы великого князя Понятовский отвечал молчанием, и тогда Пётр сказал, что он знает о его интриге с великой княгиней, и при этом заметил: «Может быть, вы даже питаете злой умысел против меня. При вас есть пистолеты-.» Екатерина испугалась этого заявления и обратилась за поддержкой к Елизавете Воронцовой, прошептав ей на ухо во время придворного приёма: «Вам так легко было бы сделать всех счастливыми». Воронцова тотчас откликнулась на эту просьбу. В тот же день она устроила Понятовскому встречу с великим князем, которого уже успела настроить в пользу Понятовского. А великий князь, узнав, что перед ним поляк, воскликнул, по свидетельству самого Понятовского: «Не безумец ли ты, что до сих пор не доверился мне!» Затем он со смехом объяснил, что и не думает ревновать; меры предусмотрительности, принимаемые вокруг ораниенбаумского дворца, были лишь в видах обеспечения безопасности его особы. «А теперь, — сказал он, — если мы друзья, здесь не хватает еще кое-кого». С этими словами он пошел в комнату Екатерины, вытащил ее из постели и, не дав ей времени надеть чулки и юбку, в одном капоте привел в комнату.

Далее в своих воспоминаниях Понятовский писал: «После этого я часто бывал в Ораниенбауме. Я приезжал вечером, поднимался по потайной лестнице, ведшей в комнату великой княгини; там были великий князь и его любовница; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу и говорил нам: „Теперь, дети мои, я вам больше не нужен“. Я оставался сколько хотел».

Покровительство Петра Фёдоровича оказалось более показным, чем искренним. Он был человеком не только непредсказуемым, но и коварным. Когда он узнал, что Екатерина опять забеременела, он сказал Льву Нарышкину в присутствии многих других лиц: «Бог знает, откуда моя жена беременеет; я не знаю наверное, мой ли этот ребенок и должен ли я признавать его своим». Позже Екатерина писала: «Лев Нарышкин в ту же минуту прибежал ко мне и передал мне этот отзыв. Это, разумеется, испугало меня, я сказала Нарышкину: вы не умели найтись; ступайте к нему и потребуйте от него клятвы в том, что он не спал со своей женою, и скажите, что, как скоро он поклянется, вы тотчас пойдете донести о том Александру Шувалову, как начальнику Тайной канцелярии». Лев Нарышкин действительно пошел к великому князю и потребовал от него этой клятвы, на что тот отвечал: «Убирайтесь к черту и не говорите мне больше об этом».

Результатом беременности, о которой шла речь, явилось

рождение от Понятовского дочери Анны (9 декабря 1758 года), которая скончалась в апреле 1759 года, прожив на свете всего лишь около пяти месяцев.

Слова великого князя о том, стоит ли ему признавать ребёнка своим, заставили Екатерину задуматься над тем, что ждёт её в будущем. Впоследствии она вспоминала: «…и с тех пор я увидела, что мне остаются на выбор три, равно опасные и трудные пути: 1-е, разделить судьбу великого князя, какая она ни будет; 2-е, находиться в постоянной зависимости от него и ждать, что ему угодно будет сделать со мною; 3-е, действовать так, чтобы не быть в зависимости ни от какого события. Сказать яснее, я должна была либо погибнуть с ним или от него, либо спасти самое себя, моих детей и, может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые несомненно ввергли бы и меня нравственные и физические качества этого государя».

В 1758 году императрица Елизавета Петровна стала всё чаще болеть, её мучили тяжёлые приступы с болями, головокружением и обмороками. Стало ясно, что долго она не протянет и тогда на престол взойдёт Пётр III. Что ждёт Екатерину? Развод и ссылка в монастырь.

Теперь все складывалось в одну проблему — реализация давней мечты стать российской самодержицей и спасение себя в сложившейся ситуации. Екатерина стала действовать. Она стала искать союзников. Таковым прежде всего оказался канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, которому, ввиду ненависти к нему Петра, в таком случае грозили отставка и ссылка. Екатерина обратилась к нему. Понимая, что, когда Пётр III станет императором, единственной надеждой и для него, и для общества будет Екатерина II, Бестужев составил манифест, в котором предусмотрел много выгод для себя, а для Екатерины ограничился предоставлением права публичного участия в управлении. Екатерина потом писала: «Он прислал мне проект этого манифеста, но я, поговорив с графом Понятовским, отвечала ему словесно, что благодарю его за добрые намерения относительно меня и считаю, что их очень трудно исполнить». Екатерину не устраивало явно невыполнимое «публичное участие в управлении» при илшераторе Петре III, неумном, необразованном, непредсказуемом и упрямом, да к тому же ещё и ненавидевшем её.

Узнав о поведении графа Понятовского в петербургском кругу, глава английского дипломатического корпуса Брюль отозвал Понятовского с поста посольского секретаря, но великая княгиня Екатерина Алексеевна упросила канцлера Алексея Петровича Бестужева, чтобы он внушил Брюлю, что Понятовского

не только нельзя отзывать, но необходимо его назначить польско-саксонским посланником при петербургском дворе. Это заступничество великой княгини показало двору и свету, что Понятовский — её фаворит, и впоследствии явилось причиной великого гнева императрицы Елизаветы.

Но тучи сгущались и над канцлером Алексеем Бестужевым-Рюминым. Его враги Шуваловы и вицеканцлер Воронцов настроили Елизавету Петровну против канцлера, и 15 февраля 1758 года канцлер Бестужев-Рюмин был арестован как государственный преступник, обвинённый в измене.

В ходе следствия по делу Бестужева были предъявлены факты и против великой княгини Екатерины Алексеевны. Её обвиняли в том, что она использовала канцлера в своих интересах, что она с какими-то целями переписывалась с опальным фельдмаршалом Апраксиным, что она, обратившись с просьбой к Бестужеву относительно своего фаворита Понятовского, пыталась оказать влияние на политику России. Этот скандал заставил английского посла Вильямса и секретаря посольства Станислава Понятовского срочно покинуть Петербург. Несколько лет Екатерина вела с Понятовским интимную переписку, рассказывая ему обо всех событиях, происходивших с ней. Даже о процессе подготовки и проведения переворота — во всех подробностях и часто — без маски невинности. Станислав рвался в Петербург, но Екатерина не разрешала ему приезжать: у неё была уже другая любовная связь и другой фаворит — Григорий Григорьевич Орлов.

Через много лет, когда Понятовский уже давно пребывал в Польше в самой гуще политической борьбы за власть, а Екатерина Алексеевна стала императрицей, она, в согласии с прусским королём Фридихом II, не пожалела огромной суммы денег для подкупа депутатов Польского сейма, послала в Польшу войска, в том числе и отборный отряд с князем Кондратием (Константином) Дашковым во главе, и тем добилась избрания её бывшего любовника на польский королёвский трон, что значительно укрепило, по её мнению, как российско-прусские, так и российско-польские отношения.

7 сентября 1764 года Сейм избрал на польский престол Станислава-Августа Понятовского. Екатерина написала госпоже Жофрен (Gtoffrin), с которой был очень дружен Понятовский и которого Жофрен называла своим сыном: «Поздравляю вас с возвышением вашего сына; если он сделался королем, то не знаю, как это случилось, но так угодно было Провидению…»

А своему послу в Польше Н. И. Панину она написала: «Поздравляю вас с королем, которого мы делали».

Таким образом, роман с Понятовским оказался не просто

любовной историей великой княгини, но получил окраску серьёзной международной политики императрицы Екатерины II, политики, приведшей к разделу Польши.

Позднее Екатерина в написанных ею «Примечаниях» к сочинению Дж.-К. Денины о прусском короле Фридрихе Великом так объясняла выбор Понятовского королём Польши: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому что изо всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России».

На самом деле возведение Понятовского на польский трон проходило в рамках секретных статей договора России с Пруссией от 31 марта 1764 года, в которых Екатерина II и король прусский Фридрих II поставили своей задачей не допустить усиления Швеции и Польши, посадить на польский престол своего ставленника (а это была кандидатура русской императрицы, желавшей видеть королём своего прежнего любовника графа Понятовского) и покровительствовать польским диссидентам, составлявшим некатолическое, неуниатское меньшинство, то есть православным, протестантам и грекам-неуниатам, добиваясь их законодательного уравнения в правах с католиками. Диссидентом (от лат. dissidens — несогласный, противоречащий) в те времена называли человека, не придерживающегося господствующего в стране вероисповедания.

Итак, 26 августа (7 сентября) 1764 года Понятовский был избран польским королём. Екатерина II торжествовала эту удачу и сразу же приступила к выполнению последнего пункта отдельной части договора об уравнении прав польских диссидентов с католиками. Несмотря на тяжелое положение дел в Польше, она через русского посла в Варшаве Н. И. Репнина повелела королю Станиславу-Августу Понятовскому поставить этот вопрос на сейме. Король Польши понимал, что положительного результата в данный момент добиться просто невозможно, потому что миссионеры-католики еще в 1762 году по указанию Папы Римского начали вести борьбу против православных, не желавших принять католичество: их сажали в тюрьму, грабили, православным епископам не давали никаких привилегий, а православные церкви отнимали и отдавали униатам. Получив такое указание от русского посла, Понятовский в отчаянии писал своему послу в Петербурге Ржевускому: «Приказания, данные Репнину ввести диссидентов в законодательную деятельность республики, суть громовые удары и для страны, и для меня лично. Если есть какая-нибудь человеческая возможность, внушите императрице, что корона, которую она мне доставила, сделается для меня одеждою Несса: я

сгорю в ней, и конец мой будет ужасен. Ясно предвижу предстоящий мне страшный выбор, если императрица будет настаивать на своих приказаниях: или я должен буду отказаться от её дружбы, столь дорогой моему сердцу и столь необходимой для моего царствования и для моего государства, или я должен буду явиться изменником моему отечеству».

Екатерине, во-первых, выполнявшей условия договора, а во-вторых, по религиозным соображениям не считавшей возможным допускать угнетение православных христиан, конечно, не понравилась точка зрения Понятовского. Она думала, что речь идёт о реакции диссидентов, а на самом деле была страшна реакция католического большинства польского населения, не желающего равняться в правах с православными и греками-неуниатами. И императрица высказалась весьма определённо: «Если король так смотрит на это дело, то мне остается чувствительное сожаление о том, что я могла обмануться в дружбе короля, в образе его мысли и чувств».

Н. И. Репнин, который боялся народных волнений в Польше в связи с диссидентским вопросом, но полагал, что в такой ситуации ему остаётся только «исполнить волю всемилостивейшей государыни касательно до гражданских диссидентских преимуществ», а потому все свои силы употребил на достижение цели и где подкупом, где интригами, где угрозами, а то и арестом наиболее активных противников, а главное — введением русских войск в предместья Варшавы, добился желаемого: 13 февраля 1768 года Польский сейм утвердил закон о свободе вероисповедания польских граждан и об уравнении политических прав диссидентов с католиками. Екатерина II была довольна, не подозревая, что это событие станет началом большой религиозной войны, разорительной как для Польши, так и для России. Не успели члены сейма разъехаться, как на всей территории Польши стали возникать антидиссидентские конфедерации, и первыми против решения сейма подняли восстание подкоморий ружанский Красинский и адвокат Пулавский, которые захватили город Бар и призвали к восстанию другие конфедерации. В защиту православных в 1768 году был поднят гайдамацкий бунт, а к гайдамакам (беглым крестьянам, ушедшим из России в степи) примкнули запорожские казаки во главе с атаманом Железняком и крепостные крестьяне с сотником Гонтой.

Восстание не приобрело народного характера, но принесло смуту, углубило религиозную рознь. Появились шайки грабителей, потому что на призыв «за веру и свободу» в основном стекались те, кто не хотел работать, а хотел наживаться на

грабеже, то есть голь перекатная. Такая же голь — гайдамаки и запорожские казаки — выступили против конфедератов, как бы защищая веру православную, а для этого грабя и убивая и католиков, и мусульман, и всех, кто попадётся под горячую руку.

Король Станислав-Август тяготился своими обязательствами перед Россией, но продолжал заискивать перед Екатериной II, потому что весьма нуждался в деньгах: конфедерации забирали всё, что предназначалось ему. В конце октября 1767 года Репнин писал: «„Дерзость и наглость возмутителей во всех частях умножается, а в Великой Польше ежедневно грабежи делаются, и час от часу разные вновь партии сих грабителей показываются. Доходов государственных ни одного злотого“. Королю месяца через два опять есть нечего будет, ибо доходы везде разграблены и к нему не доходят». Тем не менее Понятовский продолжал гнуть свою линию на преобразования, на изменение конституции, затем, побуждаемый канцлером Хребтовичем, примкнул к Тарговицкой конфедерации. Поддерживая движение против диссидентов, а следовательно, против России, польский король в то же время постоянно просил денег то у Панина, то у Репнина, то у самой императрицы. И получал желаемое, всё более и более попадая в зависимость от российской императрицы. Он пробовал найти поддержку со стороны Франции, просил совета у госпожи Жоффрен как хозяйки великосветского салона в Париже, пытался найти контакты с Австрией. Но тщетно. Его судорожные попытки вырваться из круга зависимости от русской императрицы не увенчались успехом.

Вместе с Чарторыйскими король обращался к Панину с просьбой отменить постановление о диссидентах. Но Панин, зная мнение Екатерины по этому вопросу, им отказал. Попытки Понятовского провести преобразования, изменить конституцию взволновали Фридриха И, и он 30 октября 1764 года отправил Екатерине послание, в котором, в частности, писал: «Многие из польских вельмож желают уничтожить liberum veto и заменить его большинством голосов. Это намерение очень важно для всех соседей Польши. Согласен, что нам нечего беспокоиться при короле Станиславе, но после него? Если ваше величество согласитесь на эту перемену, то можете раскаяться, и Польша может сделаться государством, опасным для своих соседей, тогда как, поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у вас всегда будет средство производить перемены, когда вы найдете это нужным Чтоб воспрепятствовать полякам предаваться их первому энтузиазму, всего лучше оставить у них русские войска до окончания сейма». Это письмо поразило Екатерину, она послушалась совета прусского короля и

отказала Понятовскому в согласии на преобразования в Польше.

А в это время в Европе ходили «достоверные» слухи о предполагаемом брачном союзе короля Станислава-Августа с императрицей Екатериной II. На самом же деле российская императрица перестала доверять Понятовскому. Ей была известна двойственная политика Станислава-Августа, а потому теперь польский король проживал в Гродно под присмотром Репнина и на иждивении Российской империи. Клану Чарторыйских, игравшему весьма заметную роль в Польше, было предложено: старику-канцлеру оставить добровольно свой пост, а двум молодым сыновьям отправиться в Петербург для службы российской короне. И Чарторыйские повиновались. Один их этих сыновей, князь Адам Чарторыйский, впоследствии в своих записках вспоминал о польском короле: «В декабре 1764 года мы простились с родителями и тронулись в далекий путь. По дороге мы посетили Гродно, где в это время проживал злополучный король Станислав-Август, под надзором князя Репнина. Здесь алы пробыли до весны и за эти несколько месяцев часто посещали короля, были свидетелями его горя и горьких упреков, которые он себе делал, не будучи в состоянии спасти отечество или по крайней мере погибнуть, сражаясь за него».

Не только он, но и конфедераты ничего не могли сделать для сохранения Польши как независимого, свободного государства и противостоять разделу Польши между Пруссией, Россией и Австрией. Франция под видом борьбы против России также подрывала стабильность Польши изнутри: один из главарей конфедератов Красинский получил от французских борцов против России, во главе которых стоял французский министр Шуазель, 200 тысяч ливров, чтобы свергнуть короля Станислава-Августа и выбрать королём французского принца Конде или саксонского принца Альберта с условием, что новый король должен жениться на австрийской эрцгерцогине.

Во время восстания один из гайдамацких отрядов переправился через речку Кодыму, которая считалась границей между Россией и Турцией, и разграбил татарское местечко Галту, а в ходе сражения с турками и татарами несколько раз то отступал, то снова переправлялся через речку Кодыму. Стамбул тотчас же отреагировал на нарушение границы и нападение на население Османской державы и отправил к границе с Россией 20-тысячный турецкий корпус Русский посол Обрезков 25 сентября 1768 года пытался уладить это дело путём переговоров, но был арестован, дипломатические отношения Турции с Россией были разорваны, и Турция объявила России войну. Россия оказалась в состоянии не одной, а двух войн. Но императрица

Екатерина II не растерялась. В письме к графу Чернышеву она обрисовала своё положение в аллегорической форме: «Туркам и французам заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла». И действительно, уже 4 ноября в 10 часов утра она собрала своих приближенных на Совет, который с тех пор стал постоянным учреждением По повелению Её Императорского Величества ко двору собрались в Совет лица, назначенные накануне: граф Алексей Кириллович Разумовский, генерал-аншеф князь Александр Михайлович Голицын, граф Никита Иванович Панин, бывший любовник Екатерины граф Захар Григорьевич Чернышёв, граф Пётр Иванович Панин, князь Михаил Никитич Волконский, вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын, фаворит императрицы граф Григорий Григорьевич Орлов и князь Андрей Вяземский.

На заседании Григорий Орлов предложил послать в Средиземное море военно-морскую экспедицию. Обсудив это предложение, члены Совета согласились привлечь к борьбе с турками христианское население Турции, христиан-греков и черногорцев. Предполагалось, что война должна носить наступательный характер и русская армия не должна допустить турок в Польшу. Так была подготовлена при Екатерине II первая Русско-турецкая война, возникшая в результате политики Екатерины II и Фридриха II в отношении польских диссидентов и впоследствии ознаменованная славными победами русского оружия.

В 1770 году конфедераты провозгласили, что король Станислав-Август свергнут с престола, и объявили междуцарствие. В письме от 12 января 1772 года посол в Польше Волконский уведомил Панина, что примас (первый по сану или по своим правам епископ католической, а также англиканской церквей) с приверженными к России людьми старался усилить новую русскую и патриотическую партию, но король и его советники всячески стараются помешать этому. Такое противодействие российской политике со стороны короля, неясность положения, когда слова Станислава-Августа не соответствовали его действиям, заставило посла Волконского просить отставки. Его просьба была удовлетворена, на смену ему был назначен послом Салдерн, который без обиняков обрисовал Станиславу-Августу весь ужас его положения: народ его ненавидит, извне никакой помощи он ожидать не может, потому что даже императрица Екатерина II, наблюдая его двойную политику, готова лишить его своего покровительства, если он не переменит своего поведения относительно России. Понимая всю

справедливость сказанного ему послом Салдерном, Понятовский испугался и представил русскому послу следующий дипломатический документ: «Вследствие уверения посла Ее Величества Императрицы Всероссийской в том, что августейшая государыня его намерена поддерживать меня на троне польском и готова употребить все необходимые средства для успокоения моего государства; вследствие изъяснения средств, какие, по словам посла, императрица намерена употребить для достижения этой цели; вследствие обещания, что она будет считать моих друзей своими, если только они будут вести себя как искренние мои приверженцы, и что она будет обращать внимание на представления мои относительно средств успокоить Польшу, — вследствие всего этого я обязуюсь совещаться с Ее Величеством обо всем и действовать согласно с нею, не награждать без ее согласия наших общих друзей, не раздавать вакантных должностей и старосте, в полной уверенности, что Ее Величество будет поступать со мною дружественно и с уважением, на что я вправе рассчитывать после всего сказанного ее послом Подписано 16 мая 1771 года, Станислав-Август, король».

В последние годы жизни Екатерины II последний польский король Понятовский, уже после раздела Польши, жил в Гродно, по-прежнему на иждивении императрицы Всероссийской. Он не имел уже никакого значения в политических делах, и императрица уже фактически не обращалась к нему, предоставив наблюдение за ним сменяющимся русским послам в Варшаве. В 1797 году, уже после смерти императрицы Екатерины И, он был приглашен императором Павлом I, весьма к нему расположенным, в Санкт-Петербург. Это особое расположение Павла к Понятовскому возникло значительно раньше, когда великий князь Павел Петрович со своей второй супругой Марией Феодоровной путешествовал по Европе в 1785 году. Тогда польский король, узнав, что августейшая чета проезжает по югу Польши, отправился туда и организовал почётную встречу великому князю и великой княгине, поселил их в роскошных апартаментах замка Вишневец, в то время принадлежавшего графу Мнишеку, женатому на племяннице Станислава-Августа — графине Замойской. В те дни в дружеских беседах будущий император сошёлся с Понятовским по многим вопросам и оставил в своей памяти приятное впечатление от этих встреч и бесед. Поэтому по восшествии на престол Павел, считавший к тому же, что Екатерина незаслуженно плохо относилась к Понятовскому, пригласил бывшего польского короля в Петербург и весьма благосклонно и великодушно принял его со всеми почестями, подобающими коронованным особам. Понятовскому был

предоставлен в Петербурге Мраморный дворец — один из дворцов, отличавшихся роскошью и великолепием обстановки. В честь бывшего польского короля были устроены торжественные приёмы и банкеты, организованы дружеские встречи и беседы, напоминавшие прежнее общение великого князя Павла Петровича с польским королем в замке Вишневец Однако, как вспоминает об этом времени Адам Чарторыйский, «вопрос о возвращении Станиславу-Августу его королевства никогда не возбуждался, если не считать нескольких намеков, которые Павел I сделал некогда Костюшко, осуждая принципиально политику Екатерины по польскому вопросу». Чарторыйский и другие польские патриоты считали, что «окруженный внешними знаками внимания и милости императора, пленный король влачил довольно грустное существование в столице, стараясь, быть может, чрезмерной угодливостью заслужить расположение непостоянного монарха, в руках которого находилась его судьба». Иллюстрируя это «грустное существование», Чарторыйский рассказал о присутствии Станислава-Августа на короновании Павла I в Успенском соборе Кремля: «По желанию императора вслед за ним переехал в Москву и польский король, который должен был присутствовать на всех торжествах коронования. Надо признаться, что Станиславу-Августу пришлось играть довольно плачевную роль, когда он должен был следовать за императором, окруженным своим семейством и блестящей свитой. Церковная служба, которой начинается это торжество, чрезвычайно продолжительна. Во время этой службы Станислав-Август, утомленный до чрезвычайности, попробовал сесть в отведенной ему трибуне. Император тотчас это заметил и велел ему сказать, что в церкви он все время должен находиться стоя, — что несчастный король, сильно смущенный, и поспешил исполнить».

Император Павел вместе со своим семейством часто приезжал к Понятовскому в Мраморный дворец на обед, который отличался изысканностью благодаря метрдотелю Фремо. Понятовский ожидал его и на этот раз. Чтобы развлечь августейшую семью, Станислав-Август собирался устроить любительский спектакль и очень деятельно готовился к нему. Однако сбыться этому не было суждено. 2 февраля 1797 года бывшего польского короля Станислава-Августа внезапно поразил удар. Далее Адам Чарторыйский рассказывает: «Известие это быстро распространилось по городу, и мы с братом поспешили в Мраморный дворец. Доктор Беклер уже пустил кровь больному и призвал на помощь все свое искусство, но тщетно. Король лежал на одре смерти уже без сознания, окруженный и опечаленной, и

растерянной свитой. Вскоре затем прибыл император со своим семейством. Известный Бачиарелли изобразил эту печальную сцену в прекрасной картине, отличающейся замечательным сходством изображенных на ней лиц. Король умер и был с большой пышностью похоронен в католической церкви доминиканцев в Петербурге». (Поясним: это существующая и теперь церковь Св. Екатерины на Невском проспекте.) Так окончилось земное пребывание одного из первых любовников великой княгини Екатерины Алексеевны, вся жизнь которого была связана затем с императрицей Екатериной И, и даже погребение его осуществилось под сенью церкви Св. Екатерины. Да и сама смерть его оказалась почти точной копией ухода из жизни его любимой женщины, ставшей Всероссийской императрицей.

Но вернёмся в те времена, когда великая княгиня Екатерина Алексеевна оказалась в крайне неприятном положении, обвинённая в глазах императрицы Елизаветы Петровны в разных тяжких грехах.

Когда разразился скандал по поводу связи Екатерины с Понятовским, Елизавета Петровна так разгневалась и рассердилась на Екатерину, что великая княгиня ждала страшного её решения и готова была сама покинуть Россию. Но её непоколебимое желание взойти на трон и твёрдая воля не позволили ей это сделать, и она сумела уговорить Елизавету Петровну и смягчить её гнев против себя.

В этот тяжёлый час Екатерину постигло горе: умерла дочь Анна, рождённая от Станислава Понятовского; в Париже скончалась её мать, Иоганна-Елизавета, — и она осталась без всякой поддержки: враждебно настроенный муж, разгневанная императрица, а люди, которые могли бы её поддержать, сделать этого не в силах, потому что Бестужев в оковах, Понятовский уехал на родину, Захар Чернышёв не в Петербурге, а в Москве, а Сергей Салтыков в отъезде. Но, как говорится, чему быть, того не миновать: неожиданно явилась поддержка в лице блестящего красавца-офицера Григория Григорьевича Орлова (1734–1783).

Дело в том, что весной 1759 года в Петербург, сопровождаемый двумя офицерами, одним из которых был Григорий Орлов, прибыл попавший в плен в битве при Цорндорфе флигель-адъютант Фридриха II — граф Шверин.

Григорий Орлов, исполин и красавец, окончил шляхетский кадетский корпус, основанный императрицей Елизаветой Петровной, начал свою военную карьеру на полях сражений в Семилетнюю войну и был ранен в битве при Цорндорфе. Прибыв с графом Шверином в Санкт-Петербург, он поступил в

артиллерию и скоро стал центром офицеров, считавших императора Петра III фигурой, не достойной российского престола, а императрицу Екатерину II, умную, образованную, намного превосходившую своего неумного, невежественного и невоспитанного супруга, подходящей кандидатурой на русский трон. Знакомство Григория Орлова с Екатериной Алексеевной явилось зародышем заговора по устранению Петра III и возведению на престол императрицы Екатерины II. Григорий Орлов взял в свои руки все нити заговора и подготовки переворота, употребив своё влияние среди гвардейских офицеров, таких как Рославлев, Ласунский, Пассек, Бредихин и его родные братья — Алексей и Фёдор Орловы. Впоследствии среди этих офицеров называли и Григория Потёмкина Под руководством офицеров и братьев Орловых, особенно Григория Орлова, солдаты были соответствующим образом подготовлены к принесению присяги Екатерине II. Первенствующая роль братьев Орловых в проведении переворота была очевидна, однако кроме них в заговоре приняли участие: Екатерина Романовна Дашкова, которая сама пришла к Екатерине, предложила ей свои услуги и потому всегда считала себя главной заговорщицей; Никита Иванович Панин, воспитатель великого князя Павла Петровича, уверенный, правда, в том, что Екатерина ограничится только ролью регентши при малолетнем сыне императоре Павле Петровиче; граф Кирилл Разумовский, с которым и Григорий Орлов, и Екатерина Дашкова были в весьма доверительных отношениях, и многие, многие другие, что подтверждается огромным списком лиц, награждённых Екатериной II. После переворота, совершившегося 28 июня (по ст. ст.) 1762 года, многие — не только братья Орловы, но и Дашкова, и Н. И. Панин — считали себя главными руководителями переворота. Однако у самой Екатерины было другое мнение. В письме к Понятовскому она написала: «Всё делалось, признаюсь, под моим особенным руководством». И всё же она, взойдя на желанный трон, щедрой рукой наградила всех участвовавших в деле возведения её на российский престол. А особенно Григория Орлова, с которым вступила в любовную связь еще в процессе подготовки переворота. Первой об этой связи догадалась Екатерина Дашкова. Об этом она так написала в своих Записках: «Возвращаясь от голштинской принцессы, родственницы императрицы, с просьбой дозволить ей видеть государыню, я чрезвычайно изумилась, заметив Григория Орлова, растянувшегося во весь рост на диване (кажется, он ушиб себе ногу) в одной из царских комнат. Перед ним лежал огромный пакет бумаг, который он собирался распечатать; я заметила, что это были государственные акты,

сообщенные из верховного совета, мне приводилось их часто видеть у моего дяди в царствование Елизаветы. „Что такое с вами?“ — спросила я его с улыбкой. „Да вот императрица приказала распечатать это“, — отвечал он. „Невозможно, — сказала я, — нельзя раскрывать их до тех пор, пока она не назначит лиц, официально уполномоченных для этого дела, и я уверена, что ни вы, ни я не можем иметь притязания на это право“… Проходя к императрице через ту комнату, где Григорий Орлов лежал на софе, я нечаянно заметила стол, накрытый на три прибора. Обед был подан, и Екатерина пригласила меня обедать вместе. Войдя в залу, я с крайним неудовольствием увидела, что стол был подвинут к тому месту, где лежал Орлов. На моем лице отразилось неприятное чувство, что не укрылось от Екатерины. „Что с вами?“ — спросила она. „Ничего, — отвечала я, — кроме пятнадцати бессонных ночей и необыкновенной усталости“. Тогда она посадила меня рядом с собой, как будто в укор Орлову, который изъявил желание оставить военную службу. „Подумайте, как это было бы неблагодарно с моей стороны, если бы я позволила ему выйти в отставку“. Я, конечно, была не совсем согласна с ее мнением и прямо заметила, что она как государыня имеет много других средств выразить свою признательность, не стесняя ничьих желаний.

С этого времени я в первый раз убедилась, что между ними была связь. Это предположение давно тяготило и оскорбляло мою душу».

Григорий Орлов остался во дворце при императрице как фаворит. Он был возведён в графское достоинство, назначен генерал-адъютантом Её Императорского Величества, генерал-директором инженеров, затем он получил высокие военные чины генерал-аншефа (II класс Табели о рангах) и генерал-фельдцейхмейстера.

В силу своей необразованности, Григорий Орлов не мог быть государственным деятелем в подлинном смысле этого слова, да и не хотел учиться, чтобы стать таковым. Однако он от природы был достаточно прозорлив и умён, чтобы понимать происходящие политические события и иметь своё отношение к ним. А потому мог быть полезным советником императрицы, которой необходимо было познакомиться с возможной точкой зрения, не совпадающей с её видением. В первые годы царствования Екатерины II Орлов, «настоящий орёл», как о нём отзывалась императрица, поддерживал все её начинания, особенно те, где речь шла об улучшении быта крестьян, об экономном ведении крестьянского (да и помещичьего) хозяйства. Имея доброе сердце, он живо откликался на патриотическое, а затем экономическое

движение и поддерживал начинания Норова и Болотова в учреждении Вольного экономического общества как бы от имени Екатерины II. Первое время он финансировал это общество и председательствовал на его собраниях. 15 мая 1765 года Орлов был избран первым президентом Вольного экономического общества. На одном из заседаний Общества, имевшего свои журналы, учреждённые Норовым и особенно Болотовым, Григорий Григорьевич предложил решить вопрос, для того времени весьма прогрессивный и, можно сказать, даже революционный: «Полезно ли даровать собственность крестьянам?»

В 1767 году граф Орлов был избран дворянским депутатом от Копорского уезда Петербургской губернии в Уложенную комиссию, и ему было поручено командование взводом кавалергардов во время церемониального въезда императрицы Екатерины II в Кремль на открытие работы Уложенной комиссии.

Участвуя в комиссии по подготовке к Русско-турецкой войне в 1767 году, Григорий Орлов выдвинул весьма ценное предложение: начать на Балканах действия по освобождению греков, особенно христиан, от турецкою ига. *Эту* идею пытался воплотить в жизнь его брат Алексей Орлов, в то время лечившийся в Италии и испросивший у императрицы позволения на руководство восстанием. Ему удалось поднять Морею, но он не смог предоставить повстанцам прочного боевого устройства, а потому с задачей не справился.

В конце августа 1771 года в Москве разразилась эпидемия чумы. Генерал-губернатором, главнокомандующим Москвы в то время был Пётр Семёнович Салтыков (1698–1772). Сотни москвичей погибали от чумы каждый день. В страхе перед заражением помещики, богатые купцы, чиновники покидали город, бросив свои дома и крепостных людей. В сентябре, спасая свою семью, не дожидаясь разрешения императрицы, Салтыков выехал в своё подмосковное имение Марфино. В его отсутствие 16 сентября в Москве вспыхнул Чумной бунт, во время которого бунтовщиками был убит московский архиепископ Амвросий, пытавшийся не допустить распространения чумы через целование иконы Божией Матери и через деньги, пожертвованные иконе. В этот день московский губернатор ПД. Еропкин, применив самые жёсткие меры воздействия, расстрелял из ружей, а затем и из пушек картечью толпы мятежников и, рассеяв остальных, восстановил некоторый порядок в Москве. Но и сам пострадал в этой битве: он был серьёзно ранен шестом и камнем, в двух местах. От ранений у него началась лихорадка, и он был вынужден слечь в постель. Однако он успел сообщить Салтыкову

о бунте, и уже в 9 часов утра следующего дня генерал-губернатор вернулся в Москву, вызвал обер-полицмейстера Бахметева и велел ему идти с полком на Красную площадь, потому что и в этот день, 17 сентября, уже на рассвете, толпы мятежников стали ломиться в Кремль, требуя, чтобы им были выданы бунтовщики, захваченные накануне властями, чтобы были снова открыты опечатанные бани, чтобы были уничтожены карантины, а лекарей чтоб к их должности не допускали.

Чтобы прекратить бунт, Бахметев выстроил на Красной площади свой полк и сказал бунтовщикам: «Советую вам расходиться по домам, в противном случае все побиты будете». Через минуту площадь опустела, и бунт закончился.

Пока известие дошло до Петербурга, только 21 сентября 1771 года императрица издала манифест об отправлении в Москву графа Григория Орлова для подавления Чумного бунта «по довольно известной его ревности, усердию и верности к нам и отечеству». Генерал-фельдмаршал граф Пётр Семёнович Салтыков был снят с должности главнокомандующего Москвы, и на его место был назначен граф Орлов.

«Орлов по природе своей не мог удовлетвориться тем значением, какое он имел при дворе, не мог удовлетворяться ни административною деятельностью как генерал-фельдцейхмейстер, ни деятельностью как член Совета, его тянуло на место войны, где одерживались блистательные победы, где родной брат его жег турецкий флот. Удалиться надолго, на все время войны не было возможности, но он не переставал мечтать о роли начальника отдельного предприятия, которое быстро могло бы положить конец войне; теперь же, когда Москва и вся Россия потребовала энергического действия для спасения их от страшного бича, Орлов не хотел упустить случая оказать великую услугу, приобрести громкую известность» (СМ Соловьев). В беседе с английским посланником лордом Каткартом, который уговаривал Орлова отказаться от поездки в Москву, где бушует чума, Орлов сказал; «Все равно, чума или не чума, во всяком случае я завтра выезжаю, я давно уже с нетерпением ждал случая оказать значительную услугу императрице и отечеству; эти случаи редко выпадают на долю частных лиц и никогда не обходятся без риска; надеюсь, что в настоящую минуту я нашел такой случай, и никакая опасность не заставит меня от него отказаться».

Через пять дней, 26 сентября, несмотря на осенние дожди и дорожную грязь, Орлов, наделённый чрезвычайными полномочиями, выехал в Москву, а 28 сентября он уже присутствовал на первом собранном им заседании Сената. На

этом заседании были учреждены предохранительная и исполнительная комиссии, увеличено количество карантинов и больниц, приняты меры к обеспечению Москвы продовольствием 30 сентября Орлов поставил в Сенате вопрос о необходимости снабдить мастеровых и ремесленников пропитанием. Чтобы дать пропитание мастеровым и ремесленникам, Сенат принял решение о покупке казной их изделий. Остальные люди, не имевшие работы, были направлены на расширение рвов вокруг Москвы и на другие чёрные работы. Больные стали получать деньги и бесплатное питание и одежду. По предложению Орлова, Сенат постановил доставить в Москву уксус в таком количестве, которое способно оградить от заразы всех жителей города.

Было дезинфицировано более шести тысяч домов, в которых находились заболевшие чумой, и отведены за городом специальные кладбища, где разрешалось хоронить только умерших от чумы. Чтобы увеличить число больничных пунктов, сам главнокомандующий граф Орлов передал под больницу свой родовой дом на Вознесенской улице (ныне Малая Никитская). По его распоряжению на Таганке был открыт приют для детей, оставшихся сиротами в результате эпидемии, под ведомством вице-президента Мануфактур-коллегии Сукина. Но детей-сирот оказалось так много, что этот приют не вмещал всех привозимых в него. Тогда Опекунский совет согласился принимать их в Воспитательном доме, в который не проникла зараза, потому что он с самого начала эпидемии был строго оцеплен.

12 октября Орлов предложил Сенату издать указ о казни всех тех, кто в вымерших домах грабит оставшиеся пожитки и разносит их по другим домам, заражая людей.

Фаворит императрицы проявил такую энергию, отвагу и распорядительность, что, по отзывам современников, «лично посещал госпитали, оказывал пособие зараженным, являлся среди народа, участвовал в крестных ходах». Он не только бескорыстно служил императрице и отечеству, но и потратил много своих личных денег на борьбу с чумой и её последствиями. Свой родовой дом, отданный под больницу, он полностью за свой счёт оснастил больничными принадлежностями: кроватями, постелями, постельным бельём, оплачивал одежду больных, их питание, медицинские принадлежности и лекарства. Оплачивал он и весь медицинский и обслуживающий персонал.

Разумеется, за 58 дней пребывания в должности главнокомандующего Москвы Орлов не мог полностью победить чуму и её последствия, что позже дало возможность злым языкам говорить, что он и приехал, когда бунт был подавлен, и уехал, когда еще чума не была полностью побеждена. Но императрица

иначе думала о заслугах своего героя-фаворита, «настоящего орла».

Соскучившаяся и довольная действиями фаворита, Екатерина II 17 ноября 1771 года издала указ об отзыве графа Г. Г. Орлова из Москвы. На его место в качестве генерал-губернатора был назначен князь Михаил Никитич Волконский, которому выпало на долю продолжение борьбы с остатками эпидемии и участие в окончательном умиротворении москвичей после их Чумного бунта. По велению императрицы 25 ноября в Петербурге и Москве все церкви служили благодарственный молебен за прекращение моровой язвы. Екатерина хотела показать всем, что она имеет фаворита не для личной утехи, она воспитывает настоящих граждан для России, готовых пожертвовать собой в самых тяжёлых для страны обстоятельствах. Поэтому Орлов, вернувшийся из своего как бы героического похода, был встречен в Петербурге с особой торжественностью. В его честь была воздвигнута триумфальная арка и выбита медаль, на одной стороне которой был портрет Орлова в особом военном одеянии с орденами и лентами, а на другой — Курций, бросающийся в пропасть, с надписью: «И Россия таковых сынов имеет».

В продолжение всех 11 лет, когда Григорий Орлов был фаворитом Екатерины, она поддерживала его имидж героя, государственного человека, патриота, гражданина. Так, отправляя Орлова на переговоры с турками, в рекомендательном письме к своей приятельнице Бельке Екатерина дала Орлову такую характеристику: «Граф Орлов, который без преувеличения первый красавец своего времени, должен действительно казаться ангелом перед этими гнусными турецкими бородачами; его свита блестящая и отборная; и мой посланник любит великолепие и блеск. Но держу пари, что его особа сокрушает всех вокруг. Этот посланник — удивительный человек, природа так роскошно наделила его со стороны ума, сердца, души, что у этого человека нет ничего приобретенного — все натура, и все хорошо; но госпожа натура также избаловала его, потому что прилежание труднее для него всего на свете, и до тридцати лет ничто не могло его к нему принудить. Несмотря на то, удивительно, сколько он знает; его естественная прозорливость так далека, что, слыша о предмете в первый раз, он схватывает его крепкие и слабые стороны и оставляет далеко позади себя человека, который начал о нем с ним говорить».

Надо иметь в виду, что эта, на первый взгляд блестящая, характеристика была дана накануне Бухарестского конгресса в Фокшанах, куда, как первый полномочный посланник, был

направлен Орлов. Екатерина прекрасно понимала, что неотёсанный, необразованный, грубый солдафон Орлов не подходит на роль дипломата, а потому она предваряет неприятное впечатление, которое он может произвести на членов конгресса, словами: «Но держу пари, что его особа сокрушает всех вокруг», «прилежание труднее для него всего на свете, и до тридцати лет ничто не могло его к нему принудить». «Прилежанием» она называет обучение, а его необразованность старается заменить «естественной прозорливостью».

И Екатерине, и её окружению уже наскучил грубый фаворит. Теперь уже Екатерине не было необходимости удерживать завоёванную переворотом власть, а потому ей не нужен был человек, который своими действиями, зачастую не согласованными с ней, только компрометировал свою покровительницу. Да и Орлов тоже уже тяготился своей ролью фаворита, он был призван к военной деятельности и образование получил только военное, поэтому ему хотелось быть героем сражений, и он завидовал своему брату Алексею, но особенно Петру Румянцеву-Задунайскому. Завидуя Румянцеву, Орлов всячески принижал его значение, показывая себя на заседаниях Сената решительным и боевитым, способным в два приёма победить турок и окончить войну. О Румянцеве он говорил как о медлительном и нерешительном полководце. Поэтому, отправляясь на переговоры с турками, он не ставил целью договор о мире, а больше планировал взять у медлительного Румянцева войска, направить их против турок и, разгромив Османскую империю полностью, дойти до самого Константинополя. Этот проект не осуществился, потому что он не испросил разрешения у императрицы, а Румянцев, несмотря на угрозы разбушевавшегося фаворита, решительно отказался передать войска без повеления на то Екатерины.

Переговоры в Фокшанах были сорваны якобы из-за упорства турецкого уполномоченного Османа-ефенди, но, по отзыву Румянцева, из-за внезапного, ни с кем не согласованного отъезда Орлова. Получив сведения о том, что у Екатерины появился новый фаворит, Орлов, не дожидаясь окончания переговоров, самовольно вернулся в Петербург, но оказался в немилости у Екатерины: она удалила его от двора. В сохранившемся собственноручном проекте Екатерины о награждении Орлова при отставке видна её забота о материальном положении не только бывшего фаворита, но и его родственников. В октябре 1772 года ему был пожалован княжеский титул Смягчая расставание с тем, за кем стояли гвардейские полки, кто возвёл её на трон своей персоной и в течение почти 11 лет оберегал её от врагов и

помогал ей царствовать, Екатерина писала в рескрипте: «Я никогда не позабуду, сколько я всему роду вашему обязана, и качеств тех, коими вы украшены, и колико оные отечеству полезны быть могут..»

Около пяти лет князь Григорий Орлов проживал в Ревеле (Таллине). В 1777 году он женился на одной из красивейших женщин того времени — Е. Н. Зиновьевой. Ни одну женщину Орлов не любил так, как он любил свою жену. (Надо заметить, что Екатерине II он изменял, и неоднократно, но законы фаворитизма не позволяли ей даже упрекать его в этом.) Почти три года длилось счастье Орлова с молодой красавицей-женой. В 1780 году они предприняли путешествие в Западную Европу. Во время этого вояжа неожиданно безвременно скончалась княгиня Е. Н. Орлова Для Орлова это был такой удар, что вернулся он в Россию, можно сказать, убитый и нравственно, и физически. Говорили, что он даже повредился умом.

13 апреля 1783 года князя Григория Григорьевича Орлова не стало.

Он вошёл в историю России как организатор дворцового переворота, в результате которого Россия обрела императрицу Екатерину II, как многолетний фаворит у российского трона, в немалой степени повлиявший на ход развития Российского государства.

К чести Екатерины II надо сказать, что она никогда не отзывалась плохо об Орлове, приняла живейшее участие в нем, когда он потерял супругу, а когда Алексей Орлов сообщил ей о кончине брата, она написала ему: «Я имела в нем друга; вместе с вами оплакиваю его; чувствую в полной мере цену потери и никогда не позабуду его благодеяний». А Гримму в письме от 1 июня 1783 года написала: «Смерть князя Орлова свалила меня в постель».

Заменой Орлову в 1772 году явился новый фаворит — конногвардейский корнет Александр Семёнович Васильчиков (1746–1803). В донесении в Берлин прусского посла Сольмса говорилось: «Конногвардейский корнет Васильчиков, случайно отправленный с небольшим отрядом в Царское Село для несения караулов, привлек внимание своей государыни совершенно неожиданно для всех, потому что в его наружности не было ничего особенного, да и сам он никогда не старался выдвинуться и в обществе очень мало известен. При переезде царского двора из Царского Села в Петергоф Ее Величество в первый раз показала ему знак своего расположения, подарив золотую табакерку за исправное содержание караулов. Этому случаю не придали никакого значения, однако частые посещения

Васильчиковым Петергофа, заботливость, с которой она спешила отличить его от других, более спокойное и веселое расположение ее духа со времени удаления Орлова, неудовольствие родных и друзей последнего, наконец, множество других мелких обстоятельств открыли глаза царедворцам. Хотя до сих пор все держится в тайне, никто из приближенных не сомневается, что Васильчиков находится уже в полной милости у императрицы; в этом убедились особенно с того дня (1 августа 1772 года), когда он был пожалован камер-юнкером».

Александр Семёнович Васильчиков был на 17 лет моложе императрицы, а потому её женский взгляд на красоту молодого статного конногвардейского корнета радикально отличался от взгляда прусского посла Сольмса. Кроме того, отставка Орлова, с которым она прожила почти 11 лет, не могла не волновать её, и порывая, она, как всякая женщина, хотела уколоть своего бывшего любимца тем, что его наследник моложе его на 12 лет. Надо сказать, что, начиная с Васильчикова, все последующие фавориты Екатерины II были моложе её не менее чем на 10, а то и на 20 лет.

Александр Васильчиков происходил из древнего дворянского рода, известного с середины XIV века, когда родоначальник рода по имени Индрис прибыл на Русь со своей дружиной для служения князьям Черниговским. Потомки Индриса переехали в Москву на служение Великому князю Московскому. Между прочим, от Индриса ведет начало и род Толстых. Фамилия Васильчиковых произошла от имени Васильчик, полученная потомками от Василия Федоровича (VIII колено). Разрядные книги XVI века отметили Васильчиковых, служивших при Государевом дворе воеводами и головами. Один из Васильчиковых, Григорий Борисович, нёс службу посольскую. Гордостью Васильчиковых была дочь Григория Борисовича — Анна Григорьевна, ставшая пятой женой царя Иоанна IV Грозного, постриженная им насильно в суздальском Покровском монастыре, где она и «почила в Бозе» в 1577 году. Единственным продолжателем фамилии Васильчиковых явился сын Григория Борисовича — Лукьян. В XVIII веке внуки Лукьяна, стольники Григорий и Василий Семёновичи, переехали во вновь созданный царём Петром Санкт-Питербурх, где Григорий Семёнович в 1723 году, а его брат Василий — в 1725-м построили на Васильевском острове каменный и деревянный дома. Григорий Семёнович приходился новому фавориту Екатерины II дедом. Отцом фаворита был Семён Григорьевич, который имел трёх сыновей, средним из которых был Александр, и четырёх дочерей. Так что родственников у молодого фаворита было много.

В 1773 году Екатерина II пожаловала своему фавориту придворное звание действительного камергера В придворном штате в то время значилось лишь 12 действительных камергеров, поэтому Васильчикову было присвоено это звание сверх положенного штата Это было классическое начало по законам фаворитизма — дать новому фавориту придворное звание и предоставить ему возможность распоряжаться двором.

Васильчиков получил хорошее воспитание, был добрым и любезным человеком При дворе он старался держаться независимо, никому не приносил вреда, ни с кем не конфликтовал, но ничего нового, интересного привнести в жизнь двора был не способен, а уж тем более не был настолько умным, образованным и способным, чтобы помогать императрице в её государственных и дворцовых делах, как это делал его предшественник Григорий Орлов. Екатерина была умна и проницательна, и ей не потребовалось много времени, чтобы понять ничтожность Васильчикова Ей, образованной, много читавшей и знавшей, переписывавшейся с умнейшими и известнейшими людьми Европы, не о чем было разговаривать с молодым фаворитом, не о чем было советоваться.

Посланник в России Гельбиг в отношении Васильчикова отмечал, что «Панин, Чернышев и Барятинский учили его искусству быть любимым», но и здесь он оказался плохим учеником. Фактически он не соответствовал придворному званию действительного камергера, приравненному к генеральскому чину IV класса Табели о рангах, и при дворе не имел никакого влияния и никакого значения. Это был не «орёл». На первых порах от него этого и не требовалось, он просто должен был присутствовать при императрице и днём и ночью. Желая приобщить своего фаворита к государственным делам, она держала его при себе во время своих встреч с государственными людьми и высокими военными чинами, думая, что это поможет ему войти в курс государственных дел и он начнёт ими заниматься. Со всей пылкостью своей натуры она хвалила его, подбадривала, наградила его орденом Св. Александра Невского, восхваляла его умеренность желаний, то есть отсутствие своекорыстия, пыталась пробудить в нём интерес к культурной и общественной жизни, но всё было тщетно.

Он стал её раздражать, и скоро она стала называть его во всеуслышание «скучнейшим гражданином мира» и признаваться, что рядом с собой ощущает не человека, а пустоту.

А в эти годы она особенно нуждалась в поддержке близкого человека и его советах: 1773 и 1774 годы были годами войны с Турцией и неурядиц в Польше, годами Пугачёвского восстания и появления в Европе самозванки, называвшей себя дочерью Елизаветы Петровны.

Позднее она говорила Потёмкину о времени фаворита Васильчикова. «думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года; сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо, с другой стороны, месяца по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольнее не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала».

Только нежелание показаться смешной и отсутствие кандидатуры для его замены заставили Екатерину продержать около себя Васильчикова в течение 1 года и 10 месяцев, до той поры, когда замена ему нашлась. Но далее терпеть его не было смысла, и 20 марта 1774 года Васильчикову было направлено повеление уехать от двора в Москву. Ему назначались пенсия в 50 тысяч рублей в год и единовременное пособие в 50 тысяч рублей.

Князь ММ Щербатов, историк и публицист, подытожил деятельность фаворита А. С. Васильчикова так: «Ни худа ни добра не сделал».

Выйдя в отставку, Александр Семёнович Васильчиков поселился в Москве, на Тверской улице, между Страстным монастырём и Садовой, в красивом барском доме во дворе. Позднее это место на Тверской москвичи в шутку стали называть «московским уголком отставных фаворитов», потому что наискось от дома Васильчикова был дом другого, более позднего фаворита Екатерины II — А. П. Ермолова. А из окон дома Ермолов мог видеть дом отца его преемника по царицыну ложу — А. М. Дмитриева-Мамонова, который после скандальной его любви с Дарьей Щербатовой и своей отставки поселился в этом доме.

Александр Васильчиков умер в 1803 году в Москве, в своём доме на Моховой улице, где он провёл последние годы своей жизни. Ему было тогда 57 лет, но выглядел он как дряхлый старик. Все последние годы он просидел дома, в кресле, никуда не выезжая, ничем не интересуясь и ничего не делая.

А замена ему нашлась в лице Григория Александровича Потёмкина (1739–1791), который в 1762 году, в год восхождения Екатерины на престол, служил в конногвардейском полку вахмистром и принимал участие в перевороте тем, что вёл среди солдат пропаганду в пользу великой княгини Екатерины Алексеевны и вместе со своими солдатами в первых рядах

присягнул императрице Екатерине II. В списках награждённых первоначально ему в качестве награды был назначен чин корнета, но Екатерина вычеркнула эту строку и собственноручно написала «капитан-поручик», повысив ему чин на три ранга Кроме того, он получил придворное звание камер-юнкера, 400 душ крепостных и серебряный сервиз.

Григория Потемкина Екатерина знала уже более двенадцати лет. Он давно нравился ей. И действительно, в молодости он был очень строен и красив, о чём свидетельствует его портрет того времени. В 1769 году Потёмкин отправился на Русско-турецкую войну, где проявил себя весьма мужественно: отличился под Хотином, участвовал в армии П. А. Румянцева-Задунайского в битвах при Фокшанах, Ларге и Кагуле. Из реляций полководца Румянцева-Задунайского Екатерине были известны мужество и храбрость Потёмкина, проявленные им на войне. Задумав отставку Васильчикова, она вступила с Потёмкиным в переписку и в 1773 году дала добро на пожалование его в генерал-поручики. В то время он сражался под стенами Силистрии, осаждённой русскими войсками. После повышения в чине, осенью 1773 года он получил от Екатерины II письмо, которое его чрезвычайно взволновало. Она писала «Господин генерал-поручик! Вы, я воображаю, так заняты видом Силистрии, что вам некогда читать письма. Я не знаю до сих пор, успешна ли была бомбардировка, но, несмотря на это, я уверена, что — что бы вы лично ни предприняли — не может быть предписано иной цели, как вашему горячему рвению на благо мне лично и дорогой родине, которой вы с любовью служите. Но, с другой стороны, так как я желаю сохранить людей усердных, храбрых, умных и дельных, то прошу вас без необходимости не подвергаться опасности. Прочтя это письмо, вы, может быть, спросите, для чего оно написано; на это могу вам ответить: чтобы вы имели уверенность в том, как я о вас думаю, так же, как желаю вам добра». Прочитав такое игривое и с тонкими намёками письмо, можно было с уверенностью сказать, что оно написано не столько императрицей, сколько женщиной. И Потёмкин, судя по его дальнейшим действиям, понял это.

Желая не упустить свой шанс, Потёмкин, испросив отпуск, отправился в Петербург. Он прибыл туда в январе 1774 года и, чтобы не попасть впросак, еще в течение почти полутора месяцев наводил справки о событиях при дворе, о настроении императрицы в отношении фаворита Васильчикова, а затем, решившись укрепить свои шансы, 27 февраля написал ей письмо с просьбой иметь милость, «если она считает его услуги достойными», назначить его генерал-адъютантом Ея Величества

Екатерина благосклонно откликнулась на его письмо через три дня. После удаления Васильчикова Потёмкин занял апартаменты во дворце рядом с апартаментами императрицы. Не только Екатерина, но и многие высокие придворные чины, иностранные послы и «имянитые граждане» России, познакомившись поближе с новым фаворитом, отметили в нём несомненный ум, широкие знания и недюжинные деловые качества.

Сэр Р. Гунинг, английский посол при русском дворе, доносил 4 марта 1774 года: «Васильчиков, способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками, чтобы овладеть тем и другим». А Денис Иванович Фонвизин, относившийся к категории «имянитых граждан», знаменитый автор комедий «Недоросль», «Бригадир» и «Урок дочкам», в письме к сенатору и дипломату Петру Алексеевичу Обрезкову отметил последние новости так: «Здесь у двора примечательно только то, что камергер Васильчиков выслан от дворца, а генерал-поручик Потёмкин пожалован генерал-адъютантом». Звание генерал-адъютанта Ея Величества Императрицы было пожаловано Потёмкину 1 марта 1774 года.

Уже в мае того же года, по распоряжению Екатерины II, Потёмкин был введён в состав Совета, в июне был пожалован графским достоинством Священной Римской империи, в октябре произведён в генерал-аншефы, а в ноябре награждён самым высоким орденом — Св. Андрея Первозванного. Разумеется, так же, как при любых королевских и императорских дворах, у Потёмкина появились завистники, ненавидевшие его. И первым из ненавидящих был наследник Павел Петрович, который жаждал получить трон и понимал, что, пока Потёмкин будет править Россией вместе с императрицей, его мать не уступит ему престола. Но сама императрица была очень довольна своим новым фаворитом и, восхищаясь Григорием Александровичем, говорила: «Ах, что за голова у этого человека! И эта хорошая голова забавна, как дьявол». Эта голова была забавна тем, что она была наполнена идеями государственного значения. Этому фавориту не нужно было устанавливать порядок в придворных кругах. Он был введен в Совет, который позднее приобрёл наименование Государственного, и в скором времени стал в нём главной персоной, а в Военном совете занял председательствующее место. С первых же дней пребывания Потёмкина у престола стало ясно, что этот фаворит в звании генерал-адъютанта способен разделить с императрицей тягость управления огромной страной, да еще с трудно управляемой и требующей реформы государственной структурой.

Екатерина сразу же дала своему новому фавориту серьёзное задание военного характера. В это время на Урале полыхало Пугачёвское восстание, и Потёмкин вместе с генералами Михельсоном и Суворовым должен был принять участие в его подавлении. Первое крупное сражение против восставших пугачёвцев состоялось 22 марта 1774 года. Оно длилось более шести часов и закончилось полной победой правительственных карательных войск, но победа не принесла желаемого результата: волнение продолжалось, и ряды пугачёвского войска пополнялись новыми силами.

Правительственные войска теснили пугачёвцев, но постоянное пополнение пугачёвского войска даже при условии усиления карательных войск не приносило полной победы. По предложению Потёмкина были приняты дополнительные меры по установлению связи с домовитыми старшинами в войске пугачёвцев, а затем в сговоре с ними о выдаче Пугачёва за помилование одних и вознаграждение других. И именно это сработало: 12 сентября 1774 года казаки выдали своего «императора» генералу Михельсону, и Суворов с помогавшим ему Потёмкиным препроводили его в Петербург.

За успешное выполнение этого важного задания Потёмкин получил чин генерал-аншефа (И класс Табели о рангах) и звание шефа иррегулярных войск (то есть не входивших в состав регулярной армии), в основном казачьих, а затем был пожалован в графское достоинство Российской империи.

Когда в российском обществе произносят слово «фаворит», подразумевая, конечно, прежде всего любовника, то обычно это слово связывают с Потёмкиным. А между тем фаворитом-любовником Григорий Александрович Потёмкин был весьма непродолжительное время — всего около полутора лет. Уже в 1775 году фаворитом-любовником Екатерины II стал Пётр Васильевич Завадовский. Но Потёмкин не утратил фавора, он остался помощником императрицы в управлении государством, он получил значение государственного мужа, как пятнадцать лет тому назад мадам Помпадур, фаворитка Людовика XV, перестала быть любовницей короля, но не потеряла титула официальной фаворитки и осталась управлять государством.

По одной из версий, отставка Потёмкина как фаворита-любовника при Высочайшем дворе была связана с тем, что Потёмкин потерял один глаз, окривел. Это произошло случайно: однажды он простудился, и на левом глазу у него возник огромный ячмень. По совету знакомых Потёмкин обратился к лекарю-самоучке Ерофеичу, который изобрёл бальзам — крепкий спиртной напиток, настоянный на травах и употреблявшийся в

быту как лекарство при различных кожных воспалениях и нарывах. Ерофеич наложил Потёмкину на глаз повязку, густо смоченную в этом бальзаме. Всю ночь промучился Григорий Григорьевич от боли, но стоически повязку не снял. А утром вместе с ячменём у него вытек и глаз. Потёмкин уже не мог представлять фаворита-любовника с вытекшим глазом, а потому, говорят, сам предложил Екатерине свою отставку. Однако, подобно мадам Помпадур, остался фаворитом как государственный деятель и так же, как она, стал поставлять своей повелительнице новых фаворитов, через которых, помимо переписки с Екатериной, получал информацию, как говорится, «из первоисточника», что еще больше укрепляло его связь с императрицей и позволяло ему оказывать влияние на государственную политику России. По его рекомендации фаворитами Екатерины II стали Зорич, Ермолов, Римский-Корсаков, Ланской, Дмитриев-Мамонов.

При отставке Потёмкина ему «за заслуги государственного значения» Екатерина II пожаловала титул князя Священной Римской империи, земли с крестьянами и всякие драгоценные подарки. В отличие от предыдущего фаворита, который был «отставлен от двора» и не имел права появляться в Петербурге, Потёмкин был при дворе желанным гостем и продолжал оказывать влияние на политику двора Он был нужен императрице как государственный и военный деятель, и уже в следующем, 1776 году она назначила его генерал-губернатором Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний. Нужен он был ей и как ближайший, самый верный советник, «хорошая голова», способная предложить необходимые для государства проекты.

По инициативе Потёмкина в 1775 году была ликвидирована Запорожская Сечь, которая вмешивалась в русско-польские дела и угрожала новыми массовыми неповиновениями. По его настоятельному совету и составленному им подробному плану Россия начала дело присоединения Крыма и его хозяйственного освоения.

По отзывам иностранных послов, Потёмкин в России стал самым влиятельным человеком, так что и главы иностранных держав стали через своих послов обращаться к нему по важным вопросам, а король Дании через своего министра просил Потёмкина о содействии сохранению дружбы между Россией и Данией. Екатерина II прекрасно понимала, какое значение для нее и государства имеет деятельность Потёмкина, а потому по её просьбе в 1776 году Иосиф II возвёл Григория Александровича Потёмкина в княжеское Священной Римской империи

достоинство с титулом светлости, что признавалось на всей территории Российской империи.

Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин в течение последующих семнадцати лет оставался наиважнейшим лицом в России, как никто повлиявшим на укрепление её мощи и расширение её границ.

Потёмкина выдвинул фаворитизм, господствовавший в России на всех уровнях общества, но ни один из 12 других фаворитов Екатерины И, также выдвинутых фаворитизмом, не проявил себя государственным человеком так, как Потёмкин, потому что Потёмкин обладал мощным государственным умом, талантом крупного государственного деятеля, способного вести как внутреннюю, так и внешнюю политику России. Успех его деятельности обеспечивало и то, что он работал в тандеме с императрицей Екатериной II, полностью разделявшей и поддерживавшей его политические и экономические устремления и при этом имевшей возможность своими повелениями воплощать их в жизнь. Потёмкин до конца своих дней оставался верным другом и помощником императрицы, разделив с ней, по её признанию, «тяжесть правления». Он никогда не женился, как бы показывая, что он остался верен ей не только как верноподданный, но и как бывший возлюбленный.

Хотя и существует версия о венчании Екатерины II с Григорием Александровичем Потёмкиным в Москве в 1774 году, однако эта версия серьёзного подтверждения не имеет. Но то, что у них была дочь Елизавета Григорьевна Тёмкина, родившаяся в 1775 году и потом вышедшая замуж за грека Калагеорги, вполне реально. Она и фамилию получила согласно установившейся традиции для побочных детей — усечённый вариант от фамилии Потёмкин.

Потёмкин не только подавал советы Екатерине и Государственному совету, он реализовывал их сам или принимал участие в их реализации. В 1775 году была ликвидирована Запорожская Сечь, срыты все постройки на её территории. В 1776 году под руководством Потёмкина был основан город Екатеринослав (в 1796–1802 гг. носил название Новороссийск, в 1802–1926 гг. — Екатеринослав, с 1926 г. — Днепропетровск). В 1778 году Потёмкиным был основан город Херсон. Реализация его замысла присоединения Крыма и хозяйственного его освоения была возложена на Потёмкина, и он осуществил этот проект к 1783 году. За восемь лет упорного труда светлейшего князя Крым был присоединён к России под названием Таврической губернии, были основаны города-порты Севастополь (1783) и Николаев (1786), сооружены малые черноморские порты, построен

черноморский флот, освоено торговое судоходство на Чёрном море. Вместе с Крымом к России были присоединены также Кубань и Тамань под названием Новороссия; трудами Потёмкина эти земли были заселены донскими казаками, созданы Черноморская и Екатеринославская пограничные укреплённые линии.

В 1787 году по приглашению Потёмкина Екатерина II вместе с императором Австрии Иосифом II и огромными свитами российского, австрийского и других европейских дворов предприняла путешествие в Крым. Они увидели на месте недавно пустынных степных просторов новые города, новые порты, новые станицы и сёла. Их поразил недавно построенный Херсон с новыми домами, магазинами, рынком и зрелищными предприятиями. Но когда они явились в Севастополь и с высокого берега перед ними открылся вид на Севастопольский рейд с эскадрой, состоявшей из 15 больших военных кораблей и 20 мелких судов, для всех это стало ошеломляющим, сказочным зрелищем. Это был настоящий триумф Потёмкина, строителя, организатора, хозяйственника. За присоединение и освоение Крыма Екатерина пожаловала Потёмкину дополнительное к его фамилии почётное наименование Таврический, так что с 1787 года он стал именоваться светлейшим князем Потёмкиным-Таврическим.

Много труда вложил Потёмкин, как новороссийский генерал-губернатор, в дело освоения Крыма и Новороссии. Бумаги его канцелярии свидетельствуют о постоянной и многогранной работе светлейшего по управлению Южной Россией: закладка городов, в том числе крепостей пограничной линии, переселение казаков на неосвоенные земли, строительство портов, верфей, флота, станиц, сёл и деревень, разведение лесов и виноградников на новороссийских степных землях и на территории совершенно безлесного Крыма.

Многие из планов Потёмкина не были осуществлены. Например, об учреждении в Екатеринославе университета, консерватории, нескольких объектов промышленности, об улучшении облика города Николаева. Многие авторы, описывая деятельность Потёмкина, видят в ней лихорадочную поспешность, самохвальство, даже хвастовство, самообольщение, недоведение начатого дела до конца и даже «стремление к чрезмерно трудным целям». Хочется спросить уважаемых господ: а когда мог бы Потёмкин, не проявляя поспешности, довести все дела до конца? Ведь уже в 1787 году началась Русско-турецкая война, которую ему пришлось вести как главнокомандующему, а по окончании этой войны, в 1791 году, когда еще велись мирные переговоры,

Потёмкина не стало. Как можно предъявлять претензии, не сообразуясь с действительностью и со временем? Да, Потёмкину приходилось говорить о своих достижениях, которые всячески замалчивались, умалялись, обесценивались, приписывались другим и себе другими. На него катился огромный ком всяких обвинений, особенно партией Салтыкова, которая была партией великого князя Павла Петровича и в которую входил главный обвинитель и завистник — екатерининский фаворит Платон Зубов. Последние годы жизни Потёмкина были омрачены отношением к нему Екатерины, которая обожала своего фаворита Зубова и была уверена, что Зубов — крупный государственный деятель, намного превосходящий Потёмкина по уму и способностям. Потёмкин видел, что Зубов — это жадный карьерист, готовый ради своей выгоды продать кого угодно, что он, заботясь о своём будущем, уже переметнулся к Наследнику и его партии, связанной с недоброжелателями Екатерины за границей, желающими её свержения. В последний свой приезд в Петербург Потёмкин пытался разъяснить ей это, но она уже ничего, что касается её любви к Зубову, боязни его потерять, не желала слушать и ничему не желала верить. В течение многих лет фавора Зубова Екатерина избегала приезда Потёмкина в Петербург. Их переписка стала весьма напряжённой, более деловой, а о состоянии дел при дворе и направлении мыслей императрицы Потёмкину теперь никто не докладывал. У Потёмкина всё более и более складывалось впечатление о тщете его колоссальной, сверх сил человеческих, деятельности. Многие его современники отмечали частые приступы хандры (депрессии), которые посещали светлейшего. Но он продолжал работать если не для личного блага Екатерины, так для России.

Как уже было сказано, в 1787 году Османская империя снова начала войну с Россией. Екатерина пожаловала Потёмкину чин генерал-фельдмаршала, наделила его должностью главнокомандующего Южной армией и отправила на войну с турками. Бытует мнение, что рядом с Суворовым, Румянцевым, Долгоруковым и другими полководцами-героями Потёмкин выглядел бесталанным и якобы даже мешал Суворову и Долгорукову в их военных действиях и в их карьере, из-за чего у них якобы были постоянные столкновения и даже серьёзные ссоры. Но это всё ничем не подтверждённые домыслы.

На самом деле под личным командованием Потёмкина были взяты города Аккерман, Паланки, Бендеры, причём не штурмом, как обыкновенно принято было у полководцев того времени, а бескровно, путём дипломатических переговоров, то есть цивилизованным путём, только в XXI веке признанным

правильным, да и то не всеми. Под общим же руководством генерал-фельдмаршала Потёмкина были взяты Кинбурн, Очаков, Измаил и вообще во Второй Русско-турецкой войне отвоёваны Крым, Новороссия и Северное Причерноморье. Кроме того, в нашу отечественную историю были вписаны легендарные победы А. В. Суворова, ПЛ. Румянцева-Задунайского, В. М. Долгорукого-Крымского на суше и Ф. Ф. Ушакова на море, которые, по всей вероятности, не могли бы осуществиться, а тем более быть высоко оценёнными, без участия Потёмкина как главнокомандующего. Во всех своих реляциях императрице Потёмкин не только не преуменьшал, но, наоборот, возвеличивал их победы и просил для них самые высокие награды. Удивительно, но в этом весьма честолюбивом человеке не было стремления видеть в своих соратниках соперников. Напротив, он умел увидеть, оценить в своём соратнике военный талант и искренно поддержать его. Он выдвинул, поддержал и упрочил славу таких замечательных полководцев и флотоводцев, как А. В. Суворов, М. И. Кутузов, В. М. Долгорукий-Крымский, П. А. Румянцев-Задунайский, Ф. Ф. Ушаков, ограждал их от притеснений и просил для них наград и почестей. Недаром А. В. Суворов в письме к В. С. Попову от 8 ноября 1789 года написал такие восторженные строки: «Долгий век Князю Григорию Александровичу! Увенчай его Господь Бог лаврами, славою. Великой Екатерины верноподданные да питаютца от тука Его милостей. Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»

Выдвижение новых талантливых людей было даже для Потёмкина делом непростым. Так, за Суворова Потёмкин хлопотал не только перед императрицей, понимая, что она может послушать наговор какого-нибудь недоброжелательного придворного, а, зная нравы двора, он обращался к канцлеру А. А. Безбородко, в то время влиятельнейшему сановнику, с просьбой поддержать перед императрицей его ходатайство о награждении Суворова и других военачальников Южной армии. О Суворове он писал Безбородко: «Кобург пожалован фельдмаршалом за то, что Суворов его вынес на своих плечах, уже цесарцы бежали. Я просил об нем, честь оружия требует ознаменовать его подвиг».

Много усилий потребовалось, чтобы произвести в контр-адмиралы (III класс Табели о рангах) Ф. Ф. Ушакова. В то время пост первого члена Черноморского адмиралтейского правления занимал контр-адмирал Николай Семёнович Мордвинов, приятель Наследника великого князя Павла Петровича, соратник его детских игр, с детства знакомый Екатерине II. Мордвинов, человек неодарённый, нерешительный, а потому

придерживавшийся формализма, естественно, не любил талантов, а потому всячески притеснял Ф. Ф. Ушакова, находившегося у него в подчинении. Потёмкин быстро понял, что Мордвинов не способен руководить морскими силами Чёрного моря, и со всей прямотой дал характеристику его деятельности: «„Есть два способа производить дела: один, где все возможное обращается на пользу и придумываются разные способы к исправлению недостатков.“ другой — где метода наблюдается больше пользы». Скоро «метода» Мордвинова показала свой результат. Суворов, готовясь к штурму Очакова, предусматривал блокирование крепости не только на суше, но и с моря, а потому просил обеспечить своевременный приход Севастопольской эскадры и активизировать действия Лиманской эскадры в целях противостояния турецкому флоту и нанесения ему тяжёлого урона. Приход Севастопольской эскадры зависел от приказа Мордвинова, но тот медлил отдавать распоряжение. Суворов предупреждал, что медлить нельзя, потому что на море с середины сентября начинается сезон бурь и штормов. Однако Мордвинов продолжал задерживать отдачу приказа. И случилось то, что предсказывал Суворов: Севастопольская эскадра, вышедшая наконец-то в море, попала в жесточайший шторм Все корабли и фрегаты либо погибли, либо оказались в негодном состоянии. Сорван был уже подготовленный штурм Очакова, но главное — погиб почти весь Севастопольский флот.

Потёмкин, получив 24 сентября 1787 года это страшное известие, был потрясён случившимся. Зная, что Екатерина II всячески поддерживает Мордвинова, что законы фаворитизма зачастую бывают выше государственных интересов, он написал императрице прошение об отставке и замене его ПЛ. Румянцевым-Задунайским. Он был буквально убит нанесёнными потерями не от врага, а от собственного начальника Черноморского флота и винил себя за недосмотр настолько, что хотел даже уйти в монастырь. С большим трудом Екатерина II и Румянцев-Задунайский уговорили его остаться на своём посту.

Мордвинов был вынужден подать в отставку, а Потёмкин получил возможность добиться для Ф. Ф. Ушакова повышения в чине до контр-адмирала и должности начальника Севастопольского порта. Процветание фаворитизма в русском обществе делало таких чиновников-сановников, как Н. С. Мордвинов, непотопляемыми. После смерти Потёмкина Мордвинов вернул себе прежний пост и продолжал политику утеснения Ушакова, но адмиралу Ф. Ф. Ушакову, знаменитому флотоводцу, он уже не мог сильно навредить, хотя и доставлял много неприятных минут.

Надо отметить тот факт, что Ф. Ф. Ушаков получил чин полного адмирала (II класс Табели о рангах) за 43 (!) победы на море, а Н. С. Мордвинов, благодаря тому что был в фаворе у Павла I как товарищ его детских игр, не одержав ни одной победы ни на море, ни на суше, да еще сильно проштрафившись в сентябре 1787 года, тоже получил чин полного адмирала.

Но вернёмся к Потёмкину. Ему пришлось много претерпеть клеветы, оговоров, сочинённых о нём явных небылиц. Несмотря на то что обманки, изображавшие избы и поставленные для примера во время путешествия Екатерины в Крым, были придуманы не им, а канцлером Безбородко, их окрестили «потёмкинскими деревнями», и это выражение бытует до сих пор. Завистливые и злобные придворные, особенно из близких Салтыковым и Зубовым, сочиняли и распространяли о нём всякие порочащие его слухи. До сих пор из одной публикации о Потёмкине в другую переписывается как факт рассказ о том, что он сожительствовал со всеми своими племянницами. Основывается это утверждение на том, что они имели доступ в его апартаменты во дворце, когда он был фаворитом-любовником, да еще заходили и в его спальню. Трудно поверить, даже при условии законов фаворитизма, не позволявших относиться к таким «пустякам» серьёзно, что Екатерина не выгнала из дворца племянниц-развратниц, у неё на глазах сожительствующих с её любовником, но, напротив, полюбила их, особенно Александру, доверяла им и всячески им покровительствовала уже и после отставки Потёмкина. Не выдумка ли это придворных? Кто из них стоял со свечой?

Особенной атаке Потёмкин подвергся в конце 80-х — начале 90-х годов., когда стало заметно охлаждение к нему Екатерины II и когда нетерпение великого князя Павла Петровича получить трон достигло наивысшей точки. Партия Салтыкова обвинила Потёмкина в присвоении средств, отпущенных ему казной на строительство городов, поселений и флота. Даже Суворов, который в письме к Попову обещал положить жизнь за благодетеля Григория Александровича, поверил этому и тоже в письмах распространял этот слух. Потёмкин потребовал расследования, и была назначена комиссия по выяснению этого дела. Она скрупулёзно проверяла все отчёты и кассовые документы полученных и потраченных денег. Закончила комиссия свою работу уже после смерти Потёмкина, в царствование Александра I, и пришла к заключению, что Потёмкин не только не присвоил ни одной копейки, но порой вкладывал в дело свои личные средства.

А что должен был переживать Потёмкин, обвинённый

фактически в воровстве? И нужно ли удивляться, что светлейший, находясь в хандре, иногда целую неделю не снимал халата, никого не принимал и не выходил из дома?

Пропрусская партия Наследника престола, к которой, как уже говорилось, примыкали Н. И. Салтыков, Н. И. Репнин и которую поддерживал П. А. Зубов, главный организатор атак на Потёмкина, обвинила светлейшего в том, что Россия вошла в тяжелейший кризис во внешней политике в результате его неправильных действий, приведших ко Второй Русско-турецкой войне. И вот теперь, в мае 1791 года, в условиях еще не оконченной войны с Турцией, Англия и Пруссия стали угрожать России войной, вызванной якобы необходимостью защитить Турцию от российских нападок. На самом деле Европа, недовольная политическим, экономическим и военным усилением России, понимая, что царствование Екатерины II держится в основном на деятельности Потёмкина, и желая вместо Екатерины посадить на трон цесаревича Павла Петровича, связанного с европейскими политиками узами заговора, предприняла очередную атаку на светлейшего князя Потёмкина Платон Зубов, как бы охваченный патриотическим чувством, советовал Екатерине начать войну с Англией и Пруссией. Стареющая и больная императрица, влюблённая в своего молодого фаворита, всегда была готова последовать его совету. Потёмкину пришлось использовать все средства, чтобы уговорить Екатерину не делать этого, потому что Россия, истощенная войной с Турцией, не смогла бы выдержать еще одной войны, да еще сразу с двумя сильными государствами. Потёмкин предлагал разрешить этот внешнеполитический кризис дипломатическим путём. В июне 1791 года Потёмкин созвал в Петербург представителей Англии и Пруссии и провёл с ними переговоры так, что они поняли, насколько сильна Россия в военном отношении, признали справедливость требований России к Турции и вынуждены были отказаться от своих военных планов. Это была еще одна победа Потёмкина, теперь уже как замечательного дипломата.

Чтобы доказать военное превосходство России не на словах, а на деле, главнокомандующий Южной армией генерал-фельдмаршал Потёмкин отдал приказ о возобновлении военных действий против Османской империи. 31 июля 1791 года при мысе Калиакрия вице-адмирал Ф. Ф. Ушаков одержал над турками блистательную победу на море, разгромив почти весь турецкий флот. Турки, ошеломлённые этой победой, готовы были подписать мирный договор на любых приемлемых для России условиях.

Потёмкин, находившийся в то время в Петербурге на торжествах в связи с победой при взятии Измаила, поспешил в свою ставку в Бендеры, а затем в Яссы, где проходили переговоры с турками, но опоздал на три дня.

Оставленный в качестве главнокомандующего Южной армией на время отсутствия Потёмкина князь Н. В. Репнин, член пропрусской партии и сторонник великого князя Павла Петровича, удивительным образом поторопился и до приезда Потёмкина, 31 июля 1791 года, в день победы Ушакова на море, подписал унизительные для России предварительные условия мира. Вернувшись, Потёмкин взял переговоры в свои руки и сумел отчасти исправить «ошибку» Репнина Для него завершение Второй Русско-турецкой войны было на этом этапе главным делом его жизни. Но довести это дело до конца ему не удалось. Он вернулся из Петербурга совершенно больной. Встреча с Екатериной показала ему со всей очевидностью, что теперь ему дана как фавориту — государственному мужу полная отставка Императрица уже не желала считаться с его мнением; влюблённая в молодого карьериста Зубова, она его представляла не только как любовника, но как государственного деятеля, не понимая, что он таковым быть не может, что он уже начал предавать её в надежде на своё блестящее будущее при Павле.

Превозмогая себя, через силу, Потёмкин продолжал работать: давать распоряжения по армии в Бендерах и вести переговоры с турками. 5 октября 1791 года, по дороге из Ясс в Николаев, торопясь на переговоры с турками, он почувствовал себя плохо. С ним была его любимая племянница, графиня Александра Васильевна Браницкая (рожденная Энгельгардт), приехавшая к нему, как только узнала о его болезни. Карету остановили, Потёмкина вынесли из кареты и положили на траву на обочине дороги, но время его пришло: он скончался.

На дороге, в том месте, где умер Потёмкин, Александра Васильевна Браницкая поставила ему памятник в виде колонны. Она заказала художнику Казанове картину, изображавшую кончину Потёмкина. Картина эта не сохранилась, но художник Скородумов по этой картине создал известную гравюру «Смерть Потёмкина».

Узнав о его смерти, Екатерина II сказала: «Теперь не на кого опереться». Несмотря на то что она постоянно возвеличивала Зубова, она прекрасно понимала, что такого, как Потёмкин, в её окружении никогда до него не было, нет и не будет.

Императрица Екатерина II пережила Потёмкина на пять лет. За это время её правления с фаворитом Платоном Зубовым ничего выдающегося, полезного для России в «золотом веке», как

окрестили екатерининское время, не произошло. Повидимому, «золотым веком» был екатерининский век с Потёмкиным.

Екатерина приказала захоронить тело Потёмкина в церкви Св. Екатерины в Херсоне. А в ограде церкви воздвигнуть ему памятник.

В 1798 году император Павел I приказал тело Потёмкина вынуть из склепа и предать земле, а памятник уничтожить. Павел продолжал считать Потёмкина своим врагом, из-за которого его мать так долго держалась на троне, и потому его политикой было замалчивание заслуг великого государственного деятеля или принижение его роли, опорочивание его деяний, приписывание его деятельности другим лицам.

В советское время значение Потёмкина как исторической личности также всячески принижалось, но по той причине, что он был, во-первых, фаворитом Екатерины II, а во-вторых, светлейшим князем и генерал-фельдмаршалом.

Однако теперь многие историки восстанавливают правду и воздают Потёмкину должное как одному из самых ярких государственных деятелей, полководцу, строителю оборонительных линий, городов и крепостей, дипломату, считавшему, что военные конфликты надо снимать не штурмами и гибелью людей, а мирным путём — договорённостями.

Григорий Александрович Потёмкин являл собой классический пример фаворита у русского престола. Он оставался фаворитом в государственных делах после того, как перестал быть любовником императрицы, фаворитом на уровне Императорского двора как центра управления Россией.

Но вернёмся в тот 1775 год, когда Потёмкин получил отставку как фаворит-любовник при Императорском дворе. Лето этого года Екатерина провела в Москве, в доме у Пречистенских ворот (где теперь метро «Кропоткинская»), принадлежавшем князьям Голицыным Сохранилась память о том, что в июле императрице пришлось встречать победителя в Первой Русско-турецкой войне генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Екатерина II, в русском сарафане, счастливая победами над турками, встретила Румянцева на крыльце голицынского дома, обняла и расцеловала его. В его свите выделялся статный, могучий, очень красивый мужчина. Фельдмаршал, заметив, как взглянула на его адъютанта императрица, тотчас представил ей этого в полном смысле красавца, отозвавшись о нём весьма лестно как о человеке образованном, трудолюбивом, храбром и честном Это был Пётр Васильевич Завадовский (1739–1812).

Дворянский и графский род Завадовских был известен с

середины XVII века, когда основатель рода польский дворянин Яков Завадовский поступил на службу к русскому царю Михаилу Феодоровичу и переселился в Малороссию.

Отец Петра Васильевича Завадовского был небогатым помещиком Стародубского уезда Черниговской губернии. Кроме Петра, у него было еще два сына: Яков, ставший бригадиром и председателем Новгород-Северской гражданской палаты, и Илья, дослужившийся до чина статского советника.

Пётр Васильевич Завадовский получил хорошее образование в иезуитском училище, а затем в Киевской духовной академии. Начал он свою службу вместе с Безбородко в канцелярии малороссийского губернатора графа П. А. Румянцева (Задунайского). После встречи с императрицей и представления ей Завадовского в 1775 году генерал-фельдмаршал, граф П. А. Румянцев рекомендовал Екатерине II, по её просьбе, для Кабинета Ея Величества Петра Завадовского и Александра Безбородко. Императрица особо выделила своим вниманием Завадовского, красивого, хорошо воспитанного, образованного и скромного молодого человека Она подарила ему бриллиантовый перстень со своим именем и назначила своим статс-секретарём, но скоро пожаловала ему чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта Ея Величества и сделала его своим фаворитом. Когда Потёмкин в апреле 1776 года вернулся во дворец после ревизии Новгородской губернии, он обнаружил, что Завадовский уже поселён в его бывших апартаментах.

Пётр Васильевич искренно и глубоко полюбил Екатерину, ревновал её, страдал, навязчиво стремился выяснить с ней отношения, постоянно объяснялся ей в любви. Екатерину, занятую многими делами (в 1775 году она писала Наказ, несколько раз, принимая советы Потёмкина и других, переписывала его), его приставания стали просто раздражать. Это было против законов фаворитизма, непонятно Екатерине и потому вызвало обратную реакцию — полное к нему охлаждение. Г. А. Потёмкин, скрывая ревность, тоже показывал, что не понимает такого немужского поведения, и способствовал охлаждению Екатерины к Завадовскому, что ускорило отставку фаворита как неделового человека Императрица наградила Петра Васильевича Завадовского «за верную службу» поместьями в Черниговской и Могилёвской губерниях, отдалила его от себя, но, зная покладистый характер бывшего своего фаворита и искренние его чувства к ней, оставила его при дворе.

Пётр Завадовский, тосковавший по любимой женщине, отвергнутый ею, хотел доказать Екатерине, что он может быть деловым, может служить ей и своей родине честно и верно.

Дальнейшей карьере Петра Васильевича способствовал его верный друг Александр Андреевич Безбородко, бывший статс-секретарём Кабинета Екатерины II, а затем ставший канцлером Российской империи (I класс Табели о рангах), а кроме того, милостивое к Завадовскому отношение императрицы Екатерины II, а затем императора Павла I.

Воцарившийся на русском престоле Павел I покровительствовал всем обиженным его матерью, а потому и Петру Васильевичу Завадовскому уделил особо милостивое внимание: он возвёл его в графское Российской империи достоинство, наградил орденом Св. Андрея Первозванного, назначил главным директором Дворянского и Заёмного банков и поручил руководить медицинской частью и женскими учебными заведениями. Кроме того, Завадовский должен был продолжать свою деятельность сенатора.

Переменчивость характера императора Павла, его вспыльчивость и непродуманные скоропалительные решения о наказании подданного, не угодившего ему, в 1800 году коснулись и графа Завадовского: он попал в опалу.

Завадовский уехал из столицы и поселился в своём имении Ляличи, в роскошном дворце, построенном по проекту Кваренги и подаренном ему Екатериной II.

Александр I чуть ли не в день своего воцарения на престоле вспомнил о графе Завадовском, вызвал его в Петербург и назначил председателем Комиссии составления актов. В 1802 году император, преобразовавший коллегии в министерства, назначил графа Завадовского министром народного просвещения и в соответствии с должностью присвоил ему чин действительного тайного советника (II класс Табели о рангах).

Вот что писал о министре графе Завадовском лично знакомый и сотрудничавший с ним Адам Чарторыйский: «Граф Завадовский был назначен министром народного просвещения. Он служил секретарём у графа Румянцева в одно время с Безбородко, своим закадычным другом Граф Румянцев представил их обоих, как секретарей, императрице Екатерине, что положило начало их блестящей карьере. Безбородко выдвинулся вскоре своей работоспособностью и сообразительностью; он пользовался неизменным доверием государыни и достиг высших должностей в империи. Сознавая свое собственное достоинство, он был единственным человеком, не кадившим фаворитам и державшимся на высоте, благодаря личным заслугам Завадовский добился того же, но другим путем. Он стал фаворитом Екатерины и привязался к ней до такой степени, что, лишившись через полгода ее расположения, почувствовал себя глубоко несчастным

Его друзья, Воронцов и Безбородко, советовали ему философски отнестись к своему положению. В утешение он получил от императрицы подарки, на которые она не скупилась для своих бывших фаворитов. На этот раз подарки ее были особенно значительны, так как, помимо своего личного расположения, она многим была обязана Завадовскому. Впоследствии он женился, но продолжал быть в милости при дворе. В министерство народного просвещения он был приглашен благодаря своему другу, графу Воронцову, а также и потому, что между старыми вельможами он прослыл за знатока русского правописания, и многие манифесты времен Екатерины принадлежали его перу. Это знание создало ему положение и репутацию ученого.

Завадовский был добрым и справедливым человеком, но тяжеловесным и неповоротливым, как по уму, так и по внешнему виду, не отличался быстротой соображения и не умел схватывать оттенков дела; между своими современниками, не желавшими ничему научиться и ничего забыть, он выделялся своим сочувствием новым идеям и вводимым улучшениям. Это не мешало ему в высшей степени обладать отличительной чертой каждого русского администратора безграничной преданностью и полным преклонением перед тем, что исходит свыше. Он приходил в восторг от чтения классических авторов и с удовольствием цитировал отрывки из них, удержавшиеся в памяти. Русская литература его тоже сильно интересовала По странной случайности он получил образование и изучил латинский язык в польской иезуитской коллегии. Он не забывал польского языка и рисовался этим, говоря с восхищением о нашем старинном поэте Яне Кохановском, из сочинений которого он знал несколько отрывков наизусть. Благодаря этому он питал особую любовь ко всему польскому, выражавшуюся даже в мелочах, хотя бы в том, например, что на его обедах всегда подавались польские кушанья.

В то время как другие попечители часто встречали сопротивление своим действиям со стороны министров, не всегда расположенных уступать новым веяниям реформы и прогресса, я, со своей стороны, не могу ни на что пожаловаться, так как пользовался полным доверием графа Завадовского. Достаточно было с моей стороны малейшего предположения, чтобы он тотчас же поддержал меня с полной готовностью. Я ему крайне обязан за его снисходительность, откровенность и дружбу, которыми он меня постоянно дарил».

Пётр Васильевич Завадовский, бывший фаворит Екатерины II, стал первым министром народного просвещения в Российской империи. На этом посту он развернул широкую деятельность,

проявив себя талантливым организатором и руководителем. При нём были открыты Казанский, Харьковский и Дерптский университеты, Главный педагогический институт, много средних и низших училищ. Тогда же был составлен цензурный устав, отличавшийся либеральной направленностью. И всё это было сделано всего за восемь лет службы Завадовского на посту министра народного просвещения. В 1810 году Александр I, освободив Завадовского, которому в ту пору шёл уже восьмой десяток лет, от должности министра, назначил его на почётный пост председателя Департамента законов Государственного совета.

Действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета, фаворит Екатерины II с апреля 1776 по май 1777 года, граф Пётр Васильевич Завадовский скончался 10 января 1812 года в Санкт-Петербурге и был похоронен с почестями на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Всей своей деятельностью после отставки его как фаворита он сумел доказать, что он не «неделовой человек», а подлинно государственный муж.

Потёмкин с первого же дня возвышения Завадовского при дворе начал искать ему замену. Но подходящих кандидатур не было. Наконец, к нему в армию прибыл 39-летний герой-кавалерист, красивой южнославянской наружности, серб по происхождению, — Семён Гаврилович Зорич (1738-?). Он был всего на девять лет моложе Екатерины II, но являл собой образец мужчины в полном расцвете сил и красоты.

Светлейший князь взял его к себе в адъютанты и почти сразу же представил к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона. Это назначение не было случайным: лейб-гусары являлись личной охраной императрицы, и чтобы Зорич в этом звании был утверждён, необходимо было его представить лично Екатерине II.

В мае 1777 года Потёмкин испросил у императрицы аудиенцию для представления Зорича. После беседы с Зоричем Екатерина предоставила Завадовскому отпуск на полгода. Это был знак, что Зорич воспринят императрицей как её потенциальный фаворит. И действительно, по удалении Завадовского Зорич был пожалован в полковники, затем во флигель-адъютанты и шефы лейб-гусарского эскадрона.

Став фаворитом, Семён Зорич уже в сентябре 1777 года получил чин генерал-майора, а через год — титул графа.

После образованного, воспитанного графа Завадовского Зорич, не получивший почти никакого образования, да к тому же и не желавший учиться, не мог долго продержаться в фаворитах,

потому что Екатерине нужен был не только любовник, но советник, верный друг с государственным мышлением Екатерина пыталась приобщить своего фаворита к наукам, привить ему по крайней мере эстетические вкусы, но всё было напрасно. Зорич ушёл на войну в 15 лет и с тех пор никакими науками не занимался и никаких книг не читал. Его закоснелый ум не воспринимал знаний и даже противился им И Зорич не скрывал своего невежества, считая, что главное не в науках. К тому же он был упрям и чрезмерно горд. Когда Екатерина возвела его в графское Российской империи достоинство, Зорич не только не был ей за это благодарен как человек вообще безродный, но он еще обиделся на неё: почему она не дала ему титул князя.

Потёмкин попробовал повлиять на Зорича, но из их общения вышла ссора, да такая, что дело дошло чуть ли не до дуэли. Узнав об этом, Екатерина тотчас же удалила от двора Зорича, как полагалось, наградив его и повелев ехать в подаренное ему имение Шклов.

Потёмкин, видя неотёсанность, завышенную самооценку Зорича и полную для него бесполезность этого фаворита, начал искать ему замену с первых месяцев его фавора.

Имеется несколько версий-преданий о положении дел при дворе того времени. По первому преданию, Потёмкин представил Екатерине трёх красавцев-офицеров: Бергмана, Ронцова (судя по урезанной фамилии, внебрачного сына одного из графов Воронцовых) и Ивана Римского-Корсакова В книге «Русские избранники» Г. фон Гельбиг излагает следующую версию представления этих офицеров Екатерине II: осенью 1778 года, назначив этим молодым офицерам аудиенцию, Екатерина вышла в приёмную. Там стояли все три претендента на титул фаворита с букетами цветов в руках. Она милостиво побеседовала с каждым из них в отдельности. Её поразила необыкновенная красота Ивана Николаевича Римского-Корсакова, его тонкие, аристократические черты лица, какое-то изящество всего его облика, и она, выбрав именно его, попросила его, как было предварительно условлено с Потёмкиным, передать букет цветов Григорию Александровичу. Так 24-летний, совсем юный Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754–1831) стал фаворитом 50-летней императрицы Екатерины II.

Существует и иная версия, по которой Екатерина в этот период времени увлекалась многими молодыми людьми, не зная, кого из них выбрать, а выбрав Корсакова, на время оставила его в стороне и, следуя рекомендациям то Потёмкина, то Н. И. Панина, сблизилась сначала со Страховым, через четыре месяца по рекомендации подруги, графини Брюс, — с Левашовым, майором

Семёновского полка, затем с болгарином Стояновым, выбранным для неё Потёмкиным, но всё-таки лучше Римского-Корсакова не нашла и в 1779 году остановила свой выбор на нём.

Возникает вопрос быстрая смена одного любовника другим не могла ли привести к заражению венерической или какой-либо другой, в ту пору неизлечимой болезнью? Тем более что в Европе в XVIII веке буквально свирепствовал сифилис. Почему Екатерина так смело меняла любовников-фаворитов? Да потому, что при екатерининском дворе существовал определённый порядок обследования и отбора кандидатов на звание фаворита, гарантировавший и гигиенические условия, и мужские способности избранной императрицей кандидатуры. Любовники великой княгини Екатерины Алексеевны (Чернышев, Салтыков, Понятовский), естественно, такому отбору еще не подвергались. Вряд ли через этот довольно унизительный обряд прошёл и Григорий Орлов. Но для остальных кандидатов на звание фаворита-любовника императрицы прохождение через такой обряд было обязательно. Кандидат на такой придворный сан должен был сначала побывать на приёме у Анны Степановны Протасовой, статс-дамы Ея Императорского Величества, после беседы с которой приглашался врач — лейб-медик Роджерсон. Врач внимательно осматривал молодого человека, и если приходил к заключению о годности его «для службы» по состоянию здоровья, то избранник Екатерины поступал на три ночи в распоряжение Анны Степановны Протасовой, а с 1776 года и графини Прасковьи Александровны Брюс, тоже подруги и наперсницы императрицы, для испытания его мужских способностей. Если он удовлетворял всем требованиям этих дам, то они доносили императрице о годности данного кандидата, и только тогда назначался день его свидания с императрицей. В этот день наиболее доверенные лица — Марья Саввишна Перекусихина и камердинер Екатерины Захар Константинович Зотов — должны были ужинать с рекомендованным в высший сан двора. В 10 часов вечера, когда Екатерина была уже в постели, Перекусихина вводила молодого человека, одетого в китайский шлафрок и державшего книгу в руках, в опочивальню императрицы. Перекусихина удалялась, оставив новопоставленного фаворита в кресле возле ложа Екатерины якобы для чтения книги. Как развивались события далее, неизвестно. Только наутро Перекусихина опять являлась в опочивальню, чтобы сопроводить нового фаворита к камердинеру Захару, а тот вводил фаворита в отведённые ему апартаменты рядом с покоями императрицы. Эти апартаменты, в связи с довольно частыми сменами фаворитов, называли «фаворитскими

покоями». Там Захар докладывал новому фавориту (кроме любовников-однодневок), что всемилостивейшая государыня высочайше соизволила назначить его генерал-адъютантом при высочайшей её особе (например, Потёмкина) или флигель-адъютантом (Завадовского и других), и подносил ему генерал-адъютантский или флигель-адъютантский мундир с портретом государыни, осыпанным бриллиантами (или с бриллиантовым аграфом) и 10 тысяч рублей на карманные расходы. После этого передняя зала апартаментов фаворита наполнялась придворными, государственными сановниками, вельможами, титулованными особами, поспешившими прибыть, чтобы поздравить нового фаворита с его высоким саном и показать ему своё благорасположение. После всех этих поздравлений и представлений особ выходила Екатерина II и, опираясь на руку своего генерал-адъютанта (или флигель-адъютанта), шла с ним гулять в зимний сад Эрмитажа или в парк Царского Села.

На другой день приезжал Его Преосвященство митрополит Санкт-Петербургский для посвящения фаворита в новый для него сан и освящения его святой водой.

Весь этот «чин» посвящения в фавориты Государыни всероссийской прошёл и Иван Николаевич Римский-Корсаков. Екатерина была им довольна. В письмах к Гримму называя Корсакова «Пирром, царём Эпирским», Екатерина восхищалась его изумительной красотой, которую считала «соблазном всех художников и отчаяньем всех скульпторов», и превозносила его музыкальные способности, его чарующий голос Чтобы Иван Корсаков мог петь с достойными партнёрами, Екатерина приглашала в Россию знаменитых итальянских певцов. Императрица часто говорила своим придворным, что Иван Николаевич «поёт как соловей», на что однажды Орлов заметил: «Это правда, но соловьи поют только до Петрова дня». Это замечание оказалось пророческим Как советник по государственным делам, Корсаков, не разбиравшийся в политике, совершенно не годился, а как государственный деятель — тем более. И хотя императрица дала ему придворное звание камергера (IV класс Табели о рангах) и одновременно назначила генерал-адъютантом при своей особе, он не мог исполнять этих обязанностей: он разбирался только в музыкальном искусстве и пел Такой фаворит-соловей Екатерине не был нужен. И «Петров день» для него настал.

Корсаков, будучи фаворитом Екатерины II, сильно увлёкся атмосферой фаворитизма при дворе, любовными играми и, играя в любовь, стал добиваться расположения графини Прасковьи Александровны Брюс, урожденной графини Румянцевой. Человек

неглубокого ума, он не принял в расчёт, что графиня Брюс — близкая приятельница и наперсница его любовницы, императрицы Екатерины II, фаворитом которой он числился при дворе. Возможно, подруги специально разыграли незадачливого фаворита. Во всяком случае, застав Корсакова в объятиях графини Брюс, Екатерина в октябре 1779 года отослала своего красавца-фаворита, певшего «как соловей», в Москву, подальше от своих глаз. Не нужно думать, что Екатерина была ревнивой. Нет, удалению Корсакова от двора, помимо того что он не годился на роль государственного человека, помощника императрице в правлении государством и просто надоел ей, способствовало и другое, особое обстоятельство, которое произошло еще летом 1779 года, до удаления Корсакова, почему и может возникнуть предположение, что подруги, чтобы легче было дать отставку фавориту, нарочно заманили Корсакова в ловушку, на свидание с графиней Брюс Заметим в защиту своего предположения, что, как ни странно, но, несмотря на скандал, графиня Брюс осталась подругой и наперсницей императрицы.

Летом 1779 года, во время пребывания своего в Царском Селе, Екатерина II обратила внимание на одного кавалергарда из её охраны, человека могучего телосложения, с очень красивыми чертами лица и добрым выражением лица и глаз. Это был Александр Дмитриевич Ланской (1758–1784), дворянин, сын бедного смоленского помещика, капитана Дмитрия Артемьевича Ланского.

Потёмкин тотчас понял желание императрицы и в октябре 1779 года взял его к себе адъютантом Именно в это время и произошло удаление Ивана Николаевича Римского-Корсакова. Уже в ноябре Потёмкин представил императрице своего адъютанта, рекомендуя его начальником дворцового кавалергардского караула. Ланскому было тогда всего 20 с небольшим лет, а Екатерине II в то время было уже за 50.

Александр Дмитриевич Ланской начал службу в 1772 году солдатом в лейб-гвардии Измайловском полку. За честную и верную службу, а также за свою могучую фигуру он был пожалован в кавалергарды с производством в армейские поручики. Будучи в этом чине, он и попался на глаза Екатерине II и стал её фаворитом Екатерина, как мать (она родила четверых детей), обстоятельствами лишённая материнского общения с ними, восприняла Ланского как сына, сделала его фаворитом и стала заботиться о нём. Сначала императрица пожаловала его, как было положено по обряду посвящения, во флигель-адъютанты при своей особе и дала ему, бедному кавалергарду, 10 тысяч рублей на обзаведение. Чтобы закрепить его при дворе, она

даровала ему придворное звание действительного камергера, потом повысила в звании до генерал-адъютанта при своей особе и присвоила ему чин генерал-поручика (III класс Табели о рангах). Она осыпала его подарками. В разное время он получил от императрицы около 3 млн рублей (не считая уплаты долгов в сумме 80 тысяч рублей) и бриллиантов на 80 тысяч рублей. Екатерина II не жалела для Ланского ни денег, ни домов (только один из подаренных ему домов стоил 100 тысяч рублей), ни имений. Около пяти лет Ланской был фаворитом Екатерины II. Он не был государственным деятелем, помощником в делах. Да при наличии её соправителя Потёмкина в этом не было нужды. Ланской был ласковый, любящий человек, который помогал ей, уже стареющей женщине, отдохнуть от тяжелого бремени правления. Он отличался преданностью, какой, по словам Екатерины, она «в жизни своей не видала». Помогал он и своему благодетелю Григорию Александровичу Потёмкину, явившись крепким звеном цепи, связывающей Потёмкина с императрицей, понимая, как это важно для государственных дел. Он был верен Потёмкину и был благодарен ему за свою судьбу.

Ланской вёл с Потёмкиным переписку, передавая своему покровителю точную и верную информацию обо всём, что касалось двора, придворных и государственных мужей, а в особенности о настроениях императрицы, направлении её ума и её связей с государственными людьми. Придворные относились к нему если не с любовью, то во всяком случае с приязнью как к милому, доброму человеку, никому не желавшему и не делавшему вреда. Политикой, тем более дворцовыми интригами, он не занимался. Такое положение при Высочайшем дворе продолжалось около пяти лет.

Жизнь Александра Ланского оказалась короткой. Заразившись где-то дифтеритом, он скончался 25 июня 1784 года в возрасте 25 лет. Екатерина самоотверженно боролась за его жизнь, она ухаживала за больным, как за своим ребёнком, презрев возможность заразиться от него, и, когда он умер, она очень сильно горевала, даже заболела. Её письма того времени полны горестных сетований, рассказов о Ланском, восхвалений его мужества, его красоты, его доброты и описания своего горя, своего тяжелого состояния души вследствие утраты близкого молодого человека, которого она пестовала и воспитывала, как сына.

Умирая, Ланской, в связи с тем что его родные (кроме сестры) отказались от него, презирая его за фаворитство, просил всё его состояние вернуть в государственную казну. А состояние бывшего бедного офицера было немалым: по оценке его

современников, оно составляло: 6–7 миллионов рублей, несколько имений — земель с крестьянами, три дома-дворца в Санкт-Петербурге и Царском Селе, коллекция картин знаменитых художников и другие коллекции, которые он собирал.

Екатерина похоронила своего любимца на Софийском кладбище в Царском Селе, первое время почти ежедневно посещала его могилу, над которой по её велению была воздвигнута церковь Казанской иконы Божией Матери. Но горевать долго она не могла: неотложные государственные дела ждали её ежедневно. В одном из писем Гримму она писала: «Однако не подумайте, чтобы вследствие этого ужасного состояния я пренебрегла хотя бы малейшей вещью, требующей моего внимания. В самые мучительные моменты ко мне приходили за приказами, и я отдавала их толково и разумно; это особенно поражало генерала Салтыкова».

Справиться с горем Екатерине помогли и её близкие друзья. В том же письме к Гримму Екатерина II, описывая свои переживания в связи с преждевременной кончиной Ланского, передаёт ему подробности событий тех дней: «Через неделю как я написала вам последнее письмо в июле, ко мне приехали Фёдор Орлов и князь Потёмкин. До этой минуты я не могла видеть лица человеческого, но эти знали, что нужно делать: они заревели вместе со мною, и тогда я почувствовала себя с ними легко; но мне надо было еще немало времени, чтобы оправиться…»

Потёмкин понимал, что справиться с горем Екатерине поможет только одно утешение — новый фаворит.

Спустя несколько месяцев, но уже в 1785 году, Ланского заменил блестящий офицер, тридцатилетний Александр Петрович Ермолов (1754–1836), рекомендованный Потемкиным императрице, которой в то время было уже пятьдесят шесть лет.

Александр Петрович был из дворянского рода, происходившего от Арслана-Мурзы-Ермола, приехавшего в Москву из Золотой Орды в 1506 году на службу к Великому князю Московскому Василию III Иоанновичу, который в то время готовился к войне с Литвой. В том же году Арслан-Мурза-Ермол принял православное крещение с именем Иван и стал родоначальником фамилии Ермоловых. Его потомки осели в Москве. За службу у царя Михаила Феодоровича его правнук Осип Иванович Ермолов в 1618 году был пожалован подмосковным поместьем, что окончательно закрепило род Ермоловых в Москве. Для службы Ермоловы избирали прежде всего военное поприще, участвовали в войнах и погибали на полях сражений. Так, Василий Богданович Ермолов в 1634 году был убит в русско-польской войне при осаде Смоленска.

В XVIII и XIX веках известнейшим из рода Ермоловых был генерал от инфантерии, а затем генерал от артиллерии, военный и государственный деятель Алексей Петрович Ермолов (1772–1861), прославившийся как талантливый полководец, участник войн против Наполеона 1805–1807 годов и Отечественной войны 1812 года, а также Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов. С 1817 по 1827 год, в течение 10 лет, Алексей Петрович был главноуправляющим в Грузии, а затем на Кавказе и командиром отдельного кавказского корпуса. С одобрения Александра I Ермолов провёл ряд военных операций в Чечне, Дагестане и на Кубани, построил крепости Грозная (ныне город Грозный), Внезапная и Бурная, присоединил к владениям Российской империи Абхазию и ханства Карабахское и Ширванское. Как главноуправляющий, Ермолов проявил выдающиеся административные и хозяйственные способности: поощрение им торговли и развития промышленности значительно подняли благосостояние населения; реорганизация кавказской пограничной линии, перенесённой на более климатически здоровую территорию, значительно уменьшила число заболеваний и смертность служивших там казаков, не переносивших тяжёлых климатических условий. Способствовали этому и организованные там лечебные заведения, учреждение лечения «водами» на кавказских минеральных источниках. (Вспомним описание этого лечения в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».)

За военные и гражданские заслуги Алексей Петрович был награждён всеми высшими российскими орденами. Став членом Государственного совета, а также будучи избранным в 1853–1856 годах начальником ополчения Московской губернии, последние годы жизни Ермолов провёл в Москве.

Алексей Петрович Ермолов приходился фавориту Екатерины II, Александру Петровичу Ермолову, двоюродным племянником.

Исследовав Александра Ермолова по всем заведённым в отношении фаворитов правилам, после свидания с ним в опочивальне Екатерина II отдала приказание через Перекусихину камердинеру Захару, чтобы тот ввёл нового фаворита в его апартаменты, соседствующие с апартаментами императрицы, объявил ему, как полагалось, о пожаловании ему звания флигель-адъютанта и, передав ему флигель-адъютантский мундир с бриллиантовым аграфом стоимостью в несколько тысяч рублей, выдал 10 тысяч рублей на карманные расходы.

А в передней апартаментов нового фаворита уже толпились придворные, военные и государственные деятели, пришедшие к

нему с поздравлениями и желавшие показать свою ему приверженность. Спустя некоторое время Александр Петрович получил от Екатерины повышение: ему «за службу» был присвоен сначала военный чин генерал-майора и придворное звание действительного камергера, а затем военный чин генерал-поручика.

Однажды король польский Станислав-Август Понятовский, бывший любовник Екатерины II, без согласования с императрицей, прислал её фавориту Ланскому польский орден Белого орла Екатерина возмутилась такой распорядительностью Понятовского, сунувшего нос не в свои дела. По европейским законам, награждение любого деятеля орденом или титулом должно исходить от монарха того государства, чьим подданным является награждаемый. Екатерина не просила польского короля, ею же и посаженного на престол, о награждении её фаворита каким-либо орденом, тем более польским, мало значимым в Российской империи, да еще с намёком на польское происхождение Ланских. А потому она страшно разгневалась на Понятовского, написала ему отповедь в личном письме и отправила орден Белого орла обратно в Варшаву.

Но теперь, желая наградить Ермолова, но не желая жаловать ему высоких российских орденов, она обратилась к королю Станиславу-Августу Понятовскому, и тот по её просьбе прислал Ермолову сначала польский орден Св. Станислава, а затем орден Белого орла.

Ничего не значащий ни при дворе, ни в государственных делах, причём в то время (1785 г.), когда Екатерина проводила большую социально-политическую работу — опубликовала два важнейших документа: «Жалованную грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Жалованную грамоту на права и выгоды городам Российской империи», — Ермолов не мог долго удержаться в фаворитах. Он чувствовал, что долго ему в фаворе не быть, и не стеснялся говорить об этом, и даже о том, что после отставки он хотел бы уехать за границу. Будучи человеком добрым, плохо разбиравшимся в политике и дворцовых связях, он, используя своё положение фаворита, помогал всем, кому мог, выпрашивал подарки для других, говорил правду, обличая некоторых вельмож. Уже в начале 1786 года Екатерина стала охладевать к Ермолову. А Ермолов, продолжая линию правды и обличения, однажды вступился за крымского хана и выступил против своего благодетеля Григория Александровича, который хоть и возвёл его на екатерининский олимп, но был неправ, отказав хану выплачивать обещанную пенсию. Екатерина II расценила это

правдолюбие как то, что Ермолов, возомнив себя всемогущим лицом в государстве, начал интриговать против своего благодетеля. Екатерина считала всегда, что неблагодарность — самый низкий порок человека. И в конце июня 1786 года к Ермолову явился посол императрицы и объявил о данном ему разрешении уехать за границу на три года. Так Екатерина II отправила Александра Ермолова, бывшего «в случае» немногим более года, в отставку. За свою «службу» Ермолов получил менее всех предыдущих и последующих фаворитов: 550 тысяч рублей и имение Красное в Рязанской губернии.

В первых числах июля 1786 года Ермолов оставил императорский дворец и уехал за границу, где провёл три года. Вернувшись в Россию, он на полученные им от Екатерины деньги развернул в имении Красное большое строительство: по проекту архитектора Баженова был построен большой красивый барский дом со служебными пристройками в том же стиле, разбит парк с учётом вошедшей в моду парковой архитектуры с каскадом прудов и была построена великолепная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, украшенная святыми иконами и чудной дорогой утварью. Церковь, весь священнический клир и всё необходимое для богослужений Ермолов содержал на свои средства.

Чтобы все знали источник всего этого богатства, использованного им на строительство, он приказал на фронтоне барского дома начертать благодарные слова: «От щедрой Екатерины».

Как только Потёмкин понял, что его рекомендация Ермолова императрице был ошибкой, он сразу стал искать ему замену. Боясь ошибиться, Потёмкин долго присматривался к своему адъютанту, дальнему своему родственнику, капитану гвардии Александру Дмитриеву-Мамонову.

В августе 1786 года он представил своей повелительнице 28-летнего гвардейского капитана Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова После предварительного обследования, как было принято при екатерининском дворе относительно кандидатов в фавориты, Александр Мамонов получил чин полковника и звание флигель-адъютанта.

По свидетельству современников и судя по его портрету, Мамонов не отличался большой красотой: у него было немного скуластое лицо, прямые брови над небольшими глазами, он был не очень высокого роста, но хорошо сложён и физически развит. В письме к Гримму Екатерина II описывает внешность своего фаворита, как мать говорит о своём ребёнке: «Наша внешность вполне соответствует нашим внутренним качествам: у нас чудные

черные глаза с бровями, очерченными на редкость; ростом ниже среднего, вид благородный, походка свободная; одним словом, мы так же надежны в душе, как ловки, сильны и блестящи с внешней стороны». Александр Матвеевич был человеком образованным, и его чуть раскосые глаза светились умом и живостью. Он хорошо говорил на немецком и английском языках, а французский язык вообще знал превосходно. Екатерине нравилось, что он постоянно стремился познавать, много читал, писал недурные стихи и даже пробовал себя в драматургии. Последнее ей особенно нравилось: ведь она и сама писала и публиковала сатирические статьи в журналах, редактировала журнал «Всякая всячина» и сочиняла пьесы, которые ставились в придворном театре. Императрица любила вести с ним беседы. А так как он пытался серьёзно вникать в государственные дела, она стала использовать его и как советчика.

Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758–1803) происходил из дворянского рода, ведущего своё начало от князя Константина Ростиславича Смоленского. Фамилию его род получил от Григория Андреевича Мамона Дмитриева, окольничего, жившего в конце XV — начале XVI века (ум. 1510). Дмитриевы служили при Государевом дворе окольничими, стольниками, полковыми воеводами. В 1689 году Пётр I официально разрешил одной из ветвей Дмитриевых, в отличие от других ветвей рода, именоваться Дмитриевыми-Мамоновыми. Дмитриевы-Мамоновы в начале XVIII века породнились с царским родом Романовых. По желанию Петра I его племянница, царевна Прасковья Ивановна (1694–1731), дочь Иоанна V Алексиевича от Прасковьи Фёдоровны Салтыковой, не отличавшаяся ни красотой, ни способностями, была выдана замуж за генерал-аншефа Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова (1680–1730). Это был первый в Российской империи морганатический брак.

Морганатический супруг царевны Прасковьи, Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, командовал гвардией в Персидском походе Петра I, а с 1726 года, при Петре II, стал сенатором Когда на престол была избрана Анна Иоанновна (1730), родная сестра царевны Прасковьи Ивановны, то Иван Ильич, как супруг царевны, стал играть при российском дворе видную роль, но недолго: в том же году он умер.

Дед фаворита Мамонова, Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов, дослужился до чина контрадмирала. В 1709 году он был послан Петром I в Данию для обучения морскому делу. Он вернулся в Россию в 1716 году, был обласкан царём и послан в Воронеж для участия в строительстве флота Через 11 лет он стал советником Адмиралтейств-коллегии, в 1729 году — директором

Московской адмиралтейской конторы, а в 1732 году, в царствование Анны Иоанновны, стал контр-адмиралом, членом Воинской морской комиссии и начальником Кронштадтского порта В 1739 году он скончался.

Отец фаворита Екатерины II, Матвей Васильевич Дмитриев-Мамонов (1724–1810), служил вице-президентом Вотчинной коллегии, затем был назначен правителем Смоленского наместничества В 1786 году, по протекции своего сына-фаворита, стал президентом Вотчинной коллегии, получил чин тайного советника, был назначен сенатором, стал главным директором весьма хлебного места — Межевой канцелярии, землемеров и архивов. Ему суждено было пережить своего сына на семь лет.

В 1786 году, став фаворитом, Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов уже через месяц своего фавора получил военный чин генерал-майора и придворное звание действительного камергера Екатерина II первоначально всем своим фаворитам-любовникам раздавала милости одинаково, так сказать, «всем сестрам по серьгам». Но тот, кто удерживался больше года, получал уже блага посерьёзнее. В 1788 году императрица пожаловала Дмитриева-Мамонова в генерал-поручики и из флигель-адъютантов перевела в генерал-адъютанты. А в апреле того же года по её просьбе император Иосиф II возвёл фаворита Екатерины с нисходящим потомством в графское Священной Римской империи достоинство. Впоследствии император Павел I в 1797 году повелел род Дмитриевых-Мамоновых внести в число графских родов Российской империи.

Вначале казалось, что Екатерина приобрела в лице Александра Дмитриева-Мамонова фаворита на уровне Ланского, а может быть, и под стать Потёмкину, и потому должна быть счастлива. В письмах своим европейским респондентам себя она называла «воспитанницей госпожи Кардель», а каждого своего фаворита — каким-нибудь придуманным ею именем. Дмитриева-Мамонова она называла «Красным кафтаном», потому что Мамонов носил красный кафтан, который очень был ему к лицу. В письме к своему немецкому другу, барону Гримму, Екатерина называет своего фаворита «существом, имеющим прекрасное сердце и очень искреннюю душу». Характеризуя своего нового избранника, императрица писала: «Ума за четверых, весёлость неистощимая, много оригинальности в понимании вещей и передаче их, прекрасное воспитание, масса знаний, способных придать блеск уму. Мы скрываем как преступление наклонность к поэзии; музыку любим страстно, все понимаем необыкновенно легко. Чего только мы не знаем наизусть! Мы декламируем,

болтаем тоном лучшего общества; изысканно вежливы; пишем по-русски и по-французски, как редко кто, столько же по стилю, сколько по красоте письма». По всеобщему мнению не только двора, но и иностранных посланников, из всех екатерининских фаворитов наиболее достойным после Потёмкина был Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов.

В 1787 году Екатерина совершила путешествие в Крым, как уже говорилось выше, вместе с императором Австрии Иосифом II и многочисленными гостями из европейских стран, и Александр Мамонов был одним из её свиты. Вновь построенные порты на Чёрном море, вновь созданный могучий по тем временам флот — всё это произвело на всех участвовавших в этой поездке: на австрийского императора, иностранных представителей и крупных вельмож, — огромное впечатление. Это был триумф не только Потёмкина, но и императрицы Екатерины II.

1787–1789 годы выдались суровыми не только для Франции, где заполыхала революция, полетела голова Людовика XVI, а королева Мария Антуанетта оказалась в тюрьме, но и для России и, естественно, для императрицы Екатерины II. В августе 1787 года Турция напала на русскую крепость Кинбурн, и началась Вторая Русско-турецкая война. Напомним, что в это время Потёмкин, возглавив Южную армию, отправился воевать с турками. Но это было только начало. Через несколько месяцев шведский король Густав III вознамерился напасть на Россию, по его мнению, ослабленную из-за её войны с османами. Он отправил русскому вице-канцлеру Остерману, исполнявшему посольские дела в Финляндии, требование вернуть Швеции все земли, некогда отошедшие к России по мирным договорам, заключённым в Ништадте и Або (Турку), и возвратить туркам Крым, присоединённый к России в 1783 году. На его требование Россия могла ответить только отказом.

1526 год. Василий III, Великий князь Московский, вводит во дворец невесту свою, Елену Глинскую. Рисунок К. В. Лебедева. До 1916 г.

Венчание Василия III Иоанновича и Елены Глинской на котором присутствовал И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский. Фрагмент миниатюры Лицевого летописного свода. XVI в.

Царевна Софья Алексеевна. Парсуна 1680-х гг.

Василий Васильевич Голицын. Портрет конца XVII в.

Царевна Софья получает у Троицы письмо Василия Голицына. Художник К. В. Лебедев. 1890 г.

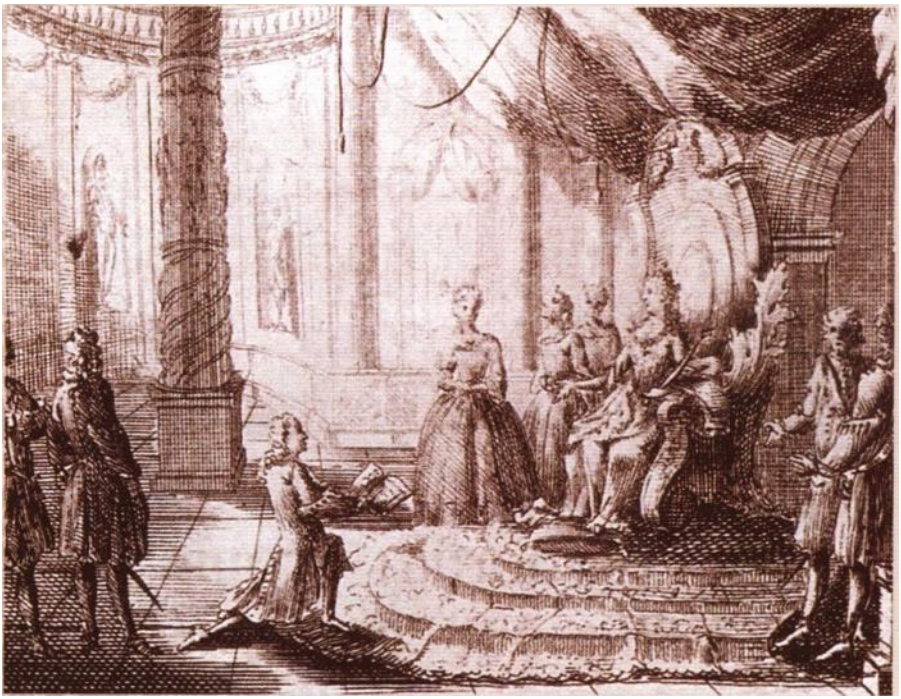
Императрица Екатерина I на фоне Екатерингофского дворца. Миниатюра Г. И. Мусикийского. 1724 г.

Павел Иванович Ягужинский. Гравюра 1766 г.

Александр Данилович Меншиков. Гравюра 1710 г.

Эрнст-Иоганн Бирон. Портрет XVIII в.

Императрица Анна Иоанновна. Портрет 1730-х гг.



Чтение оды перед императрицей Анной Иоанновной. Гравюра 1731 г.

Правительница Анна Леопольдовна. Художник И. Д. Ведекинд. Около 1742 г.

Цесаревна Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца в ночь на 25 ноября 1741 года. Художник Е. Е. Лансере. 1913 г.

Александр Борисович Бутурлин. Портрет середины XVIII в.

Церковь Воскресения Словущего в Барашах в Москве, где, по слухам, произошло тайное венчание Елизаветы Петровны с Разумовским

Алексей Григорьевич Разумовский. Портрет XVIII в.

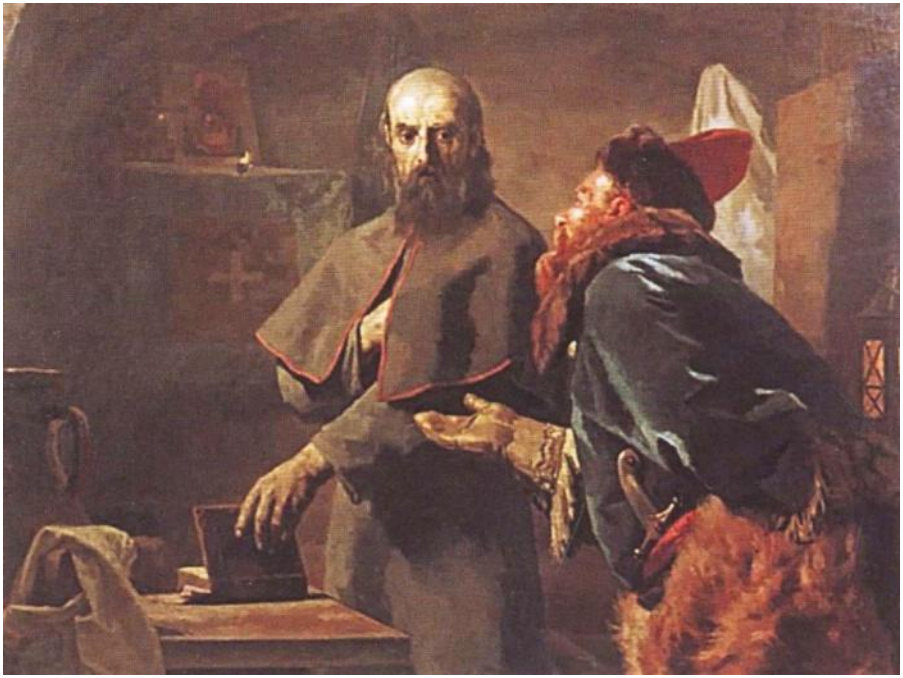
Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Художник И. П. Аргунов. 1750-е гг.

Захар Григорьевич Чернышев. ХудожникА. Рослин. 1776 г.

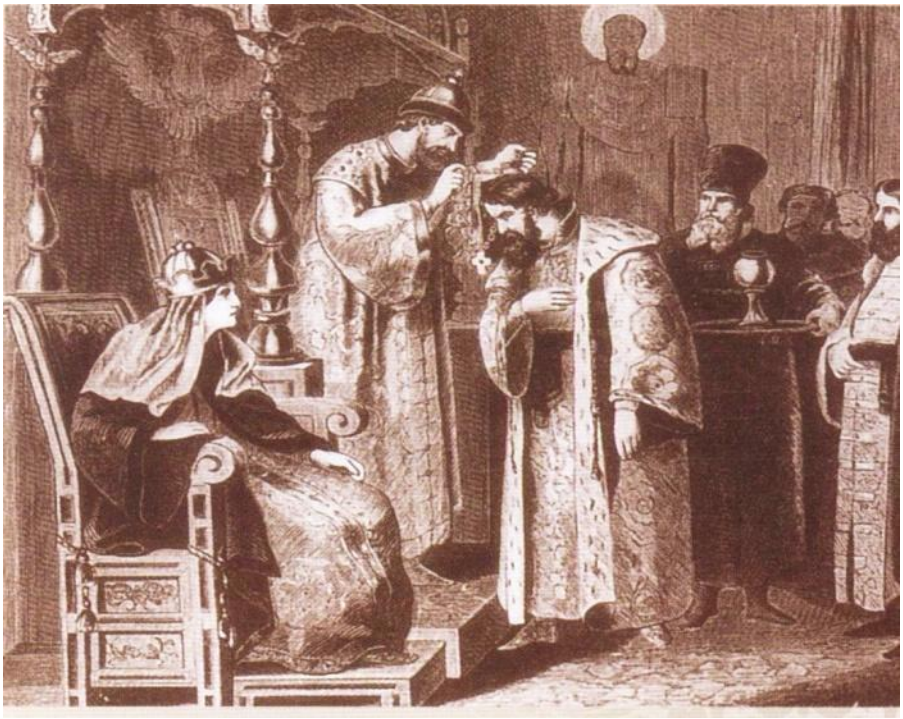
Григорий Александрович Потемкин. Портрет второй половины XVIII в.

Александр Дмитриевич Ланской. Художник Д. Г. Левицкий. 1782 г.

Члены Избранной рады царя Иоанна IV — Алексей Адашев и священник Сильвестр. Гравюра XIX в.



Последние минуты митрополита Филиппа. (Митрополит Филипп и Малюта Скуратов.) Художник Н. В. Неврев. 1898 г.



Царь Феодор Иоаннович надевает на Годунова золотую цепь. Гравюра XIX в.

Смерть Бориса Годунова. Художник К. В. Лебедев. 1880-е гг.

Пир царя Алексия Михаиловича с ближними боярами в отъезжем поле. Художник А. П. Рябушкин. 1898 г.

Артамон Сергеевич Матвеев. Посмертный портрет XVIII в.

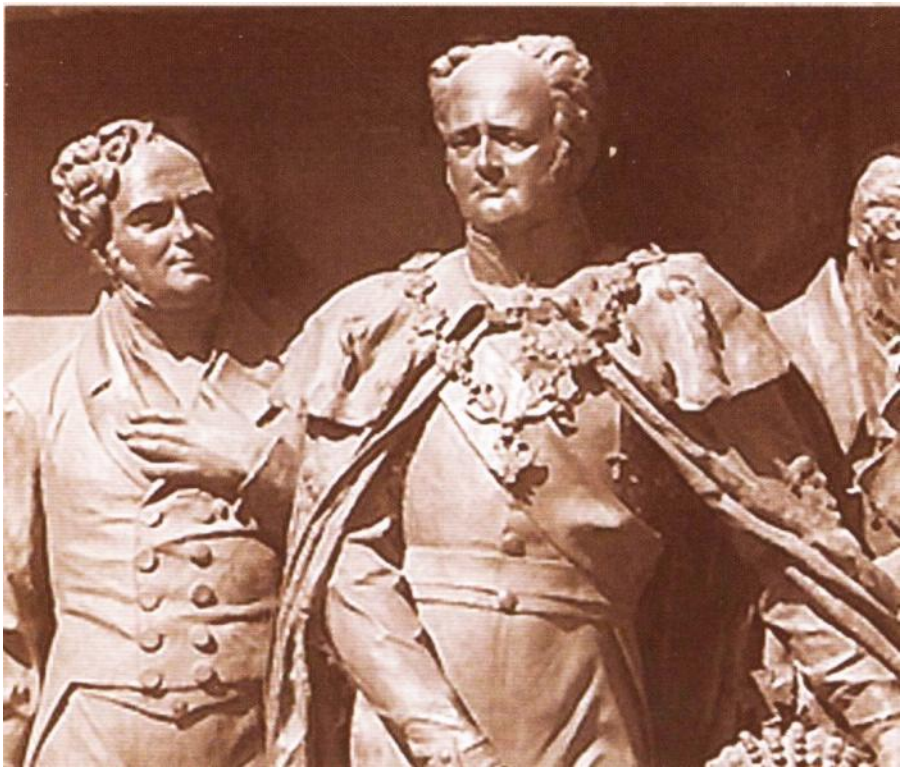
Франц Лефорт. Художник М. Мушер. 1698 г.

Осада Азова в 1696 году. Петр I с боярином А. С. Шейным, адмиралом Ф. Лефортом, генералом П. Гордоном, боярином Ф. А. Головиным. Гравюра А. Шхонебека. 1699 г.

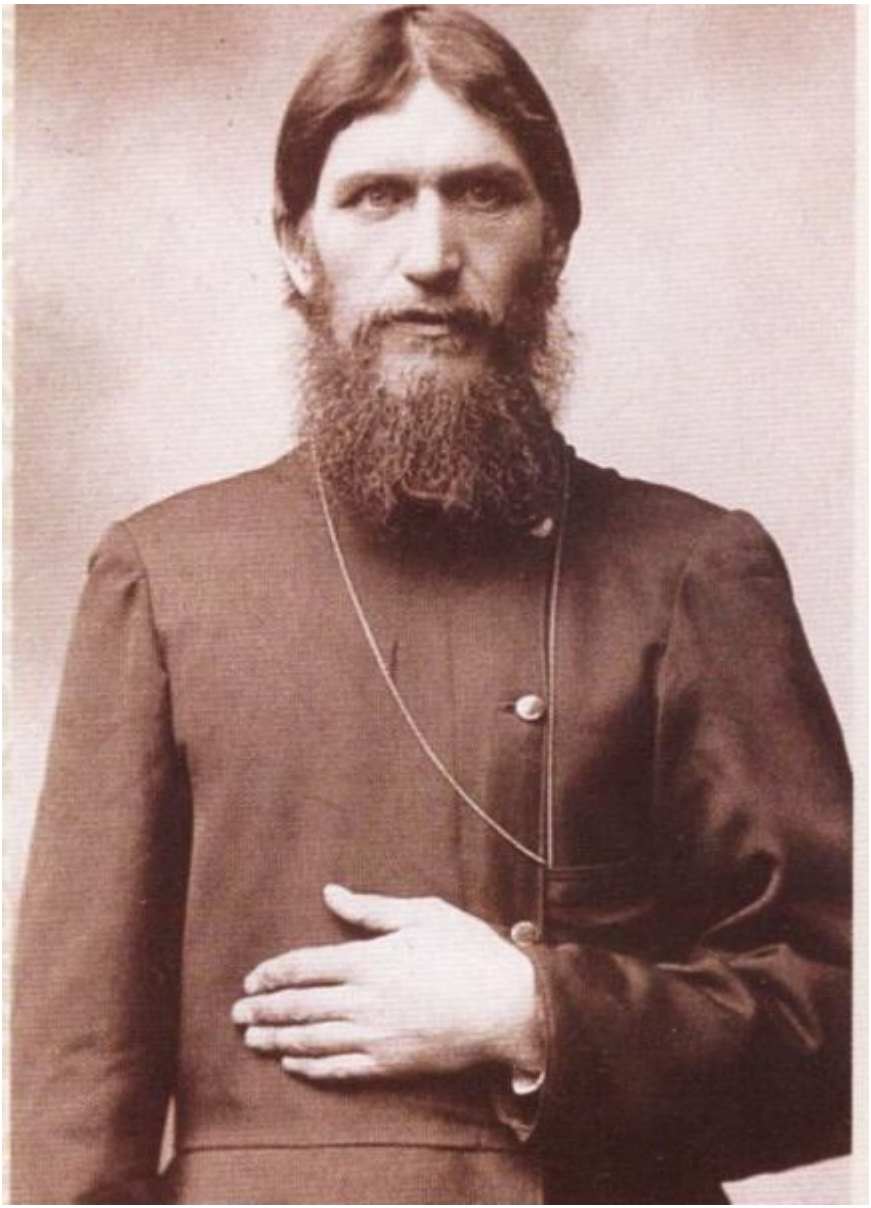
Иван Алексеевич Долгоруков. Портрет 1720-х гг.

Алексей Андреевич Аракчеев. Художник Дж. Доу. 1824 г.

Михаил Михайлович Сперанский. Художник В. А. Тропинин. Не позднее 1839 г.



Император Александр I (в центре) и М. М. Сперанский. Изображение на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде. Скульптор М. О. Микешин. 1862 г.



Григорий Распутин. Фото 1900-х гг.

Императрица Александра Феодоровна и цесаревич Алексей. Фото 1900-х гг.

30 июля 1788 года Швеция вероломно напала на Россию.

Войну с Портой вёл Потёмкин, он сам, его генералы и адмиралы одерживали одну победу за другой:

1 октября 1787 года — при Кинбурне (А. В. Суворов); 3 июля 1788 года — у мыса Фидониси (адмирал Ф. Ф. Ушаков); 6 декабря

был взят Очаков (А. В. Суворов и Г. А. Потёмкин); 21 июля 1789 года — при Фокшанах; 11 сентября 1789 года — при Рымнике (А. В. Суворов). В это же время был основан новый порт на Чёрном море — Николаев.

А войну со Швецией пришлось вести Екатерине II, все тяготы войны она взяла на себя и оказалась как бы «главнокомандующей Северным флотом». В трудные минуты жизни Екатерина умела взять всё в свои руки и действовать. Она лично стала у руля морского ведомства, приказала исправить и привести в порядок Ревельский порт как центр борьбы против шведского флота, а также выстроить несколько казарм и госпиталей. Кроме того, она занималась снабжением армии и флота продовольствием Под её руководством были одержаны победы: 6 июля 1788 года — у острова Готланд (адмирал С. К. Грейг); в мае 1790 года — у Ревеля (адмирал ВЯ. Чичагов).

При этом Екатерина продолжала заниматься польскими проблемами и разделом Польши, а также и российскими мирскими делами, самыми насущными социальными проблемами. Так, 20 сентября 1789 года она подписала Устав о повивальных бабках.

Об этом времени она писала позже барону Гримму: «Есть причина, почему казалось, что я все так хорошо делала в это время: я была тогда одна, почти без помощников, и, боясь упустить что-нибудь по незнанию или забывчивости, проявила деятельность, на которую меня никто не считал способной; я вмешивалась в невероятные подробности до такой степени, что превратилась даже в интенданта армии, но, по признанию всех, никогда солдат не кормили лучше в стране, где нельзя было достать никакого провианта».

Как потом выяснилось, Екатерина «была тогда одна, почти без помощников», потому что её фаворит Александр Мамонов, влюбившийся в одну из фрейлин императрицы, а потому занятый своими личными тайными встречами с ней, в это трудное для страны время оказался для императрицы не помощником Он потерял интерес и к военным успехам, и к политике, и к экономике и постоянно отговаривался тем, что у него болит в груди.

Несмотря на все прекрасные качества Дмитриева-Мамонова, счастье императрицы оказалось непрочным Её «Красный кафтан» проявил себя не таким «искренним», а его сердце было не таким «прекрасным», как в ту пору, когда влюблённая в него Екатерина писала Гримму. Уже в конце 1788 года Екатерина заметила явное охлаждение к ней любовника. Но важнейшие события шведской войны отвлекали её от личных дел. К тому же Александр

Матвеевич всё время клялся ей в любви и постоянно следил за ней, нет ли у неё на примете кого-нибудь другого на место фаворита. Некоторые придворные намекали ей на нечестное по отношению к ней поведение фаворита, но, занятая делами, да и не любившая никаких наветов, она не реагировала на их предупреждения. Однако наконец-то решила всё же проверить, так ли это, и в июле 1789 года написала Мамонову записку, в которой, ссылаясь на свой возраст и желание наградить его, предложила ему брак с богатой невестой — молодой графиней Брюс Каково же было её удивление, когда Мамонов ответил ей тоже письмом, что он давно уже обещал фрейлине Дарье Щербатовой жениться на ней и уже полгода как с ней помолвлен.

Княжна Дарья Фёдоровна Щербатова (1762–1801), соблазнившая фаворита Мамонова, с раннего детства воспитывалась в доме своего дяди: родители её разошлись, мать ушла жить к своему отцу и вскоре умерла. Горячее участие в судьбе девочки приняла её тётка по материнской линии, княжна Дарья Александровна Черкасская. Зная доброту светлейшего князя Потёмкина, бывшего в то время фаворитом Екатерины II, она обратилась к нему с просьбой помочь пристроить сироту Дашеньку, замолвить за неё словечко императрице. Потёмкин откликнулся на просьбу княжны Черкасской, представил положение сироты императрице, и Екатерина приняла во фрейлины 12-летнюю княжну Дарью Щербатову с проживанием её во дворце, во фрейлинских покоях, с питанием и полным материальным обеспечением. Присмотр за нею был поручен камер-фрейлине баронессе Мальтиц. Не прошло и трёх лет, как оказалось, что юная, пятнадцатилетняя княжна Щербатова, несмотря на свою молодость, уже способна соблазнять мужчин: «была открыта её интрига» с английским министром-резидентом Фритцем Гербертом, страстно в неё влюбившимся. В процессе рассмотрения этой интриги выяснилось также, что фрейлина Щербатова имеет долги в сумме почти 30 тысяч рублей (а это в те годы, когда корова стоила 3 рубля). После этого скандала способность княжны Дарьи Щербатовой к интригам и соблазнению мужчин только возросла: 26-летняя Дарья Щербатова сумела соблазнить фаворита императрицы, графа Александра Дмитриева-Мамонова, заставить его тайно обручиться с нею и дать клятвенное обещание жениться на ней. Как бы то ни было, но княжна Щербатова вошла в историю Российской империи как женщина, бросившая вызов самой илшератрице Екатерине Великой, отбив у неё фаворита, подававшего большие надежды на то, что из него выйдет муж государственного значения.

Измены любовников-фаворитов были для императрицы Екатерины II не в новинку. Уже её первый главный фаворит — Григорий Орлов — не раз был в этом замечен. Следуя порядкам фаворитизма, она не обижалась и не ревновала. Но случай с Дмитриевым-Мамоновым был исключительным по неискренности, нечестности и даже лживости. Почти год, если не более, влюблённый фаворит встречался с Дарьей Щербатовой и в то же время постоянно клялся в любви своей благодетельнице, даже показывал вид, что ревнует её, что боится её потерять.

В своём дневнике А. В. Храповицкий записал откровения императрицы о Мамонове: «Зачем не сказал откровенно? Год как влюблён. Буде же сказал зимой, то полгода бы прежде сделалось то, что третьего дня. Нельзя вообразить, сколько я терпела. Бог с ними! Пусть будут счастливы. Я простила их и дозволила жениться. Они должны бы быть в восхищении, но, напротив, они плачут. Тут еще замешивается и ревность. Он больше недели беспрестанно за мною примечает, на кого гляжу, с кем говорю? Это странно. Сперва, ты помнишь, имел до всего охоту и за все брался легко, а теперь мешается в речах, все ему скучно, и все болит грудь. Мне князь зимой еще говорил: Матушка, плюнь на него, и намекал на княжну Щербатову, но я виновата; я сама его перед князем оправдать старалась». Храповицкий дополняет запись этой беседы: «Приказано мне заготовить указ о пожаловании ему деревень, купленных у князя Репнина и Челышева 2250 душ. Перед вечерним выходом сама Екатерина Великая изволила обручить графа и княжну; они, стоя на коленях, просили прощения и прощены».

Как всегда в неприятных случаях, Екатерина, поговорив со своим статс-секретарём Храповицким и поплакав со своими фаворитками Анной Никитичной Нарышкиной, Анной Степановной Протасовой да с Перекусихиной, взяла себя в руки, призвала к себе влюблённых, устроила им помолвку, наградила их весьма щедро (кроме деревень, 100 тысяч рублей и дорогие венчальные кольца), сама, как традиционно полагалось при дворе, убрала фрейлину-невесту к венчанию, присутствовала на их венчании в придворной церкви, но на свадьбу не пошла, как, впрочем, не пошли и многие придворные. Молодым велено было тотчас же после свадьбы выехать в Москву с тем, чтобы в Петербург уже никогда не возвращаться.

Екатерина написала Потёмкину о предательстве Мамонова и о том, что Анна Никитична Нарышкина бывшего фаворита «так разбранила, как я никогда в жизни не слыхала, чтобы кто-нибудь бранился».

Семейная жизнь у Дмитриева-Мамонова не сложилась. После

блестящего ею положения при дворе, всеобщего почёта и заискиваний, подарков и денег от императрицы (в общей сложности фаворит получил 900 тысяч рублей), интересных бесед с благодетельницей, после весёлого хоровода празднеств, весёлых поездок, а в последнее время — тайных трепетных свиданий с фрейлиной Щербатовой, переглядываний с нею, примечаний движений её веера («маханий», как это называлось при дворе), обмена любовными записками, — после всею этого — в Москве, один на один с беременной, не очень образованной женой, было скучно. Да и Дарье тоже было далеко не весело, а потому супруги были раздражены друг против друга и постоянно ссорились, обвиняя друг друга в потере весёлой жизни при дворе. К тому же они были одиноки: московское барство, считая их опальными, не общалось с ними.

Когда Екатерине донесли о плачевном состоянии влюблённой пары, об их ссорах и упрёках друг другу, она заметила, что это закономерно: «одно дело изредка встречаться тайно, а другое — жить постоянно вместе».

Александр Мамонов стал писать Екатерине письма с просьбой вернуть его, каялся, что не понял своего счастья, но было поздно. Его место уже занял другой фаворит — Платон Александрович Зубов (1767–1822).

Последний фаворит Екатерины II, Платон Зубов, происходил из дворянского рода, ставшего графским, благодаря его «службе императрице».

Род Зубовых, по легенде, вёл своё начало с первой половины XIII века от баскака Золотой Орды Амрагата, наместника хана во Владимире, якобы принявшего православное крещение под именем Захария. Известно, что в 1571 году, в царствование Иоанна Грозного, один из Зубовых, Игнатий Никитич, был дьяком Посольского приказа; в XVII веке многие представители семейства Зубовых служили стольниками и городовыми воеводами. Так, Алексей Игнатьевич (ум 1632) в царствование Михаила Феодоровича был воеводой в Астрахани; его брат Матвей Игнатьевич в те же годы служил воеводой в Царицыне, еще один брат, Иван Игнатьевич (ум 1629), — воеводой в Берёзове. Афанасий Иванович Зубов (ум 1648) служил воеводой в Туринске, а его сын Степан Афанасьевич с 1659 по 1664 год, уже в царствование Алексия Михаиловича, был воеводой в Берёзове. В XVII веке многие Зубовы служили при Государевом дворе царей Михаила Феодоровича и Алексия Михаиловича стольниками, по Разряду числились дворянами московскими, получали земельный оклад и становились помещиками.

Дед Платона Зубова, Николай Васильевич Зубов (1600–1786),

служил при Анне Иоанновне, потом при Елизавете Петровне, затем при Екатерине II, но дослужился до скромной должности члена Коллегии экономии.

Отец Платона Зубова, Александр Николаевич (1727–1795), был всего на два года старше Екатерины II. Благодаря «службе» своего сына Платона, имел чин тайного советника (III класс Табели о рангах с титулованием «Ваше высокопревосходительство»), должность обер-прокурора 1-го департамента Сената, звание сенатора и титул графа Священной Римской империи.

Кроме Платона, у Александра Николаевича было еще три сына, получивших, как и он, графское достоинство благодаря фавору их брата Платона: граф Николай Александрович (1763–1805), женатый на графине Наталье Александровне Суворовой, дочери генералиссимуса А. В. Суворова, получил чин генерал-поручика и придворное звание обер-шталмейстера; граф Дмитрий Александрович (1764–1836) — чин генерал-майора; самый младший — граф Валериан Александрович (1771–1804) — чин генерала от инфантерии (II класс Табели о рангах с титулованием «Ваше высокопревосходительство»).

Платон Александрович Зубов, офицер дворцового караула в чине штаб-ротмистра, рекомендованный по его настоятельным просьбам в дворцовый караул с целью попасться на глаза императрице и очаровать её своим внешним видом и любезностью, добился своего и после отставки Мамонова, при содействии светлейшего князя Николая Ивановича Салтыкова и по рекомендации статс-дамы Анны Никитичны Нарышкиной, был представлен Екатерине II и сумел обратить на себя её особое внимание.

Разрыв Екатерины с Дмитриевым-Мамоновым произошёл 18 июня 1789 года. А уже через день, 20 июня, Платон Зубов был представлен императрице. 21 июня он через Анну Никитичну был приглашён на аудиенцию к Екатерине II и провёл с ней наедине целый вечер, до 11 часов. Уже 22 июня 1789 года Высочайший двор узнал о появлении у 60-летней Екатерины Великой нового фаворита в лице 22-летнего Платона Александровича Зубова Вначале двор воспринял эту новость равнодушно, считая, что это мимолётная прихоть императрицы. Даже умудрённый опытом А. А. Безбородко и тот разделял мнение большинства придворных. В одном из писем Воронцову он так охарактеризовал появление нового фаворита, который был на 38 лет моложе императрицы: «Этот ребёнок с хорошими манерами, но не дальнего ума; не думаю, чтоб он долго продержался на своем месте». Однако «этот ребёнок», хоть и «недальнего ума», был настолько ловок и хитёр,

что продержался «на своём месте» с 1789 года до самой смерти своей покровительницы в 1796 году, то есть семь лет.

Уже одно то, с какой настойчивостью Платон Зубов шёл к своей цели — занять место фаворита, — говорит не о его необыкновенной любви к весьма пожилой даме, как это представлял окружающим он сам, а о его характере карьериста, человека, готового терпеть всё во имя своего возвышения, приобретения власти и богатства.

Когда Потёмкин узнал о новом фаворите императрицы, его обожаемой повелительницы и друга, а может быть, и супруги, он, уже зная Зубова как ничтожного человека, алчного и хитрого, был неприятно поражён выбором Екатерины. Он понимал, что ему немедленно нужно ехать в Петербург и отговорить императрицу от этого шага, но он смог явиться туда только после взятия Измаила и окончания кампании 1790 года. Он прибыл в Петербург 1 марта 1791 года на торжества по случаю взятия Измаила, но было уже поздно. За время с июня 1789 года до марта 1791 года, почти за два года, Платон Зубов сумел твёрдо укорениться в сердце императрицы, настроить её против Потёмкина, а потому она приняла своего друга и соратника весьма прохладно, больше почестей отвела Суворову, чем главнокомандующему, при этом всячески стараясь уклониться от личного общения с Потёмкиным. Григорий Александрович видел, что Зубов, упиваясь властью фаворита, использует своё положение для обогащения себя и своих родственников, а государственными делами занимается только для получения им лично разных орденов, чинов, званий и должностей. Потёмкин, пытаясь наладить прежние с Екатериной доверительные отношения, задобрить её, устроил в её честь грандиозное и дорогостоящее празднество, но всё было напрасно: Зубов, её божество, стоял между ними. Поэтому ни уговоры, ни предупреждение Потёмкина относительно фаворита, его ничтожности как государственного человека, его наклонности к стяжательству не привели ни к чему, напротив, еще более настроили Екатерину против светлейшего. Все доводы Потёмкина о неправильно принятом политическом курсе, о связи Зубова с цесаревичем Павлом Петровичем Екатерина приняла в штыки, тем более что последние рекомендации фаворитов Потёмкиным были такими для неё неприятными, особенно история с Мамоновым.

Теперь для императрицы главной её поддержкой были Платон Зубов и его брат Валериан, ими она была счастлива, в них она верила, хотя в душе, по-видимому, жило тревожное понимание, что никакие эти Зубовы не государственные деятели,

а просто желанные сердцу дорогостоящие мальчики-игрушки.

Но когда пришло известие, что 5 октября 1791 года умер от апоплексического удара (гипертонического криза) Григорий Потёмкин, Екатерина, по свидетельству французского уполномоченного Женэ, «лишилась чувств, кровь бросилась ей в голову, и ей принуждены были открыть жилу». Барону Гримму она писала: «Вчера меня ударило как обухом по голове… Мой ученик, мой друг, можно сказать, идол князь Потёмкин-Таврический скончался… О Боже мой! Вот теперь я истинно сама себе помощница. Мне снова надо дрессировать себе людей!» Она так писала потому, что в глубине сердца знала, что фаворит Зубов ей не помощник, что ему далеко до Потёмкина, против которого он последние годы упорно её настраивал. Да она и высказала однажды эту мысль в письме к Гримму: «Ох, Боже мой! Опять нужно приняться и все самой делать. Нет ни малейшего сомнения, что двое Зубовых подают более всего надежд; но подумайте, ведь старшему только 24-й год, а младшему нет еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старший обладает обширными и разнообразными сведениями. Ум его отличается последовательностью, и, поистине, он человек даровитый». Но относительно даровитости, ума и обширных познаний Зубова так думала (а может быть, только хотела так думать) только она одна. А об уме и даровитости, например, Потёмкина отзывались Иосиф II, Сепор, Геррис, Безбородко и другие высокопоставленные и прозорливые лица. А о «даровитом» Зубове не отозвался из сильных мира сего никто.

Со дня кончины Потёмкина влияние Зубова на императрицу стало безраздельным, его личные дела стремительно пошли в гору, а дела государства в тех областях, которыми занимался Зубов, значительно пошатнулись. Современники видели все недостатки фаворита Зубова, его злость, недоброжелательство относительно всеми уважаемых лиц, его явную вражду против Потёмкина, Безбородко, Сиверса, Воронцова и других государственных деятелей, отдававших свои силы на благо Отечества. Видели, как он плетёт интриги и старается возвеличить себя, выпрашивая у императрицы для себя и своих родственников, особенно для брата Валериана, орденов, чинов, должностей, почестей и всяких других милостей.

Но Екатерина, следуя своей давней традиции в фаворитизме — только хвалить своих любовников, пока они были рядом с ней, в своих письмах и высказываниях представляла Платона Александровича чуть ли не ангелом небесным, восхваляя его безусловную преданность ей (!), бескорыстие (!), его искренность (!), любезность, стремление к познанию и учению (!). Она считала

его самым способным своим учеником (В скобках заметим, что всех своих фаворитов-любовников Екатерина скромно называла своими «учениками».) На самом деле двор считал Платона Зубова человеком недалёкого ума, злым, мстительным и малообразованным, но имеющим привлекательную внешность и хорошо владеющим французским языком.

Начал свою карьеру Зубов поручиком Конной гвардии, был переведён в дворцовую стражу Н. И. Салтыковым, который через рекомендацию его императрице рассчитывал свалить Потёмкина, опору екатерининской власти, и тем самым повлиять на успех партии цесаревича Павла Петровича.

Как только Зубов получил сан фаворита, он стал очень быстро продвигаться по служебной лестнице. Большой, или Высочайший, двор, поняв, что Зубов — это не мимолётное увлечение императрицы, начал воздавать Зубову приличные официальному фавориту почести. Князь Адам Чарторыйский с братом, по велению императрицы пребывающие при дворе как представители Польши, выполняя рекомендации своего ментора Гурского, должны были отправиться на поклон к фавориту князю Платону Зубову. Об этом визите Чарторыйский в своих Записках рассказал так: «В указанный час явились мы в Таврический дворец, где отведено было ему помещение. Он встретил, нас стоя, опираясь на стол; он был одет в коричневый камзол. Это был еще молодой человек, стройный, с приятным смуглым лицом Он принял нас с видом весьма милостивого покровительства. На время разговора посредником между нами был Гурский, который очень удачно отвечал на предлагаемые вопросы и видимо понравился всесильному фавориту. В заключение князь сказал, что сделает все возможное, чтобы быть нам полезным в нашем деле, но не преминул оговориться, что все исключительно зависит от воли императрицы, на решения которой ни он, ни кто другой не могут иметь окончательного влияния. Он сказал нам также, что мы скоро будем представлены Ее Величеству. К князю Зубову нас привел князь Куракин, брат будущего посла, взявший нас под свое покровительство. Но в то время, когда мы входили в кабинет Зубова, он вдруг исчез, или, вернее, остался в приемной. Когда мы вышли, он снова встретил нас и стал расспрашивать подробно обо всем, что говорил нам князь, а из его замечаний мы могли легко заключить, что нам пришлось беседовать с самым могущественным человеком всей империи.

Не менее значительную роль играл брат фаворита, граф Валериан Зубов. По внешности он имел даже более мужественный и внушительный вид, чем его старший брат, и сама императрица чрезвычайно к нему благоволила Уверяли даже, что если бы

Валериан Зубов имел случай представиться императрице раньше своего брата, то он, быть может, занимал бы его место. В настоящее время в качестве брата фаворита и благодаря личным заслугам, граф Валериан пользовался большим значением у императрицы. Поэтому необходимо было засвидетельствовать ему свое почтение, что мы и исполнили по настоянию Гурского. Благодаря покровительству графа Валериана мы и удостоились чести получить специальную аудиенцию у его брата».

Свидетельства князя Адама Чарторыйского в его Записках для нас и для вас, дорогой читатель, весьма ценны, потому что они исходят от очевидца описываемых лиц и событий, отстранённого от русской жизни, а потому не вызывают сомнений в их объективности и достоверности.

Приведём из его Записок еще один отрывок, касающийся фаворита Зубова «Приемы у князя Платона происходили ежедневно в 11 часов утра это был целый церемониал, напоминавший собой французское „Leve du Roi“ времен Людовика XV. Целое сонмище просителей и людей всех рангов усердно посещали эти утренние приемы. Вся улица была полна каретами, экипажами самого разнообразного вида Бывали случаи, что после продолжительного ожидания в приемную входил камердинер князя и торжественно заявлял, что его сиятельство сегодня принимать не будет, после чего все молча разъезжались, но также аккуратно являлись на следующий день. Церемониал причем был следующий.

В начале 12-го часа двери кабинета широко растворялись, Зубов входил в комнату небрежной походкой и, сделав общее приветствие легким кивком головы, садился к туалетному столу. Он был в легком халате, из-под которого было видно белье. Парикмахер и лакеи приносили парик и пудру, а все присутствующие старались уловить его взгляд и обратить на себя внимание всесильного фаворита. Все почтительно стояли, и никто не смел проронить слова, пока он сам не заговорит. Нередко он все время молчал, и я не запомню, чтобы он когда-нибудь предложил кому-либо стул, исключая генерал-фельдмаршала Салтыкова, которому, как говорят, Зубовы были обязаны своим возвышением Известно, что Платон заменил Дмитриева-Мамонова по „рекомендации“ Салтыкова Деспотический проконсул Тутолмин, гроза Подолии и Волыни, несмотря на приглашение князя, не решался сесть, присев на кончик стула всего на несколько минут, он затем снова говорил стоя.

В то время, пока причесывали князя, его секретарь Грибовский приносил бумаги для подписи. Окончив прическу и

подписав несколько бумаг, Зубов надевал мундир или камзол и удалялся во внутренние комнаты, давая знать легким поклоном, что аудиенция кончена Все кланялись и спешили к своим каретам Все это проделывалось ежедневно и повторялось по строго установленному церемониалу».

После смерти Потёмкина Платон Зубов стал делать карьеру с еще большей быстротой: в 1793 году он уже граф, генерал-адъютант и шеф Кавалергардского корпуса, полковником которого была сама императрица В 1794 году он уже генерал-фельдцейхмейстер (начальник снабжения армии и флота), генеральный директор фортификационных сооружений, Новороссийский генерал-губернатор (должность, которую занимал Потёмкин), и в его подчинении А. В. Суворов. Он генерал-губернатор Таврический и Вознесенский, он главнокомандующий Черноморским флотом, Вознесенской легкой конницей и Черноморским казачьим войском (созданным Потёмкиным), генерал от инфантерии, член Государственной Военной коллегии, почётный благотворитель Императорского Воспитательного дома и почётный любитель Академии художеств; с 1796 года — светлейший князь Священной Римской империи, в том же году получивший право на использование титула на всей территории Российской империи. Если бы цесаревич Павел Петрович не занимал чина генерал-адмирала (I класс Табели о рангах), то Зубов выпросил бы у матушки-императрицы и этот чин. Он сумел добиться от Екатерины II получения самых высоких званий и чинов, назначения его на 13 (!) различных должностей по высшему управлению Российской империей и «заслужить» все самые высокие ордена.

Постаревшая и больная Екатерина, забыв о своих наследниках — сыне и уже взрослом внуке Александре, — передала своему фавориту и высшее военное управление, и дипломатическую часть — управление Иностранной коллегией, до 1795 года принадлежавшее бывшему государственному канцлеру, графу А. А. Безбородко. Таким образом, вся власть государства сосредоточилась в руках любовника-фаворита Зубова, явившего собой классический пример фаворита у престола: первенство при дворе и почти безраздельное управление государством и его казной.

Всем было ясно, кроме императрицы Екатерины, что один человек не может справиться с таким количеством должностей, как не могут справиться с непосильной для них задачей его три помощника: Альгести, Грибовский и Рибас, которые видели в выполнении поручений прежде всего личную выгоду.

Власть и почёт Зубова в Российской империи, подобные

императорским, сделали его весьма самонадеянным и высокомерным по отношению к военным и государственным деятелям, а тем более к придворным.

Не считался он и с русскими дипломатами за границей и порой ставил их в такое положение, после чего они должны были бы, по международным нормам, отправиться на родину.

Зубов продолжал бороться с Потёмкиным и после его смерти. Он не только с помощью императора Павла I разрушил его могилу и памятник над ней, поставленный Екатериной II, он старался превзойти Потёмкина, как лягушка из известной басни Крылова, которая надувалась, чтобы стать больше вола, пока не лопнула. Так и Зубов, в пику греческому проекту Потёмкина, в 1795 году представил императрице свой проект: начать войну с Персией, овладеть ею, а затем и всем востоком до Тибета, а оттуда действовать против Турции и подойти к Константинополю. Екатерина, радуясь за своего «талантливого и смышлёного ученика», утвердила этот проект. В 1796 году брат Платона, Валериан Зубов, был назначен главнокомандующим войск, которые отправлялись на восток для реализации этого «гениального», но из-за его эфемерности — увы! — невыполнимого проекта. Война с Персией, хоть и продолжалась всего несколько месяцев, принесла России огромные убытки, но зато подарила Зубовым хорошие дивиденды. Со смертью Екатерины II эта никому не нужная война была прекращена.

В своей внешней политике Платон Зубов руководствовался, как бы в пику Потёмкину, курсом на сближение с Францией и неприятием Англии.

Политика Зубова нанесла тяжёлый урон внешнеполитическому положению России и особенно государственной казне, расстроив её окончательно. Его управление военными делами, в том числе и флотом, отличавшееся злоупотреблениями, довело армию и флот до крайнего расстройства. Следуя примеру фаворита, как призыву к действию, возросли злоупотребления среди военного и гражданского чиновничества.

Российская империя в прежнее правление Екатерины II, окружённой знаменитыми военачальниками и флотоводцами, талантливыми государственными деятелями (светл. кн. Г. А. Потёмкин-Таврический, гр. П. А. Румянцев-Задунайский, генерал-аншеф гр. А. В. Суворов-Рымникский, генерал-аншеф гр. А. Г. Орлов-Чесменский, адмирал Ф. Ф. Ушаков, адмирал Г. А. Спиридов, генерал-фельдцейхмейстер гр. Г. Г. Орлов, генерал-аншеф гр. П. И. Панин и др.), блистала военными победами, отличалась более или менее четким порядком в

государственном устройстве (канцлер светл. кн. А. А. Безбородко, кн. А. А. Вяземский и др.), поддержкой со стороны Русской Православной Церкви, богатством государственной казны, развитием культуры, науки и просвещения (И. И. Бецкой, кн. Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, В. И. Майков, Е. И. Костров, И. Ф. Богданович, И. И. Хемницер, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. няжнин, В. В. Капнист, историк и публицист кн. М. М. Щербатов, просветитель Н. И. Новиков, изобретатели И. И. Ползунов, И. П. Кулибин, архитекторы Дж. Кваренги, М. Ф. Казаков, Н. А. Львов, И. Е. Старое, Ю. М. Фельтен, А. Ринальди, Ж.-Б. Валлен-Деламот, скульпторы Ф. И. Шубин, Э.-М. Фальконе, Ф. Г. Гордеев, композиторы Е. И. Фомин, Д. С. Бортнянский, И. Е. Хандошкин, М. С. Березовский, В. А. Пашкевич, Дж. Сарти, Дж. Паизиэлло, Д. Чимароза, художники Ф. С. Рокотов, С. Ф. Щедрин, Д. Г. Левицкий, А. П. Лосенко, А. П. Антропов, И. П. Аргунов, врачи Д. С. Самойлович, С. Г. Зыбелин, Н. М. Амбодик-Максимович, математик Л. Эйлер, биолог и географ П. С. Паллас, натуралист И. И. Лепёхин, астрономы П. Б. Иноходцев, А. И. Лексель, С. Я. Румовский и другие), благодаря чему этот исторический период и получил наименование «золотой век».

Теперь, в значительной степени разорённая деятельностью временщика Зубова, Россия медленно, но верно теряла своё прежнее величие. Императрица, напрягаясь из последних сил, выиграла при третьем разделе Польши и присоединила к России польские земли, но в этом не было никакой заслуги временщика Зубова.

В 1795 году Екатерина II стала часто болеть, её мучили то «колики», то приступы гипертонии, которые доктор Роджерсон снимал путем кровопускания, после чего ей приходилось долго восстанавливать силы. Многим было ясно, что дни её сочтены. Когда 6 ноября 1796 года она упала в туалетной комнате и довольно продолжительное время оставалась лежать без помощи, а затем выяснилось, что доктор Роджерсон отсутствует, Зубов не разрешил пустить ей кровь без доктора, а когда доктор прибыл, кровь уже не пошла.

Ещё за несколько лет до смерти Екатерины Платон Зубов озаботился дружбой с людьми из партии Наследника и, зная ненависть Павла Петровича к светлейшему, вместе с ними участвовал в кампании против Потёмкина По свидетельству современников, в том числе и Адама Чарторыйского, именно Зубов послал своего брата Николая Александровича Зубова срочно оповестить цесаревича о смерти его матери. А когда великий князь Павел Петрович прибыл на место, якобы именно

Платон Зубов продемонстрировал свою готовность верно служить новому государю и показал, где находится завещание императрицы в пользу великого князя Александра, чтобы Павел смог его уничтожить.

Надо сказать, что этот факт приписывали разным лицам, но более всего говорили о Платоне Зубове. Вероятно, Павел I оценил эту услугу Платона Зубова, иначе нельзя понять, почему он оставил за Зубовым часть его полномочий и даже якобы подарил ему дом, недавно великолепно отделанный.

Однако в скором времени выяснилось, какие злоупотребления были сделаны под руководством Зубова и им самим, какой истощенной оказалась государственная казна Вспыльчивый Павел I приказал Зубову срочно выехать за границу и не показываться более ему на глаза.

Платон Александрович обосновался в Германии, где он поражал всех своим богатством, роскошью жизни и высокомерием. Оценка его поведения местными властями стала известна государю, и Павел вызвал Платона Зубова в Россию. Он приказал ему и его брату Валериану поселиться в их литовских имениях, подаренных им Екатериной II, под строгий надзор местного губернатора.

В 1800 году, когда в Санкт-Петербурге зрел заговор против Павла I, одному из организаторов заговора, генерал-губернатору Петербурга графу Палену, удалось уговорить императора разрешить братьям Зубовым вернуться в Петербург. Через фаворита Павла I, графа И. П. Кутайсова, тоже входившего в кружок заговорщиков, Зубов получил доступ ко двору и назначение начальником кадетского корпуса.

Платон Зубов оказался одним из самых деятельных участников убийства императора Павла. Вместе с братом Валерианом он был в числе тех, кто ворвался в спальню Павла и задушил его.

При Александре I бывший последний фаворит Екатерины II сумел стать членом Государственного совета, но был ненавидим и презираем вдовствующей императрицей Марией Феодоровной, а также многими придворными и членами Совета, а потому никакого влияния в Совете не имел. И всё же Платон Зубов продолжал мнить себя политическим и общественным деятелем, теперь в новом, либеральном духе, и представил Александру I на обсуждение свой проект о запрещении продавать крестьян без земли и об освобождении дворовых путём выкупа на средства государственной казны. (Проект вроде бы гуманный в первой его части, но весьма выгодный для помещиков в части второй.)

В Отечественной войне 1812 года 45-летний Зубов не

участвовал, но после войны уехал в одно из своих многочисленных имений, подаренных ему Екатериной II, — Янишки в Виленской губернии — и занялся там сельским хозяйством Как истинный прожектёр, Зубов в своём проекте, поданном Александру I, проявлял заботу о бедных крестьянах, но в своём имении показал истинное своё лицо жестокого и очень скупого крепостника Он довёл своих крестьян до такой нищеты и униженности, что это стало известно Александру I, который был вынужден Высочайшим повелением на имя Виленского губернатора отметить этот факт как нетерпимый.

Умер Платон Александрович Зубов в 1822 году в возрасте 55 лет. Потомства он не оставил, хотя у него была дочь от законного брака с дворянкой Фёклой Игнатьевной. Дочь умерла, когда ей было всего два года Было у него и несколько побочных детей, о которых он позаботился, положив каждому в банк по миллиону рублей. Известно, что один из его побочных сыновей, которому Платон Александрович дал имя Александр Платонович Платонов и за которого ходатайствовал, был принят на службу в самый привилегированный гвардейский Кавалергардский полк. Дальнейшая судьба этого бастарда, потомка последнего фаворита Екатерины II, неизвестна.

Фавориты российских царей и императоров

Совершенно естественно, фавориты российских царей и императоров коренным образом отличались от фаворитов великих княгинь, правительниц и императриц. Женщины у престола искали, может быть, не только любовных утех, но через любовные отношения мужскую поддержку в удержании трона и в правлении государством, понимая, что в одиночку им не справиться с бременем власти, не укрепить себя на троне, не выработать ни направлений политики, ни планов развития государства.

Однако никогда фаворитизм не приветствовался ни в одной стране, а особенно в России. Как бы ни заискивали придворные и вельможи перед фаворитами правительниц и императриц, как бы внешне ни преклонялись перед ними, но доля презрения к такого рода «службе» при дворе всегда оставалась в России. И даже некоторые родственники фаворита (например, Ланского) переставали с ним общаться, считая «службу» любовника-фаворита при императрице постыдной для их дворянского благородного рода.

Мужчины же, наделённые высшей государственной властью, за редким исключением (например, Иоанн IV Васильевич), искали в фаворитах не похоти, не развлечений, а верных людей для поддержки в укреплении их власти, в направлении их политики, в реализации государственных планов, в войнах за отчизну и ждали от них новых идей и свершений государственного значения, крепких защитников государства как в дипломатии, так и на полях сражений.

Фавориты, любимчики при дворах великих князей и даже князей удельных, существовали всегда, как только такие дворы появились. До наших дней известия о них не дошли, и мы не знаем ни их имен, ни их подвигов.

Здесь идёт разговор о тех фаворитах, которые своими делами, хорошими или плохими, получили широкую известность. Чаще всего фаворитами русских царей и императоров становились люди, связанные с правителем родственными узами или давним знакомством через близких людей. Но это было не всегда. Русская история знает фаворитов у императорского престола из худородных дворян (А. А. Аракчеев), из «поповичей» (М. М. Сперанский) и вообще даже из самого низшего, крестьянского сословия (Г. Е. Распутин).

Фаворитизм в правление Иоанна IV Васильевича Грозного

В 1547 году молодой Великий князь Иоанн IV Васильевич пожелал жениться и венчаться на царство с титулом Царя всея Руси. Венчание на царство было совершено 16 января 1547 года и в дальнейшем подтверждено утвердительной грамотой, присланной цареградским патриархом в 1561 году. Женитьба царя Иоанна IV Васильевича состоялась 3 февраля 1547 года, то есть через 18 дней после венчания на царство. Первой царицей Российского царства стала Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева.

1547 год интересен тем, что во Франции в этот год скончался король Франциск I и на французский престол взошёл его сын, Генрих II. В Испании в этот год герцог Альба Альварес Толедо Фернандо, испанский военачальник и государственный деятель, с именем которого связаны все войны, которые вела Испания при королях Карле V и Филиппе II, одержал очередную победу, на этот раз над саксонцами в битве при Мюльберге. Это был год, когда велась война Англии с Шотландией при участии Франции, защищавшей интересы Шотландии В начале 1547 года французские войска прибыли в Шотландию, а в ответ английская армия снова перешла шотландскую границу и наголову разбила шотландцев в битве при Пинки (сентябрь 1547 г.), а затем англичане захватили основные шотландские крепости, подчинив таким образом себе важнейшую часть Шотландского королевства.

Неспокойно было и в России. 12 апреля 1547 года, когда Иоанн со своей молодой женой Анастасией проводил медовый месяц во дворце на Воробьёвых горах, в Москве случился страшный пожар, в течение трёх дней уничтоживший не только большую часть домов, но и унесший несколько десятков тысяч жизней москвичей. Толпы волнующегося народа явились на Воробьёвы горы к царю, требуя выдачи его бабки, княгини Глинской, которая якобы была виновницей пожара Вместе с народом пришёл к царю и священник московского Благовещенского собора Сильвестр. С народом царь расправился быстро, приказав страже хватать непокорных и тут же казнить. (Говорили, что именно с этих пор и прозвали царя Грозным) Но Сильвестра, выходца из Новгорода, пользовавшегося покровительством митрополита Макария, Иоанн знал и потому допустил до себя. Сильвестр произнёс перед царём грозную речь: он смело указал на пороки царя и, подтверждая свои слова

текстами Священного Писания, объявил царя, передавшего всю власть боярам, истинным виновником случившегося, а потому и получившим от Бога кару за свои тяжкие грехи.

Эта речь вызвала у семнадцатилетнего Иоанна огромное нравственное потрясение и привела его к сознанию, что необходимо самому взять в руки бразды правления государством. Сильвестр стал для него одним из его приближённых, как бы путеводной звездой в реализации его желания самому править государством За время боярского правления от его имени Иоанн возненавидел самых знатных бояр, особенно Шуйских.

Позже, в 1564 году, в первом послании Курбскому, он в трагических тонах обрисовал, как на его глазах бояре присваивали себе богатства, принадлежавшие царской семье, как нагло они показывали своё неуважение к его отцу и матери. Поэтому он не хотел приближать к себе знатных бояр, а желал опереться на людей менее знатных. Сильвестр и Алексей Адашев окружили его такими людьми, впоследствии, с лёгкой руки Андрея Курбского, вошедшими в историю под названием «Избранная рада». Эта группа образованнейших молодых людей того времени, став фаворитами Грозного, внесла много полезного в государственном масштабе, направляя политику молодого царя.

Грозный в послании Курбскому (1564 г.) упоминает об этом, но, разумеется, уже с обидой, рассматривая служение ему Избранной рады в отрицательном плане: «поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: вместо духовных, стали заниматься мирскими делами, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, отнимая от нас великолепие нашей власти, приучали вас прекословить нам и нас почти что равняли с вами, а вас — с мелкими детьми боярскими. Мало-помалу это зло распространялось, и он (Сильвестр. — И.В.) начал возвращать вам вотчины и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас, бросал вотчины словно на ветер и, нарушив уложение нашего деда, привязал этим к себе многих людей. Потом Сильвестр ввел к нам в совет своего единомышленника, князя Дмитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и всегда добиваясь своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас древней прародительской власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и передали это дело на ваше желание и

усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, окружили себя друзьями и делали все по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все делали по своей воле и воле своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее — им было неугодно, а их даже плохие и скверные советы считались хорошими!»

По своему характеру Иоанн был подозрителен и недоверчив, а уже к середине своего царствования, в 60-е годы, стал проявлять признаки психической неуравновешенности, лживости, крайней жестокости и на словах постоянной жалости к себе и своей семье. Поэтому у него никогда не было одного какого-либо фаворита Были люди, которых хоть и называли любимчиками царя Иоанна Васильевича Грозного, но это были лица, к которым Грозный был на какое-то время доброжелателен, но они не являлись его фаворитами. Таковым был Борис Фёдорович Годунов, к которому Грозный относился как к родственнику, брату Ирины Годуновой, ставшей женой его сына, Феодора Иоанновича, и как к человеку своего круга, женатому на дочери Малюты Скуратова Его фаворитом могла быть только группа людей, пользовавшихся его расположением. Такой группой в начале царствования Иоанна Грозного и явилась Избранная рада В её состав, возглавляемый царём, которого наставляли митрополит Макарий и священник Сильвестр, входили: Алексей Адашев, боярин князь Андрей Курбский, князь Василий Серебряный, боярин князь Дмитрий Курлятев, боярин князь Михаила Воротынский, боярин князь Александр Вяземский, боярин князь Иван Мстиславский, князь Никита Одоевский, Василий Горбатый, Шереметевы и другие, в большинстве молодые, образованные и даже талантливые люди. Но из этого состава царь особенно выделял Сильвестра и Алексея Адашева как подлинных своих фаворитов. Первого он считал своим духовным отцом, а второго — ближайшим советником.

Члены Избранной рады, став верной опорой царя, принялись трудиться на благо царя и отечества Прежде всего нужны были законы, и они начали с того, что заново пересмотрели и переработали в соответствии с новыми требованиями Судебник Великого князя Иоанна III 1497 года и создали новую редакцию Судебника 1550 года (Заметим, как в 1564 году, физически уже уничтожив большинство членов Адашевского кружка, он эту работу называет «нарушением уложения нашего деда».) Затем подготовили и организовали первый Земский собор, на котором была утверждена новая редакция Судебника, основного юридического акта Российского царства На Земском соборе, по традиции проходившем на Красной площади, двадцатилетний царь Иоанн IV произнёс с Лобного места речь, в которой призвал

представителей всех сословий забыть прежние притеснения бояр, оставить ненависть и вражду и соединиться любовию христианскою. «Отныне я судья ваш и защитник», — сказал он. В связи с этим обещанием царь открыл приём челобитных (жалоб и прошений) от граждан и поручил это дело Алексею Адашеву, которого из ложничего (постельника) возвёл в чин окольничего.

Сильвестр считал, что русских людей надо научить в христианском духе вести свой дом, своё хозяйство и воспитывать своих детей в мирном общении супругов на основе Писания (Нового Завета). Собрав все уже имевшиеся наставления, созданные разными авторами, Сильвестр обработал их, добавил написанное им наставление «сыну Анфиму» и представил на суд людской книгу «Домострой», в которой вознёс хвалу трудолюбивой и благочестивой женщине, хозяйке дома, представил рецепты приготовления и сохранения на зиму продуктов питания, включил советы по ведению хозяйства и коммерческих дел, оговорил отношения со слугами, призвал молодых людей к повиновению, трудолюбию и уважению старших, особенно родителей, как учит Православная Церковь.

В 15 51 году, также по инициативе Избранной рады и при поддержке митрополита Макария, был проведен собор духовных властей, получивший название «Стоглав» в связи с тем, что на нём решалось сто различных вопросов, касавшихся как церковного, так и гражданского устроения. Уже на следующий год, в 1552 году, в соответствии с решениями Стоглава, по указу царя управление наместников, грабивших население, было заменено земским самоуправлением через земских старост и целовальников, которым для руководства была предоставлена Уставная грамота. (В 1555 году царь подписал еще один указ — о введении самоуправления во всех губных районах.) В 1550 году было проведено большое разверстание земель (раздача земельного оклада служивым людям) по разрядным спискам, зафиксированным в так называемой «Тысячной книге». «Тысячной» она называлась потому, что она содержала 1000 имен бояр, окольничих и детей боярских из князей, которым были дарованы поместья и вотчины. Этот акт царской милости был оформлен указом, который носил название «Грамота Царя и Великого Князя Іоанна Васильевича о дачѣ Боярамъ, Окольничимъ и дѣтямъ Боярским помѣстья и отчинъ 1550 году». В 1556 году царь провёл еще одно разверстание земель, но оно было не таким широким. (Заметим, дорогой читатель, что в первом послании Курбскому (см. цитату выше) Иоанн утверждает, что это разверстание земель якобы проводил без совета с ним Сильвестр.)

Все эти мероприятия проводились, по мысли Избранной рады, для того, чтобы получившие земельные наделы «чины» Государева двора несли верную службу царю, а те, кто только начинал службу, стремились бы заслужить поместья и вотчины.

Все участники Избранной рады были в фаворе у царя Иоанна IV, но, как уже говорилось выше, двое — Сильвестр и Адашев — занимали особо почётное место: Сильвестр как духовный отец и наставник царя, Адашев как руководитель Избранной рады, которую часто в исторической литературе называют «Адашевским кружком». Все они служили своему царю верой и правдой. И в те годы казалось, что он им полностью доверяет.

В конце 1547 года положение с Казанским ханством, постоянно нападающим на приграничные русские земли и начавшим соединяться с Крымским ханством, было таково, что Иоанн принял решение идти войной на Казань. Только в феврале 1548 года он двинулся на Казань из Нижнего Новгорода, но зима в том году была тёплая, постоянно шёл дождь, а потому лёд таял, и через реки пути не было. Пришлось повернуть обратно. В 1550 году он снова предпринял поход на Казань, но опять неудачно. Единственным положительным делом тогда было основание в устье реки Свияги города Свияжска, что впоследствии в деле завоевания Казани сыграло немаловажную роль.

В 1552 году члены Избранной рады вышли как воеводы в поход против Казани вместе с царём. Непосредственно битвой стал руководить боярин князь Михайла Воротынский, талантливый воевода, а при царе постоянно находился, как его правая рука, Алексей Адашев, тоже активно принимавший участие в осаде Казани. 2 октября Казань была взята русскими войсками, и царь, выбрав в городе подходящее место, своими руками водрузил православный крест и заложил церковь Благовещения Богородицы. Казанское царство было, наконец, завоёвано! Это завоевание Татарского ханства принесло царю Иоанну IV Васильевичу славу не только на русской земле, но и в Западной Европе. (Впоследствии в переписке с Курбским Грозный полностью отрицает положительное участие членов Избранной рады в завоевании Казани и даже называет их «трусами».)

Чтобы победа была полной, необходимо было очистить устье Волги от нечестивых. В 1554 году, весной, Иоанн послал князя Юрья Ивановича Пронского-Шемякина с 30 тысячами русского войска и князя Александра Вяземского с вятскими служилыми людьми вниз по Волге под Астрахань.

29 августа князь Пронский-Шемякин послал царю, в то время праздновавшему свои именины в селе Коломенском, благую весть

о взятии Астрахани, то есть о ликвидации Астраханского ханства Это означало: устья Волги окончательно закрепились за Московским царством, что позволило многим мелким владетелям земли, вплоть до кавказских, искать защиты у русского царя. (В ответе на послание Курбского царь написал: «-.под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были»; он не захотел теперь признать князя Александра Вяземского членом Избранной рады, но впоследствии признал, правда, в то время, когда его зверски казнил.)

Естественно, крымский хан взволновался вестью о ликвидации Астраханского ханства и стал готовиться к нападению на русские южные окраины. Грозный отдал тогда приказ дьяку Ржевскому с казаками идти Днепром под крымские улусы, призывать их перейти под власть русского царя, но призыв этот ограничился грабежом и истреблением «басурман». К отрядам Ржевского в походе на басурман присоединилось еще около трёхсот запорожских казаков, а потому поход этот весьма удался и на какое-то время предотвратил ханские набеги на русскую землю. Помог Иоанну и князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, который, отойдя от службы у литовского короля, спустился несколько по Днепру и на Днепре, на острове Хортица, поставил город, тем самым угрожая крымским улусам и их городу Ислам-Кермень. Первого октября 1556 года он взял Ислам-Кермень, побил много людей, захватил пушки и вывез их на Хортицу. К нему присоединились двое князей, пятигорских черкесов, которые взяли города Темрюк и Тамань.

Крымский хан Девлет-Гирей, решившись отомстить русским, предпринял зимний поход на Русь тремя отрядами: на Рязань, Тулу и Каширу. Но предводитель главного отряда Магмет-Гирей, дойдя до реки Мечи, узнав, что Иоанн в Москве, князь Вишневецкий в Белёве, а боярин Иван Шереметев в Рязани, испугался и повернул обратно. Так как это было зимой, поход татар закончился плачевно: погибло от переохлаждения много людей и лошадей.

Весною 1559 года Алексей Адашев, достигнув на лодках устья Днепра, захватил там два турецких корабля, высадился в Крыму, разорил несколько улусов, освободил московских, а заодно и литовских пленников.

Крымский хан прислал царю Грозному жалобу на нападения русских на крымские улусы, в которой предлагал решать вопросы мирным путём Уверенный в своих силах, царь, по совету своих фаворитов, отвечал, что, когда хан будет заниматься добрыми делами, тогда и не будет никакого нападения на Крым, и пригрозил, что русские уже знают путь в Крым и по суше, и по

морю.

В конце 1558 года Иоанн Грозный начал войну с Ливонией, не слушая советов членов Избранной рады, из которых больше всех уговаривал его Сильвестр, говоря, что война эта унесет много жизней и средств и не даст желаемого результата, потому что Ливонию непременно поддержат: Швеция, с конторой уже были в 1554 году военные неприятности из-за пограничных неурядиц; Польша, Дания и немецкие рыцарские ордена, всегда готовые предоставить военную силу против Московского государства. Избранная рада предлагала закончить дела в Крыму, потому что, присоединив к России Казанское и Астраханское ханства, нужно вести последовательную политику и завоевать Крым, последний оплот татаро-монгольского наследия, а также потому, что крымские ханы постоянно делают набеги на южные районы страны и наносят большой урон населению, всё разоряя и сжигая на своём пути и целыми селениями угоняя жителей в плен, а потом требуя выкуп за них или продавая их в рабство.

Но Иоанн был уже настроен против Сильвестра и Адашева, а значит, и против всей Избранной рады. Он им больше не доверял Под влиянием царицы Анастасии, её братьев Захарьиных-Юрьевых и бояр, не входивших в кружок Адашева, Иоанн, как потом он представил это в первом послании Курбскому, считал, что Сильвестр и Адашев лишили его царской власти, всё делают сами, отвергают его хорошие предложения, что у них хитрые планы — захватить власть в государстве.

Возникло это негативное отношение у Иоанна к членам Избранной рады, а особенно к её лидерам, значительно раньше, еще в 1553 году, когда царь тяжело заболел и, боясь смерти, написал духовную грамоту. Он объявил наследником царства своего сына Димитрия, младенца, который родился в 1552 году и которому не исполнилось еще и года. Было ясно, что в этом случае правительницей при малолетнем царевиче на многие годы станет царица Анастасия, а это значит, что фактически править страной будут бояре Захарьины-Юрьевы, братья Анастасии во главе со старшим Данилой. Помня боярское правление в годы младенчества самого Иоанна IV, бояре поддержали кандидатуру двоюродного брата царя — князя Владимира Андреевича Старицкого, которую предложил сам князь.

Грозного потрясло, что среди взявших сторону князя Владимира Андреевича были Сильвестр, отец Алексея Адашева — Фёдор Адашев и некоторые другие члены Избранной рады. Алексей Адашев хоть и присягнул царевичу, но молча, не заступившись за Анастасию и наследника; а князь Дмитрий Курлятев, наиболее близкий Сильвестру и Алексею Адашеву

человек, вообще не явился на присягу царевичу.

В случае смерти Иоанна Грозного ситуация оказывалась подобной той, которая сложилась, когда умер Василий III. Поэтому окольничий Фёдор Адашев высказался без обиняков: «Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Димитрию, крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить; сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины, Данила с братьею; а мы уж от бояр в твое малолетство беды видали многие».

И Иоанн, и Анастасия хорошо знали, какая участь ожидает их семейство, если власть окажется в руках Владимира Андреевича Старицкого, который сможет относиться к царевичу Димитрию только как к самому опасному своему сопернику, и в таком случае, как водится, царевича и его мать ждёт неминуемая гибель. А его фавориты, которым он доверял как людям высоконравственным, как близким друзьям, не только не поддержали сторону своего царя и покровителя, но предлагали решение, которое вело к гибели его жены и сына! Иоанн расценивал это как предательство со стороны его фаворитов, так же отнеслась к этому и Анастасия, которая после этого инцидента стала настраивать мужа против Избранной рады, особенно против Сильвестра и Адашева.

Произошло чудо: Иоанн выздоровел и от всей души благодарил Бога. Дав обет во время болезни, что в случае выздоровления он поедет на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь, теперь он должен был, посетив по дороге и другие монастыри, делая богатые вклады, благодарить Бога за выздоровление. Радуясь выздоровлению, он, конечно, пока не думал о мести своим фаворитам, и они оставались рядом с ним.

В начале весны 1553 года Иоанн Грозный предпринял поездку в Кирилло-Белозерский монастырь вместе с женой и сыном.

Об обстоятельствах этой поездки рассказал в послании царю Андрей Курбский, свидетель этого события. По дороге на Белоозеро семейство посетило Троицкий монастырь, где в то время содержался в монахах известный богослов и художник Максим Грек. Максим стал уговаривать Иоанна не ездить в такой далёкий путь, да еще с новорожденным ребёнком, но Иоанн считал, что, давши обет, он не может отказаться от этой поездки. Тогда Максим через ближайших к Грозному людей, отправившихся с ним в путь: духовника Андрея, Алексея Адашева, князя Ивана Мстиславского и князя Андрея Курбского, — велел передать Иоанну. «Если не послушаешься меня, по Боге тебе советующего, забудешь кровь мучеников, избитых погаными за христианство, презришь слезы сирот и вдовиц и поедешь с

упрямством, то знай, что сын твой умрет на дороге».

CJvL Соловьев в «Истории России с древнейших времен» пишет: «Как бы то ни было, Иоанн не послушался: из Троицкого монастыря поехал в Дмитров, а оттуда — в Пешношский монастырь, где нашел другого заточенника — Вассиана Топоркова, монаха Иоасафова Волоколамского монастыря. Иоанн, помня, что Топорков был любим отцом его, зашел к нему в келью и спросил: „Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании?“ Вассиан прошептал ему на ухо такой ответ: „Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им“. Царь поцеловал его руку и сказал: „Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!“»

Этот совет Топоркова в полной мере соответствовал, во-первых, мнению Грозного, что он, царь и самодержец, умнее всех и лучше знает, что нужно делать в государстве, а во-вторых, позволял выпустить наружу то тяжёлое чувство против Сильвестра и Адашевского кружка, которое затаилось на дне души его, что открывало путь к разрыву с ними и к началу мести им.

Как и было предсказано Максимом Греком, младенец, царевич Димитрий, не перенёс дороги и умер.

В марте 1554 года у Анастасии родился сын Иван, и боль о погибшем ребёнке отошла прочь, а жажда мести осталась.

31 мая 1557 года Анастасия родила сына Фёдора. Роды были тяжёлые. Будучи на сносях, царица поехала с мужем на богомолье, и в деревне, под Переславль-Залесским, у неё начались роды в условиях, далёких от санитарных. Фёдор родился больным и слабым, а Анастасия после родов никак не могла оправиться и два года постоянно болела, что не могло нравиться сладострастному царю Иоанну Васильевичу. 7 августа 1560 года Анастасия скончалась. Через три столетия советские учёные обнаружили в её костях высокое содержание солей ртути. По-видимому, она была еще и отравлена. Нам неизвестно, кто отравил царицу Анастасию, но самым заинтересованным в её смерти лицом был сам Иоанн Грозный. Иоанн постоянно повторял, что он любил Анастасию, что страдает без неё, но его слова расходились с делом: после её смерти, всего лишь через восемь дней (!) после похорон, не успев справить сороковины, он уже начал разгульную, развратную жизнь, тешась с женщинами, и заявил, что намерен жениться вторично, на сестре короля

Сигизмунда. А через год ровно, в связи с несостоявшимся браком с польской королевной, в августе 1561 года, женился на черкесской княжне Марии (Кученей), которую ему подобрали новые его советники-фавориты, видевшие в ней прежде всего восточную красоту и страстность. Это была дикая, очень злая женщина, любившая казни и всякое кровопролитие, под стать Иоанну, в то время проводившему время в оргиях и казнях.

Члены Избранной рады, разумеется, не могли быть его соратниками и сподвижниками в непотребных делах, к тому же Иоанн помнил совет Топоркова, что царь должен быть умнее всех, а они были «умнее царя», потому и настал час расправы с ними.

И Грозный начал месть и расправу с Адашевским кружком Первым это почувствовал Сильвестр — и сам отошёл от двора, уйдя в Кирилло-Белозерский монастырь. Но Грозного такой поворот дела не устраивал: он жаждал крови.

Грозный обвинил в смерти Анастасии членов Избранной рады, особенно Сильвестра и Алексея Адашева. Основанием для этого подозрения он считал неприязненные отношения Сильвестра и членов Избранной рады с царицей Анастасией, которая помнила, как они отвергли её правление за малолетнего сына, и которой потому не нравилось слишком большое, по её мнению, влияние на её мужа, особенно со стороны Сильвестра, постоянно пугавшего царя Божьей карой, да и Адашева со товарищи. В ответе Курбскому Грозный написал: «Как не вспомнить немилостивый обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией? Из-за одного неподобающего слова! Молитв, путешествий к святым пустыням, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нас самих, нашей царицы и детей — всего этого нас коварно лишили, о врачебном же искусстве против болезни и помянуть нельзя было. Пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, наказали их за все это, но милостиво: смертной казнью не казнили, а разослали по разным местам».

Ну, не царь, в это время казнящий всех направо и налево, а просто сирота казанская! А «милостивое» наказание обернулось для Адашева смертью, а для Сильвестра полным безвестием о нём — тоже, вероятнее всего, смертью.

Естественно, «избранники» отвечали царице теми же чувствами, однако никто из них не был заинтересован в её смерти. Да и рядом с Анастасией, умершей осенью 1560 года, они уже давно не были: еще в 1559 году Сильвестр ушёл в Кирилло-Белозерский монастырь, а весной 1560 года Адашев был послан

Иоанном воевать в Ливонию и более в Москву не возвращался.

Версию о том, что Анастасию погубили Сильвестр и Адатнев, деятельно поддерживали бояре Захарьины-Юрьевы, братья Анастасии, и новые фавориты царя. Они так настроили царя, что в том же 1560 году состоялся суд над Адашевым и Сильвестром, которых даже и не пригласили на этот суд. Сильвестр, тогда как заточенник пребывавший в Белозерском монастыре, был сослан подальше, на север, на Соловки, где условия содержания были значительно хуже. О дальнейшей его судьбе с тех пор ничего не было известно. Адашева, находившегося в Ливонии, заключили в тюрьму в Дерпте, где он от невыносимых условий жизни заболел горячкой и умер через два месяца после заточения. Месть Адашеву распространилась и на его родственников. В 1561 году Иоанн казнил его брата Данилу с 12-летним сыном; Сатиных, троих братьев жены Алексея Адашева, и Турова, её отца, а также Ивана Шишкина с женой и детьми и даже приятельницу семьи Адашева, вдову Марию, с пятью её сыновьями, — всего около 20 человек.

«Князь Дмитрий Курлятев, один из влиятельнейших людей прежнего времени, вместе с женою и дочерьми был сослан в Каргопольский Челмский монастырь (1563 г.), а через несколько времени царь вспомнил о нем и приказал умертвить со всею семьёю. Другой боярин, князь Воротынский, также один из влиятельных лиц Адашевского кружка, был сослан со всею семьею в Белоозеро, а затем замучен… Князь Юрий Кашин был без ссылки умерщвлен вместе с братом» (Н. И. Костомаров). Подверглось преследованию и семейство Шереметевых. Ссылки и казни постигли почти всех членов Адашевского кружка. Спастись удалось немногим. Князя Михайлу Воротынского Грозный сначала вместе с семьей сослал в ссылку на Белоозеро, но почему-то вскоре освободил, может быть потому, что князь был главным героем победы над Казанью.

23 июня 1571 года крымский хан Девлет-Гирей напал на Москву и сжёг её. В 1572 году он предпринял второй поход на Москву, но 2 августа 1572 года князь Михаил Иванович Воротынский в битве при Молодях, под Серпуховом, разгромил войско хана. Однако вскоре спаситель Москвы был снова арестован по доносу, обвинявшему прославленного воеводу в колдовстве и связи с чародеями. После самых изощрённых пыток Воротынский был отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь, но по пути на Белоозеро 12 июля 1573 года истерзанный пытками знаменитый воевода умер.

Донос на Воротынского коснулся и других бывших членов Избранной рады, а это показывает, что этот донос был

сфабрикован лишь как повод для казней, а на самом деле был продолжением мести всем, кто прежде вместе с Сильвестром и Адашевым помогал Грозному во всех его государственных делах, но в далёком 1553 году не сразу присягнул грудному младенцу царевичу Димитрию, теперь уж давно погребенному. Были казнены князь Никита Одоевский, князь Пётр Куракин, боярин Иван Бутурлин и другие.

В следующем, 1574 году, как сообщает летопись, «казнил царь на Москве, у Пречистой, на площади в Кремле многих бояр, архимандрита чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метал во двор князя Мстиславского», на которого была наложена опала.

Князю Андрею Курбскому удалось спастись: 30 апреля 1564 года он, находясь на войне, перешёл на сторону Литвы и оттуда вёл обличительную переписку с Иоанном Грозным Из писем Курбского Иоанну Грозному мы узнаём о многих событиях, которые не были отражены в летописях и разрядных записях, а может быть, просто вычеркнуты по приказу царя Грозного, начавшему переписывание в летописях исторических событий с его точки зрения.

Кто же теперь составил кружок фаворитов Иоанна IV? Н. И. Костомаров об этом пишет так: «Царь окружил себя любимцами, которые расшевеливали его дикие страсти, напевали ему о его самодержавном достоинстве и возбуждали против людей Адашевской партии. Главным из этих любимцев были боярин Алексей Басманов, сын его Федор, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов-Бельский, Василий Грязной и чудовский архимандрит Левкий. Они теперь заняли место прежней „Избранной рады“ и стали царскими советниками в делах разврата и злодеяний. Под их наитием царь начал в 1561 году свирепствовать над друзьями Адашева и Сильвестра». В список новых фаворитов, представленный Н. И. Костомаровым, можно включить также Михаила Салтыкова и Ивана Чоботова.

К кружку лиц, находившихся в царском фаворе, примкнули братья царицы Анастасии во главе с Данилой, возненавидевшие Сильвестра и Адашева за то, что они, думая прежде всего о судьбе Московского государства, не поддержали кандидатуру младенца Димитрия, а по сути не поддержали правление Анастасии с её братьями. А когда царь женился вторично, на княжне черкесской Марии (Кученей) Темрюковне в 1761 году, к этой ватаге фаворитов присоединился и брат новой царицы — Михайло Темрюкович.

В этот развратный, преступный кружок убийц, насильников и грабителей царь привел и своего сына, наследника Ивана,

бывшего тогда еще в отроческом возрасте, но уже приобретшего хищные черты.

Новые фавориты во всём потакали царю, одобряли его войну с Ливонией, которая длилась 25 лет (1558–1583), истощила Русское государство до последней степени, заставила Иоанна в 1565 году учредить опричнину и с целью пополнения опустевшей казны начать массовый террор и передел собственности. Опираясь на опричников, во главе которых стояли его фавориты, Иоанн разделил российское население на две части: опричнину и земщину — и, натравив опричнину на земщину, осуществил геноцид русского народа. Он ограбил и потопил в крови Великий Новгород, ограбил Псков, проводил зверские казни бояр, окольничих и других «чинов» Государева двора, не щадя ни ближайших родственников, ни своих приближённых, ни духовных лиц, уничтожив своего двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого с семьёй, митрополита святого Филиппа (Фёдора Степановича Колычева) со всеми его многочисленными родственниками и многих других. В Великом Новгороде он грабил церкви и убивал священников, пытавшихся противостоять ограблению церковной казны и богатств, отданных прихожанами на хранение в монастыри.

Его фавориты вместе со своим благодетелем-царём участвовали в зверских казнях, а затем в страшных оргиях, где напивались до бесчувственного состояния, развратничали, насиловали девушек и женщин, пойманных на улицах, творили грех, в том числе и содомский, и противоцерковный. Обосновавшись вместе со своими фаворитами-бандитами в Александровской слободе под Москвой, Иоанн после страшных зверств во время казней, а затем после безумных оргий, ночью будил опричников, они надевали монашескую одежду, шли в церковь и там истово молились, замаливали свои грехи, причём Иоанн выступал вместо священника, что считалось Церковью великим грехом и святотатством.

Как и предсказывали члены Избранной рады, война с Ливонией обернулась многолетним несчастьем, унесшим тысячи жизней молодых русских воинов. Он начал войну с Ливонским орденом, но против него в войну вступили Швеция и Литва, а затем и Польша. «Самый умный» царь, упрямо не послушавшийся своих советников, которые его вместе с семьей будто бы очень сильно притесняли, в письмах жаловался Андрею Курбскому: «И так мы пребывали в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно, — усиливалось, все же, что было нам по нраву, — уничтожалось. Вот какое тогда было православие! Кто сможет

подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время путешествий и во время отдыха, в хождении в церковь и во всяких других делах?» Этот «самый умный» царь, безуспешно воевавший с Ливонией 25 лет (а за это время хан Девлет-Гирей не только разорял южные окраины Московского царства, но сжёг Москву), поступивший соответственно своей воле и соображениям, закончил эту войну в мае 1583 года со значительными территориальными и людскими потерями: утратой Нарвы, Яма, Копорья, Ивангорода и других русских городов вместе с их жителями и утратой тысяч и тысяч погибших в битвах молодых людей.

Осенью 1572 года Иоанн вынужден был отменить опричнину, которая настолько истощила людские ресурсы, что не с кого было собирать налоги. Псковская летопись насчитывает погибших от зверств опричников до 60 тысяч человек. Но, отменив опричнину, Иоанн сохранил эту идею как весьма прибыльную, и в духовном своём завещании 1572 года он написал: «Что я учредил опричнину, то на воле детей моих, Ивана и Фёдора; как им прибыльнее, так пусть и делают, а образец им готов».

Уж если Грозный, уничтожая первую группу своих фаворитов, так много сделавших для своей Отчизны, не постеснялся обвинить их в каком-то смехотворном «утеснении» его «во время отдыха и в хождении в церковь», то в условиях полного краха его самостоятельного правления со своими советниками он должен был все неудачи свалить на своих новых фаворитов, тем более что они отличались зверскими расправами с неповинными людьми, развратом, личным обогащением во время грабежей. Ничего нужного для своей Отчизны они не сделали да и не могли сделать: среди них было мало образованных людей, способных что-то осмыслить и предложить, потому они и одобряли всё, что повелевал царь. Говорят, идея опричнины принадлежала Алексею Басманову и Василию Юрьеву, — вот уж, действительно, услуга Русскому государству и его народу! Да и что же еще, кроме грабежей и насилия с целью обогащения, могли предложить эти люди?

Как и в первом случае, Иоанн начал мстить своим фаворитам, начиная с наиболее к нему приближенных: Алексея Басманова и сына его Фёдора, Афанасия Вяземского, печатника Висковатого и других. Было заведено сыскное изменное дело о сношениях архиепископа новгородского Пимена и новгородских приказных людей с Алексеем и Фёдором Басмановыми, с казначеем Фуниковым, Висковатым, дьяком Васильем Степановым, Андреем Васильевым, князем Афанасием Вяземским. Эти сношения якобы имели целью сдать Новгород и Псков литовскому королю,

посадить царём князя Владимира Андреевича, а царя Иоанна извести. Само «дело» до нас не дошло, но известно, что в результате этого сыска: Алексей Басманов по приказу царя был убит его сыном Фёдором, а затем был казнён и Фёдор; князь Афанасий Вяземский, обвинённый еще и в колдовстве, умер под пытками; бояре князь Пётр Оболенский-Серебряный, Висковатый, Фуников, Овчина-Плещеев, Иван Воронцов и другие были казнены с жестокостью. Так, например, Висковатый был подвешен за ноги, как бы распят наоборот, а затем сверху вниз между ног разрублен топором пополам.

Ещё 180 бояр и окольничих было прощено, с них царь взял с каждого подписанную грамоту в том, что он никогда не изменит государю и не убежит в другую страну. Кроме того, за каждого потребовал еще письменные поручительства от троих бояр, обязующихся в случае бегства прощенного заплатить в казну крупную сумму (20 тысяч рублей), а за поручников поручались еще 200 человек (за князя Мстиславского, например, даже 285 человек). Вот такое недоверие питал, обезумевший царь к своим боярам и другим чинам Государева двора. Но главное, почему они были прощены: потому что уж в государстве не над кем было царствовать. За 25 лет войны казна была почти полностью опустошена, да и с последними своими фаворитами в пирах и оргиях царь прокутил предостаточно денег. Мирное население так поредело, что не с кого было взимать налоги.

Фаворитизм царя Иоанна IV Грозного окончился и для фаворитов гибелью, и для страны в последние годы его правления разорением и потерей территорий.

Фаворит и соправитель царя Феодора Иоанновича — Борис Годунов

Иоанн Грозный после своей смерти оставил своё государство не только разорённым, но, в результате убийства во гневе своего сына Ивана и внука у беременной невестки, — лишённым предполагаемого наследника. Осталось только два законных претендента: третий сын Грозного Феодор Иоаннович и четвёртый его сын от Марии Нагой — малолетний Димитрий Иоаннович.

Считая Феодора слабоумным, Грозный всё же объявил его наследником, рекомендуя ему не проявлять самостоятельности, а во всём следовать указаниям Регентского совета — пятерых бояр, которые были перечислены поимённо, и думных дьяков Щелкаловых. Среди этих пятерых бояр были названы шурин Феодора Иоанновича — боярин Борис Фёдорович Годунов, родной брат великой княгини Ирины Фёдоровны Годуновой, и родной дядя царевича по материнской линии — боярин Никита Романович.

После похорон первого на Руси царя к претендентам на престол Нагим с царевичем Димитрием была приставлена стража, и Нагие были отправлены в их родовое имение — Углич.

19 марта 1584 года Феодор Иоаннович объявил о своём согласии стать царём, но начались волнения среди московского люда, разносящего слухи, что Вельский (родственник Марии, жены Бориса Годунова) хочет погубить царя. Вельского отправили воеводой в Нижний Новгород, а потому только 31 мая Феодор Иоаннович, избранный Земским собором, был венчан на царство.

Регентский совет распался быстро, потому что Феодору Иоанновичу помогали близкие ему люди: дядя царя Никита Романович, царица Ирина Феодоровна и шурин Борис Годунов. В 1586 году Никита Романович умер, и государством стал править как бы триумвират: царь Феодор Иоаннович, царица Ирина и ближний боярин Борис Фёдорович Годунов.

Феодор Иоаннович настолько доверял Борису Годунову, что передал ему правление фактически всем государством Даже европейские владыки писали письма в основном не на имя царя, а на имя Бориса Годунова. Но всё же полностью царь от дел не отстранился.

Царь Феодор Иоаннович, будучи весьма религиозным и богомольным, занимался церковными делами: по традиции посещая монастыри, осведомлялся о положении дел в монастырях

и помогал им богатыми вкладами, не пропускал церковных служб, даже сам благовестил на колокольне. Ею внимание к Русской Православной Церкви вылилось в серьёзную работу по учреждению на русской земле патриаршества. И в этом ему помогала царица Ирина. Стараниями царя и царицы 26 января 1589 года Русская Православная Церковь обрела первого Патриарха Московского и всея Руси — Иова.

В 1590 году «слабоумный» царь Феодор Иоаннович неожиданно для всех лично выступил с войсками против Швеции и действовал настолько уверенно и удачно, что война окончилась в 1595 году победой русских войск и позволила по Тявзинскому миру (18 мая 1595) вернуть территории, которые потерял его очень «умный» отец, проигравший Ливонскую войну.

Феодор Иоаннович с Освященным собором постоянно посещал заседания Боярской думы. Казалось бы, царь с Собором только присутствовали в Думе: все дела Думы вёл её глава — Борис Годунов, но это наблюдение со стороны царя имело немаловажное значение для государства.

Вместе с царицей Ириной царь Феодор I (как могли бы мы его называть) занимался обустройством дворцового хозяйства и украшением Кремля. Они выписали из Италии мастера бархатного дела Марко Чинопи и других мастеров, приказали расписать Грановитую палату в новом для того времени стиле и на фресках изобразить самого Феодора Иоанновича, царицу Ирину и Бориса Годунова В 1585 году по воле царя и царицы Фёдор Савельевич Конь начал строительство Белого города в Москве. В 1586 году Андрей Чохов отлил Царь-пушку.

В правление царя Феодора Иоанновича не было казней, и русская земля в его царствование спокойно занималась своим хозяйством.

Считается, что в те времена все государственные дела велись только фаворитом царя, его шурином Борисом Годуновым, что царь Феодор Иоаннович не участвовал «в важнейших событиях своего времени», как представлено это в современных учебниках по истории. Уже одно только учреждение патриаршества на Руси опровергает это мнение, не говоря уж о победе в войне со Швецией и возвращении русских земель с русским населением.

Но и на долю Бориса Годунова выпало много дел Он, прежде всего, предпринимал меры безопасности Российского государства на востоке страны.

В 1586 году были заложены, как сторожевые крепости, города Самара и Воронеж; в том же году воеводами И. Мясным и В. Б. Сукиным был заложен острог Тюмень на месте татарского города Чинги-Тура, завоёванного Ермаком в 1581 году. В 1589

году отрядом казаков Данилы Чулкова основан город Тобольск. В том же году в летописных документах был упомянут город Царицын на Волге. В 1593 году отмечено основание городов Обдорска (Салехарда) и Белгорода, а в следующем, 1594 году — города Сургута на реке Оби.

Государственная деятельность Годунова получила европейскую известность. Королева английская Елизавета I посылала грамоты не только на имя царя Феодора Иоанновича и царицы Ирины, предлагая ей услуги английских докторов по женским болезням, но и на имя Годунова, добиваясь разрешения для английских купцов беспошлинно торговать в русских землях английскими товарами, и при этом называла Годунова её «кровным приятелем», то есть близким по статусу к королевскому титулу.

В последний год жизни царя Феодора Иоанновича (имеется в виду 1597 год, так как Феодор Иоаннович умер 7 января 1598 года) Борис Годунов, чтобы быть любезным боярам, провёл через Боярскую думу Указ об «урочных летах», по которому удлинялся до пяти лет срок сыска беглых крестьян, что впоследствии весьма пагубно отразилось на положении крестьянства, так как, прикрепив крестьян к помещикам как собственность на такой долгий срок, этот Указ заложил основу крепостного права.

Боярин Борис Годунов умел быть любезным всем наиболее важным боярам и снискал если не любовь, то уважение, что впоследствии и открыло ему дорогу к трону.

Царь Феодор Иоаннович умел сдерживать злобный и мстительный характер Бориса Годунова, характер, который проявился в полной мере, когда царя Феодора I не стало, царица Ирина ушла в монастырь, а Борис Годунов, получив титул царя, стал править страной единолично.

Фавориты царя Алексия Михаиловича — Борис Морозов и Артамон Матвеев

После смерти царя Феодора Иоанновича московский престол занял Борис Фёдорович Годунов. Во всё своё семилетнее правление (1598–1605) он не имел никаких фаворитов: он советовался в основном только со своей женой Марией Григорьевной, дочерью знаменитого палача времени Иоанна Грозного — Малюты (Григория) Скуратова-Бельского. Были у Годунова и другие советники из числа Вельских, родственников Марии Григорьевны, но первенствующую роль исполняла она даже при дознании у Марии Нагой, является ли Лжедмитрий I её сыном, она, по свидетельству современников, во время допроса, в котором она активно участвовала, недовольная ответом, бросила в лицо Марии Нагой тяжелый подсвечник с горящими свечами.

Борис Фёдорович, которому сам Патриарх Московский и всея Руси Иов поклонился в ноги, упрашивая его стать царём, был избран на царство Земским собором, затем прошёл церемонию венчания на царство, но это не укрепило его позиций: неурожай, голод, пожар в Москве, уничтоживший почти весь город, обвинение царя Бориса в убиении царевича Димитрия, нашествие Лжедмитрия I — всё это привело к кончине царя Бориса (по некоторым предположениям — к самоубийству), а затем и к уничтожению царицы и царевича Фёдора, объявленного царём. С момента убийства царевича Димитрия в Российском царстве началось Смутное время, формально закончившееся только в 1613 году избранием на русский престол царя Михаила Феодоровича Романова, которому в момент венчания на царство исполнилось всего 17 лет. Царствование Михаила Феодоровича не предполагало никаких фаворитов-советников, потому что вначале главной советчицей и помощницей царя Михаила была его мать, инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова, в замужестве Романова), и её дальние родственники бояре Салтыковы, но большею частью в сложных ситуациях вопросы решал Земский собор, который в эти времена превратился в постоянно действующий правительственный орган. С 1619 по 1633 год вместе с Михаилом правил его отец, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Филарет (Фёдор Никитич Романов), «царствию помогатель и строитель», имевший титул «великий государь».

После смерти патриарха Филарета в 1633 году царь Михаил Феодорович приблизил к себе Бориса Ивановича Морозова (ок.

1590–1661), который в последующие 13 лет жизни царя был его ближним боярином и советником, воспитателем царевича Алексия, но отнюдь не фаворитом, так как правление царством в той или иной форме ему никогда не поручалось.

12 июля (по иным сведениям 13 июля), в день своего рождения, 1645 года царь Михаил Феодорович Романов скончался от водянки (болезни сердца) в возрасте 49 лет. Российский престол он передал своему старшему сыну, единственному из его сыновей оставшемуся в живых, — 16-летнему Алексию Михаиловичу. (Заметим, что называть царя Алексеем Михайловичем неправомерно, потому что имя царя или высшего иерарха Церкви — Алексий. Отчество царя должно быть «Михаилович» как производное слово от царского имени Михаил, потому что «Михайлович» — это производное от простонародного «Михайло».)

Никаких возражений против этой кандидатуры избрания на российский престол у бояр не было. 13 июля 1645 года Земским собором в Москве Алексий Михаилович был всенародно избран царём, а 28 сентября того же года был венчан на царство по старинному чину в Успенском соборе Московского Кремля.

Царь Михаил Феодорович, будучи на смертном одре, просил своего любимца — боярина Бориса Ивановича Морозова — служить его сыну Алексию, новому царю, так же усердно и честно, как служил ему.

Это поручительство умирающего отца богобоязненный Алексий Михаилович, несмотря на открывшиеся впоследствии неблаговидные дела Морозова, чтил до конца дней своих.

Мать царя Алексия, царица Евдокия Лукьяновна, хоть и была моложе своего мужа на много лет, не пережила ухода своего супруга и умерла через месяц после смерти Михаила Феодоровича. Вот уж поистине: «и умерли в один день».

Шестнадцатилетний царь Алексий Михаилович, по натуре человек души доброй и даже поэтической, оставшись в течение одного месяца сразу без отца и матери, нуждался в заботе и дружеской поддержке, а потому стал очень близок к своим сёстрам, особенно к старшей сестре, царевне Ирине, которая после смерти родителей и даже после женитьбы царя на Марии Ильиничне Милославской (16 января 1647 года) стала почитаться как главная в царской семье Романовых.

Чувство привязанности он испытывал и к своему бывшему воспитателю, «дядьке», другу отца, Борису Ивановичу Морозову, который, естественно, стал его фаворитом при Государевом дворе. В сане ближнего боярина Морозов стал главным в управлении государством от имени царя: он руководил

приказами Большой казны, Стрелецким и Иноземным, был непременным членом Царской думы. Иностранцы считали его «умным правителем». Однако, по меткому замечанию С. М. Соловьёва, Морозов не сумел «возвыситься до того, чтобы не стать временщиком», то есть фаворитом, который в своём положении приближённого к царю заботился прежде всего о своём обогащении.

В течение первых трёх лет своего царствования, с 1645 по 1648 год, Алексий Михаилович занимался лишь внешней политикой: урегулированием отношений с польским королём Владиславом, борьбой с самозванцем Лубой, а все внутренние государственные дела поручил своему любимцу — боярину Борису Ивановичу Морозову, фактически сделав его главой правительства.

Молодой царь знал Бориса Ивановича Морозова как человека образованного, умного, понимавшего государственные запросы времени, безусловно честного, но внутреннего содержания этого ловкого, хитрого боярина, не считавшего зазорным наживаться за счёт царской казны и сомнительных сделок, Алексий Михаилович не знал и потому беспредельно ему доверял.

Например, царь даже не догадывался, какую ловкую операцию провёл Борис Морозов, решивший породниться с ним, чтобы быть ещё ближе к трону. В 1647 году Алексий Михаилович решил жениться. Из 200 боярышен и дворянок боярами была выбрана Царской Невестой и одобрена царём боярышня Марья Всеволожская. Такой ход событий был не в интересах Бориса Морозова, имевшего другой план женитьбы царя.

Для полагающейся традиционной встречи Царской Невесты с царём, организацию которой взял на себя Борис Морозов, Марью Всеволожскую одели в очень тяжелое парчовое платье, обильно украшенное драгоценными камнями, крепко затянули ей волосы, а на голову водрузили тяжёлый золотой венец, весь в крупных драгоценных камнях. В избе, в которой предполагалась встреча, очень сильно натопили печи. От волнения, духоты, тяжести платья, боли в стянутых волосах и давления венца на голову невеста упала в обморок, что и было нужно для обвинения её в нездоровье, в падучей болезни. Такая девушка, по мнению бояр, царицей, родительницей наследников, быть не могла. Марью Всеволожскую со всей её родней, как обманувших ожидание царя, сослали в Сибирь.

Народ, а особенно придворные быстро распознали, кто придумал такую проделку с устранением невесты, и обвинили в этом боярина Бориса Морозова, хлопотавшего вокруг невесты. Видимо, основания для такого предположения были веские,

потому что не прошло и года, как по задумке Морозова царь женился на Марии Ильиничне Милославской, а Борис Иванович Морозов — на её родной сестре Анне Ильиничне Милославской.

А произошло это так. У московского дворянина Ильи Даниловича Милославского, с которым Борис Морозов был давно хорошо знаком по всякого рода коммерческим, в том числе и плутовским, сделкам, было две дочери с небольшой разницей в возрасте — Мария и Анна. Морозов решил, что этот вариант гораздо лучше, чем женитьба царя на Всеволожской, потому что какую бы из сестёр ни выбрал царь, он сам женится на другой и станет близким родственником царя и его семьи.

Г. К. Котошихин в труде «Россия в царствование Алексия Михаиловича» пишет, что в скором времени после истории с Марьей Всеволожской царь Алексий пошел в Успенскую церковь на молитву, увидел там молящихся сестёр Милославских и повелел привести их к себе на «верх», то есть в палаты его сестёр, царевен Ирины, Анны и Татианы. Царю больше понравилась Мария, а Морозов женился на Анне.

Алексий Михаилович прожил со своей Марией Ильиничной в счастье и согласии до её смерти 3 марта 1669 года, то есть почти 21 год, и имел с ней 13 детей. Анна, выйдя замуж за Морозова, была несчастной: муж не любил её, частенько бил и всячески над ней издевался.

Общий тесть царя и Морозова — московский дворянин Илья Данилович Милославский — сразу после такой удачной выдачи дочерей замуж получил высокие чин и должность, стал именоваться князем и… стал усиленно, без зазрения совести обогащаться за счёт казны и поминок (взяток). Одного своего родственника, окольничего Леонтия Плещеева, он устроил через Морозова судьёй Земского приказа, а второго — Петра Траханиотова — главой Пушкарского приказа, что обеспечивало безнаказанное собирание взяток. Плещеев и Траханиотов, войдя в сговор с Милославским и боярином Морозовым, под их покровительством и при их участии брали взятки якобы за скорейшее рассмотрение челобитных, притом с положительным результатом Для этого они специально затягивали дела по челобитным, некоторые, неоплаченные и неугодные им челобитные уничтожали, а царю все дела докладывали в выгодном для них свете. Долго такое наглое взяточничество продолжаться не могло, и народ 1 июня 1648 года, собравшись у Кремля, попытался передать свои жалобы в челобитных непосредственно царю, выезжавшему по делам из Кремля. Но стрельцы и близкие к Плещееву и Траханиотову люди не допустили людей до царя, а, как только царь уехал, бросились на

толпу, стали избивать людей плетьми и топтать лошадьми. Народ рассвирепел; люди стали кидать в обидчиков камнями, ловить всадников за ноги, чтобы сбросить с лошади. Так начался всеобщий бунт московских горожан.

На следующий день, 2 июня, москвичи ворвались в Кремль и вновь попытались передать царю челобитную, но бояре, среди которых был и Морозов, взяли эту челобитную, на глазах у всех разорвали её и с высокого крыльца бросили клочки в толпу челобитчиков. При этом Морозов приказал стрельцам выгнать всех челобитчиков из Кремля. И тогда оскорблённые люди отказались повиноваться. Весть о несправедливости быстро разнеслась по Москве, и уже вся Москва бросилась на обидчиков. Прежде всего москвичи разгромили двор боярина Бориса Морозова, убили его дьяка Назария Чистого, который был, можно сказать, правой рукой боярина. А жене Морозова, Анне Ильиничне, сказали, что если бы она не была родной сестрой царицы, то её тоже бы растерзали на куски. Разорив дворы Петра Траханиотова и гостя (купца) Василия Шорина, восставшие горожане потребовали на расправу Леонтия Плещеева и его покровителей — Морозова и Траханиотова.

Чтобы успокоить народ, Алексий Михаилович, посоветовавшись с боярами, распорядился казнить Леонтия Плещеева и Петра Траханиотова.

4 июня, когда палач вывел на Красную площадь Плещеева, толпа народа в ярости накинулась на него, вырвала его из рук палача и тут же на месте растерзала. На следующий день был предан казни Траханиотов.

Народ, возмущённый покровительством родственникам-преступникам, а кроме того, введением новых непосильных налогов и новых откупов, требовал казни и Морозова. Испуганный Морозов спрятался в царском дворце. С большим трудом удалось царю спасти жизнь своему фавориту, бывшему «дядьке», а ныне свояку, срочно отправив его в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь. Через полтора месяца, когда бунт утих и на Земском соборе было принято решение, царь вызвал Морозова из ссылки и снова сделал его ближним боярином и своим помощником в делах управления государством. Теперь Морозов стал по-иному относиться к простому народу и в дальнейшем своими милостями добился расположения к нему москвичей.

Московское народное возмущение, охватившее, можно сказать, все сословия городского населения: и посадских, и стрельцов, и купцов, и дворян, — было направлено против политики правительства, его главы — царского фаворита Бориса Морозова, которому так беспредельно доверял Алексий

Михаилович.

После московского бунта 2–4 июня 1648 года и ссылки фаворита 19-летний Алексий Михаилович взял правление государством целиком в свои руки. Сразу после июньских событий Алексий Михаилович получил совместное требование от посадских людей, стрельцов и дворян (служилых по отечеству) срочно созвать Земский собор. Алексий Михаилович принял это требование к действию, и 16 июля 1648 года Земский собор состоялся, и на нём было принято решение составить новый свод законов — Уложение. В срочном порядке царь создал специальную «уложенную комиссию», главой которой назначил князя Никиту Ивановича Одоевского, и сам принял участие в её работе. Вернувшийся из ссылки Борис Морозов стал трудиться над Уложением и наедине с царём по частям рассматривал представленный уложенной комиссией текст. Уже 1 сентября 1649 года Земский собор утвердил свод законов, получивший позже наименование «Соборное уложение 1649 года». В нём, чтобы искоренить взяточничество при рассмотрении челобитных и предотвратить народные волнения, было строго прописано, кто освобождается от уплаты за челобитную, а кто должен платить и сколько. В Уложении определялись также земельные и семейные отношения; наказания за уголовные и политические преступления; было окончательно оформлено законодательство по крепостному праву.

Алексий Михаилович продолжал советоваться с Борисом Ивановичем в делах, имевших внешнеполитическое значение. С осени 1649-го по август 1653 года была проведена экспедиция Ерофея Павловича Хабарова-Святитского в Приморье. В 1650 году была принята от имеретинского царя Александра III присяга на верность русскому царю. В 1652 году был основан город Иркутск. В том же году было начато восстановление утраченной за 100 лет росписи Архангельского собора Московского Кремля артелью под руководством мастеров Степана Резанца и Симона (Пимена) Ушакова «письмом против прежнего». В 1653 году был основан Читинский острог. В том же году начались церковные реформы патриарха Никона, приведшие к расколу Русской Православной Церкви. В октябре 1653 года Земский собор принял решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией. В следующем году на Переяславской раде гетман Украины Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницкий провозгласил воссоединение части Украины с Россией.

В мае 1654 года Алексий Михаилович пошёл в поход на Польшу, войска которой вторглись на русские земли. Морозов, которого царь пожаловал высшим военным званием — дворовым

воеводой, то есть командиром «полка государева», принял участие в этом походе. В июле-августе 1654 года были освобождены от поляков Ростиславль, Дорогобрк, Полоцк, Мстиславль, Орша, Гомель, Чечерск. 23 сентября был освобождён Смоленск, а в июле-августе 1655 года — Витебск, Минск, Гродно, Вильно (Вильнюс), Ковно. Но в 1655 году на Польшу напала Швеция и захватила Варшаву и Краков. Это обстоятельство, осложнившее выход России к Балтийскому морю, заставило Россию вести мирные переговоры с Речью Посполитой. Так как русская сторона потребовала присоединения к России всех завоёванных ею земель, но Польша на эти требования не согласилась, 24 октября 1656 года был заключён не мир, а перемирие.

Вернувшись с войны, 66-летний Борис Иванович Морозов отошёл от дел по состоянию своего здоровья. Алексий Михаилович, искренне привязанный к нему, навещал его и продолжал с ним советоваться. Умер ближний боярин Борис Иванович Морозов в 1661 году в возрасте 71 года.

Другим любимцем царя Алексия Михаиловича, царским другом, фаворитом (хотя в те времена такого слова и не слыхивали), был московский боярин Артамон (Артемон) Сергеевич Матвеев (1625–1682).

Н. И. Новиков, известный просветитель XVIII века, первый крупнейший русский издатель, в 1776 году, почти через 100 лет после гибели Матвеева, с подачи Екатерины II, предоставившей ему документы из царских архивов, издал книгу «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», в предисловии к которой представил читателю героя этой книги: «Сей есть Артемон Сергеевич Матвеев, ближний боярин, наместник разных городов, царские большие печати и государственных посольских дел оберегатель, приказов стрелецкого, казанского и других, тако ж и Монетного двора главный судия. Сей муж неутомимыми услугами, верностию и преданностию к государю, беспредельною любовию к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал к себе славное название царского друга и благодетеля народа». Далее Н. И. Новиков в этом предисловии раскрыл особенности личности боярина Матвеева, его высокий культурный уровень, просвещённость, ум, знания, его любовь к наукам и искусству.

Артамон Сергеевич Матвеев, сын дьяка, служил на Украине, участвовал в войнах с поляками и осаде Риги (1657). Где и как он познакомился с царём Алексием Михаиловичем, неизвестно, хотя

можно предположить, что стрелецкий голова Матвеев мог «предстать пред очи царя» во время войны с Польшей. Во всяком случае под Соборным уложением 1649 года среди крупных деятелей того времени, подписавших его, значится и подпись стрелецкого головы Артамона Матвеева Алексий Михаилович заприметил умного, смелого и честного стрелецкого голову, приблизил к себе «Сергеича», привязался к нему душой и стал ему полностью доверять. Но особенно близким другом и фаворитом царя «Сергеич» стал после марта 1669 года, когда умерла любимая супруга Алексия Михаиловича — царица Мария Ильинична из рода Милославских — и когда царь стал искать утешения в своём горе. У Артамона Матвеева был дом в западноевропейском вкусе, даже имелся домашний театр, но главное — в его доме воспитывалась Наталья Кирилловна Нарышкина, двадцатилетняя боярышня. Через неполных два года после кончины Марии Ильиничны Алексий Михаилович 22 января 1671 года женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной, и Артамон Матвеев получил статус ближнего боярина и, как фаворит, — самые высокие посты в государстве, перечисленные Н. И. Новиковым в его книге о Матвееве и выше процитированные нами. Алексий Михаилович любил Артамона Сергеевича за его ум, бескорыстие, непоказную скромность, а особенно за его воспитанницу Наталью Кирилловну, получившую воспитание в новом европейском духе, но с сохранением русских национальных традиций.

В мае 1672 года Артамон Матвеев, имевший до этого времени чин стрелецкого головы, был возведён, по случаю рождения царевича Петра Алексиевича, в сан окольничего, а в конце 1674 года — в звание боярина.

Артамон Матвеевич не пользовался, как боярин Морозов, своим положением для личного обогащения. Будучи наместником многих российских городов, фактически правителем на обширной территории, главой Стрелецкого, Казанского и других приказов, главой Монетного двора, где чеканились деньги, Матвеев всюду навёл порядок: пресек казнокрадство, которое приводило к многомесячным невыплатам жалованья стрельцам и работным людям, к задержкам и несправедливому наделению стрельцов и их семей земельными дачами (участками), установил порядок внимательного отношения к людям и скорого рассмотрения челобитных, справедливо решал возникавшие конфликты и споры. Все видели и знали, что Матвеев — человек честный и справедливый и вполне заслуживает уважения и даже народной любви. Свидетельством народной любви явился случай, о котором Н. И. Новиков рассказал в предисловии к книге об

Артамоне Матвееве.

Артамон Сергеевич жил в Москве, в небольшом домике, расположенном между улицами Покровка и Мясницкая. Для сана ближнего боярина, наместника, главы наиважнейших приказов и Монетного двора это было более чем скромное жильё, да к тому же и тесное, потому что семья Артамона Матвеевича была весьма многолюдной. Царь Алексий Михаилович много раз предлагал своему любимцу построить большие палаты, но Матвеев не хотел быть в долгу и решил самостоятельно, не за казённый счёт, построить себе дом Он стал заготовлять строительные материалы, но тут выяснилось, что в Москве нет камня для фундамента: его уже давно перестали завозить. Слух о том, что любимый всеми боярин Матвеев не может построить себе дом за неимением камня для фундамента, быстро распространился по Москве, и тогда, посовещавшись, московские стрельцы и посадские люди решили подарить ему необходимый камень. Артамон Сергеевич предлагал деньги за товар, но стрельцы и посадские денег не брали, уверяя, что они не могут продать этот камень, а могут только подарить. Боярин обратился за советом к царю, и Алексий Михаилович, приятно удивлённый таким поворотом дела, посоветовал ему не обижать народ и взять подарок. А камень этот действительно нельзя было продавать, потому что это были каменные плиты, собранные со старых могил родственников дарителей.

После смерти Алексия Михаиловича в 1676 году Матвеев стал, советником и защитником царицы Натальи Кирилловны и её сына — царевича Петра Это было необходимо, потому что Милославские не хотели сдавать своих царских позиций и начали усиленную борьбу с Натальей Кирилловной и со всеми Нарышкиными, борьбу, которая роковым образом сказалась на Артамоне Сергеевиче Матвееве. Чтобы лишить царицу поддержки в лице умного боярина Матвеева, Милославские, организовав несколько доносов на Артамона Сергеевича, в которых его обвиняли в подозрительной дружбе с иностранцами, в прозападнических настроениях, якобы наносящих большой вред государству, сначала добились его ареста, а затем ссылки в карельский Пустозёрск, гда он провёл долгие годы.

Эти обвинения не могли быть причиной заточения, а затем ссылки ближнего боярина, потому что внешняя политика царя Феодора Алексиевича, женатого на польской пани Грушецкой, была направлена на сближение с западными странами и в царских палатах звучала польская речь, а царь и его придворные были одеты уже не по русской моде, а в польские кунтуши. Талант царевны Софьи, её любовник-фаворит, боярин Василий

Васильевич Голицын, открыто проводил прозападную политику царя и тоже принимал в своём доме иностранных гостей. Да, Артамон Сергеевич ценил общение с иностранцами, он охотно воспринимал европейские новинки, его палаты были убраны на европейский лад, с разрисованным потолком, украшены картинами немецких мастеров, изображавшими святых, зеркалами, часами настолько затейливой конструкции, что даже приезжавшие к Матвееву иностранцы дивились им как чуду техники. Убранство дома Матвеева было диковинкой для русского быта. Однако и в доме боярина Василия Васильевича Голицына украшением служили такие же предметы, что и у Матвеева, да еще у него была и огромная карта России, не менее диковинный предмет, чем часы в матвеевском доме. В доме Артамона Матвеева давались театральные представления силами его крепостных и холопов, на которых ранее присутствовал царь Алексий Михаилович, но и при дворе царя Феодора Алексиевича был театр, где разыгрывались пиесы, написанные царевной Софьей.

Усилиями крестницы Матвеева — Марфы Матвеевны Апраксиной, ставшей второй супругой царя Феодора Алексиевича, — удалось в январе 1682 года перевести Матвеева в Лух, где условия пребывания были значительно легче, а затем в мае этого же года вернуть Артамона Сергеевича из ссылки. Но буквально через три дня после его возвращения, 15 мая 1682 года, разразился Стрелецкий бунт, спровоцированный Милославскими. Стрельцы ворвались в Кремль с криками, что Иван Нарышкин задушил царевича Ивана Несмотря на то, что Наталья Кирилловна в сопровождении Артамона Матвеева и других бояр вывела царевичей Ивана и Петра на крыльцо кремлёвского дворца и царевич Иван сказал, что никто его не обижает, разъярённые, да к тому же пьяные, стрельцы, поднявшись на крыльцо, сбросили вниз на стрелецкие копья Артамона Матвеева, пытавшегося защитить царицу и царевичей, и на глазах цариц Натальи Кирилловны и Марфы Матвеевны и малолетних царевичей Ивана и Петра саблями изрубили его в куски.

Так погиб один из лучших сынов Отечества — боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Он оставил для служения родине своего сына Андрея Артамоновича Матвеева, внучку Марию Андреевну Румянцеву и правнука — генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, верой и правдой послуживших Отечеству.

В заключение нужно сказать, что фавориты царя Алексия Михаиловича боярин Борис Иванович Морозов и Артамон

Сергеевич Матвеев, в ту пору бывший стрелецким головою, — оба были участниками Земского собора и поставили свои подписи под Соборным уложением 1649 года Они понимали, какое огромное значение для жизни Русского царства имеет этот юридический документ.

Франц Яковлевич Лефорт и Александр Данилович Меншиков — фавориты царя и императора Петра I

Франц Яковлевич Лефорт (1656–1699) был фаворитом Петра I в продолжение девяти лет (1690–1699). Он родился в Швейцарии, в Женеве, в богатой и влиятельной купеческой семье, и получил хорошее образование. В юношеском возрасте Лефорт был отправлен отцом в Марсель для того, чтобы он получил практические коммерческие навыки в торговых делах и мог продолжить дело своего отца. Но душа Франца не лежала ни к торговым делам, ни вообще к коммерции, она жаждала военных приключений. Оказавшись в Марселе на свободе, Лефорт самовольно поступил на военную службу, а затем уехал в Голландию, чтобы там, как волонтёр, принять участие в войне с французами. Из Голландии он отправился в Данию, где учился военному искусству. Там он познакомился с датским посланником, направлявшимся в Россию, и вместе с ним решил отправиться в Архангельск, надеясь обрести счастье в Московском государстве на службе у царя Алексия Михаиловича. Чтобы скорее добиться желаемого, Лефорт начал усиленно изучать русский язык.

В 1675 году он познакомился с неким Фростеном, который занимался набором людей для службы у русского царя Алексия Михаиловича. 19-летний Франц Лефорт, которому был обещан чин капитана, и полковник Фростен отправились в Россию морским путём. Прибыв в Архангельск, они обнаружили, что въезд в Москву без особого разрешения невозможен. С большим трудом и отнюдь не скоро это разрешение было получено, но и в Москве Лефорт, остановившийся в Немецкой слободе, не сразу был принят в русскую армию. Более двух лет он безрезультатно добивался желаемого, но получил его только после того, как женился на родственнице первой жены Гордона, одного из военачальников в иноземных войсках, Елизавете Сухей (Souhay), дочери богатой вдовы. Гордон содействовал его вступлению на русскую службу в чине капитана полка, которым командовал сам Лефорт под начальством Гордона два года воевал с крымскими татарами на земле Малороссии. Там он познакомился с боярином князем Василием Васильевичем Голицыным, фаворитом царевны Софьи, и уже под его командованием, пользуясь его расположением, участвовал в двух Крымских походах 1687 и 1689 годов, однако в этих походах не проявил себя ничем особенным.

Вернувшись из Второго Крымского похода в Москву, Лефорт попал в сложную политическую обстановку: царь Пётр I, бежавший от угрозы гибели, исходившей от царевны Софьи, находился в Троице-Сергиевом монастыре, и многие иностранцы под предводительством Гордона собирались отправиться туда, чтобы подтвердить своё желание служить в России у царя, а не у правительницы Софьи. Лефорт присоединился к ним и получил возможность познакомиться с молодым царём Петром.

Франц Лефорт, весёлый рассказчик, побывавший во многих странах и многое повидавший, человек светлого ума, да к тому же еще и заслуженный воин, сразу и больше всех других иностранцев понравился Петру. Люди, знавшие Лефорта лично, говорили, что он был человеком, не имевшим обширных знаний, но зато способным, показав себя приятным собеседником, популярно и хорошо всё разъяснить. Эти качества Лефорта плюс его редкостный житейский такт послужили причиной, почему Пётр привязался к нему и вскоре сделал его своим фаворитом.

Пётр стал часто ездить в Немецкую слободу, где проживал Лефорт, и благодаря Лефорту познакомился со многими немецкими семьями, а особенно с семейством Монса, дочь которого Анна вошла в сердце молодого Петра и на многие годы стала его фавориткой. Лефорт, пользовавшийся особой привязанностью царя, отвечал ему верной дружбой и, как старший и более опытный мужчина, был советчиком Петра в его любви к Анне Монс На деньги, которые Пётр, не скупясь, давал своему любимцу, Лефорт пристроил к своему дому в Немецкой слободе огромную залу, где давал обеды, устраивал вечеринки и даже балы, которые непременно посещал Пётр, встречаясь со своей Анной, свободной от предрассудков московских боярышен.

В 1691–1692 годах Лефорт, поддерживавший устремление царя к кораблестроению и плаванию, был постоянным его спутником в поездках на Переяславское озеро, а затем, в 1693–1694 годах, — на Белое море. Поддерживал он Петра и в его военных делах: был участником Кожуховских манёвров (1694), двух Азовских походов (1695–1696), поддерживал Петра в его подготовке ко Второму Азовскому походу — строительстве кораблей в Воронеже.

После заключения царевны Софьи в Новодевичий монастырь в сентябре 1689 года и кончины Иоанна V Алексиевича в январе 1696 года Пётр начал свои преобразования государственного масштаба. Не без влияния Лефорта Пётр преобразовал Государев двор в Императорский с его как бы новой иерархией придворных чинов, получивших иностранные наименования. Не без влияния Лефорта, получившего при русском дворе большое персональное

значение, Пётр в своих преобразованиях полностью повернулся к западным образцам Фаворит царя Петра — Франц Лефорт, приняв на себя миссию западноевропейского влияния на Императорский двор, далее этого не выражал желания влиять на развитие Российского государства, а потому, когда Пётр предлагал ему принять участие в государственных делах, постоянно отговаривался от дел управления государством тем, что он в этом ничего не понимает. В военных же делах он разбирался хорошо, и Пётр произвёл его в полные генералы, затем в адмиралы и назначил полковником первого выборного дворянского полка Этот полк под руководством Лефорта сначала был расквартирован по частным домам, но, по совету Лефорта, Пётр построил для этого полка, сильно увеличившегося количественно, особые казармы, расположив их возле дома своего фаворита Здание этих первых солдатских казарм в подмосковной слободе (при Петре I получивших название Лефортовских) построено было настолько прочно и защищено такими крепкими стенами на случай осады, что, кажется, не потеряли своей обороноспособности и по сей день. Казармы эти существуют и поныне в районе Лефортово, одном из центральных районов Юго-Восточного округа Москвы.

Хотя считалось, что Лефорт не участвует в государственных делах, но именно по его совету была осуществлена поездка Петра за границу и отправка в марте 1697 года Великого посольства во главе с Лефортом к королевским дворам Европы. Основной задачей Лефорта в Великом посольстве было представительство, поддержка молодого царя Петра, не подготовленного к таким международным акциям, советы по ведению переговоров, разные закупки для нужд страны и наём иностранных специалистов на русскую службу. Собственно деловые переговоры к установлению дружеских отношений вели ФА. Головин и П. В. Возницын. А Лефорт руководил дипломатией царя Петра.

В августе 1698 года Великое посольство вернулось в Москву, но Пётр и Меншиков были вынуждены отправиться в Москву раньше, в связи со Стрелецким бунтом, чтобы вторично разобраться со стрельцами: одних отправив в ссылку, а других казнив смертию и по очереди с Меншиковым лично рубя им головы.

Неизвестно, как воспринял Лефорт эти кровавые подвиги Петра, какое впечатление это на него произвело, но известно, что к этому времени влияние на Петра I Александра Даниловича Меншикова стало перевешивать влияние Лефорта.

Интересно, что явных следов деятельности фаворита Франца Лефорта, особенно документированных, нет, но подспудное

влияние его на русскую жизнь было очень большим Безусловно, по его совету и при его участии Пётр сошёлся с Анной Монс, развёлся с Евдокией Лопухиной и насильно постриг её в суздальском Покровском монастыре; по его совету и при его участии был учреждён Императорский двор, в котором Лефорт занял первенствующее место; при его поддержке Пётр начал строительство военного флота в Воронеже; по его совету царь совершил поездку в Европу, а затем с Великим посольством, но инкогнито, познакомился с аристократией Европы; по желанию Лефорта была построена первая солдатская казарма в Лефортовской слободе, увековечившая имя Лефорта; под сильным его влиянием Пётр действовал в Азовских походах. Но главное влияние Лефорта на Петра в течение девяти лет сказалось на бытовом и культурном уровне: Лефорт показал пример соблюдения личной гигиены, обратил внимание Петра на поведение бояр и членов их семейств, что побудило Петра приказать составить и опубликовать «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению». Никто лучше, чем Лефорт, не умел устраивать пиры, на которых царили непринуждённость обращения и свобода поведения, полностью противоположные русским национальным обычаям и обрядам.

Пётр, будучи моложе Лефорта на 16 лет, под его влиянием усвоил, что мужчина может позволять себе любовные связи, но женщина, замеченная в этом, должна быть строго наказана Следуя этому правилу, Пётр, узнав о любовной связи Евдокии, бывшей его жены и уже брошенной им, жестоко расправился с её любовником, посадив его на кол Строго наказал он и изменившую ему Анну Монс. Но измену Екатерины, жены своей, он глубоко похоронил в своей душе, отомстив только своему сопернику Монсу и наперснице жены — Матрёне Балк (Монс).

Обращает на себя внимание любопытное совпадение: Пётр обрёл фаворита Франца Лефорта и фаворитку Анну Монс почти одновременно в 1668 году, порвал со своей фавориткой Анной Монс где-то в феврале-марте 1699 года и потерял своего фаворита тоже в марте 1699 года (Франц Яковлевич Лефорт умер 20 марта 1699 года). Так фавор этих двух персон продолжался в течение девяти лет, начавшись и закончившись почти одновременно.

На смену этим фаворитам уже стояли у русского престола фаворит «Алексашка» Меншиков, или «Данилыч», и фаворитка Марта Скавронская, или Екатерина Алексеевна.

Александр Данилович Меншиков (1670 (1673?)-1729) был, можно сказать, двойным фаворитом: сначала — царя и императора Петра I, а после его смерти — фаворитом-

временщиком императрицы Екатерины I.

И в том и в другом случаях Александр Меншиков имел значительное влияние на государственные дела Российского царства, а затем Российской империи.

Можно с уверенностью сказать, что после смерти Петра I, в период с февраля 1725 года по сентябрь 1727 года, то есть в течение двух с половиной лет, Меншиков Александр Данилович, генералиссимус, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Священной Римской империи, граф Российской империи, кавалер ордена Св. Андрея Первозванного и других высоких российских и европейских орденов, фактически являлся правителем Российской империи.

Нам неизвестны подлинная дата его рождения, место его рождения, его происхождение. Одни, например А. С. Пушкин, считали его выходцем из обедневшей семьи городовых дворян, другие утверждают, что он был сыном придворного конюха, третьи — что он был сыном капрала Петровской гвардии (хотя они с царём были фактически одногодки, и потому последняя версия вызывает большие сомнения). Существует также версия, убедительно поддержанная А. Н. Толстым в романе «Пётр Первый», что он торговал в Москве пирогами и однажды познакомился с Лефортом, который взял его к себе в услужение, а затем представил его, как расторопного и смышлёного слугу, самому Петру. Эта версия тоже не представляется достоверной, потому что вместе с тем считается, что Меншиков служил в Преображенском полку с самого его учреждения, но Преображенский и Семеновский полки были организованы Петром в 1683–1685 годах, а Лефорт сблизился с Петром I не раньше 1689 года. Вполне вероятно, что Меншиков пришёл в Преображенский полк добровольцем с другими парнями, во время батальных игр проявил необычайную энергию, смелость и сметливость, чем очень понравился Петру. Есть сведения, что несколько лет Меншиков исполнял обязанности денщика при царе Петре. Но непреложным фактом является то, что этот весёлый, умный, расторопный парень, хоть и абсолютно неграмотный, но быстро запоминавший всё, что говорилось и делалось вокруг него, вошёл в душу и сердце молодого царя и стал его фаворитом. В ночь на 8 августа 1689 года, когда Пётр в селе Преображенском был разбужен перебежчиками-стрельцами из Кремля, явившимися с вестью об опасности для его жизни со стороны Софьи, Пётр, прямо из постели, неодетый, вскочил на лошадь и бросился в лес Верные ему люди догнали его, принесли одежду. Среди них при бегстве Петра в Троице-Сергиеву лавру был и Меншиков.

Пётр настолько привязался к Меншикову, что уже не хотел разлучаться с ним Вместе с ним «Алексашка» был и в Первом (1695) и во Втором (1696) Азовских походах, вместе с ним строил суда в Воронеже. В марте 1698 года Пётр, присоединившись инкогнито к Великому посольству в Европу, возглавлявшемуся Лефортом, взял с собой за границу и своего любимца «Алексашку», «Данилыча», как он его называл. Узнав о стрелецком бунте, Пётр вместе с «Данилычем» вернулся в Москву для розыска и расправы со стрельцами. Меншиков и царь вместе присутствовали на пытках стрельцов и вместе на Красной площади собственноручно рубили головы бунтовщикам.

Меншиков везде следовал за царём и выполнял все самые важные его поручения. Он вместе с Петром участвовал в Северной войне со Швецией (1700–1721), проявляя храбрость, выдержку и недюжинные военные способности. Когда в октябре 1702 года русскими войсками был взят Нотебург (Орешек, впоследствии названный Шлиссельбургом — «Ключ-Городом»), Пётр назначил Меншикова, принимавшего непосредственное участие в сражениях, комендантом этой крепости и губернатором всех завоёванных областей. Тогда же Меншиков был возведён в сан графа Священной Римской империи.

16 мая 1703 года была заложена Петропавловская крепость, что считается основанием Санкт-Петербурга, первыми названиями которого были: Санкт-Питер-Бурх, Питерпол, Петрополь. Первым генерал-губернатором города Пётр назначил своего любимца Александра Даниловича Меншикова.

В 1705 году Пётр послал Меншикова в Литву, где проходили самые активные военные действия, в качестве сначала помощника фельдмаршала Огильви, а с 1706 года — самостоятельного главнокомандующего. В том же году Меншиков одержал победу над шведским генералом Мардефельдом, первую победу русских над шведами. За эту победу Пётр щедро наградил Меншикова и даровал ему титул князя Священной Римской империи.

В июне 1705 года начался мятеж в Астрахани «против бояр и немцев». 13 марта 1706 года силою государевых войск во главе с Меншиковым мятеж был подавлен. В 1707 году Пётр возвёл своего любимца в достоинство светлейшего князя Ижорского.

Когда было получено известие об измене Мазепы, Пётр опять призвал Меншикова, и тот напал на Батурин, ставку Мазепы, взял его приступом и жестоко разорил. Были перебиты почти все жители Батурина.

Особенно отличился Меншиков в Полтавской битве (27 июня 1709 года). Рано утром шведы, под началом генерала Аевенгаупта, пошли в атаку с намерением уничтожить русскую

конницу, которая находилась перед русским лагерем. Но атака захлебнулась, потому что русская конница ушла со своей позиции, а шведы оказались под убийственным огнём русской артиллерии. Шведы отступили в лес. В девять часов битва возобновилась. Русские и шведы сошлись в жаркой рукопашной. Пётр, пренебрегая опасностью, отдавал приказы в самой гуще битвы. Одна пуля прострелила ему шляпу, вторая попала в седло, а третья ударила в крест, висевший у него на груди, и отскочила, повредив только крест. Меншиков сражался рядом. Через два часа шведы дрогнули по всему фронту. А затем побежали, оставив на поле боя около девяти тысяч убитых. Оставшиеся 16 тысяч шведов отступили и стали спешно отходить к Днепру. Русские захватили в плен нескольких шведских генералов, которых Пётр, вернув им шпаги, пригласил к себе в палатку на пир. В погоню за остатками армии Карла XII был послан Меншиков. Армия шведов уже подошла к Днепру, но переправляться через реку было не на чем. Запорожцы едва-едва успели перевезти на своих лодках шведского короля и Мазепу. И тут Меншиков догнал шведов. Левенгаупт с армией в 16 тысяч человек вынужден был сложить оружие перед светлейшим князем Ижорским. Победа была полной. Она показала Европе, на что способно русское оружие, победившее одну из лучших армий того времени, в течение девяти лет считавшуюся непобедимой и наводившую ужас на страны Восточной Европы. Пётр послал два драгунских полка в погоню за Карлом XII, но шведский король уже успел укрыться в турецких владениях.

За победу в Полтавской битве Меншиков был награждён фельдмаршальским жезлом (чином генерал-фельдмаршала). Дальнейшие годы до 1714 года Меншиков провёл в походах русских войск в Курляндию, Померанию и Голштинию. В 1710 году он участвовал во взятии Риги, Ревеля, Выборга, Кексгольма — словом, в присоединении Прибалтики к России. Весной-летом 1711 года Меншиков вместе с Петром I отправился в Прутский поход, оказавшийся неудачным настолько, что в результате окружения русской армии турками Пётр чуть было не попал в плен. Меншиков договорился с турецким пашой, а фаворитка Екатерина Алексеевна, бывшая тоже в этом походе, отдала все свои бриллианты, чтобы откупиться от турок, что и явилось спасением и царя, и его армии. Вернувшись из похода, Пётр учредил в честь Екатерины орден Св. Екатерины, наградил её этим орденом, а в 1712 году сделал Екатерину своей женой, царицей, придав тем самым и дочерям своим, Анне и Елизавете, статус царевен. Наградил он достойно и своего фаворита «Данилыча», сумевшего договориться с турецким пашой.

В 1713 году Меншиков участвовал во взятии русскими войсками Гельсингфорса (ныне Хельсинки) и Або (ныне Турку). Участвовал он и в знаменитой битве при Гангуте (1714). Но после 1714 года Пётр возложил на Меншикова, как самого своего верного и ближайшего соратника, обязанности по внутреннему устройству государства, касавшемуся всех важнейших проблем реформирования и реорганизации, создания новых учреждений и строительства новых сооружений. Недаром А. С. Пушкин назвал Меншикова, это «дитя сердца» Петрова, «полудержавным властелином», то есть разделившим пополам с царём власть, потому что фаворит царя командовал во многих областях жизни государства почти наравне с царём Как только царь учредил коллегии вместо бывших ранее приказов, Меншиков в 1719 году был назначен президентом Военной коллегии, которая ведала не только чинопроизводством и назначением чинов на военные должности (вот широкое поле для взяток!), но и строительством новых верфей, гаваней, заказами и закупками обмундирования, обеспечением армии и флота продовольствием (завидное место для присвоения казённых денег!).

Александр Данилович был хорошим воином, храбрым и талантливым военачальником В те годы он душой и телом был безгранично предан Петру. Но в силу своей необразованности вряд ли мог осмысленно разделять устремления царя и потому искренне поддерживать реформы Петра во внутренних государственных преобразованиях. Главным делом для него, фаворита, было воспользоваться своим положением и обогатиться и за счёт казны, выделявшей средства на эти преобразования, и за счёт взяток, которые, зная его могущество, несли ему со всех сторон.

Когда в 1711 году Пётр впервые узнал о тёмных делах своего любимца, он пришёл в ужасный гнев и просто палкой поколотил Меншикова. Разумеется, «Данилыч» просил прощения, оправдывался и обещал, что этого больше не будет. Если бы это был не Меншиков, а кто-нибудь другой, Пётр, не колеблясь, отправил бы его на виселицу, но своего друга, к которому искренно привязался сердцем, так покарать он не мог.

По сути, Пётр был очень одинок. Рядом с ним была только Екатерина с детьми, но и она, благодарная Меншикову за её знакомство с царём, испытывая к нему расположение, постоянно заступалась за него перед Петром Это одиночество делил с ним еще только «Данилыч», который был всегда рядом: и в бою, и в тяжелые жизненные минуты, например, когда царевич Алексей Петрович предал и своего отца, и Россию, когда Петру необходимо было решать участь своего сына. Своим отцовским

горем Пётр мог поделиться только с «Данилычем». Он видел в Меншикове даровитого и всей душой преданного ему человека, верного советчика, в том числе и в семейных делах, всегда не на словах, а на деле готового ему помочь без промедления. И лишиться такого близкого человека Пётр просто не мог, а потому терпел, хотя все обещания и мольбы «Данилыча» повторялись, как только его опять уличали в воровстве и взяточничестве.

В 1714 году по доносу Курбатова, изыскателя доходов для казны, было возбуждено против Меншикова дело о вопиющих его злоупотреблениях. Работала следственная комиссия, все злоупотребления были доказаны, однако Пётр продолжал оставлять своего «Данилыча» во власти и могуществе. Конечно, его доверие к Меншикову было поколеблено, но Пётр хотел верить клятвам фаворита.

Надо заметить, что обогащение неправедным путём было какой-то болезнью Александра Даниловича. Он не мог не украсть какой-нибудь вещи во дворце царя или в доме какого-нибудь вельможи, будучи у него на пиру. Он не мог не брать взяток, не мог не прикарманить часть казённых средств, отпущенных на государственное строительство или закупки. Следственные комиссии уличали его, он всё время был под судебным следствием, но это его отнюдь не смущало, и он продолжал воровать всюду, где возможно. Когда имущество Александра Меншикова при его аресте было конфисковано, все эти вещи, украденные из дворца и из других мест, были обнаружены в таком количестве, что можно было только удивляться.

Есть неподтверждённые данные, что за несколько месяцев до своей смерти Пётр узнал об измене Екатерины с её фаворитом Виллимом Монсом и о том, что «Данилыч», будучи в курсе её дел, скрыл от своего друга и покровителя эту измену. Для императора Петра это был тяжёлый удар, после которого он не мог оправиться. В 1724 году Пётр очень страдал от нездоровья, но продолжал работать, ездить по делам, предпринимая попытки лечиться водами. В феврале этого года он поехал на Олонецкие воды, в конце марта отправился в Москву на коронацию Императрицы, потом на Миллеровы воды, в середине июня — в Петербург. Осенью предпринял поездку в Шлиссельбург, на Ладожский канал и Олонецкие заводы, затем в Новгород и Старую Руссу для осмотра соляных заводов и на Ильмень-озеро. В Санкт-Петербург он вернулся только 27 октября. 28 ноября он уже на Васильевском острове на пожаре, 29-го — по пояс в ледяной воде помогал снимать солдат со шлюпки, севшей на мель.

Весь ноябрь, декабрь и до конца января Пётр, превозмогая лихорадку и жар, испытывая муки от сознания, что его предали

самые близкие люди — жена Екатерина и любимец Меншиков, продолжал кипучую и суетную жизнь: казнил Виллима Монса и ссылал Матрёну Балк, гулял на свадьбе немецкого булочника, праздновал обручение дочери Анны с герцогом Голштинским, присутствовал на празднике в честь выбора нового князь-папы, однако в январе уже больше не смог превозмочь болезнь и попросил пригласить врачей. Но было уже поздно.

Пётр умер в Санкт-Петербурге 28 января 1725 года, в 5 часов 15 минут утра, примирившись с Екатериной, но не успев назначить наследника.

А что Меншиков? Видя охлаждение к нему Петра и понимая, что Пётр тяжело болен и сам приближает свой конец, Меншиков уже сделал ставку на Екатерину I: она имеет титул императрицы, наследница своего супруга императора Петра I, поэтому её легко можно возвести на престол; она давно ему благоволит, была его наложницей; будучи благодарной ему за знакомство с Петром и за такое сказочное возвышение, относится к нему хорошо; всегда заступалась за него перед царём-императором; может, благодаря ей Пётр и не казнил его за злоупотребления; сама она править страной не в состоянии, потому что не умеет толком даже написать своё имя, подписать документ, а опереться ей не на кого, только на него; в её царствование он будет настоящим властелином России. Эти соображения заставляли Меншикова желать, чтобы Пётр скорее завершил свой путь.

После смерти императора Петра I все мечты Меншикова сбылись: он стал фаворитом императрицы Екатерины I и фактическим правителем Российской империи. Но — увы! — на очень небольшой срок: Екатерина I скончалась 6 мая 1727 года, 43 лет от рождения. Как известно, попытка «полудержавного властелина» Александра Даниловича Меншикова остаться правителем России при отроке Петре II очень скоро обернулась потерей всех богатств, большей частью приобретённых путём неправедным, затем ссылкой в Березов и там кончиной, последовавшей 12 октября 1729 года.

В исторической литературе Александра Даниловича Меншикова называют «соратником Петра I», разделявшим все устремления царя-императора в его преобразованиях. Меншиков не был соратником, он был типичным фаворитом, добросовестно исполнявшим повеления своего покровителя и в военных, и в гражданских делах, но старался он в делах не столько на благо своей Отчизны, сколько лично для себя: для своего возвышения и обогащения. Он прекрасно понимал, что если он не будет исполнять повелений царя, он будет изгнан вон и не получит высоких титулов, чинов, званий, должностей и не будет богатым.

Психология фаворита заставляла его обогащаться при любых делах нечестными способами, только бы обогатиться. Да и конец Меншикова — типичный конец изгнанного фаворита.

Иван Долгоруков — фаворит императора Петра II

Иван Алексеевич Долгоруков (1708–1739) происходил из весьма влиятельного княжеского рода, ветви князей Черниговских. Этот род Рюриковичей, известный с XV века, получил фамилию Долгоруковы (Долгорукие) по прозвищу основателя рода — князя Ивана Андреевича Оболенского, старшего сына Черниговского князя Андрея Константиновича Оболенского. Прозвище «Долгорукой» («Длиннорукий») князь Иван Андреевич получил за свою мстительность, от которой никто не уходил, даже если уезжал на далёкое расстояние: рука князя доставала его и там. В конце XV века четверо внуков Ивана Андреевича: Семён, Фёдор Большой, Тимофей и Михаил Птица Владимировичи стали родоначальниками четырех ветвей рода Долгоруких.

Фаворит Петра II Иван Алексеевич Долгоруков принадлежал к первой ветви рода, из которой вышли ближние бояре, войсковые воеводы и воеводы городские, стольники, стряпчие и другие дворовые чины, которые несли государеву службу, в том числе и дипломатическую. Воеводы Долгоруковы участвовали в военных походах.

Сам по себе фаворит Иван Алексеевич, кроме внешней красоты, не отличался никакими талантами, но его окружали родственники, имевшие большие заслуги перед царями и отечеством.

Так, например, ближний боярин Яков Фёдорович (1639–1720), родной дядя его отца, имел хорошее образование, свободно владел польским и латинским языками, а потому в 1671 году царём Алексием Михаиловичем был пожалован в стряпчие, а затем переведён в стольники. До 1675 года Яков Долгоруков сопровождал Алексия Михаиловича во всех поездках царя. В царствование Феодора Алексиевича, в 1680 году, был назначен воеводой в Казанский разряд, а уже в следующем году получил звание наместника и исполнял обязанности городового воеводы в Симбирске. Во время первого Стрелецкого бунта 1682 года Яков Долгоруков открыто выступил за избрание царём Петра I и с этого времени стал служить молодому царю, который определил его к себе комнатным стольником Царевна Софья, не желая видеть у ненавистного братца умного и образованного помощника, в 1687 году отправила Долгорукова во главе посольства во Францию и Испанию с поручением — просить их о

помощи в войне против Турции. Посольство успеха не имело. Возвратившись домой, Яков Фёдорович попал в самый разгар противостояния Петра и Софьи. И сразу же, одним из первых, явился к Петру в Троице-Сергиеву лавру. После заключения Софьи в Новодевичий монастырь Пётр назначил его судьёй Московского приказа. Служа царю Петру верой и правдой, Яков Фёдорович принимал участие в Азовских походах Петра I (1695–1696). После взятия Азова он, по велению Петра, держал оборону южных границ Русского государства от Турции; в 1700 году Пётр I назначил его главой военно-административной и военно-судебной части, а уже в следующем году царь присвоил ему звание сенатора и поставил во главе Военного комиссариата.

Славился Яков Фёдорович умом, неподкупностью, твёрдостью характера и прямодушием, часто спорил с царём и, чувствуя свою правоту, даже выводил его из терпения, но своим спокойствием и разумными доводами умел укротить даже вспыльчивого царя. До нашего времени дошёл рассказ о том, как однажды в споре с Яковом Долгоруковым Петр I, выведенный из терпения, в бешенстве схватился за кортик, но Яков Фёдорович остановил его руку, готовую поразить несогласного спорщика, и сказал: «Постой, государь! Честь твоя дороже мне моей жизни. Если тебе голова моя нужна, то не действуй руками, а вели палачу отсечь мне голову на площади; тогда еще подумают, что я казнен за какое-нибудь важное преступление; судить же меня с тобой будет один Бог». Пётр опомнился и простил своего подданного.

Яков Фёдорович умер в 1720 году, когда будущему фавориту Ивану Долгорукову было 12 лет. Для мальчишки дядя его отца, родной брат его деда, был предметом гордости и подражания. Тем более что Яков Фёдорович был примером родовой взаимопомощи и взаимовыручки, которая крепко сплотила род Долгоруковых. Он помогал своим братьям Луке Фёдоровичу (ум 1710), Борису Фёдоровичу (ум до 1702), Григорию Фёдоровичу и племяннику Василию Лукичу (1672–1739). Когда Яков Фёдорович участвовал в Азовских походах Петра I, рядом с ним воевали и его брат Борис, командовавший полком, и племянник Лука под его самоличным началом Как и он, братья его в начале 1782 года, служа царю Феодору Алексиевичу, участвовали в Соборе, вынесшем постановление об отмене местничества, и Яков Фёдорович в первых рядах подписал грамоту с этим постановлением. А братья во всём следовали ему, признавая его главой рода.

Когда царевна Софья направила его в 1687 году главой посольства во Францию, Яков Фёдорович включил в свою посольскую свиту своего племянника Василия Лукича

Долгорукова, а затем оставил его во Франции для окончания образования.

Дед фаворита Ивана Алексеевича, родной брат Якова Фёдоровича, Григорий Фёдорович Долгоруков (1657–1723), начинал свою службу в 11 лет, в 1668 году, стольником при дворе царя Алексия Михаиловича. В начале 1682 года, будучи тогда комнатным стольником царевича Петра I, Григорий Фёдорович вместе со своими братьями подписался под постановлением Собора об отмене местничества. Как и его брат Яков, он участвовал в Азовских походах Петра I и, так же как брат, стал важным государственным деятелем В 1698 году Пётр I пожаловал ему звание наместника Ростовского, а затем звание генерал-адъютанта. Григорий Фёдорович, как и его брат Яков, был опорой царя и выполнял важнейшие дипломатические поручения. Так, в 1700 году генерал-адъютант Его Величества Григорий Долгоруков был направлен в Польшу с тайным поручением условиться с королём Августом II о планах военных действий против шведов, а в период Северной войны — исполнять миссию посла в Польше. В 1701 году Григорий Фёдорович участвовал в заключении союзного договора с Польшей, в 1704 году — союзного Нарвского договора. Ему удавалось с большим дипломатическим мастерством несколько лет удерживать Польшу в составе антишведского Северного союза. После измены Мазепы в 1708 году Петр I поручил ему руководство выборами нового малороссийского гетмана, и Григорий Фёдорович блестяще справился с этой миссией: на этот пост был избран преданный России Скоропадский. Проявил себя Григорий Долгоруков и на поле боя: в 1709 году он отличился в Полтавской битве, за что получил самый высокий российский орден — орден Св. апостола Андрея Первозванного, а затем гражданский чин действительного тайного советника (II класс Табели о рангах). В 1717 году Григорий Долгоруков выполнил еще одно важное поручение царя Петра: он уладил конфликт между Августом II и сторонниками кандидата на королевский престол Станислава Лещинского, ставленника Карла XII. В 1721 году 64-летний князь Григорий Долгоруков просил царя отозвать его из Варшавы: оставаться там было ему уже опасно. Пётр удовлетворил его просьбу. Свою карьеру на государственном посту Григорий Фёдорович закончил в звании сенатора. Через два года, в 1723 году, он умер.

Уже упомянутый сын Луки и племянник Якова и Григория Фёдоровичей — Василий Лукич Долгоруков (1672–1739) — приходился фавориту Ивану Долгорукову дядей. В семье он славился как составитель честолюбивых планов Долгоруковых, выполнение которых он поручал другим членам семьи,

вследствие чего оказался злым гением для своего племянника Ивана.

Как уже говорилось выше, Василий Лукич получил, благодаря дяде Якову, хорошее образование во Франции и овладел несколькими языками. Во время своей учёбы он сошёлся с иезуитами и перенял их нравственные воззрения на жизнь. Герцог Лирийский писал о нём в своих воспоминаниях: «Он очень хорошо говорил на многих языках, и с ним приятно было провести время в разговорах, но вместе с сим он очень любил взятки, не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию».

В 1700 году Пётр I вызвал его в Россию и назначил помощником другого его родного дяди — Григория Фёдоровича, посланника в Польше. С 1707 по 1720 год по повелению Петра I Василий Лукич выполнял дипломатическую работу в Дании, а в 1720 году царь направил его послом во Францию с поручением хлопотать о посредничестве Франции в целях примирения Швеции и России. С этим поручением Василий Лукич справился весьма успешно.

В эти годы королём Франции был юный Людовик XV, а регентом при нём герцог Орлеанский, его дед, который приглашал юношу-короля присутствовать на важных заседаниях, особенно по дипломатическим делам Возможно, обращение российского царя о примирении Швеции с Россией (что было сделать нетрудно) было любезно принято Францией и в скором времени выполнено. Но Пётр I, в 1721 году откликнувшийся на прошение Сената о присвоении ему титула императора, дал Василию Лукичу и второе задание: добиться от Франции признания его нового титула. Выполнить это задание князь Василий Долгоруков не смог. Франция, где Людовик XV, в то время официально признанный совершеннолетним, стал реально заниматься королевскими делами, категорически отказалась признать Петра I императором Российской империи. Однако этот дипломатический провал не повредил карьере Василия Лукича Вернувшись в Россию в 1723 году, он получил звание сенатора, а затем был назначен полномочным министром в Польшу. В 1725 году, уже после смерти Петра I, но по его представлению, князь Василий Долгоруков был пожалован чином действительного тайного советника (II класс Табели о рангах). В 1726 году, в царствование Екатерины I, при которой все государственные дела вёл Верховный тайный совет, возглавлявшийся Александром Даниловичем Меншиковым, князь Василий Долгоруков был послан в Стокгольм с явно невыполнимой миссией — противодействовать вступлению Швеции в Ганноверский союз и

сближению её с Англией. Миссия, разумеется, успеха не имела, и Василий Лукич возвратился на родину. В 1727 году, после смерти Екатерины I, на престол взошёл внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича от брака с принцессой Брауншвейг-Вольфенбюттельской, 11-летний отрок Пётр II (1715–1730). Сначала Александр Меншиков, бывший фаворитом Петра I, а затем Екатерины I, полностью завладел императором-отроком и обручил Петра II со своей дочерью, княжной Марией Александровной (1711–1729), которой было в то время уже 16 лет. Чтобы заручиться поддержкой Верховного тайного совета, членами которого были Долгоруковы, Меншиков ввёл ещё и Василия Лукича Долгорукова в состав Верховного тайного совета, не предполагая нравственных воззрений последнего, почерпнутых у иезуитов. Естественно, поддержки от лукавых Долгоруковых, которых уже не возглавлял мудрый Яков Фёдорович, умерший в 1720 году, Меншиков не только не получил, но в результате их происков 8 сентября 1727 года, по решению Верховного тайного совета, был арестован и сослан.

Василий Лукич всячески одобрял и поддерживал дружбу своего племянника Ивана с императором Петром, он же инициировал обручение императора Петра И, которому в то время только что исполнилось 12 лет, со своей 15-летней племянницей Екатериной Алексеевной Долгоруковой (1712–1747), которое состоялось 21 октября 1727 года, через девять дней после дня рождения императора и через полтора месяца после удаления Меншикова. В конце 1728 года императорский двор отправился в Москву, где были намечены коронационные торжества. Оставаясь после коронования в Москве, Пётр II где-то заразился оспой и 19 января 1730 года умер. Во время предсмертной болезни Петра II Василий Лукич вместе со своим дядей Алексеем Григорьевичем обеспокоился составлением подложного духовного завещания Петра II в пользу Екатерины Долгоруковой как Царской Невесты. По своему физическому состоянию Пётр II, находившийся в коме, не мог подписать документ, и тогда, по совету Василия Лукича, это сделал за него князь Иван, ближайший друг и фаворит императора. Замысел князя Василия не осуществился, завещание большинством «верховников» не было учтено, и тогда энергичный князь Василий Лукич Долгоруков поддержал на заседании Верховного тайного совета предложение князя Д. М. Голицына о приглашении на императорский трон герцогини курляндской Анны Иоанновны, дочери царя Иоанна Алексиевича, «скорбного головою» брата Петра I. Василий Лукич как один из инициаторов составления кондиций, ограничивающих власть Анны Иоанновны, сам лично

редактировал «ограничительные пункты» и сам отвёз их Анне Иоанновне в Митаву (ныне Елгава). Он уговорил Анну Иоанновну подписать кондиции.

Члены Верховного тайного совета не учли то обстоятельство, что Анна Иоанновна действовала по совету её фаворита-любовника Эрнеста Бирена, о котором в кондициях было сказано, что он не имеет права приезжать в Россию. 25 февраля 1730 года Анна Иоанновна, приехав в Россию с женой и детьми Бирена, отказалась от выполнения кондиций Верховного тайного совета и публично, на глазах членов Совета, в том числе и князя Василия Лукича, разорвала их. А спустя недолгое время явился в Россию и её фаворит Эрнест Бирен, назвавший себя Бироном и ставший фактическим правителем России до 1740 года. Анна Иоанновна и Бирон были мстительными и коварными людьми. 9 апреля 1730 года князь Василий Лукич Долгоруков был назначен губернатором в Сибирь. Но по дороге к месту назначения, 17 апреля, его догнал офицер и предъявил указ императрицы Анны Иоанновны о лишении его чинов и ссылке в деревню. Это была месть за кондиции. Анне Иоанновне (а вероятнее всего, Бирону) такое наказание показалось недостаточным, и она издала новый указ, от 12 июня того же года, по которому князь Василий Лукич был заточён в Соловецком монастыре. В 1739 году, когда князь Иван сознался в подписании подложной духовной грамоты Петра II и назвал имя инициатора этого действия, князь Василий Лукич был перевезён в Новгород. После кровавых пыток и допросов он был обезглавлен 8 ноября 1739 года.

Отец князя Ивана Долгорукова — Алексей Григорьевич Долгоруков (ум. 1734), опираясь на помощь своего отца, Григория Фёдоровича, и дяди, Якова Фёдоровича, заслуживших большой авторитет при дворе, не имел затруднений в продвижении по службе: шесть лет (1700–1706) он жил в Варшаве при своём отце-после́ннике, с ним же ездил в Италию, изучил польский и итальянский языки, и уже в 1713 году Пётр I подписал указ о назначении его губернатором в Смоленске, а в 1723 году назначил президентом Главного магистрата в Санкт-Петербурге. В 1726 году Меншиков, желавший, как уже говорилось, заручиться поддержкой Долгоруковых, ходатайствовал перед Екатериной I о присвоении Алексею Григорьевичу Долгорукову звания сенатора, назначении его гофмейстером Большого двора и вторым воспитателем великого князя Петра Алексеевича, будущего императора Петра II. И о назначении сына Алексея Григорьевича, 18-летнего князя Ивана Алексеевича, — гофюнкером при дворе великого князя Петра Алексеевича. В начале следующего, 1727 года Меншиков добился назначения и второго

его сына, Николая Алексеевича Долгорукова, камер-юнкером Большого двора. Получив все эти блага от Меншикова, князь Алексей Григорьевич, не отличавшийся благородством души, пользуясь своим положением воспитателя великого князя и с помощью сына, князя Ивана, вошедшего в фавор у будущего императора, постарался настроить великого князя против Меншикова, и это ему в полной мере удалось. В сентябре 1727 года Меншиков был обвинён в государственной измене и хищении казны, лишён всех чинов, орденов, званий и титула светлейшего князя с конфискацией всего его имущества, сослан сначала в его имение в Раненбург, а затем арестован и сослан в сибирское поселение Берёзов вместе с семьёй, где он и скончался в 1729 году. В том же 1729 году там же, в Берёзове, скончалась и первая наречённая невеста Петра II — Мария Александровна Меншикова.

Получив от Петра II назначение членом Верховного тайного совета, князь Алексей Григорьевич, хоть и был осыпаем Петром II всякими подарками и наградами, не гнушался никакими средствами для своего обогащения. С помощью своего сына — князя Ивана Алексеевича, ставшего фаворитом императора-отрока, он сумел, действуя косвенно, за спиной Ивана, полностью подчинить себе Петра II: опираясь на его низменные качества, он отвлекал отрока от занятий, поощрял его безделье, увлечение охотою и разными увеселениями, приучил к вину и другим сомнительным удовольствиям. Он вместе с Иваном увёз Петра II в своё подмосковное имение Горенки, где окружил его только членами своего семейства. Пользуясь тем, что первая наречённая невеста Петра II Мария Александровна Меншикова находилась в ссылке, в Берёзове, а затем там умерла, Алексей Григорьевич обручил 13-летнего Петра II со своей 15-летней дочерью Екатериной Алексеевной (1712–1747). Уже назначена была свадьба, но расчёт Алексея Григорьевича Долгорукова не оправдался: накануне свадьбы император Пётр II заразился оспой и умер. (В скобках надо заметить, что эта смерть императора Петра II, собиравшегося жениться на Екатерине Долгоруковой, стала прецедентом для августейших особ Дома Романовых, считавших, что на Долгоруковых членам семьи Романовых жениться нельзя: «плохая примета». А потому любовь Александра II к Екатерине Долгоруковой и женитьба на ней не были приняты семьями романовского Дома. К сожалению, примета оправдалась: Александр II был убит.)

После воцарения Анны Иоанновны в 1730 году все члены семейства Долгоруковых оказались в опале. Она сослала всех братьев Долгоруковых, кто еще не умер, их детей и племянников,

дочь Алексея Григорьевича, бывшую «государыню-невесту» Екатерину, его сыновей — Николая Алексеевича и, конечно, Ивана Алексеевича, бывшего фаворита Петра II. Отправлена была в ссылку и новобрачная жена князя Ивана Алексеевича — графиня Наталья Борисовна Шереметева, дочь генерал-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева, соратника Петра I. Пострадали даже те Долгоруковы, кто и не присутствовал в Москве во время смерти Петра II и не был членом Верховного тайного совета Князь Сергей Григорьевич Долгоруков, родной брат Алексея Григорьевича, один из выдающихся дипломатов XVIII века, находился в Варшаве в качестве посланника Вызванный своими братьями, вернулся в Петербург и подвергся ссылке. Вместе с женой и детьми его направили на безвыездное житьё в Раненбург (в Рязанской губернии) под строгий надзор. Он был женат на дочери барона П. П. Шафирова, государственного казначея при Петре I, и тесть неотступно ходатайствовал о нём и его семье. Только через четыре года, в 1735 году, князь Сергей Григорьевич и его семья были полностью помилованы, его даже направили послом в Лондон, но не успел он уехать, как вскрылось дело о подложной духовной, он был арестован, подвергнут допросу и пыткам, а затем 8 ноября 1739 года в Новгороде вместе с братом Иваном Григорьевичем, племянником Василием Лукичом и племянником, бывшим фаворитом Иваном Алексеевичем, был казнён.

Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, отец фаворита Ивана, был единственным, как уже было сказано, членом Верховного тайного совета, проголосовавшим против приглашения на трон Анны Иоанновны. Со всей своей семьёй он был сослан в Берёзов, где и умер в 1734 году, до обнаружения дела о подложном завещании, что и спасло его от страшной казни в 1739 году.

Такова была жизнь, деятельность и смерть князей Долгоруковых, проложивших путь князю Ивану Алексеевичу к российскому трону в звании фаворита и из-за него же и пострадавших.

Фаворит Петра II, князь Иван Алексеевич (1708–1739), внешне очень красивый молодой человек, но — увы! — не отличавшийся ни умом, ни прозорливостью, ни образованностью, ни воспитанием, зато кичившийся своим благородным княжеским происхождением, был очень заносчив, вёл себя так, будто заслуженными государственными мужами были не его родственники, а он сам. Как фаворит, князь Иван Долгоруков не был самостоятельным деятелем, он был полностью подчинён отцу, своим знаменитым дедам и дядьям и своим двоюродным

братьям, а потому имел то влияние на императора Петра II и на ход государственных событий, какое ему подсказывали его родственники.

Вот как характеризует его герцог Лирийский в своих воспоминаниях: «Ума в нём было очень мало, а проницательности никакой, но зато много спеси и высокомерия, мало твердости духа и никакого расположения к трудолюбию; любил женщин и вино… хотел управлять государством, но не знал, с чего начать; мог воспламеняться жестокой ненавистью; не имел воспитания и образования».

Фаворитом он стал не по своему желанию, а по воле отца, который через своих родственников Долгоруковых и всесильного фаворита Екатерины I Александра Даниловича Меншикова сумел пристроить 18-летнего Ивана гоф-юнкером к 12-летнему великому князю Петру Алексеевичу (будущему императору Петру II).

Великий князь Пётр Алексеевич, сирота-отрок, имевший только одного родного человека, сестру Наталью, которая была всего лишь на один год старше его и которая умерла в 1728 году, сразу привязался к молодому красивому юноше, который уже пользовался славой победителя девичьих сердец, но по своему развитию (уму и образованию) недалеко ушёл от отрочества Когда Меншиков поселил великого князя у себя в доме и стал домогаться обручения его со своей дочерью, княжной Марией Александровной, князь Иван не одобрил этого посягательства Меншиков, увидя препятствие своему плану со стороны князя Ивана, настоял на переводе его в полевые полки. И таким образом добился обручения отрока со своей дочерью. Долгоруковы не могли простить худородному Меншикову его возвышения и такого отношения к ним, Рюриковичам. Они окружили Петра II вниманием и рекомендовали князю Ивану крепко подружиться с царём.

Маленький император чувствовал себя с князем Иваном и в кругу семейства Долгоруковых раскованно, как взрослый, сильно привязался к своему другу-фавориту и стал ему во всём подражать: стал заносчивым, высокомерным, спесивым, не желал овладевать науками, не признавал никаких норм поведения, а хотел праздно и весело проводить время: с вином и женщинами. Он полностью доверял своему фавориту Ивану и слушался его.

По советам отца и дядек князь Иван руководил Петром Прежде всего, он стал развивать в нем чувство недоброжелательства к Меншикову, рассказывая ему, как Меншиков пытал, а затем убил его отца, царевича Алексея Петровича: на допросах он подвергал царевича таким страшным

пыткам, что тот не выдержал этих зверств и умер. Он убеждал великого князя, а затем императора Петра II, что Меншиков незаконно захватил власть, потому что он худородный, был уличным мальчишкой, продавал пироги, что Лефорт взял его к себе на побегушки, а потом передал Петру I. Поведал он также, что Меншиков казнокрад, взяточник и вор: он обворовал и продолжает обворовывать государственную казну на подрядах, у него большие вклады в голландском банке, самые драгоценные вещи из императорских дворцов он перетащил в свои имения. А как он относится к самому императору Петру II? Всё время заставлял Петра учиться, хотел разлучить с Иваном, настояв на отправлении Ивана в полевые полки, насильно обручил его с княжной Марией, некрасивой и незнатной девицей, намного старше, чем Пётр, — словом, даже по своему происхождению недостойной императора.

Иван уверял Петра, что он уже взрослый и ему пора жениться. Напрасно он хочет быть с принцессой Елизаветой Петровной: она приходится ему тёткой, и у неё есть любовник и уже было много любовников. Самой лучшей для него женой может быть только Екатерина Алексеевна Долгорукова, высокородная княжна из рода Рюриковичей, которая его полюбила и на которой ему нужно жениться, а для этого теперь обручиться. Это вполне законно, потому что его первая наречённая невеста, как дочь худородного дворянина, не имеет на него никаких прав, к тому же она теперь ссыльная и лишена титула княжны. Если он женится на княжне Долгоруковой, то они, Пётр и Иван, станут близкими родственниками и всегда будут вместе.

Пока двор пребывал, в Москве, Иван, по совету отца, научил императора посетить Новодевичий монастырь, где содержалась его бабушка, первая жена Петра I, царица Евдокия Фёдоровна Лопухина, невинно сосланная Петром I. Он уверял Петра, что почитание бабушки, царицы Евдокии Фёдоровны, восстановит справедливость и снимет вину с его отца, царевича Алексея. Пётр вместе с Иваном навестил свою бабушку, царицу Евдокию, учредил для неё малый двор, приказал отчислять для содержания её и её двора средства и предложил ей переехать в царский дворец. Разумеется, бывшая царица была польщена вниманием внука-императора, с благодарностью приняла его дары, но переехать из Новодевичьего монастыря отказалась: ей шёл уже 60-й год, она за столько лет опалы так привыкла к монастырской жизни, что придворная суетная жизнь была бы ей не под силу.

Против Меншикова были не только Иван и все Долгоруковы, но и Остерман, и Голицыны, и другие высокородные вельможи. Их мнение и советы фаворита возымели действие: 8 сентября

1727 года Пётр II приказал арестовать Меншикова, вернуть императорские ценности из его дворцов в казну и сослать его вместе с семейством в Раненбург (в Рязанской губернии). Все богатства Меншикова были конфискованы, его титулы, чины, звания и ордена с него сняты, а после того как было найдено в Москве подложное письмо в пользу Меншикова, он с женой, сыном и дочерьми был отправлен в далёкий сибирский посёлок Берёзов, где, как уже говорилось, и умер 12 ноября 1729 года.

После падения Меншикова на князя Ивана и его родственников посыпались всякие благодеяния и милости со стороны Петра II. Фаворит князь Иван Алексеевич Долгоруков был пожалован в обер-камергеры Высочайшего двора (в те времена — высшее придворное звание) и возведён в чин майора Преображенского полка, что в гвардейских полках равнялось чину армейского генерала. Двор признал в нём фаворита и по закону фаворитизма стал раболепствовать перед ним. Каждый хотел, чтобы князь Иван походатайствовал о нём или о его родственниках перед императором. И, как водится, за эти услуги несли фавориту деньги и дорогие подарки. Иностранные послы и посланники, понимая, какое значение в стране имеет фаворит императорской особы, тоже угодничали перед князем Иваном Долгоруковым, что еще больше прибавляло ему высокомерия и спеси.

После ссылки Меншикова и его семьи Долгоруковым удалось уговорить Петра II обручиться с княжной Екатериной Алексеевной Долгоруковой. Илшератора и его Высочайший двор убедили, что, несмотря на прошлое обручение с княжной Марией, это новое обручение вполне законно, потому что ссыльная девушка не может быть невестой российского императора, тем более что пришло известие о её смерти в начале 1729 года.

Летом 1729 года Иван Долгоруков познакомился с графиней Натальей Борисовной Шереметевой и впервые влюбился. Надо сказать, что графиня Наталья, дочь известного генерал-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева, верного сподвижника Петра I, была на шесть лет моложе Ивана, хороша собой, скромна, образованна, воспитанна и несказанно влюблена в этого неумного и малообразованного ловеласа. К тому же по своему происхождению графиня была вполне достойной партией для князя Долгорукова. Князь Иван настолько был влюблён, что выбирал, каждую свободную минутку от общения с императором и мчался к ней на коне из долгоруковского имения Горенки в шереметевское Кусково. В конце 1729 года князь Иван с одобрения семьи сделал графине Шереметевой предложение, обручился с ней и стал её женихом.

Встретили новый 1730 год, и тут на Долгоруковых обрушилась большая беда заразился оспой и 19 января умер Пётр II.

Герцогиня Курляндская Анна Иоанновна уже 25 января 1730 года, то есть через шесть дней после смерти Петра II, была приглашена на престол Верховным тайным советом Она прибыла в Санкт-Петербург из Митавы в начале февраля 1730 года Уже 4 марта она издала манифест об упразднении Верховного тайного совета, члены которого, а среди них в первую очередь Долгоруковы, высказывались против её приглашения на престол, составляли «кондиции», уговаривали её их подписать. Еще до коронации её в Успенском соборе Московского Кремля (28 апреля 1730 г.), Анна Иоанновна начала осуществлять гонение на Долгоруковых, и стало ясно, что в первую очередь это коснётся бывшего фаворита.

Перед графиней Натальей Шереметевой встал вопрос выходить ли ей замуж за Ивана Долгорукова при такой мстительной политике императрицы? Её брат, граф Пётр Борисович Шереметев, предрекая тяготы будущего развития событий, уговаривал её отказаться от брака с Иваном, но она, любившая Ивана до самозабвения, до самопожертвования, согласилась на брак, и в первых числах апреля они обвенчались. Буквально через несколько дней после свадьбы, 9 апреля 1730 года, указом императрицы Анны Иоанновны князь Иван Алексеевич Долгоруков вместе со своей семьёй был сослан в свои деревни. На нескольких телегах и каретах, наполненных всякого рода пожитками, Долгоруковы двинулись в путь, но в пути они были задержаны, все пожитки и все ценности были у них конфискованы, а как только они с большими трудностями доехали, наконец, до долгоруковских Касимовских деревень, в июне этого же года им была объявлена воля императрицы — отправляться в ссылку в Берёзов, где недавно освободили место умерший Меншиков и его дочь Мария и куда был направлен также князь Алексей Григорьевич Долгоруков с семьёй.

Долгих девять лет прожили Долгоруковы, Иван и Наталья, в тяжелейших для них условиях, казавшихся ещё тяжелее после жизни свободной и богатой. Особенно тяжело было Наталье Борисовне: вскоре по приезде она забеременела, а муж стал проявлять по отношению к ней свой тяжёлый, капризный характер: он всё время был в угнетённом состоянии и, как говорится, не в духе.

Сначала режим содержания ссыльных был очень строгим. Выходить можно было только в церковь, которую собственноручно срубил Александр Данилович Меншиков, да на

поклон к начальству. В 1731 году у них родился сын Михаил, и Наталье Борисовне прибавилось забот о новорожденном ребёнке. Пришлось отбросить благородную гордость и задабривать берёзовского воеводу Бобровского и пристава майора Петрова, которые прониклись к ним жалостью и стали делать ссыльным послабления.

Князь Иван не гнушался обществом местных жителей. Он подружился с офицерами местного полка, с духовенством, с некоторыми из местных обывателей и потихоньку стал приобщаться к прежней разгульной жизни. В частности, он завёл дружбу с тобольским таможенным подьячим Тишиным, с поручиком Овцыным и в компании с ними и с другими из местных находил удовольствие пить горькую. Под пьяную лавочку Иван откровенничал, хвастаясь своей прежней жизнью и, не стесняясь выражений, характеризуя Анну Иоанновну. А Тишин все эти россказни наматывал себе на ус. Считая себя вполне подходящей парой для красавицы-княжны Екатерины, подьячий Тишин, напившись пьяным, стал приставать к ней и в грубой форме заявил, что он хочет, чтобы она стала его сожительницей. Екатерина пожаловалась поручику Овцыну, а тот, недолго думая, избил Тишина. Тишин затаил злобу и написал сибирскому губернатору донос, в котором подробно описал все пьяные высказывания Ивана Алексеевича, особенно относительно императрицы Анны Иоанновны. Получив донос, губернатор послал в Берёзов капитана Сибирского гарнизона Ушакова с секретным предписанием проверить донос Тишина. Местные офицеры и обыватели, перед которыми пьяный князь Иван раскрывал свою душу, подтвердили обоснованность тишинского доноса.

В 1738 году Иван Алексеевич Долгоруков, вместе с его братьями и друзьями Бобровским, Петровым, Овцыным и многими другими берёзовскими обывателями, был увезён из Берёзова в Тобольск. Для Натальи Борисовны это был тяжелейший удар. Через несколько дней у неё родился их второй сын, Дмитрий. Наталья Борисовна перенесла во время ареста её любимого мужа и тех, кто пострадал из-за него, такой стресс, что её сын Дмитрий все свои 31 год, которые он прожил (ум 1769), страдал неизлечимой болезнью — нервным расстройством, а вместе с ним страдала и его мать Наталья Борисовна.

Но Иван Алексеевич не знал о рождении младшего сына: даже во время следствия он содержался в ручных и ножных кандалах и был прикован к стене. Слабый духом, как большинство высокомерных людей, он самим фактом ареста настолько был и нравственно, и физически ошеломлён и

опустошён, что, пребывая в тяжёлом стрессовом состоянии, находился в полной прострации и даже не понимал, где он и что с ним происходит. Как все подобные ему люди, встретив опасность, Иван Долгоруков полностью сник, сдался и стал каяться во всех своих грехах, даже в тех, о которых его и не спрашивали. Он сам рассказал в подробностях всю историю создания подложной духовной грамоты, кто её составил, кто был инициатором идеи и кто подписал эту подложную духовную, подделав подпись Петра II. Даже его палачи были потрясены этим его признанием, его глупостью, навлекшей смерть не только на него, но и на его близких родственников. Ведь его никто не спрашивал об этом, а сама духовная была уничтожена Долгоруковыми сразу же, как только стало понятно, что она не будет принята во внимание, то есть девять лет тому назад. И никаких улик нет.

Бывший фаворит Петра II был перевезён в Новгород и 8 ноября 1739 года был колесован на Скудельническом поле, в версте от Новгорода.

Наталья Борисовна, мучаясь неизвестностью, послала императрице Анне Иоанновне прошение, в котором в слёзных выражениях молила её помиловать князя Ивана Алексеевича, если он жив, а если нет, то разрешить ей постричься в монастырь. Она получила ответ, что мужа её уже нет в живых, а ей милостиво разрешено вернуться в имение Шереметевых Кусково, к брату, Петру Борисовичу.

По мистическому стечению обстоятельств, Наталья Борисовна с двумя малолетними детьми, Михаилом и Дмитрием, прибыла в Москву 17 октября 1740 года, в день смерти императрицы Анны Иоанновны.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова изменила своё решение сразу же уйти в монастырь. На руках у неё были малолетние дети, и она не имела материнского права покинуть их. И она стала жить для детей. Когда старший сын, князь Михаил Иванович (1731–1794), стал совершеннолетним, она в 1742 году определила его в лейб-гвардии Семёновский полк. Он дослужился до чина гвардейского капитана, затем уволился из гвардии и перешёл на службу в гражданское ведомство. Наталья Борисовна подыскала ему знатную и хорошую невесту, он женился. В 1764 году у него родился сын, которого в честь деда-фаворита назвали Иваном.

Своей честностью, вниманием к людям князь Михаил Иванович снискал такое уважение, что был избран почётным опекуном Воспитательного дома в Москве.

Пристроив сына, Наталья Борисовна взяла с собой младшего,

больного Дмитрия, и в 1758 году уехала в Киев, во Фроловский женский монастырь, где постриглась под именем Нектарии, а в 1767 году приняла схиму. В 1769 году её сын Дмитрий, на здоровье которого отразилась трагедия семьи Долгоруковых, скончался.

Трагическая судьба графини Шереметевой привлекла внимание нескольких поэтов и писателей. Рылеев ей посвятил одну из своих «Дум», слепой поэт Козлов, друг княгини Зинаиды Волконской, написал поэму, темой которой была жизнь и любовь графини Натальи Борисовны Шереметевой, в замужестве Долгоруковой; было опубликовано несколько русских романов, в том числе и в XX веке, которые были посвящены трагической истории жизни княгини Долгоруковой.

Находясь в монастыре, княгиня Долгорукова написала о всех своих злоключениях «Записки Н.Б.Д.», которые были изданы Суворинym. Они представляют собой искреннюю душевную исповедь инокини Нектарии, бесхитростный рассказ о времени правления Анны Иоанновны, о страшной жестокости императрицы и её фаворита Бирона, о любви бесстрашной, способной на всепрощение и жертвы.

«Записки» Натальи Борисовны Долгоруковой (Н.Б.Д.) получили общественное признание как одно из значительных произведений русской мемуарной литературы середины XVIII века, в котором отразилась судьба фаворита императора Петра II — князя Ивана Алексеевича Долгорукова.

Император Павел I и его фаворит Иван Павлович Кутайсов

Иван Павлович Кутайсов (1759–1834), турок по происхождению, родился, вероятно, в Бендерах, потому что маленьким мальчиком он был взят в плен при взятии Бендер и привезён ГЛ. Потёмкиным ко двору. Екатерина подарила маленького турчонка своему сыну Павлу.

Цесаревич Павел был почти на пять лет старше Ивана Кутайсова, а потому чувствовал себя его покровителем. Иван был смышлёным мальчонкой, хитрым и ловким, умевшим приспосабливаться к любым обстоятельствам и выпрашивать себе подарки и другие милости. Он быстро научился парикмахерскому делу, стал брадобреем цесаревича Павла и его камердинером Павел искренно привязался к своему камердинеру, прощал его небольшие шалости и постоянно его одаривал. Вскоре Кутайсов сделался просто необходимым Павлу, а тот со своей стороны стал ловко пользоваться этой привязанностью, заставляя цесаревича щедро осыпать его милостями.

Когда в ноябре 1796 года Павел стал императором, уже в начале декабря он перевёл Ивана из камердинеров на более высокую и перспективную придворную должность гардеробмейстера с чином V класса Табели о рангах. Но главным для Кутайсова было то, что весь двор почитал его теперь как императорского фаворита, а читатель уже догадывается, что по законам фаворитизма это стало доставлять ему дополнительные дивиденды в виде взяток и подношений. Ровно через два года, 6 декабря 1798 года, вышел императорский указ о пожаловании Ивана Кутайсова в егермейстеры (IV класс Табели о рангах) и награждении его орденом Св. Анны I степени. *Этим,* орденом, да еще самой высокой степени, награждали за геройство на полях сражений, а фаворит Кутайсов получил его просто так, за пребывание при дворе рядом с особой императора. Но бывшему брадобрею этого было мало, и он стал выклянчивать у своего благодетеля графский или княжеский титул. Павел не мог ему отказать, но, считая, что его фаворит вроде бы иностранного происхождения, 22 февраля 1799 года пожаловал ему титул барона Иван Кутайсов был недоволен, ему хотелось более высокого титула.

Через два с половиной месяца, 5 мая 1799 года, император Павел под напором своего фаворита возвёл его в графское Российской империи достоинство с титулованием «Ваше

сиятельство» и возложил на него орден Св. Александра Невского, который давался по статуту «в награду трудов, за отечество подъемлемых». Никаких трудов, «за отечество подъемлемых», Кутайсов не предпринимал. Он пользовался при дворе влиянием фаворита, причём его ненавидели, как ни одного фаворита при Высочайшем дворе, но обращались к нему с просьбами, выполнение которых приходилось оплачивать просителям по самой высокой ставке. Кутайсов был очень жадный и ненасытный человек и к тому же совершенно бесполезный для государственных дел. Но Павел этого не видел, любил его, верил в его исключительную преданность и делал для него всё, что тот ни попросит. А просьбы сыпались одна за другой. 1 января 1800 года Иван Павлович Кутайсов получил должность и придворное звание (чин) обер-шталмейстера (II класс Табели о рангах) с титулованием «Ваше высокопревосходительство». Для Кутайсова должность главного устроителя Императорской охоты была чисто номинальной, потому что Павел I охотой не увлекался.

Не прошло и года, как в декабре 1800 года Его высокопревосходительство, Его сиятельство граф Кутайсов, обер-шталмейстер Высочайшего двора, снова был милостиво пожалован императором, на этот раз самым высоким орденом Российской империи — орденом Св. Андрея Первозванного с алмазами, а заодно и Мальтийским орденом большого креста Помимо всех этих наград, Кутайсов получал земли с крестьянами, драгоценные подарки, деньги. К этому времени он стал одним из богатейших вельмож России. И всё же в кругу придворных Кутайсов, невежественный и грубый, был самым презираемым человеком.

Сблизившись с фон дер Паленом, Кутайсов начал интриговать против своего благодетеля, примкнул к заговорщикам, которые ставили своей целью свергнуть Павла с престола. Иван Кутайсов не понимал, что его действия против императора Павла ведут к концу его собственной синекуры, что он «рубит сук, на котором сидит». Правда, трудно сказать, на что надеялся и на что рассчитывал этот глубоко невежественный человек. Факт же остаётся фактом: Кутайсов примкнул к заговорщикам и содействовал убийству императора Павла I, своего благодетеля.

Тот, которого Павел так любил и кому благодетельствовал чрез меру, хорошо «отблагодарил» своего покровителя, оказавшись среди его убийц. Императрица Мария Феодоровна с особенным презрением и негодованием отнеслась к фавориту, убийце своего мужа, и потребовала от сына, императора Александра I, немедленно удалить этого негодяя. Уже на седьмой

день после 12 марта 1801 года, дня гибели Павла от рук убийц, взошедший на трон Александр I Павлович уволил Кутайсова от двора «по его прошению». Сначала граф И. П. Кутайсов отправился в путешествие по Европе, но спустя несколько лет, когда общественный гнев на него поутих, вернулся в Россию, обосновался в Москве и занялся разведением сада и огорода.

Граф Иван Павлович Кутайсов, бывший фаворит императора Павла, прожив долгую, довольно беззаботную и богатую жизнь, умер в Москве, в своём доме, 9 января 1834 года, на 7 5-м году жизни, никак не пострадав за своё презренное предательство.

Алексей Андреевич Аракчеев — фаворит императоров Павла I и Александра I

Алексей Аракчеев был фаворитом особого свойства он стал последовательно фаворитом двух императоров, отца и сына, но не по случаю, не по своему желанию с тайной целью стать фаворитом, не за красивую внешность, а вследствие своих служебных качеств, как крупный специалист в военном деле, особенно в артиллерии.

Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834) — новгородский дворянин небогатого и незнатного рода — родился в царствование Екатерины II в имении своего отца, Андрея Андреевича Аракчеева Начальное образование (русскую грамоту и арифметику) он получил дома, под руководством местного дьячка Смышлёный мальчик, Алёша учился охотно и хорошо, особенно ему нравилась математика, и он её изучал с большим тщанием Андрей Андреевич, видя тягу сына к математике, решил отдать его в артиллерийское отделение Кадетского корпуса и повёз его в Санкт-Петербург. Оказалось, что за зачисление Алексея в Кадетский корпус необходимо заплатить 200 рублей. Таких денег у бедного помещика не было, и он решил вернуться с сыном домой. Однако поразмыслив и поразведав обстановку, выяснил, что Екатерина II выделяла деньги санкт-петербургскому митрополиту Гавриилу для раздачи бедным помещичьим детям, желающим учиться. В первое же воскресенье Андрей Андреевич, взяв с собой Алёшу, отправился к митрополиту Гавриилу, но выданных ему денег (три рубля серебром и совсем небольшое пособие от госпожи Гурьевой) оказалось недостаточно. К этому времени Андрей Андреевич уже знал, ято начальником артиллерийского корпуса ведает Пётр Иванович Мелиссино, буквально влюблённый в артиллерию настолько, что даже ни одного обеда с гостями не проводит без артиллерийских салютов, уважает всех, кто к артиллерии относится с почтением И Андрей Андреевич Аракчеев отправился к Мелиссино. Пётру Ивановичу понравился смышлёный парнишка, желающий стать артиллеристом, и он зачислил Алексея Аракчеева в артиллерийский корпус безвозмездно.

Алексей учился с таким рвением, особенно показывая успехи в математике, что вскоре заслужил звание офицера. Мелиссино, видя, что Аракчеев находится в весьма стеснённом материальном положении и не может рассчитывать на помощь из дома, рекомендовал юношу графу Николаю Ивановичу Салтыкову для

преподавания артиллерии и фортификации его сыновьям Граф Николай Иванович Салтыков был весьма доволен преподаванием Аракчеева: чёткостью его формулировок, ясностью объяснений, дисциплиной и требовательностью. И когда Наследник Павел Петрович обратился к нему с требованием послать к нему расторопного, знающего и дисциплинированного артиллерийского офицера, Николай Иванович, долго не раздумывая, рекомендовал ему Алексея Андреевича Аракчеева И Аракчеев в полной мере оправдал его доверенность. Великий князь пришёл в такое восхищение от точного и вдумчивого исполнения Аракчеевым всех даваемых ему поручений, от его неутомимой работы, выполнения всех требований военной дисциплины и порядка, от знаний и умений молодого офицера Аракчеева, что пожаловал его сначала комендантом Гатчины, а затем начальником всех своих сухопутных войск.

Алексей Андреевич Аракчеев за свою преданную образцовую военную службу стал фаворитом великого князя Павла Петровича, для которого военная служба, с её артиллерией, дисциплиной, военными парадами, сменой караулов и прочим, была главной.

В ноябре 1796 года, когда Павел Петрович стал императором, на 27-летнего Аракчеева посыпались милостивые пожалования, причём, в соответствии с характером Павла Петровича, — в неумеренном количестве: за два последних месяца 1796 года он был назначен санкт-петербургским военным комендантом с пожалованием титула барона, из полковника произведён в генерал-майоры армии, затем в майоры лейб-гвардии Преображенского полка и награждён орденом Св. Анны I степени. В апреле 1797 года Аракчееву был пожалован орден Св. Александра Невского. Зная очень скромное материальное положение барона Аракчеева, император Павел пожаловал ему две тысячи крестьян с предоставлением выбора губернии. Аракчеев выбрал село Грузино родной Новгородской губернии, впоследствии прославившееся убийством экономки и любовницы Алексея Андреевича.

Император Павел Петрович не мог долго кому-либо благоволить, не исключением был и Аракчеев. В марте 1798 года Павел за какой-то пустяк, вызвавший его царский гнев, отстранил от службы своего фаворита с чином генерал-лейтенанта. Но уже в декабре 1798 года благосклонность императора Павла к Аракчееву вернулась, и Аракчеев был возвращён на службу, получив назначение на должность генерал-квартирмейстера артиллерийского полка. Через месяц, в январе 1799 года, Павел I наградил своего фаворита орденом Св. Иоанна Иерусалимского и

пожаловал командиром лейб-гвардии артиллерийского батальона, а затем и инспектором всей артиллерии. В мае этого же года Аракчеев «за отличное усердие и труды» получил титул графа Российской империи.

Но, в духе характера и привычек императора Павла, фавор Аракчеева кончился, и в октябре этого же года Аракчеев был вторично отстранён от службы, на этот раз до прихода к власти Александра I.

Молодой император был хорошо знаком с Аракчеевым по военной службе еще в бытность свою наследником. В мае 1803 года он восстановил Аракчеева на службе в прежних должностях командира лейб-гвардии артиллерийского батальона и инспектора всей артиллерии. Его дальнейшая служба была настолько тесно связана с военными обязанностями императора (ведь Александру по-настоящему опереться можно было прежде всего на исполнительного и знающего Аракчеева), что император не мог уже обходиться без верного друга, которому молва за императорский фавор быстро присвоила звание «временщика».

В 1805 году Аракчеев постоянно находился при императоре Александре I, в том числе и в Аустерлицком сражении, а в дальнейшем был его военным советником и уполномоченным в войне со Швецией.

В 1807 году Александр присвоил ему чин генерала от артиллерии (II класс Табели о рангах), введённый Павлом I. Это позволило Александру I назначить Аракчеева военным министром (1808), а как человека неподкупного и честного — генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии с подчинением ему комиссариатского и провиантского департаментов.

В войне со Швецией Аракчеев провёл блистательную дипломатическую операцию. Несмотря на то, что генерал Кнорринг в условиях свержения престарелого шведского короля Густава-Адольфа и прихода на трон нового короля договорился со шведами о перемирии, Аракчеев сумел, как уполномоченный русского императора, отменить прежнюю договорённость и заключить Фридрихсгамский мир, по которому России отошли Финляндия и Аландские острова.

Много положительного внёс граф Аракчеев в организацию военного управления: были изданы новые правила, положения и инструкции касательно работы военной администрации, в том числе была упрощена и сокращена в ней канцелярская работа Много было сделано в деле повышения боеспособности армии и гвардии, особенно в артиллерийских частях. Военный министр Аракчеев учредил новые запасные рекрутские депо для новобранцев и при них организовал учебные батальоны; он

ставил своей задачей повышение уровня специальной военной и общеобразовательной подготовки офицеров, следил за материальным снабжением всех подчинённых ему подразделений.

В 1810 году Аракчеев был переведён с должности военного министра на должность Председателя Департамента военных дел Государственного совета Это была более высокая должность. Она давала право присутствовать в Сенате и Комитете министров.

Весной 1812 года, в связи с нашествием Наполеона, Аракчеев изменил свою деятельность. Государь доверил ему весьма ответственную часть: создание продовольственных резервов и снабжение действующей армии продовольствием С этой задачей он справился превосходно, и Александр I проникся к своему фавориту ещё большим уважением и доверием, хотя окружение не только не любило, но даже ненавидело Аракчеева, презрительно называя его «временщиком».

Аракчеев не вызывал у окружавших его людей симпатии. Он был требователен до жестокости, не проявлял к людям ни человеколюбия, ни милосердия.

Единственный человек, которого он обожал., вернее даже боготворил, был император Александр I. Алексей Андреевич Аракчеев был необычный фаворит, которому было доверено самое важное направление государственной деятельности — военная служба, защита безопасности страны. И это поручение он исполнял неукоснительно, со всем рвением, на пользу стране. И его заботы об армии, об обучении солдат и офицеров сказались на Бородинском поле и на победах русских войск в Заграничном походе 1813–1814 годов.

Александр I, подружившись с Аракчеевым еще в пору, когда был наследником престола, до самого конца своего императорского правления находился под влиянием могущественного временщика у трона. Александр Павлович и как частное лицо постоянно общался с Аракчеевым и много раз навещал своего любимца в его имении Грузино. Императору импонировало, что на фоне почти повального взяточничества и казнокрадства человек, наделённый большими полномочиями и возможностями, никогда не думал о своих выгодах, был кристально чист. Аракчеев не брал взяток, не занимался казнокрадством, не имел целью наживу, не был тщеславен, не благоволил своим родственникам Когда Александр I предложил почтить его мать статс-дамой Высочайшего двора, Аракчеев решительно отказался, объяснив это тем, что она, деревенская старушка, не имеющая представления об этикете при Высочайшем дворе, своим нелепым поведением будет вызывать у

придворных дам только насмешки. Хотя его мать, если бы узнала об этой милости императора и отказе от неё, очень бы рассердилась на сына.

Александр I награждал Аракчеева действительно за заслуги: в 1807 году — орденом Св. Владимира, в 1808-м — орденом Св. апостола Андрея Первозванного, но Аракчеев отказался принять эти ордена, считая, что он уже достаточно пожалован еще императором Павлом орденами Св. Анны I степени и Св. Александра Невского, и это для него и так великая честь.

Аракчеев не был корыстолюбив, он никогда ни от кого не брал никаких подношений и отказывался даже от подарков императора, объясняя это тем, что он доволен самим благоволением к нему Его Величества. И это не была поза: он действительно боготворил императора, и главным для него были не ордена и подарки, а доверие Александра I.

Алексею Андреевичу, в отличие от другого императорского фаворита, Михаила Михайловича Сперанского, повезло: он не был ни уволен, ни тем более сослан, а до самой кончины Александра I находился в его фаворе. Не повлиял на фавор Аракчеева и уход Александра I от либеральных реформ. Но отношение общества к Аракчееву, как носителю зла, становилось год от года всё суровей. И хотя Аракчеев выполнял и такие указания Александра I, которые поддерживало прогрессивное русское общество, однако этих либеральных прогрессивных шагов «временщика» никто не замечал. Так, например, когда президентом Русского Библейского общества, тесно связанного с Британским Библейским обществом, был поставлен обер-прокурор Святейшего Синода князь Александр Николаевич Голицын, личный друг императора ещё с юношеских времён, теперь мистик, да ещё полностью погружённый в религию, проповедник мракобесия, Аракчеев всячески содействовал закрытию этого общества. И хотя он знал, что Александр Павлович, его любимый благодетель, покровительствует Библейскому обществу, а вернее своему другу Голицыну, пожертвовал ему 25 тысяч рублей единовременно и делал ежегодный взнос в Библейское общество в размере 10 тысяч рублей, а кроме того, подарил этому обществу дом в Петербурге, Аракчеев, который всегда держал линию императора, на этот раз возненавидел этого лукавого «святошу» и старался всеми силами чинить ему препятствия. И когда по настоянию Голицына Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения, а министром, разумеется, был назначен А. Н. Голицын, Аракчеев не был в числе тех, кто приветствовал это преобразование. Он

понимал, что Библейское общество, по сути филиал Британского, занимаясь изданием, распространением и пропагандой Священного Писания, ущемляло права Русской Православной Церкви, а потому, естественно, должно было вызвать неудовольствие иерархов Церкви. И действительно, архимандрит Фотий, слово которого в обществе было весьма значительным, потому что он был любимцем многих влиятельных придворных дам, выступил против Библейского общества. Аракчеев тотчас весьма активно поддержал архимандрита. В результате Министерство духовных дел и народного просвещения было снова преобразовано в Министерство народного просвещения, а Голицын был уволен с постов министра и обер-прокурора Святейшего Синода. Участия в этом деле временщика Аракчеева русское общество как бы не заметило: в его глазах он был реакционером и носителем зла.

Но особенно общество возненавидело Аракчеева за учреждение и насаждение военных поселений в 1816–1817 годах, потому что все предполагали, что это его инициатива и его жестокое издевательство над людьми. А на самом деле это была идея Александра I Благословенного, почерпнутая из далёкого прошлого, из организации в XVI веке стрелецкого войска и ещё раньше — казачьих иррегулярных войск. Уже тогда перед царской властью стояли проблемы финансирования войска и мест его содержания. Тогда вопрос решался просто: и казакам, и стрельцам выдавалась на льготных условиях земля, на которой они строили дома для проживания, которую они возделывали, которой кормились, на которой создавали кустарные мастерские, получая с них ещё и денежный доход. Но этот метод, если вспомнить стрелецкие бунты и казачьи восстания Степана Разина и Емельяна Пугачёва, оказался чреватым большими бедами. В XIX веке решение этих же проблем плюс проблем комплектования регулярной армии и подготовки новобранцев к службе выразилось в идее создания военных поселении — идее, в которой также всё решалось на основе выделения на льготных условиях земли, но не индивидуально каждому, как прежде, а в общее пользование целому солдатскому поселению, чтобы они, как в прежние времена казаки и стрельцы, несли военную службу и, занимаясь сельским хозяйством, кормили и себя, и свою семью. Однако в этом случае принципы организации военных поселений были существенно другими. В прежние времена выделенная стрельцу или казаку земля принадлежала ему в индивидуальное пользование, и он распоряжался всем свободно, кроме только военного служения; теперь же солдат с семьёй, «хозяин» (а по сути никакой не хозяин ни дома, ни земли), не имел никакой

свободы: он, его семья и подселенцы (два холостых солдата регулярной армии, чужие ему люди) — все находились на казарменном положении, в строго регламентированном времени. «Хозяин» ежедневно вынужден был исполнять приказ командира, то есть чужую волю, и заниматься не только сельским хозяйством, чтобы кормить свою семью и подселенных ему солдат регулярной армии, но и выполнять тяжёлые работы на строительных и дорожных работах. По команде командира все поселяне должны были одновременно вставать, разжигать огонь, топить печь, готовить еду, есть и в определённое время выходить на работу, а затем возвращаться в свою избу. Вид работы определялся тоже не «хозяином», а командиром. Такое положение было хуже, чем крепостная зависимость. Естественно, государственные крестьяне и казаки оказывали сопротивление введению военных поселений; во многих губерниях, где это происходило, крестьяне поднимали бунты, а то и целые восстания. И эти бунты и восстания жестоко подавлялись, а восставшие подвергались или массовой экзекуции (проведение сквозь строй шпицрутенов), или расстрелу поодиночке с применением ружей, или расстрелу при помощи артиллерии, бьющей картечью прямо по толпе.

А заведовал всем этим с 1816 года граф Аракчеев, который вообще с 1815 по 1825 год получил от своего покровителя Александра I полную свободу распоряжений, по сути такую же, как в XVIII веке во Франции маркиза Помпадур от Людовика XV.

Вначале Аракчеев не поддерживал идею военных поселений. Он предлагал иной путь решения проблемы: сократить срок службы солдат с 25 до 8 лет и из уволенных в запас солдат создать резерв, а затем, в случае необходимости (похода в помощь союзникам, войны, восстаний), этот резерв призывать на службу. Но Александр I на это не пошёл.

Аракчеев, обожествлявший своего императора, всегда готовый ему служить до самозабвения, принялся со всей педантичностью, со всей своей страстью к дисциплине и порядку осуществлять угодный императору проект. Жестокость подавления крестьянских восстаний, ещё и с применением артиллерии, массовые экзекуции, после которых половина наказуемых умирала, — всё это было связано с именем Аракчеева, его личными распоряжениями и вызывало в обществе ненависть и презрение к этому временщику, правившему в России в течение 10 лет (1815–1825).

Был ли счастлив этот сначала худородный дворянин, затем, по воле Павла I, барон, а потом, по тому же велению, — граф Аракчеев? Каким был он, этот гений зла, эпоха фавора которого названа «аракчеевщиной»? Не слишком ли односторонне, а

потому несправедливо оценены его жизнь и деятельность? Каков он был на самом деле?

Алексей Андреевич был среднего роста, худощавый, угрюмый и необщительный человек, внешне имел суровый вид, да ещё и по-солдафонски был груб, непререкаем и жесток, а потому не вызывал у людей ни чувства симпатии, ни желания с ним общаться и признавать его заслуги. Его ненавидели и боялись. А он был счастлив только одним — благоволением к нему императора. Когда Александр I умер — для Аракчеева погас дневной свет. И он тоже как бы умер, продолжая существовать плотью, но не духом Личная жизнь у него не удалась: ещё в 1800 году, когда ему шёл 31-й год, он встретил красавицу Н. Ф. Минкину. Она была низкого происхождения, и граф Аракчеев не мог на ней жениться. Он взял её в своё имение Грузино в качестве домоправительницы, хотя вся дворня считала её метреской своего барина Алексея Андреевича, или, как тогда это называли в дворянских поместьях, «барской барыней». Годы шли, нужен был законный наследник, и Алексей Андреевич 4 февраля 1806 года женился на дворянке Наталье Фёдоровне Хомутовой. Но то ли сердце его лежало больше к его «барской барыне», то ли Минкина, женщина хитрая, ловкая и, как потом выяснилось, лживая и жестокая, вела подпольную игру против молодой его жены, но Аракчеев с женой вскоре развёлся, а метреска осталась по-хозяйски распоряжаться в его имении. Аракчеев часто по службе уезжал из имения, и Минкина в его отсутствие, считая себя полной хозяйкой, давала волю своей зловредности и жестокости. Дворовые терпели от неё много зла, пробовали жаловаться своему барину, но Алексей Андреевич видел её только ласковой, угодливой, весёлой и доброй, а потому не мог поверить в справедливость их жалоб и никаких мер не принимал. Он не мог поверить и в то, что она его обманывает, а она, чтобы он женился на ней, накануне трагических событий уверяла его, что она беременна. Наконец наступила развязка. Во время очередного отъезда графа Минкина особенно зло стала издеваться над дворовыми людьми, большей частью над молодыми девушками: за любой проступок не только сечь плетьми и бить батогами, но и придумывать самые жестокие казни, лишавшие людей если не жизни, то здоровья. И в один из дней, когда её зло перешло все, даже недозволенные рамки, терпение дворовых людей лопнуло, и они убили это исчадие ада.

На Аракчеева это произвело такое впечатление, что, расправившись со всей жестокостью со своими дворовыми людьми, сам он тоже потерял здоровье. Эти два тягчайших для него события 1825 года: убийство Минкиной и смерть

Александра I — настолько повлияли на него, что он вынужден был по рекомендации врачей отправиться в путешествие по Европе. Освободившись от всех своих должностей (кроме Государственного совета), он отправился сначала в Берлин, а затем в Париж. В Париже он заказал, себе бронзовые часы с бюстом Александра I. Часы были с музыкой, которая играла мелодию молитвы «Со святыми упокой» один раз в сутки, в 11 часов утра, в то время, когда, как говорили, император скончался. Алексей Андреевич вернулся из-за границы и поселился в своём имении Грузино. Теперь он рассматривал Грузино как мемориал памяти императора Александра Благословенного, и вся жизнь его, все заботы были посвящены возвеличиванию незабвенного его покровителя.

Так закончился период жизни Аракчеева, окрещённый российским обществом «аракчеевщиной», и началась частная жизнь бывшего «временщика», когда со всей очевидностью проявились его благодарность к его благодетелю, благородство его души и милосердие. Эти черты проявлялись и прежде: он был истинным патриотом и свой организаторский талант, свои способности в военном деле отдавал на благо России по зову сердца, а не корысти. Но эти его черты благородного служения родине были заслонены его непререкаемой твёрдостью и даже жестокостью в выполнении им воли Государя, особенно при создании им военных поселений в обширных размерах.

Теперь, когда он вышел в отставку, прежде всего проявилась великая благодарность Аракчеева к его благодетелю Александру I. По возвращении из-за границы он привёл имение и село Грузино в полный порядок, уделяя особое внимание вещам, связанным с посещением Александром I села Грузина, как святыням Перед сельским собором он поставил бронзовый памятник своему императору с надписью: «Государю-благодетелю, по кончине его». Он спал на диване, на котором некогда отдыхал император, неустанно смотрел на портрет Александра I, который он повесил так, чтобы его было видно с его ложа, слушал мелодию часов, украшенных бюстом его благодетеля. Чтобы память об Александре I продолжалась в далёком будущем, Алексей Андреевич положил в Государственный заёмный банк 50 тысяч рублей как неприкосновенный вклад со всеми его процентами до 1925 года, то есть на 93 года, с тем, чтобы три четверти накопленного капитала вручить тому, кто к 1925 году лучше всех напишет историю самого замечательного в России царствования — императора Александра Благословенного. Увы, это желание Аракчеева не сбылось. К 1925 году советская власть

экспроприировала все российские банки и присвоила все деньги на их счетах.

Еще при жизни императора Александра I граф Аракчеев составил духовное завещание, которое было утверждено Государем и передано на хранение Правительствующему Сенату. В нём говорилось, что если бы дни его прекратились прежде избрания им достойного наследника, то «сие избрание предоставляет он Государю Императору».

Со смертью Александра I и самого Аракчеева право на это избрание перешло к Николаю I, а тот, с одной стороны, желая упрочить нераздельность имения и не нарушить благосостояния крестьян, а с другой стороны — сохранить память об Аракчееве так, чтобы это соответствовало основному стремлению его к пользе общественной, посчитал за лучшее — отдать навсегда всю грузинскую недвижимость и движимость в полное и нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу и присвоить ему имя и герб графа Аракчеева Кроме того, этот кадетский корпус (который впоследствии находился в Нижнем Новгороде) получил право доходы, получаемые с аракчеевского имения, использовать на воспитание и более высокое образование юношей-кадетов. Но и этот благородный жест от имени Аракчеева просуществовал только до 1917 года.

До сих пор существует версия, возникшая сразу же после похорон Его Величества, что Александр I не умер 19 ноября 1825 года, что вместо него похоронили похожего на него солдата, а сам он скрылся в Сибири, где через несколько лет объявился в качестве старца Фёдора Кузьмича.

Заметим, что Аракчеев, так хорошо и близко знавший своего благодетеля, в эту версию никогда не верил.

Последние годы перед своей кончиной Аракчеев, уже очень больной, почти не выезжал из своего имения. Большую часть времени он проводил на том диване, где спал Александр I во время своих посещений Грузина, и неотрывно смотрел на портрет покойного Государя.

Император Николай I, узнав о болезни бывшего фаворита своего брата, прислал к нему своего врача, лейб-медика Вилье, но болезнь была настолько запущена, что тот уже ничего сделать не мог.

23 апреля 1834 года, накануне Пасхи, Светлого Христова Воскресения, Алексей Андреевич Аракчеев скончался.

Несмотря на благородные черты его характера и редкое для королевских и императорских фаворитов бескорыстие, память о нём в российском обществе осталась недоброй.

Фаворит Александра I — Михаил Михаилович Сперанский

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), знаменитый государственный и политический деятель, несмотря на своё неблагородное, недворянское происхождение, только благодаря своему таланту и обширным знаниям, с 1808 по 1812 год был фаворитом Александра I. Фавориты Александра I — М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев — были фаворитами не для души, а для дела: они были основными помощниками императора в осуществлении им преобразований в стране: первый — в законодательном отношении, второй — в исполнительном. Они не были его друзьями в полном смысле этого слова, его общение с ними не выходило за рамки реформирования страны, подготовки военных кадров, устройства военных поселений и прочих вопросов того же плана. Хотя император Александр старался проявлять заботу о всех сословиях, он в большей степени сблизился с Аракчеевым, дворянином, получившим от императора Павла титул графа. Он познакомился с ним будучи ещё только великим князем, цесаревичем, в дальнейшем нередко бывал в его имении, старался одарить своего фаворита орденами и другими милостями, от которых тот, утверждая своё бескорыстное служение императору, отказывался. К Сперанскому, недворянину, хоть и фавориту по необходимости, Александр не проявлял никаких чувств, не баловал его милостями и даже в конце своего царствования открестился от него и его наказал, хотя после перед ним и покаялся.

Сперанский происходил из рода священника Владимирской епархии. Очень способный и прилежный в учёбе мальчик, Миша Сперанский сначала учился во Владимирской духовной семинарии, а затем в центральной российской духовной семинарии в Петербурге, при Александро-Невской лавре. По окончании Петербургской духовной семинарии с отличием он был оставлен в ней учителем физики, математики и красноречия. Несколько позже ему доверено было и преподавание философии.

Князь Алексей Борисович Куракин, прослышав о талантливом семинарском учителе, обладающем обширными и глубокими знаниями, а главное — умеющем грамотно составлять всякие официальные документы, пригласил его к себе в качестве домашнего секретаря с условием проживания в его доме, и Сперанский принял его приглашение. Князь Куракин был доволен службой Сперанского, умевшего логически чётко, грамотно и в

разумной последовательности составлять для него отчёты, доклады и всякого рода записки с предложениями по службе. А Сперанский в доме Куракина, сблизившись с гувернёром детей своего патрона, неким Брюкнером из Пруссии, проповедником взглядов Вольтера, Дидро и французских энциклопедистов, приобрёл новые, прогрессивные знания, познакомился с идеей «общественного мнения, правящего миром».

Как известно, в 1796 году, после смерти Екатерины II, на престол вступил Павел I, и патрон Сперанского, князь Куракин, был назначен генерал-прокурором в Сенате. Куракин не захотел потерять такого талантливого составителя исходящих бумаг и перевёл его в свою генерал-прокурорскую канцелярию, где Сперанский служил вплоть до восшествия на престол Александра I. Получив звание статс-секретаря, он в 1802 году перешёл на службу в канцелярию Министерства внутренних дел, возглавляемую министром князем Кочубеем Император Александр I, читая поступающие к нему министерские бумаги, выделил наиболее чётко и грамотно составленные отчёты и записки Министерства внутренних дел и заинтересовался их составителем Так впервые ему стало известно имя составителя — Сперанский.

Это было время, когда молодой царь болел идеей реформирования России и для осуществления его планов ему были нужны квалифицированные и талантливые кадры (насчёт идей у самого Александра I складывалось не так хорошо, как с умением очаровывать людей, особенно женщин, но, к сожалению, для реформирования в стране это его умение не годилось). Император уже знал имя того, кто способен внести большой вклад в идею реформирования, поэтому через министра князя Кочубея дал задание Сперанскому составить проект реформирования судебной и правительственной систем. Этот проект был Сперанским составлен, но в дальнейшем был не востребован, а потому дошёл до нас только в черновом варианте. Однако в нём чётко прослеживаются как монархическое установление («Власть исполнительная принадлежит одному лицу, участвующему в законодательстве и утверждающему всякое законодательное действие»), так и осторожная попытка некоторой демократизации общества («Существует система законов гражданских и уголовных, принятая народом», «Все действия правительства публичны, кроме некоторых определённых случаев», «Существует свобода печати в известных, точно определённых границах» и др.). Впрочем, последние два постулата в черновике проекта зачёркнуты. Один из пунктов заслуживает особого внимания: «Есть общее мнение, оберегающее

закон в исполнении его». Этот тезис «об общественном мнении, правящем миром», был известен Сперанскому ещё со времени его дружбы с гувернёром Брукнером в доме Алексея Борисовича Куракина. Тезис «об общественном мнении» был выдвинут в середине XVIII века французскими просветителями-энциклопедистами и широко распространён в европейском освободительном движении, а потому использовался также и в декларациях декабристов.

Этот план Сперанского, как уже было сказано, востребован не был, но в дальнейшем послужил одним из источников идей при составлении других проектов реформирования.

В 1806 году Сперанский сподобился быть лично представленным императору Александру. Министр князь Кочубей, который всегда лично отвозил Государю составленные Сперанским бумаги, стал часто болеть и вынужден был вместо себя посылать к Государю с докладами Сперанского. Александр I, принимая доклады Министерства внутренних дел, лично познакомился со статс-секретарём министерства и в беседах с ним высоко оценил обширные знания и выдающиеся способности Сперанского. В следующем году император взял Сперанского как статс-секретаря к себе на службу, уволил его из Министерства внутренних дел и, отправляясь в Витебск для осмотра 1-й армии, взял его с собой. Так произошло сближение Государя со Сперанским Вскоре Александр включил нового фаворита в свою Свиту, и Сперанский стал свидетелем эрфуртского свидания Государя с Наполеоном в сентябре 1808 года. Оправляясь в Эрфурт, Александр ставил своей задачей решить вопрос о присоединении к России дунайских княжеств и взял Сперанского для докладов по гражданским делам. Но Сперанский пригодился не только для составления докладов, он отлично владел французским языком и сумел сблизиться с французскими статс-секретарями, что дало ему возможность многое увидеть и многому научиться. Есть предание, что однажды за границей, на балу, Александр I спросил у Сперанского, в чём состоит отличие Европы от России, и тот ответил: «Мне кажется, здесь — установления, а у нас люди лучше». После эрфуртских переговоров с Наполеоном Александр I вновь вернулся к мысли о необходимости проведения в России либеральных реформ Ведь теперь у него был умный, талантливый, обладающий большими знаниями Сперанский.

С октября того же 1808 года Александр начал вместе со Сперанским разработку проектов государственных преобразований. Он вручил Сперанскому для изучения прежние проекты государственных преобразований, и они вместе стали

читать всё у них имеющееся по этому вопросу. Иногда Государь целые вечера посвящал работе над проектами вместе с Михаилом Михайловичем Ровно через год, в октябре 1809 года, Сперанский представил императору «Введение к уложению государственных законов», в котором были определены главные направления преобразований в законодательстве, судебной системе и исполнительной власти:

1) Функции Законодательного собрания (Государственной думы), которое не должно иметь права санкционировать свои собственные постановления (это прерогатива императора), «но его мнения, совершенно свободные, должны быть точным выражением народных желаний». (Обратим внимание на явное противоречие: «совершенно свободные мнения» должны быть «точным выражением» чужого желания. Фактически предлагался не законодательный, а совещательный орган при Государе.)

2) «Члены судебного сословия» (Сената) должны свободно выбираться народом, но надзор за соблюдением судебных форм и охранение общественной безопасности должны лежать на правительстве (а следовательно, быть во власти императора).

3) Исполнительная власть должна принадлежать правительству, но, чтобы она не могла исказить или уничтожить закон, необходимо сделать правительство ответственным перед Законодательным собранием (Государственной думой), то есть перед Государем или его фаворитом (с 1815 по 1825 год — Аракчеевым).

Противоречия в постулатах, выдвинутых Сперанским, были вызваны как колебаниями самого Александра I, так и нетвёрдостью выбора Сперанского, к какой системе присоединиться: к французской или английской? А также особенностями характера Сперанского, его постоянным желанием угодить своему патрону и вельможам, презрительно называющим его «поповичем».

Всё, что сделал Сперанский, касалось прежде всего планов реформирования центрального управления государством И всё же по его проекту 1 января 1810 года был открыт преобразованный Государственный совет как совещательный орган при Государе. По плану Сперанского произошли преобразования и в министерской системе. Как известно, вместо петровских коллегий Манифестом Александра I от 8 сентября 1908 года были учреждены министерства. Однако в течение двух лет их работы выяснилось, что их устройство не позволяет им работать эффективно, потому что имеет весьма серьёзные недостатки: неправильное распределение между министерствами их функций, а также отсутствие точного определения, в чём состоят

обязанности каждого министра и за что конкретно министр несёт ответственность.

В 1810 году Сперанский взялся за реорганизацию министерств, и в 1811 году была опубликована его работа «Общее учреждение министерств», в которой была подробно освещена система министерского управления и определены состав и делопроизводство министерств. Министерская система, так продуманно разработанная Сперанским, просуществовала более ста лет, вплоть до 1917 года. И многие её черты были использованы впоследствии в советской системе министерств и ведомств.

Далее Сперанский должен был заняться реформированием Сената. Но критика его работ со стороны аристократов, недовольных «поповичем», попавшим в фавориты императора, недоброжелательное (ревностное) отношение к нему Аракчеева, клевета на него Государю привели к охлаждению к нему Александра I. Особое впечатление на императора произвела поданная ему 18 марта 1811 года «Записка о древней и новой России», созданная всеми уважаемым историком, философом и писателем Н. М. Карамзиным. В ней утверждалось, что Государь даже не имеет права ограничивать свою власть из каких-либо соображений, тем более не своих, а Сперанского, потому что Россия вручила его предку, первому Романову, царю Михаилу Феодоровичу, нераздельное самодержавие, и он обязан его хранить в полной неприкосновенности. Было ясно, что Сперанский опередил своё время: ни Государь, ни граждане России, даже их передовая часть — дворянство, — не готовы были к ограничению власти монарха и либеральным взглядам на устроение государства. Но помимо недовольных политическими преобразованиями, выдвинутыми Сперанским, особое возмущение аристократии вызвали разработанные им два указа, подписанные Государем 3 апреля 1809 года: первый — о придворных званиях, получение которых становилось невозможным без какого-либо военного или гражданского чина, что заставляло дворян действительно служить отечеству; второй — о невозможности получения военного или гражданского чина без окончания университета или сдачи экзамена на чин, что повергло многих недорослей в уныние, да и маститых чиновников, потому что до этого времени для повышения чина достаточна была всего лишь выслуга лет, а для аристократов — только родство или знакомство с главой министерства, а это было, как теперь говорят, «легко»: ведь все дворяне, по меткому замечанию М. Ю. Лермонтова, — родня друг другу, а тем более титулованные дворяне. А среди своих есть незыблемый закон,

сформулированный А. С. Грибоедовым в комедии «Горе от ума»: «Ну как не порадеть родному человечку!» «Попович» Сперанский к этому кругу лиц не относился и в разработке этих указов исходил из интересов государства и мнения на этот счёт Государя-императора. Но всё недовольство дворянства пало на его голову.

Неудовлетворительным оказалось и финансовое положение России в 1810 году: открылся дефицит в 105 миллионов рублей. Составление финансового плана по исправлению этого положения было поручено Сперанскому. Но фаворит уже опасался брать всю ответственность на себя, а потому к этому делу привлёк профессора-финансиста Балугьянского, который подал обширную записку на французском языке. Сперанский отредактировал её, а затем для доработки плана передал этот проект на обсуждение специальной комиссии, в которую вошли Северин Потоцкий, Кочубей, Кампенгаузен и Балугьянский. Кроме того, проект финансового плана обсуждался в особом комитете у министра финансов Гурьева.

Не будем подробно рассматривать этот финансовый план и последствия его осуществления, потому что наша задача состоит в описании жизни и деятельности особого фаворита Александра I — Михаила Михайловича Сперанского, а не в исследовании финансового положения в России начала XIX века Скажем только, что финансовый план, хоть и был всеми одобрен, не сработал так, как это предполагалось, а виновным за все финансовые затруднения страны, особенно за повышение налогов, увеличение податей и установление новых пошлин, был признан только Сперанский.

Сперанский нёс ответственность за такое количество государственных дел, что просто удивительно, как он со всем справлялся, притом в самые кратчайшие сроки. Сперанскому, помимо всего сказанного выше, были поручены и дела финляндские. Он сопровождал Государя на сейм в Борго, написал все речи императора при открытии и закрытии сейма, составил окончательную редакцию проекта об устройстве Финляндского совета (впоследствии названного Сенатом) для утверждения его сеймом. Он был назначен канцлером университета Або и был поставлен во главе комиссии финляндских дел в Петербурге. Это было уже свыше всяких сил, и Сперанский рекомендовал председателем комиссии по делам Финляндии барона Армфельта, уроженца Финляндии, недавно перешедшего из Швеции на русскую службу. И ошибся в своей рекомендации. Барон, имея широкие честолюбивые планы, стал интриговать против Сперанского. Весьма возможно, что Сперанский порой в

частных беседах с ним был недостаточно осторожен в своих отзывах о правительстве; все его высказывания с прибавлениями и искажениями смысла, притом как бы в адрес Государя, были переданы Александру. Император стал получать анонимные письма, в которых его статс-секретарь, по службе общавшийся с агентами Наполеона, обвинялся в измене, в продаже государственных тайн.

Император, поняв, что его реформаторские планы не получили поддержки в обществе, стал охладевать к Сперанскому и даже тяготиться его влиянием на государственную жизнь России. Наступило время, когда, ввиду обвинений его фаворита мнением большинства, разумнее всего было удалить Сперанского от двора.

17 марта 1812 года, перед самым наполеоновским нашествием, фаворит Сперанский получил аудиенцию у Государя, на которой император, поставив его в известность о всех обвинениях в его адрес со стороны общественности, объявил ему о переводе его в Нижний Новгород, а затем добавил, что, ввиду приближения французских войск к границам России, он не имеет возможности проверить все эти обвинения, и передал Сперанскому список всех его «злодеяний».

Падение фаворита Сперанского большинством государственных мужей было встречено с каким-то даже ликованием Однако не всеми. Так, Н. С. Мордвинов, известный государственный деятель, экономист, в знак протеста против удаления Сперанского, которого он очень высоко ценил, подал в отставку с поста председателя Департамента экономии Государственного совета и уехал в своё имение, в деревню.

Но на этом история Сперанского не кончилась: бывший фаворит отправил императору письмо, в котором чётко и ясно доказывал свою невиновность и в то же время утверждал, что составленный им план государственных преобразований явился причиной всего, что случилось с ним, но выражал уверенность, что рано или поздно Государь вернётся к этой проблеме и использует его идеи.

Даже после отправления Сперанского в ссылку его недруги продолжали преследовать его своими наветами. Так, например, уже по удалении Сперанского в правительственных и придворных кругах получила хождение записка на французском языке, в которой утверждалось, что Сперанский — злодей и предатель отечества, что он для захвата власти хотел своими преобразованиями произвести в государстве переворот, что он связан с Наполеоном, войска которого 12 июня перешли реку Неман и продвигаются к Москве. Эта записка была составлена

ещё одним недругом Сперанского, Розенкампфом, и доработана Армфельтом Розенкампф служил в комиссии законов, смертельно завидовал талантам Сперанского и за это ненавидел бедного Михаила Михайловича. А Армфельт продолжал вдогонку добивать своего бывшего покровителя. В самый разгар войны, в сентябре 1812 года, поступил ещё один донос на Сперанского, донос о том, что Сперанский в разговоре с архиереем будто бы упомянул, что Наполеон пощадил духовенство в Германии. В результате Александр I распорядился перевести «злодея» в Пермь.

Из Перми Сперанский написал ставшее знаменитым «оправдательное» письмо. В нём он весьма логично и убедительно опроверг все обвинения, выдвинутые в записке, которую император передал ему во время прощания и в которой говорилось, что будто бы Сперанский хотел увеличением налогов вызвать ненависть народа к верховной власти и, таким образом, путём предпринятых финансовых мер расстроить государство перед нашествием наполеоновских войск. Утверждение, что якобы Сперанский дурно отзывался о Государе, Сперанский назвал клеветой, потому что он порицал правительство, а не Государя. Автор письма просил разрешения поселиться в его новгородском имении. Но и это письмо осталось без ответа.

Только после нового письма Сперанского к Государю с просьбой обратить внимание на его судьбу (а это было уже в 1814 году, когда наши войска вступили в Париж) Александр дал дозволение о переезде его в новгородское имение.

В ссылке Сперанский продолжал работать над проектами нововведений, причём, сбитый с толку, не понимал, что Государь навсегда отказался от реформирования, что он передал власть в руки Аракчеева, весьма далёкого от каких-либо либеральных реформ, тем более ограничивающих власть его до самозабвения любимого императора.

В 1816 году Сперанский снова просил императора о помощи и одновременно отправил письмо Аракчееву с просьбой похлопотать о нем перед императором Неизвестно, помог ли ему действительно Аракчеев, но 30 августа 1816 года Александр I издал указ, в котором говорилось, что «по внимательном и строгом рассмотрении поступков» бывшего статс-секретаря Сперанского Он, Государь, «не нашел убедительных причин к подозрениям», а потому, чтобы Сперанский получил возможность «усердною службою очистить себя в полной мере», назначает его пензенским губернатором.

Всё существо Сперанского было нацелено на реформаторство, и он, будучи губернатором Пензы, продолжал составлять проекты и отправлять их Государю. Но Александр в эти годы был уже во

власти депрессии и мечтал освободиться от императорства (по крайней мере, он неоднократно высказывался на этот счёт). Сперанский не видел и не понимал этого, он предлагал учредить комитет по выработке реформ, даже советовал в этот комитет пригласить министра финансов Гурьева, нескольких губернаторов и предводителей дворянства и, конечно, себя.

В марте 1818 года, окончательно реабилитировав в своём мнении Сперанского, император назначил его генерал-губернатором Сибири с соответствующим этому званию повышением класса чина (II класс Табели о рангах с обращением «Ваше высокопревосходительство»). И в частном, собственноручно написанном письме к Сперанскому Александр I поясняет, что этим назначением он хочет показать всем, насколько несправедливо Сперанский был оклеветан. Это звучало, как покаяние.

Работая сибирским генерал-губернатором, Сперанский, в соответствии со своими обязанностями, создал план преобразования Сибири и продолжал еще писать записки и в правительство, и Государю, но в них уже не было того пыла, каким он горел прежде. Он понял наконец, что его мечты остаются только мечтами, что Россия не готова к реформированию, что людей, понимающих его необходимость и готовых на деле, а не на словах решать эту проблему, очень мало. Будучи самым крупным специалистом-практиком в деле реформирования государственного устройства России, Сперанский, ознакомившись с декабристскими идеями, увидел в них наивные, по сути непродуманные и непроверенные на практике предложения. Конечно, он весьма скептически отнёсся к этим проектам, особенно к конституционным идеям и призывам освободить крестьянство. В письме к графу В. П. Кочубею Сперанский замечает: «Все чувствуют трудности управления как в средоточии, так и в краях их. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла: о сем прежде всего должно бы было помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституциях, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят». А о преждевременном освобождении крестьянства без решения проблемы с их хозяевами-помещиками и с землёй Сперанский написал: «Кто метет лестницу снизу?», сразу указав на нелепость этих призывов.

В марте 1825 года Сперанский вернулся в Петербург. Но это был уже не тот Сперанский, который прежде, чувствуя поддержку своего покровителя, императора Александра I, смело высказывал свои мысли относительно государственного управления и его

реформирования. Теперь, настрадавшись, он стал сдержанным на высказывания, строгим и несколько замкнутым Некоторые историки считают, что Сперанский стал угодливым и льстивым, даже перед Аракчеевым По-видимому, он просто стал понимать, что их судьбы с Аракчеевым схожи в одном: оба они, фавориты императора Александра I, труженики во имя Отечества, оба искренне и бескорыстно служили царю и Отечеству, и оба получили от общества, на которое работали, порицание их трудов и негативную оценку их самих как личностей. Поэтому Сперанский высоко оценил работу Аракчеева в создании военных поселений; возможно, заодно и в благодарность за его, Аракчеева, заступничество перед их общим благодетелем в тяжёлое для него, Сперанского, время.

По возвращении из Сибири Сперанский получил назначение членом Государственного совета. На радость ему, Александр I одобрил выработанные им проекты преобразования Сибири, и они получили статус закона. Но после этого с императором Александром I он уже не встречался: илшератор уехал в Таганрог и 19 ноября 1825 года скончался. В декабре произошло восстание декабристов. Николай I, вступив на престол, создал судебную комиссию по рассмотрению дел декабристов. Он знал, что Сперанский не одобрял ни идей «юных законодателей», как он их однажды назвал, ни их непродуманного, а потому бессмысленного поступка, поэтому пригласил его поработать в этой комиссии. И Сперанский согласился. С его стороны это было не предательство, не противоречие в его позиции, это было выражение его подлинного мнения.

Николай I приблизил Сперанского к себе как никем не превзойдённого законодателя и поручил ему составить «Свод Законов Российской империи», или «Собрание Законов Российской империи». Это был огромный труд; надо было собрать и разобрать все законы, указы и постановления по годам, внутри каждого года тоже в хронологическом порядке, причём все, начиная с царствования Петра I, а затем вышедшие в царствования: Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины И, Павла I и Александра I. Для того времени этот труд был практически необходим и в Сенате, и в Государственной думе, и в министерствах, и в департаментах. В последующие царствования он архивно пополнялся, но заслуга Сперанского в этом деле, несомненно, великая. И для нас, потомков, этот труд имеет огромное научное значение с точки зрения истории.

Многотомный труд Сперанского был опубликован в 1833 году, и российская общественность оценила его по достоинству.

Николай I, которого, как третьего сына, не готовили к царствованию с детства, став императором, испытал много трудностей, связанных с познаниями государственных проблем, поэтому очень чётко, по особой программе, подготавливал своего сына, цесаревича Александра Николаевича, к управлению государством Он пригласил Сперанского, как непревзойдённого специалиста по законодательству, для занятий с наследником, будущим императором Александром II. Эти занятия проходили с октября 1835 года по апрель 1837 года. Несмотря на то что Сперанский в этот период времени был уже сторонником абсолютной монархии (не мог же он иначе заявить о себе при политике Николая I, да еще в беседах с его сыном-наследником), великий князь, видимо, понял из рассказов Сперанского о либеральной направленности реформирования в царствование Александра I и воспринял это положительно. Несомненная польза его занятий со Сперанским проявилась впоследствии в подписанном императором Александром II в 1861 году Манифесте об освобождении крестьян от крепостной зависимости, а затем в подготовленном графом М. Т. Лорис-Меликовым по заданию императора проекте конституции, не обсуждённой, не обнародованной в связи с трагической гибелью Александра II 1 марта 1881 года от рук боевиков «Народной воли».

1 января 1839 года Николай I за все заслуги Сперанского как крупного государственного деятеля возвёл его в графское Российской империи достоинство. Но Сперанскому, вероятно, это было уже не нужно: через месяц с небольшим, 11 февраля 1839 года, Михаила Михайловича не стало.

Григорий Ефимович Распутин — последний фаворит у российского престола

Последним фаворитом у российского престола последних российских императора и императрицы был Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1869–1916). Это был фаворит, не из какого-нибудь рода Рюриковичей, Гедиминовичей или восточных князей, даже не из купечества или духовенства, а из сословия крестьянского, мужик, но дважды фаворит у росийского престола: одновременно и императора Николая II, и императрицы Александры Феодоровны. Это был фаворит не волею случая, а из тех, кто тайно от всех, но преднамеренно подбирался к царскому семейству. Может быть, ему никогда бы не удалось стать фаворитом и Царя, и Царицы, если бы Наследник Алексей Николаевич, их сын, не был болен страшной, в то время неизлечимой болезнью — несвёртываемостью крови, гемофилией, приносящей мальчику тяжёлые болевые страдания от внутренних кровоизлияний, не говоря уж о потере крови. Эта болезнь была родовым, династическим бичом потомков королевы Виктории и её мужа Альберта, супругов, находившихся в близкой родственной связи. От гемофилии умер старший брат Александры Феодоровны, внучки королевы Виктории, затем её дядя; много лет страдали от гемофилии её племянники, два внука королевы Виктории, которые умерли совсем молодыми в 1890-е годы.

Болезнь наследника престола тщательно скрывалась императорской четой, о ней знали только самые близкие к царской семье люди: великие князья и княгини, черногорские принцессы Милица Николаевна и Анастасия Николаевна (Стана), бывшие замужем за великими князьями, и подруги — фаворитки царицы — фрейлины Анна Вырубова (Танеева) и Юлия Александровна фон Ден, дальняя родственница Анны Танеевой. Эта тайна царской семьи, не давая людям возможности понять, почему царица так упорно цепляется за Распутина, предоставляла широкие просторы для мифотворчества и разного рода предположений, в том числе и самых грязных.

Распутин был приглашён во дворец только для того, чтобы помочь Наследнику справиться с болезнью, и ему это чудесным образом удавалось, а потому родители наследника Алексея — император Николай II и императрица Александра Феодоровна, — опасаясь за жизнь сына, поневоле вынуждены были сделать

Распутина своим фаворитом, им не к кому больше было обратиться: врачи были бессильны помочь. Однако к этому роду вынужденного фаворитизма, предпочтения человека, который, в отличие от других, способен облегчить страдания ребёнка, добавился и другой. Это был интерес императора Николая II, желавшего познакомиться с точкой зрения на события в России Распутина как представителя народа, «божьего человека», «старца», и лично императрицы Александры Феодоровны, которая в своей властности хотела иметь непререкаемую поддержку со стороны нового «божьего человека», Распутина, заменившего ей бывшего фаворита, почившего в Бозе — «божьего человека» Филиппа. Ценили Распутина в царской семье и за то, что он умел лечить нервные срывы Александры Феодоровны, страдавшей, судя по её жалобам на здоровье, неврозом.

Откуда же и почему явился на беду Российскому государству и на радость и беду Царю и Царице прежде никому не ведомый «старец Григорий»?

Григорий Распутин родился в Тобольской губернии, в Тюменском уезде, в селе Покровском не в 1864 или 1865 году, как об этом сказано во многих энциклопедических изданиях, а 10 января 1869 года, как это установил в результате исследования документов и опубликовал в своей книге «Распутин: жизнь и смерть» Эдвард Радзинский.

Село Покровское раполагалось на берегу реки Туры, на большом тракте, соединяющем центр России с Западной и Восточной Сибирью.

Волею судьбы Григорий Ефимович Распутин оказался единственным сыном крестьянина Ефима Яковлевича Распутина, коренного жителя села Покровское, и крестьянки из соседней деревни Анны Васильевны, у которых до сына Григория родилось четверо детей, но все они умерли в раннем возрасте.

Детство Григория и его юность, прошедшие в его родном селе, известны были в основном от него самого, и сведения эти весьма скудны, не отличаются точностью, а порой и разноречивы. В юные годы Григорий был известен односельчанам как человек, как бы оправдывающий свою фамилию: пьяница, вор, беспутный человек, «расп'ута». И хотя В. И. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» рассматривает слово «распута» с пометой «сев.» (в северных районах) как синоним слов «распутье», «распутица» со значением: «пора года, когда дороги становятся плохими для проезда, время ростополи, дождей, грязи, весна и осень, раздорожица» и даже приводит пример употребления: «Коли на улице распута, быть свадьбе беспутной», — в сознании людей и того времени, и наших современников коренится

позднейшее производное от слова «распута» со значением характеристики не природы, а человека — распутный, непутёвый, аморальный.

Но вот настало время, когда беспутство перестало привлекать молодого Григория, и «им овладело беспокойство, охота к перемене мест», а так как в то время у простого народа «охота к перемене мест» выражалась в паломничестве по монастырям и обителям, то восемнадцатилетний Григорий отправился в своё первое паломничество в Верхотурье, в Николаевский монастырь, славящийся мощами праведного Симеона. Уже тогда Григорий стал следовать обычаям паломников-старцев, «божьих людей», которые не определялись в монастыре как послушники, как монахи, а странствовали от одного монастыря до другого, набираясь жизненных познаний для пророчеств и всякого рода предсказаний. Такое заключение о намерениях Григория Распутина можно сделать потому, что он не остался в Верхотурском монастыре, не дал монашеского обета Вернувшись домой, в село Покровское, Распутин женился на такой же, как он, крестьянке, односельчанке Прасковье Фёдоровне. Их брак был плодовитым: у них родились, можно сказать один за другим, трое детей: в 1897 году — сын Дмитрий, в 1898-м — дочь Мария, в 1900-м — дочь Варвара. Но нормальная крестьянская семейная жизнь, постоянно требующая тяжёлой работы, Григория не удовлетворяла Он продолжал подолгу странствовать, пешком проходя сотни километров, посещая русские святыни, например, в Киеве, которые весьма далеки от сибирского села Покровское. И хотя Григорий говорил, что до 28 лет он занимался крестьянским трудом в Покровском и жил «в мире и с миром», но география его странствий не совпадает с этими словами, ведь на дальние путешествия нужно время. (Вообще надо заметить, что Григорий Ефимович, рассказывая о себе, любил «наводить тень на плетень», как говорят в народе. Он и год своего рождения объявлял несколько раз по-разному, почему и в энциклопедиях указывались неточные о нём сведения. Кривил душой он и в других случаях, о чём будет сказано ниже.)

В паломничестве Григорий Распутин становился «божьим человеком», «старцем», который, переходя от одного монастыря к другому, набираясь всякого рода знаний, в том числе исторических, богословских, политических и географических, мог позволить себе пророчествовать и предсказывать события как отдельному человеку, так и целому обществу. В конце XIX — начале XX века такие люди были в моде, в глазах крестьян и торгового люда они были как бы благовествующими апостолами, а в глазах религиозно настроенных дворян — действительно

«божьими», не от мира сего людьми.

Среди таких «божьих людей» встречались и обыкновенные мошенники, и те, которые занимались вербовкой в религиозные секты, и те, которые проповедовали конец света и даже те, которые звали к бунту и непослушанию и назывались революционерами. В наше время, в век нанотехнологий, таких людей, но как бы с окраской понимания на уровне XXI века, называют экстрасенсами, суггесторами, психотерапевтами, ясновидящими, хотя по сути своей они, как и в XIX — начале XX века, представляют собой такие же группы людей, что перечислены выше.

«Старец» Григорий (к началу XX века ему шёл 31-й год), несомненно, был человеком незаурядным и обладал способностями, позволившими ему овладеть методами экстрасенса, суггестора-гипнотизёра, провидца и проповедника. В своих паломничествах Григорий Распутин учился всему: у хлыстов — банным бдениям; у гипнотизёров и цыган — суггестии (одной из видов гипноза); у целителей — врачеванию, особенно истерии у женщин; у монахов — пророчествам. Многие люди, познакомившись с Распутиным, подпадали под обаяние его личности, его ума, его прозорливого понимания явлений действительности. Подпали под его обаяние Феофан, теоретик мистицизма; Илиодор, впоследствии явно из зависти ставший злейшим его врагом; очарованы им были великие княгини Милица и Стана и многие дамы высшего круга, ставшие его поклонницами и любовницами. Но главное — под его обаяние подпал император Николай II и буквально до умопомрачения — императрица Александра Феодоровна, для которой Распутин стал всем на свете, равным Богу. Поражал он и своим внешним видом все, знавшие его, отмечали его горящие глаза. Многочисленные фотографии Распутина не дают такого впечатления о его глазах, напротив, его облик с глазами, утонувшими в глазницах, и огромным бугристым носом производит даже неприятное впечатление. Повидимому, его обаяние исходило от его желания воздействовать на человека суггестивным способом Его мудрые изречения, которые с таким усердием записывала Аликс, с позиций нынешнего века выглядят, мягко говоря, неубедительно.

В 1904 году 34-летний «старец» Григорий отправился в Петербург. Зачем? По одной из его версий, он хотел просить денег на строительство церкви в его родном селе Покровское. Почему-то он обратился по этому вопросу не к митрополиту Московскому, а к епископу Сергию, ректору Санкт-Петербургской духовной академии. Он отлично знал, что Русская Православная Церковь «божьих людей» не жалует, что церкви обычно строятся

крестьянской общиной, собирая деньги и вкладывая в строительство церкви ещё и свой труд, но почему-то пошёл к ректору Академии, а тот якобы его отправил сразу же к Императору. Версия эта представляется нам необоснованной, просто распутинским лукавством (что в дальнейшем и подтвердилось).

По другой его версии, ему было видение о болезни царевича, и он отправился в Петербург спасать Наследника престола. Но и это его заявление не внушает особого доверия. Возможно, о болезни Наследника он узнал случайно, но уже в Петербурге, потому что Наследник Алексей родился в конце июля 1904 года и о его болезни ещё не знал никто. Вызывает сомнение и рассказ Григория Распутина о том, как он, придя в Александро-Невскую лавру, в первый же день своего появления в Петербурге отстояв литургию, вдруг решил пойти к епископу Сергию, проживавшему в лавре, о том, как швейцар не хотел его пускать, но, поняв в нём что-то «особенное», доложил о нём епископу, а тот принял Распутина и познакомил затем с «высокопоставленными», то есть, как потом оказалось, с монахом Феофаном.

На самом деле Распутин пришёл в Петербург из Казани к епископу Сергию не с вопросом о постройке церкви в Покровском, а с рекомендательным письмом Хрисанфа, викария Казанской епархии, одного из известнейших в то время иерархов Русской Православной Церкви, почему и был принят епископом Сергием (кстати, в 1943 году ставшем, по желанию И. В. Сталина, Патриархом Русской Православной Церкви). Епископ Сергий в соответствии с рекомендательным письмом уважаемого им Хрисанфа поселил «старца Григория» рядом с собой, в Александро-Невской лавре, и познакомил Распутина с Феофаном, известным в кругу членов августейшей фамилии как мистик и проповедник, а потому принятым во дворцах великих князей. Потрясённый пророческим даром Распутина, Феофан пригласил его жить к себе и ввёл во дворец великого князя Петра Николаевича Романова и его супруги, великой княгини Милицы, дочери черногорского короля Николая Негоши. В их доме постоянно бывала родная сестра Милицы — принцесса Анастасия, которую в семье называли Станой. Стана в то время была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей, но ввиду её романа с великим князем Николаем Николаевичем, который тоже бывал частым гостем у своего брата Петра Николаевича и Милицы, Стана, забросив и мужа, и своих детей, всё время проводила во дворце своей сестры. Спустя непродолжительное время Стана развелась с мужем и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича.

Великий князь Николай Николаевич Младший, «Николаша», как его называла царская чета, «Грозный дядя», как его называла августейшая молодёжь, в то время 47-летний главнокомандующий российской армии и по родственным связям, и по должности считался ближайшим соратником императора Николая II, а Милица и Стана — до поры до времени — ближайшими подругами императрицы Александры Феодоровны, или Аликс, как было принято её называть в домашних условиях.

Милица Николаевна, образованная, умная и властолюбивая женщина, интересовалась мистикой, прочитала по этому вопросу большое количество и отечественной, и зарубежной литературы, даже сама написала труд «Избранные места из святых отцов», именно на почве этих интересов сблизилась с Феофаном и открыла ему свой дом.

Слухи о чудотворном старце Распутине уже разнеслись по Петербургу, и Феофан должен был рассказать о своём знакомстве с ним Милице Николаевне. Естественно, Милица Николаевна попросила Феофана пригласить Распутина к ней во дворец, и Феофан выполнил её просьбу. Однако, по его словам, в царскую семью он Распутина не рекомендовал По мнению Э. Радзинского, Милица Николаевна хоть и принимала Распутина уже без Феофана, однако Царю и Царице его рекомендовать не спешила. Так кто же привёл этого чудодейственного «магнетизёра» и психотерапевта в императорскую семью?

По одной версии, фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Феодоровны, её фаворитка — Анна Танеева (Вырубова), которая, посещая дома высокопоставленных лиц, познакомилась там с Распутиным, а после полученных травм во время катастрофы поезда была вылечена им необычными методами. Вот она якобы и рекомендовала «старца» императрице как одну из попыток излечения царевича Алексея. В октябре 1905 года (по другой версии, в 1906 году) Распутина позвали во дворец во время очередного обострения болезни царевича Алексея. И ко всеобщим удивлению и радости, Распутин сумел остановить кровь, избавить Алексея от болезненных кровоподтёков, то есть на какое-то время вернуть его к жизни. С этих пор Григорий Распутин приобрёл особое расположение к нему Царя и Царицы и стал фаворитом царской четы. Так как только он мог остановить кровотечение у их сына и погасить болевые ощущения, приносящие мальчику страдания, поставить его на ноги и обещать полностью излечить наследника, то, естественно, императорская чета, особенно мать, императрица Александра Феодоровна, не могла уже более обходиться без «Нашего друга» и не могла отказать ему в любых его просьбах. А потому в

дальнейшем вся основная деятельность Распутина была связана с лечением единственного наследника царского престола.

По третьей версии проникновения в царский дворец «божьего человека», Распутин, используя свои знакомства, сознательно, но тайно от всех, постепенно продвигался к царской семье. И эта версия представляется наиболее вероятной. Феофан показал на допросе Чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году, что он в царский дворец Распутина не рекомендовал, Анна Вырубова тоже не говорила о её участии в этом деле. Сам Распутин признавался Феофану, что он скрывает от Милицы Николаевны своё посещение царской семьи, а значит, и Милица не представляла его царю и царице. Конечно, черногорские принцессы, которых впоследствии Александра Феодоровна называла «галками» и «черными женщинами», узнали о том, что Распутин сумел пробраться к трону, миновав их, за что Милица, женщина мстительная, возненавидела его и впоследствии стала его злейшим врагом.

Чтобы осуществить свой план проникновения в царский дворец, «старец Григорий» постарался отойти от Феофана и Милицы Николаевны. Он переехал в дом генерала Лохтина по приглашению его жены, Ольги Лохтиной, которую Григорий Ефимович излечил от тяжёлого недуга и которая с 1905 года стала не только ярой его поклонницей, но и безумно влюблённой в него любовницей. Мораль Распутина, «божьего человека», была такова, что позволяла ему, проживая на всём готовом у генерала Лохтина, соблазнить его жену.

Оказалось, что Распутин, ничего никому из своих «высокопоставленных» благодетелей не говоря (а он в это время уже посещал многие дома и дворцы высокопоставленных персон) и никого о том не прося, сам сумел проникнуть в царский дворец и оказаться у трона. В 1906 году он послал на имя царя телеграмму такого содержания (привожу по публикации Э. Радзинского. — *И.В.):* «Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца… с верой, что Святой Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоем на пользу и радость твоих верноподданных сынов».

Разумеется, неграмотный мужик (в те времена «мужиками», в отличие от дней нынешних, называли только крестьян) не мог написать текст такой телеграммы, где учитывались и мужицкое верноподданничество, и религиозность русского царя-императора Текст этой телеграммы могла составить образованная и умная генеральша Ольга Лохтина, уже побывавшая с «отцом Григорием»

в его Покровском и уже ходившая с ним в баню, влюблённая в него до умопомешательства, преданная ему и душой и телом У Распутина, с искренностью и правдой не особенно дружившего, на самом деле с телеграммой могло быть и иначе, и телеграмму эту могла составить какая-нибудь другая женщина, недостатка в образованных женщинах-поклонницах у него не было: экзальтированные барыни и полусвета, и высшего света делали ему сумасшедшую рекламу, ухаживали за ним, почитали его великим «человеком божьим», праведником, святым и поклонялись ему, совершая порой самые нелепые поступки вплоть до желания его убить, а затем желания быть с ним в близости.

Кто бы ни писал текст посланной Распутиным телеграммы, Николай II её получил, прочитал, умилился и пригласил Распутина к себе на беседу. Распутин понравился Царю, а особенно Царице и своим «божеским» видом, и своими разумными речами представителя крестьянского сословия. Николай II и Александра Феодоровна совсем недавно имели «Нашего друга» в лице «праведника» Филиппа, который вёл с ними богоугодные беседы, подавал им семейные советы, но он умер, и теперь перед ними был тоже «божий человек» — прекрасная замена Филиппу и даже еще лучше: Распутин, кроме того, мог лечить их больного сына.

Вот так, своими усилиями, Распутин попал в царский дворец и стал фаворитом и императора, и императрицы. Он не был фаворитом благодаря его величеству случаю, не стал фаворитом по рекомендации, он сам, как некогда Потёмкин, проложил дорогу к высшей власти и достиг того, о чём прежде, возможно, и мечтать не смел. В 1906 году началось его «звёздное время», полное славы, почёта и богатства. Он отстроил себе прекрасный дом-хоромы в Покровском, стал возить туда своих высокопоставленных знакомых и друзей, в том числе Феофана, своих дам-поклонниц и других желающих. Конечно, хвастал перед ними своим богатством, своим почётом и пробалтывался перед ними о том, как любит его царская семья, особенно царица. Так, по свидетельству Феофана, Григорий Ефимович в Покровском надевал и показывал ему несколько дорогих атласных рубашек ярких цветов, которые якобы сшила для него сама императрица Александра Феодоровна. А по народным поверьям, женщина стирает рубашки мужчине, а тем более шьёт их для него, да притом ещё из дорогой ткани, только тогда, когда между ними имеются любовные отношения. Так невзначай, из хвастовства, Распутин пускал слух о своих любовных взаимоотношениях с Александрой Феодоровной.

«Отец Григорий» водил своих гостей, в том числе и дам-поклонниц, в свою баню, где мылся с ними так, как принято было в деревне, — и мужчины, и женщины вместе. Правда, в деревне вместе мылись семьёй: муж, жена и дети, — а он для чего-то с петербургскими дамами и мужчинами — все нагишом Так рождался слух о хлыстовских оргиях Распутина в бане. И всё это шло в Петербург, а там обрастало подробностями. Ведь Распутин получил в Петербурге не только поклонение дам и признание ею дара у видных отцов церкви. Способности Григория Ефимовича как «магнетиста» (гипнотизёра, суггестора, психотерапевта) породили немалое число врагов, причём не только среди его коллег, соперников, занимавшихся таким же ремеслом, но главное — врагов весьма опасных — из стана августейшей фамилии (а среди них великие князья Николай Николаевич, Дмитрий Павлович и другие из Дома Романовых), которых давно раздражала царская чета, особенно императрица, и которые считали, что сближение неграмотного мужика с царской четой, у которой он стал фаворитом, позорит императорскую династию. К тому же у Распутина возникло много врагов и в среде церковных иерархов (таких, как епископ Гермоген), всегда выступавших против всякого рода «божьих людей», «старцев», к коим причислял себя Распутин. Вся эта сила открыла против Распутина (а по сути, против царя и царицы) настоящую войну, основным оружием которой были клевета, слухи, распространяемые во всех слоях российского общества, а когда началась война — даже среди солдат на фронте. Основным постулатом для обвинения Распутина было то, что весьма пафосно выразил в своём дневнике В. М. Пуришкевич, рассказывая о том, как он выступил с речью в Думе и как был составлен заговор (с участием великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова) с целью физического устранения Распутина: «… я позволил себе нарушить обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи обиды великого русского фронта, которые накопляются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрал в руки Григорий Распуши и императрица Александра Феодоровна, этот злой гений России и царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране, народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения. — Живой свидетель настроения русской армии от первых дней великой войны, я с чувством глубочайшей

горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и — увы! — не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, и причина тому одна — Григорий Распутин.

Его роковое влияние на царя через посредство царицы и нежелание государя избавить себя и Россию от участия этого грязного, развратного и продажного мужика в вершении государственных дел, толкающих Россию в пропасть, откуда нет возврата».

Вот она, основная причина гонения на Распутина — царица Александра Феодоровна, «этот злой гений России и царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране, народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения».

Пуришкевич задает в дневнике своём риторические вопросы: «Боже мой! Что застилает глаза государя? Что не дает ему видеть творящегося вокруг?»

Секретная переписка Николая II с Александрой Феодоровной показывает, что государь прекрасно видел, как разворачивается кампания против Распутина, а фактически против него и его жены, но он ничего не мог сделать: во-первых, он не мог, выгнав Распутина, тем самым обречь своего сына на муки его недуга, не мог спокойно относиться к тому, что его сын без помощи Распутина не сможет жить нормальной жизнью и при первом же случайном ранении или ушибе, не получив распутинского психотерапевтического воздействия, истечёт кровью и умрёт. Любящий муж, Николай II не мог спокойно видеть страдания обезумевшей супруги, когда их маленький сын во время очередного приступа болезни буквально кричал от боли. И никто из его окружения, даже близкие родственники, не понимали и не хотели понимать, что вопрос о пребывании Распутина при дворе — это вопрос о жизни или смерти наследника. С этим неразрешимым для них вопросом оставались только он и его жена Николай II видел также, что его жена постоянно находится на грани нервного срыва, что она беспредельно верит в чудодейственность молитв «старца Григория», в его мудрость и праведность его советов, а потому понимал, что её нервозность, её истеричность мог погасить только Распутин.

Понимал и видел император Всероссийский, как против него и императрицы, под личиной борьбы с Распутиным, плетутся интриги, совершаются одно за другим предательства, но сделать ничего не мог, потому что в этой всё нарастающей травле Распутина, а фактически императорской четы, были главными заказчиками члены Августейшей фамилии, его ближайшие

родственники, во главе которых стоял великий князь Николай Николаевич Младший, вот уж поистине злой гений России. Не мог Николай II противостоять и всё нарастающему революционному движению 1905–1907 годов, подогреваемому неизвестно на что рассчитывающими теми же ближайшими родственниками.

Было ясно, что сам по себе Распутин не представлял никакой угрозы для царского престола, но он был прекрасным поводом для раздувания кампании против царской четы. Имя Распутина постоянно связывали с именем Александры Феодоровны. Если Распутин — «грязный, развратный, продажный мужик», то «Александра Фёдоровна» (её специально не называли так, как полагалось для имени государыни императрицы, — «Александра Феодоровна») — «немка, чуждая стране и народу», а во время войны с немцами даже и «шпионка»; она цепляется за Распутина потому, что он её фаворит-любовник. Он «грязный, развратный и продажный», и она, стало быть, как любовница этого мужика, тоже «грязная, развратная и продажная».

Чтобы как-то оградить Распутина от серьёзных обвинений в разврате, пьянстве, прелюбодеяниях и дебошах, Николай II несколько раз отдавал приказания расследовать правдивость этих обвинений. И расследования проводились со всей тщательностью, и всегда в их результатах оказывалось, что эти обвинения были ложными, сфабрикованными или спровоцированными, как и желалось царю. За Распутиным тщательно следили, и малейшая его ошибка раздувалась до значения преступления. Его лечебные рекомендации старым истеричным девам вести полноценную половую жизнь расценивались как проповедь разврата. Его встречи с дамами в банных номерах, его посещения проституток квалифицировались как полнейший разврат, его гульба в ресторанах — как разнузданное поведение. С точки зрения императора Николая, он встречался с «Нашим другом», как называла Распутина Александра Феодоровна, чтобы узнать мнение народа от лица умного «представителя народа», но, несмотря на призывы супруги во всём слушаться этого «божьего человека», поступал большей частью по-своему. Да и мог ли неграмотный мужик из крестьянства, почти не умевший читать и писать, предлагать образованному императору какие-либо политические ходы? Но многие советы Распутина Николай II всё же (под напором супруги) исполнял.

Чем же было вызвано тайное наступление через Распутина на царя, царицу и косвенно — на наследника со стороны самых опасных сил из Дома Романовых, особенно великого князя Николая Николаевича?

Надо сказать, что Дом Романовых ещё в бытность Ники Наследником не был доволен персоной Николая Александровича в будущем на российском троне. Многие из августейшей семьи, например великий князь Александр Михайлович, да и Николай Николаевич, видели слабость Николая II прежде всего во внешнем его облике: после гигантской фигуры его отца Александра III и на фоне великих князей, высокорослых красавцев, он, будучи человеком среднего роста, отнюдь не могучего телосложения, проигрывал в представлении о величии Русского Царя. Они видели и психологическую его слабость человека, не способного крепко держать в руках российскую державу. Идея, что Ники не пригоден для царствования, владела великими князьями с момента смерти Александра III, а может быть, и раньше, когда Николай Александрович был ещё Наследником. Семья, которая сумела организовать через подставных бандитов-революционеров убийство Александра И, посмевшего полюбить Екатерину Долгорукову, жениться на ней и народить новых наследников, сумеет через клевету, распространение слухов дискредитировать царя и царицу, через убийство Распутина лишить больного царевича Алексея лечебной помощи и тем, возможно, избавиться от наследника престола (и без него на русском троне было много больных царей: и царь Феодор I Иоаннович, и Иоанн V Алексиевич, и Феодор II Алексиевич, — хватит уже!).

Великий князь Николай Николаевич по своему старшинству был с 1905 по 1914 год главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, а во время войны — Верховным главнокомандующим русской армии, возглавлял Совет государственной обороны и занимал другие важные посты и, действительно, имел серьёзное влияние на ход истории. Ведь это он в 1914 году, несмотря на совет Распутина не начинать войну, из своих военных амбиций настоял на войне с немцами (хотя можно было предотвратить её путём переговоров) и вёл её теперь как главнокомандующий, но… отнюдь не победоносно. Так, в Восточно-Прусской операции после временного успеха (взятие Перемышля и освобождение Галиции, за что получил орден Св. Георгия II степени и георгиевское оружие с надписью «За освобождение Червонной Руси») — серьёзное поражение и отход войск из Восточной Пруссии, потом потерпел неудачу под Танненбергом, затем на Мазурских озёрах. А на Варшавско-Ивангородском направлении под его командованием в апреле-июне 1915 года началось отступление русских армий и, как следствие этого, — переход Литвы, Галиции и Польши под контроль германо-австрийского блока В июне 1915 года в

результате его стратегии и тактики — вынужденный уход русских войск из Львова, в июле этого же года оставление русскими войсками Варшавы, а в августе — сдача Брест-Литовска и Вильно.

Ввиду этих «побед» Николай II вынужден был 23 августа 1915 года сместить Великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего и взять его полномочия на себя, чем особенно обидел великого князя. Отступление русской армии было погашено, а на русско-турецком фронте (20 октября 1914 года Россия в ответ на нападение турок объявила Турции войну) Кавказская армия под командованием генерала от инфантерии Н. Н. Юденича овладела турецкой крепостью Эрзерум и взяла Трапезунд. На Юго-Западном фронте началось успешное наступление русских войск под командованием генерала от кавалерии АЛ. Брусилова, так называемый Брусиловский прорыв. А эти успехи особенно обижали Николая Николаевича, кипевшего ненавистью к своему племяннику Ники. Особенно он ненавидел Аликс и этой ненавистью к ней буквально заражал всех членов великокняжеских семейств.

За что же её можно было ненавидеть? А ведь ненавидели её многие, а на волне сплетен о ней, как об этом написал в своём дневнике Пуришкевич, её ненавидела «вся Россия».

Ни одна российская императрица не была так унижена мнением о ней, что она не исполняет своего императорского предназначения, имеет фаворита-любовника, грязного мужика Распутина, и фаворитку-любовницу, развратную Вырубову, что она предаёт Россию как шпионка, что она вместе со своим фаворитом Распутиным руководит императором Николаем II как марионеткой, а значит, в её власти — вся Россия.

Кто был виноват в таком ужасном имидже императрицы Всероссийской? Кто такая Алиса, в царской семье — Аликс, в православии — Александра Феодоровна?

Принцесса Гессенская и Прирейнская, которую называли также и Дармштадтской, Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса родилась 25 мая 1872 года в семье Великого герцога Гессенского и Прирейнского Людвига IV и принцессы Алисы-Мод-Мари Великобританской, второй дочери английской королевы Виктории.

Когда Алисе было всего шесть лет (в 1878 году), её мать, тридцатипятилетняя герцогиня Алиса-Мод-Мари, умерла от дифтерии. Тогда же умер от гемофилии и двоюродный брат Аликс — Вальдемар. После этих трагических событий Алиса была отправлена на воспитание и обучение в Англию, к бабушке, королеве Виктории. Королева Виктория к этому времени была уже вдовой: принц-консорт Альберт умер 14 декабря 1861 года, то

есть ещё до рождения Алисы. Через пять лет после приезда в Англию Алисы, когда ей было уже 11 лет, 27 марта 1883 года, скончался и фаворит королевы — слуга Джон Браун. Королевские дети уже выросли (старшей дочери королевы Виктории — Аделаиде — было тогда уже 43 года, даже самому младшему, девятому, ребёнку королевы уже исполнилось 22 года), они отдалились от матери, осуждая её за фаворита Джона Брауна, взятого ею (фи!) «из конюшни». Королева Виктория почувствовала себя совершенно одинокой. Поэтому всё своё бабушкино внимание и любовь она перенесла на свою внучку Алису, единственного близкого ей человека Алиса получила в Великобритании хорошее английское воспитание и образование, так что в большей степени ощущала себя англичанкой, а не немкой, но главное — она получала советы бабушки, желавшей, чтобы Алиса нашла себе достойную партию на уровне наследного принца какой-нибудь европейской страны. И когда родная сестра Алисы, принцесса Елизавета-Александра-Луиза-Алиса (после замужества — великая княгиня Елизавета Фёдоровна) в 1884 году сочеталась браком с великим князем Сергеем Александровичем, сыном императора Александра II, королева Виктория отправила свою 12-летнюю внучку Алису в Россию, в Петербург, на свадьбу её сестры. Здесь, в Петербурге, Алиса и познакомилась с Наследником престола Всероссийского — великим князем, цесаревичем Николаем Александровичем Ему было 16 лет, он был красив и строен, она была очень красивой девочкой, воспитанной как английская принцесса из королевской семьи. Их общение шло на английском языке: Алиса не говорила по-русски. Они понравились друг другу, и Николай при прощании даже отважился подарить ей бриллиантовую брошь. Но она отказалась взять её, считая, что не может принять от него такую дорогую вещь (впоследствии эта брошь, как реликвия, всё же оказалась у неё). Вернувшись домой, Алиса стала считать себя влюблённой в русского цесаревича Между нею и Ники завязалась переписка По совету и при содействии бабушки, в 1889 году Алиса снова посетила Россию: она приехала в Петербург в гости к своей сестре Элле, великой княгине Елизавете Фёдоровне, с которой у Алисы до того не было большой дружбы: они жили и воспитывались раздельно, почти не виделись, Элла была старше на 8 лет. Конечно, целью этого визита Алисы в Россию была встреча с дорогим Ники, любовь с которым возрастала вместе с перепиской. Ей — 17, она в расцвете юной красоты, ему — 21, и он уже возмужавший молодой человек, влюблённый и готовый жениться на этой необыкновенной красавице. (На самом деле Николай в это время был влюблён в Матильду Кшесинскую, и их

любовь тогда была на вершине блаженства) Алиса нравилась ему, она была действительно очень хороша: и не только красавица лицом, но имела прекрасную, величественную осанку, весьма подходившую для будущей российской императрицы. Она была сама нежность и в своём поведении, и особенно в речах, и письменных, и устных. И цесаревич решил, что лучшей невесты ему не найти, ведь брак наследника престола с балериной Матильдой в те годы был совершенно невозможен.

Но семья императора Александра 111 считала брак Наследника русского престола с немецкой принцессой из Дармштадта, из какого-то мелкого герцогства Гессенского, партией неподходящей. К тому же известия о смертях близких родственников Алисы от гемофилии, естественно, настораживали многих, особенно мать цесаревича Николая, Марию Феодоровну, по рождению датскую принцессу Дагмар.

Предполагалось женить Николая Александровича на французской принцессе Елене-Луизе-Генриэтте, дочери Луи Филиппа де Бурбон-Орлеанского, графа Парижского, реального претендента на французский престол. Такой династический брак принёс бы России крепкие европейские связи и весьма желательную дружбу с Францией. Но цесаревич был настойчив в своём решении, и никакие уговоры его не останавливали. Александр III был уже очень болен и не имел сил уговаривать своего сына, да и слишком сильно любил его, чтобы ему противодействовать в таком деликатном деле, как любовь. Это особенно повлияло на решительные действия цесаревича, желание которого подогревалось важным препятствием к браку — невозможностью для Алисы менять лютеранство на православие, ибо она считала это большим грехом В то же время она не скрывала свою необыкновенную любовь к нему. Это противоречие длительное время обсуждалось ими в письмах, а затем и при встрече, когда Алиса в ответ на его сватовство не дала своего согласия на брак с ним, при этом страдая и заставляя страдать своего любимого Ники. И всё же Ники удалось с помощью сестры Эллы и других её родственников уговорить Алису.

8 апреля 1894 года в Кобурге состоялась помолвка великого князя, наследника российского престола Николая Александровича Романова с принцессой Гессенской и Прирейнской Алисой-Викторией-Еленой-Луизой-Беатрисой. Николай приехал в Кобург на свадьбу старшего брата Алисы — Эрнеста — как представитель императора Александра III, из-за болезни не имевшего возможности прибыть на торжество, на которое съехались многие европейские монархи и члены их семейств, в том числе германский император Вильгельм и

бабушка Алисы — королева Виктория, всей душой одобрявшие династический брак внука королевы Виктории — Эрнеста с герцогиней Саксен-Кобург-Готской Викторией, родственницей императора Вильгельма. Николай приехал на эту свадьбу вместе со своими дядьями, великими князьями Сергеем и Владимиром Александровичами, и их женами, сопровождаемый священником, духовником его отца и матери, протопресвитером ИЛ. Янышевым, потому что имелось в виду не только присутствие на свадьбе, но и сватовство к Алисе, желание обручиться с нею. Первая встреча Николая с Алисой утром 5 апреля 1884 года, состоявшаяся в апартаментах Эллы, не была успешной для него. Когда их оставили наедине, Николай признался в любви (хотя уже неоднократно признавался в любви к ней в письмах) и сделал официальное предложение выйти за него замуж, но опять не получил согласия Алисы. В своём дневнике Николай записал; «Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно».

7 апреля состоялась свадьба Эрнеста и герцогини Виктории. Николай весь день был в напряжении: Алиса не сказала «да». Но на следующий день, в пятницу, 8 апреля, после 10 часов утра, Алиса пришла навестить великую княгиню Марию Павловну (тётю Николая — Мари), у которой в это время был и Ники. Их опять оставили наедине, и на сей раз после объяснений принцесса Алиса согласилась соединить свою жизнь с Ники, наследником российского престола. Император Вильгельм, великие князья Сергей и Владимир Александровичи, великие княгини Мария Павловна и Елизавета Фёдоровна (Элла) в это время сидели в соседней комнате, ожидая результов переговора Ники и Алисы. И когда счастливый Ники объявил о согласии Алисы стать его женой, в тот же день было объявлено об их помолвке. Николай записал в своём дневнике: «Сейчас же пошел с Алисой к королеве и затем к тете Мари, где все семейство долго на радостях лизалось. После завтрака пошли в церковь тети Мари и отслужили благодарственный молебен». Когда Николай вернулся в свою комнату, на его столе уже лежала куча поздравительных телеграмм, в том числе и от отца с матерью. А потом пришло и письмо от отца, в котором он писал: «Мой милый, дорогой Ники! Ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! …Все пройденное хотя и забыто, но, уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает твою будущность и всю последующую семейную жизнь!.. Передай

твоей милейшей невесте от меня, как я благодарю ее, что она, наконец, согласилась, и как я желал бы ее расцеловать за эту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой! Обнимаю и поздравляю тебя, милый, дорогой Ники, мы счастливы твоим счастьем, и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало. Твой счастливый и любящий Папа».

После помолвки жених должен был вернуться в Петербург, а невеста отправилась вместе с бабушкой, королевой Викторией, в Англию.

В Петербурге Николай томился в разлуке с Алисой. Но к своей прежней любви, к Матильде Кшесинской, он не поехал ни разу.

Любовь с балериной Матильдой Кшесинской началась у него в январе 1892 года, когда, вернувшись из Дании, он вдруг понял, что его восхищение её красотой и грацией переросло в нечто большее. Он поехал к Матильде, объяснился в своих чувствах и просил разрешения бывать у неё. В дом к Матильде он стал привозить и своих двоюродных дядек, которые хоть и назывались так, но были примерно одного с ним возраста Это были братья, великие князья Георгий, Александр и Сергей Михайловичи, сыновья великого князя Михаила Николаевича Образовалась весёлая компания, часто вечерами собиравшаяся у Кшесинских. Так прошло около двух лет, но однажды, задержавшись у Матильды почти до утра, Николай сказал ей, что скоро он должен будет уехать в Германию для сватовства и что его избранница — принцесса Алиса Гессенская из Дармштадта Матильда понимала, что на брак с Наследником престола она рассчитывать не может, но она любила Николая, и ей казалось, что он тоже любит её безгранично. Он всегда был честен и прямодушен, рассказывал ей об Алисе, позволял читать свой дневник, где он писал и о ней, и об Алисе. Впоследствии Матильда писала: «Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он, безусловно, любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и браку — как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение… Известие о его сватовстве было для меня первым настоящим горем После его ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно. Я мучилась безумно».

Так как первая попытка сватовства Николая к Алисе

оказалась безуспешной, Николай вернулся к Матильде Кшесинской, и их любовь обрела новую силу. Летом 1892 года Николай снова уехал в Данию, а когда вернулся, сестры Кшесинские, Матильда и Юлия, переселившиеся в двухэтажный особняк на Английской набережной, устроили веселое новоселье, на которое пригласили много гостей. Как полагается, гости пришли на новоселье с подарками. Николай тоже пришел с подарком: это были восемь украшенных драгоценными камнями золотых чарок для водки. Переписка с Алисой продолжалась, и Николай всё больше и больше влюблялся в Аликс, как он начал её называть. Он был однолюб, не мог делить свои чувства надвое, а потому всё более охладевал к Матильде. К тому же он замечал, что его дядя, великий князь Сергей Михайлович, весьма увлечён Матильдой. Так прошёл 1893 год, и наступил тот славный день 8 апреля 1894 года, когда состоялась помолвка Ники и Аликс. К этому времени Николай прервал всякие отношения с Матильдой Кшесинской, хотя письменно известил её, что в случае необходимости она может обращаться к нему за помощью, а в письмах может называть его на «ты». Позже Матильда вспоминала: «В моем горе и отчаянии я не осталась одинокой. Великий князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда наследник впервые привез его ко мне, остался при мне и поддержал меня. Никогда я не испытывала к нему чувство, которое можно было бы сравнить с моим чувством к Ники, но всем своим отношением он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила».

Николай так томился в разлуке с Аликс (а их ежедневная переписка ещё больше подогревала его чувства), что он обратился к отцу с просьбой разрешить ему поехать в Англию, где гостила у бабушки его невеста Александр III не только позволил сыну поехать в Англию, но предоставил в его распоряжение паровую императорскую яхту «Полярная звезда». 3 июня 1894 года Николай отправился на «Полярной звезде» из Кронштадта в Англию, и 8 июня яхта причалила к британскому берегу. В тот же день он встретился со своей любимой Аликс.

На реке Темзе, в загородной усадьбе Уолтон, в июне, в разгар лета, когда всё вокруг цвело, обручённые провели самые незабываемые для них дни. Тогда Николай написал своей матери, Марии Феодоровне: «Весь день при чудесной погоде мы провели на воздухе, катались на лодке вверх и вниз по течению, закусывали на берегу. Настоящая идиллия!»

В начале осени этого же года Алиса приехала в Россию. Это было тяжёлое время для российской императорской семьи: стало ясно, что дни императора Александра III сочтены. Императрица

Мария Феодоровна не могла в такой для неё тяжёлый час радоваться счастью обручённых и уделять Алисе особое внимание. Присутствие счастливой, но горделиво-замкнутой Алисы её раздражало. И это отложило тяжёлый отпечаток на дальнейших их отношениях: Мария Феодоровна так и не смогла полюбить свою невестку, полностью, как она думала, поработавшую её сына.

20 октября 1894 года Александр III скончался; вся страна в трауре, а Алиса на следующий день после его кончины, 21 октября 1894 года, по традиции, по протоколу, торжественно приняла православие, русское православное имя Александра Феодоровна и титул «великая княжна».

Перед коронацией Николай Александрович должен был жениться, так как по русскому народному поверью только женатый мужчина может считаться зрелым и вполне дееспособным. А тем более царь!

14 ноября 1894 года состоялось бракосочетание императора Николая II с Великой княжною Александрой Феодоровной. 17 января 1895 года Государем и Государыней был проведён Высочайший приём депутаций от всех сословий, губерний, земств, крупных городов, прибывших в Санкт-Петербург для поздравления Их Величеств по случаю бракосочетания.

14 мая 1896 года в Москве, в Успенском соборе, состоялся торжественный акт коронации Государя Императора и Государыни Императрицы. Эта последняя коронация в Российской империи и в России вообще ознаменовалась страшным событием На Ходынском поле, где предполагалось в честь коронации бесплатно раздавать народу красиво украшенные кружки с изображением Государя и Государыни, собралось столько народа, что образовалась ужасная давка, в результате которой погибло 1282 человека. По мнению многих, такое начало царствования Николая II и Александры Феодоровны должно было как началось, так и закончиться трагически.

И хотя все эти события были ознаменованы Всемилостивейшими манифестами, в которых Николай II объявлял о продолжении политики Александра III и о различной помощи и льготах для народа, во всех сословиях России появились первые ростки недовольства царской семьёй, тем более тревожные, что они возникли на хорошо удобренной почве прошлых событий: охоты на императора Александра II, а затем его убийства.

Став императрицей, Аликс не взяла на себя роль благотворительницы народа в широком смысле, как это делали её предшественницы; она как бы затворилась в семейном кругу. Она

проявляла добрые, благородные чувства, но это не было известно за пределами её семьи. Например, когда Анна Вырубова серьёзно пострадала в железнодорожной катастрофе, Александра Феодоровна поместила её в своём госпитале и ухаживала за ней, почти не отходя от её постели. А серьёзную благотворительность, даже гражданский подвиг: во время войны работу в госпитале, уход за ранеными в качестве сестры милосердия, организацию санитарного поезда, — она вместе со своими дочерьми стала совершать только через 18 лет после своего вступления на трон, когда уже по России ползли слухи о её связи с Распутиным и о её возможной шпионской деятельности. И потому этот подвиг воспринимался людьми как шпионское прикрытие.

Конечно, сопротивление представителей Дома Романовых этому браку отложило первый неприятный отпечаток на дальнейшую судьбу новой царской семьи, в особенности на судьбу Аликс, которая уже никогда не смогла сблизиться с новыми для неё родственниками. По-английски сдержанная, а по характеру замкнутая, с эгоистическими и властолюбивыми до истеричности наклонностями, Аликс отдалилась от великокняжеских семейств Дома Романовых. Даже своей резиденцией Аликс выбрала не Зимний дворец в Петербурге, а загородный дворец в Царском Селе. Императорский двор, этот гибкий организм, всегда «дувший в сторону царского флюгера», встретил Гессенскую принцессу Алису весьма прохладно, а она, плохо, с большим акцентом говорившая по-русски, ещё больше, как-то гордо от него отстранилась, предпочитая как можно реже появляться при дворе. Так вокруг Аликс оказалась только её семья — супруг и родившиеся один за другим четверо детей; фаворитка Анна Вырубова да в первые годы её замужества две черногорские принцессы, Милица и Стана, которые впоследствии стали её кровными врагами, распускавшими о ней самые невероятные слухи. Это ограничение общения Аликс, её самоизолированность, редкое общение с людьми на русском языке не давали возможности придворным иметь о ней подлинное представление, побуждали их верить слухам и сплетням и позволяли говорить о ней всё что угодно. Но после появления Распутина в царском дворце Аликс стала не только непопулярна как императрица, а стала вызывать у многих просто ненависть и как немка, и как распутница, вступившая, по слухам, в связь с сибирским мужиком С течением времени (и войны) эта ненависть возрастала. Говорили о каком-то прямом кабеле, по которому она якобы передаёт самые важные сведения немцам, о том, что она хочет позорного для России мира. Но главное — что она живёт с Распутиным, — и жалели её мужа-царя. Её родная

сестра, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, обеспокоенная слухами и сплетнями, приезжала к ней, пытаясь уговорить её отстранить Распутина, запретить ему посещение дворца. Даже императрица Мария Феодоровна, мать Николая И, считала, что её сын не руководит державою, а губит её, передав власть Аликс и Распутину, и была за его отречение в пользу его брата Михаила. Среди ненавидевших царицу Александру Феодоровну были почти все великие князья, конечно, и двор, и знатные люди в Царском Селе, где укрылась от двора царская семья. Аликс была совершенно одинока, таким же одиноким она сделала и своего мужа, Николая II. У них был один друг на двоих — «Наш Друг» — Распутин. И ещё у неё были две подруги — самая верная фаворитка Анна Вырубова и Юлия фон Ден, сына которой императрица крестила. А у Николая II — Аликс, дети и притворившаяся безумно в него влюблённой «Аня» (Анна Вырубова). И больше никого, кроме Распутина, любить которого ему настоятельно рекомендовала Аликс.

Аликс была очень религиозна, склонна к мистике, к вере в «божьих людей», поэтому свято верила Распутину, тем более что он сохранял жизнь и здоровье её мальчика, её «светлого лучика», как они называли с Николаем II их сына. Она и супруга своего постоянно настраивала на поклонение Распутину, на выполнение его просьб (за исполнение которых, между прочим, люди платили Распутину огромные деньги).

Так, в письме от 10 ноября 1916 года Аликс внушает мужу мысль о значимости для них дружбы с Распутиным: «Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы он просветил тебя, что в нём наше спасение: не будь Его здесь (именует Распутина с большой буквы, как именуется Иисус Христос в Евангелии. — И.В.), не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас своими молитвами, мудрыми советами, Он — наша опора и помощь» (цитировано по книге О. Платонова. — *И.В.)*. И император, во имя их любви, памятуя наставления великих мира сего на его помолвке и свадьбе, но более всего опасаясь её нервических срывов, исполнял её волю. Августейшие семьи, и двор, и правительство знали об этом и, конечно, воспринимали (может быть, и в сильном преувеличении) значение как повелений Александры Феодоровны, так и влияние Распутина на внутренние дела государства Этому восприятию способствовало и то, что сам Распутин хвастался (особенно в пьяном виде) своим положением «при царях», стал получать заказы от многих лиц, которые ему хоть за это хорошо и платили, но об этом и повсюду рассказывали. Ведь Папа с Мамой, как царя и царицу называл Распутин, впрямую денег ему не давали (хотя оплачивали его проживание в Петербурге и делали ему

дорогостоящие подарки), особенно Мама, о которой Распутин отзывался как о скупой и прижимистой. А денежки-то и славу Распутин всё-таки любил, для того, видимо, и шёл к трону. Разбогатев на записочках с просьбами о хлебных местах в министерствах, в правительстве, о наградах и иных льготах и преимуществах, Распутин примерно к 1913 году, насладившись богатством и славою, стал беспробудно пить и раскидывать деньги направо и налево, попутно оправдывая слухи о его кутежах, разврате, свальном грехе. Разумеется, его Папа и Мама не верили в это, а когда им докладывали о беспутстве Григория Распутина-Новых, они реагировали на это весьма своеобразно. Так, когда царю доложили, что Распутин в бане устраивает оргии с голыми дамами и мужчинами, царь ответил: «Ну что ж, он и там проповедует Священное Писание». Полиция видела отношение «царей» к их фавориту, а потому при расследовании скандалов с участием Распутина знала, что лучше всегда докладывать наверх так, будто ничего не подтвердилось, хотя грехи эти числились за ним, и это подтверждали многие его современники, среди которых были и свидетели его «весёлых праздников». Разумеется, всё это раздувалось сплетнями и наветами, но в этих слухах и сплетнях виноват был сам Распутин, возомнивший о себе, что он действительно «Он», как в письмах к мужу величала его Аликс.

Вся эта ситуация и с Аликс, и с Распутиным давала хорошую пищу для распространения слухов о них как любовниках, выставляла Николая II, который ничего не мог сделать в силу своей полной подчинённости супруге, будучи человеком слабым, недееспособным правителем, подрывала престиж царской семьи, а следовательно, и монархии, и империи.

Самое ужасное состояло в том, что такое представление о царской семье имело под собой почву. Аликс, исполняя совет своей бабушки, сумела, благодаря своим сладким ласковым речам, устным и особенно письменным (иногда даже до слащавости), благодаря своему нежному, любовному с Ники поведению, сохранить (хвала ей!) любовные отношения с мужем в течение 24 лет (с октября 1894 по июль 1918 г.), до самого трагического конца их жизни. Но поддерживая любовь словами, она требовала от мужа действий, а не видя этих действий, стала сама править страной, то есть действовать, как она сама желала. Все её письма в тех местах, где она обращается к Николаю, полны ласки, но выдержаны в повелительном наклонении. Прежде всего это касалось Распутина, «Нашего Друга», которого она любила на грани истерики и в которого, как в Христа, безгранично верила. Например, в письме мужу от 10 июня 1915 года о Распутине: «Слушай Нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы

России и твои. Бог не даром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и его советы!» В её письме от 5 декабря 1916 года (незадолго до убийства Распутина): «Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов Нашего Друга Он так горячо, денно и нощно, молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он, — как я в том глубоко убеждена… Страна, где Божий человек помогает Государю, никогда не погибает. Это верно — только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что Он чего-нибудь не знает. Бог ему всё открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются Его умом, способным все понять. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание, оно удается, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы, — у Него жизненный опыт, благословенный Богом».

И всё это, почти в тех же выражениях, — в каждом письме. Удивительно, но религиозная женщина верит не в помощь Бога, а в «божественную помощь» неграмотного мужика Повелительное наклонение, императив, Александра Феодоровна использовала даже в военных делах. Так, в письме от 4 марта 1916 года из Царского Села она приказывает своему мужу, главнокомандующему российской армией (!): «Лучше всего отдай теперь людей для *Светланы* (военного корабля. — И.В.), а затем распорядись сформировать два небольших батальона, которыми любой мог бы командовать и которые не имели бы большого значения».

Занималась она и высшими чинами: «Увы, более, чем когда-либо, убеждаешься в том, что адмирал совсем не интересуется *экипажем* — (как много он мог бы помочь!), а он делает как раз обратное и представляет тебе дела в том виде, в каком ему желательно. Мне хочется, чтоб у тебя был кто-либо другой на его месте».

Николай II и его жена наивно полагали, что их переписка во время войны секретна, что эти письма, пересылаемые с курьерами (!), никто не сможет прочитать, особенно если они написаны по-английски. Это была удивительная наивность с их стороны. Достаточно было прочитать (а великие князья хорошо знали английский язык) только письмо от 5 декабря 1916 года, чтобы сделать вывод, который записал в своём дневнике Пуришкевич, и начать подготовку к заговору с целью убийства Распутина. Надо сказать, что письма Александры Феодоровны показывают, что она

не только уподобляет Распутина Господу Богу, но даже ставит его и выше: «Он охранял тебя там, где ты был, только Он — как я в том глубоко убеждена-.» (выделено мною. — И.В.). Во многом эти письма говорят, что она (пусть простят меня читатели за это высказывание об уважаемой императрице, претерпевшей страдания и причисленной к лику святых) была всё же женщиной не настолько сведущей и понимающей обстановку в стране, но зато имеющей претензию диктовать, как надо относиться к людям и править страной и армией. Письма Александры Феодоровны, безусловно, перлюстрировавшиеся великими князьями и их женами (особенно Милицей и Станой), несомненно, подавали повод к подозрению в ней шпионства. Так, во многих письмах Николай II рассказывает своей жене достаточно подробно о положении на фронте, о дислокации русских войск, о своих военных намерениях начать наступление раньше немцев. И Александра Феодоровна, имея эти сведения, вполне располагала возможностями передавать их своим европейским родственникам, с которыми окольными путями, но находилась в переписке, о чём она сама же в этих письмах и повествует. Мало того, она иногда просит, чтобы главнокомандующий Николай II прислал ей сведения о количестве тех или иных военнослужащих в том или ином районе для того, чтобы «прислать им иконки». Конечно, подозрения в том, что Александра Феодоровна была шпионкой во время войны с Германией, всего лишь подозрения (и не нам их разделять), но то, что она в письмах своих неосторожно подтверждала эту мысль, достоверно.

После того как было обнародовано письмо Александры Феодоровны к Распутину, по всем статьям похожее на любовное письмо, у тех, кто его читал, уже не было никаких сомнений в том, что она любит Николая просто как мать его детей, как романтического героя юности, а Распутина — страстно, как любовница. Правда, само наличие такого письма может вызвать подозрение, что оно было кем-то сфабриковано и отослано Распутину из Петрограда, так что и сам он верил, что это письмо написала Мама. Но Александра Феодоровна подтвердила сама, что письмо это было написано ею. Вот его содержание (цитируется по книге Э. Радзинского «Распутин: жизнь и смерть». — *И.В.):*

> «Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник! Как томительно мне без тебя…
>
> Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как

легко мне тогда бывает! Тогда я желаю одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня… Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце… Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях. Без тебя Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя М(ама)».

На первый взгляд, письмо по всем статьям любовное. Но если вспомнить, что в Евангелии апостол Павел обращается к своим братьям и сестрам во Христе со словами «возлюбленный мой» или «возлюбленная моя сестра», а при этом еще и по имени, то главное это слово в письме Аликс, передающее любовное отношение, перестаёт быть таковым: так обращались к христианам и апостолы. Целование рук у Рапутина было нормой для кружка его поклонниц. Когда Распутин снимал боль или успокаивал после нервного срыва, он гладил руки своих пациентов, клал их головы к себе на плечо, как бы убаюкивая, и нервная до истеричности Аликс, успокаиваясь таким образом, в минуты её депрессивного состояния (а сквозь строки её писем довольно часто проскальзывает её депрессия и проявление невроза, который она принимала за болезнь «расширенного сердца»), конечно, жаждала присутствия Распутина, который помогал ей снять эти неприятные явления. Эти ласковые признания она делала для того, чтобы призвать его поскорее приехать. По-видимому, Аня Вырубова пыталась заменить ей Распутина, почему Аликс и просит его не говорить Ане об этом письме. Думаю, что сам Распутин понимал это письмо правильно, но гордился своим значением у «царей», почему и похвастался Илиодору, а тот предал всё гласности, но с другим подтекстом.

Аликс считала, что в том, что она, императрица, написала такое нежное письмо мужику, нет ничего особенного. Ведь у неё был живой пример: её бабушка, королева Виктория, уважаемая и почитаемая во всех странах, писала очень нежные и хвалебные письма своему фавориту, взятому из конюшни, — Джону Брауну. Правда, здесь была некоторая неувязочка это было после смерти её незабвенного Альберта, а Аликс писала мужику при живом муже.

В связи с фаворитом-слугой на королеву Викторию, которую в салонах высшей знати насмешливо называли «миссис Браун», во

многих газетах и журналах на неё печатались и распространялись карикатуры. Но то было среди английской публики, благодушно это воспринимавшей. На императрицу Всероссийскую и её фаворита Распутина тоже стали рисовать и распространять карикатуры, изображавшие их в основном в непристойных позах, что было явным проявлением неуважения и даже ненависти к «порочной» императрице. К ней стали относиться так, как во Франции относились к королеве Марии Антуанетте, часто менявшей фаворитов-любовников и гордо презиравшей своё окружение. Закончилось это для Марии Антуанетты и её мужа, короля Людовика XVI, гильотиной, а у Александры Феодоровны — расстрелом её и всего её семейства.

Распутина называли «святым чертом», тем самым отмечая двойственность его натуры. Однако надо сказать, что не был он ни святым, потому что служил уже не Богу, ни чёртом, потому что думал, что служит Христу. Это был неграмотный, но очень умный и хитрый мужик, обладавший большими природными способностями, перенявший от знакомых гипнотизёров методы психотерапевтического воздействия на людей и широко использовавший это своё умение суггестирования. Его пребывание у престола в качестве фаворита для тех, кто желал сбросить с трона Николая II, а в особенности Александру Феодоровну, служило прекрасным примером неспособности императора управлять не только страной, но даже собственным домом и собственной женой. Великие князья увлеклись игрой в «раскачивание лодки», не учли настоящую расстановку политических сил и революционного настроения в России. Среди них не оказалось ни одного человека, способного проанализировать состояние России на тот момент, сделать выводы и наметить конкретные действия. Великий князь Николай Николаевич, один из первых претендентов на российский престол, мог составить план военных действий, но не в состоянии был наметить хоть какой-то план руководства Россией, потому что, как справедливо заметила вдовствующая императрица Мария Феодоровна: «У него была неизлечимая болезнь — он был глуп». То же можно сказать и о молодых великих князьях, которые ничего более умного не придумали, как убить Распутина, а потому сколачивали заговор против него и распространяли слухи, что Распутин готовит революцию (как бы не видя, что это делает Ленин).

Николай II, любивший свою жену и явно боявшийся её ввиду её властолюбия и истерических срывов, взяв на себя полномочия главнокомандующего, попечение о стране вынужден был передать своей жене-императрице, а фактически — Распутину, но всего

вернее — Вырубовой. Занятый делами фронта, он не знал, а потому и не понимал, что происходит в России. А между тем в России было много людей, которые видели, что грядёт конец династии и этот конец придёт не извне, от воюющего противника, а изнутри, причём поддерживаемый самой династией.

А фаворит Григорий Распутин, этот неграмотный и порочный мужик, но зато умный и наблюдательный, часто ездивший в своё Покровское почти через всю Россию и общавшийся с людьми разных сословий, смог точно определить расстановку сил в России и на этом основании предсказать, что после его гибели погибнут и «цари», и вся Россия. Но вразумительно это рассказать всему российскому обществу он был не в состоянии в силу своего неумения складно выражать свои политические мысли. Он изъяснялся обрывками фраз, «изречениями», как, в его представлении, должен говорить «Божий человек», пророк-ясновидец, оракул. А «имеющие уши» великие князья не слышали и ничего путного не предпринимали, потому что занимались мелочными делами, зациклившись на главном, по их мнению, виновнике всех бед — Распутине. Распутин почувствовал, в какую «историю» он попал, уже в 1915 году, и, не видя выхода из опасного положения, начал пить, пытаясь вином залить свои мрачные предчувствия. Окружавшие его люди, прежде восхищавшиеся им, не могли понять: что случилось с этим талантливым человеком, почему он так сильно изменился? А он всем существом своим чувствовал, что его готовятся убить.

И действительно, против него уже плёлся заговор. Идея убить Распутина стала воплощаться в реальность. Закулисными руководителями заговора стали великий князь Николай Николаевич, его брат Пётр Николаевич и великие княгини Милица и Анастасия, другие великие князья, в том числе великий князь Александр Михайлович, княгиня Зинаида Юсупова, а непосредственное исполнение убийства взяли на себя князь Феликс Феликсович Юсупов, он же граф Сумароков-Эльстон (сын Зинаиды Юсуповой), великий князь Дмитрий Павлович, Владимир Митрофанович Пуришкевич, доктор С. С. Лазаверт и поручик С., как его именует в своём дневнике В. М. Пуришкевич, на самом деле — поручик Сухотин.

Убийство Распутина, в версиях Пуришкевича и князя Юсупова, и как было на самом деле с точки зрения Э. Радзинского, — и то и другое оставляет впечатление какого-то гнусного действия, предательского и излишне кровавого. Даже если не было никакого яда в пирожных, но нападение на него Феликса Юсупова, затем погоня за пытающимся спастись Распутиным и стрельба в него, а потом утопление его в Неве —

всё это выглядит отвратительно. Это производит ужасное впечатление даже при чтении дневника Пуришкевича: «Перевёрнутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого, открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собой)».

Убийство Распутина, как и следовало ожидать, фактически ничего не изменило, не привело Россию к процветанию, наоборот, усугубило её положение. А провидческие слова Распутина, что если убьют его, то не будет и царской семьи, полностью оправдались. Николай II подписал отречение, по сути ничего хорошего стране не давшее, наоборот, приблизившее её падение. Взявшее власть Временное правительство во главе с Керенским ни на что не было способно, наделало массу ошибок, привело к безобразному расстрелу царской семьи и захвату власти большевиками во главе с В. И. Лениным.

Заигрывание Дома Романовых с «революционными» элементами привело не только к трагедии России, но и к личным трагедиям августейших персон. Одни члены Дома Романовых спаслись бегством в Европу, другие были расстреляны. Царская семья была расстреляна большевиками так же гнусно, как был убит Григорий Распутин — последний российский фаворит у трона, ярко, но неоднозначно и загадочно отразившийся в зеркале русской истории.

Послесловие

Фаворитизм у российского трона как часть русской истории не может быть полностью понят без сравнения его с фаворитизмом в Западной Европе.

Исторические факты показывают, что по времени, начиная с XV века, Россия вовсе не отставала от Европы в деле фаворитизма у престола. Ещё прежде, чем Генрих II объявил Диану де Пуатье официальной фавориткой, придав этому званию статус титула при своём королевском дворе, в Московском государстве Правительница «всея Руси» Елена Васильевна Глинская открыто отстранила бояр, рекомендованных ей в помощь покойным мужем, и всю власть передала своему любимцу, фавориту-любовнику Ивану Фёдоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому. Конечно, нас не может не удивлять этот факт. Как?! В православной стране, где традиционно ценились в женщине религиозность, преданность и покорность мужу, целомудрие вдовы, нравственная чистота, высокая мораль и чадолюбие, где женщина-хозяйка, хранительница семейного очага, воспетая вслед за Евангелием в Домострое, особенно отличалась трудолюбием и скромностью, и вдруг, в нарушение всех традиций, у российского престола, на глазах у всего бывшего великокняжеского двора Василия III российская государыня Елена Глинская не стыдилась официально иметь фаворита-любовника, а несогласных отправляла в тюрьму, не на годы, а сразу на гибель.

Традиционно на Руси великие княгини, стоявшие у вершины власти Московского государства, такие, как Евдокия Московская, супруга Дмитрия Донского, канонизированная Русской Православной Церковью; Софья, жена Василия I Дмитриевича, дочь великого князя литовского Витовта, в иночестве Синклития; Мария (в иночестве Марфа), жена Василия II Васильевича Тёмного и мать Иоанна III Васильевича; Софья Палеолог, супруга Иоанна III и мать Василия III; Соломония Сабурова, первая жена Василия III, — и многие другие, известные своим подвижничеством великие княгини, отличались высокой нравственностью, целомудрием, верностью мужу, помощью ему в его княжении и в борьбе за московский престол. Но в последующие времена российские правительницы: Великая княгиня Елена Глинская, царевна Софья, царица и императрица Екатерина I, императрица Анна Иоанновна, правительница Анна Леопольдовна, императрица Елизавета Петровна, императрица Екатерина II, — несмотря на их православную веру и внешнее благочестие, имели при себе фаворитов-любовников, многие даже

не по одному, а по нескольку, меняя их одного за другим.

Можно предположить в их оправдание: неуверенность в своих силах при осуществлении правления обширной страной, недостаточные политические знания и борьба с нападающими на Русь врагами заставляли не только российских правительниц, но и западноевропейских (Марию Стюарт, Елизавету I, Изабеллу II и даже королеву Викторию после смерти её мужа) искать опору в мужской поддержке и привлекать к решению своих государственных задач наиболее, по их мнению, подходящих для этой цели мужчин.

Но женская природа такова, что в большинстве случаев выбирались не самые умные и образованные мужчины, а самые красивые и обаятельные, способные вызвать любовные чувства, «чувствительность», по выражению Екатерины II. Правда, иногда, в редких случаях, качества эти: мужественная красота, ум, обаяние — совпадали с желанием служить своей родине. И тогда фавориты становились государственными мужами (Г. Г. Орлов, Г. А. Потёмкин, И. И. Шувалов).

Женщина, по природе своей, какое бы социальное положение она ни занимала, всегда считала, что самый верный способ заставить мужчину служить ей — любовная близость с ним, а иногда только обещание близости в будущем, как это практиковала Елизавета I Английская.

Российские государыни, привлекая своих фаворитов к государственным делам, не допускали их к полной власти и старались не обременять себя замужеством. Читатель вправе задать вопрос, а как же императрица Елизавета Петровна, которая связала себя, хоть и тайными, но всё же узами брака? Елизавета Петровна была очень религиозна, потому по совету своего духовника, чтобы оправдать перед Богом свою греховную связь, тайно обвенчалась с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Но она была уверена, что её возлюбленный никогда не откроет их тайну и никогда не будет претендовать на власть. И она не ошиблась в нём. Уже после её смерти Екатерина II сделала попытку узнать, был ли Разумовский её законным мужем, подослала к нему одного из своих доверенных лиц, но граф Алексей Григорьевич Разумовский тайну их венчания не открыл. Он на глазах вельможи сжёг в камине документы — свидетельства его супружества с императрицей, — не соблазнившись на обещания почёта, чинов и выгодных должностей. «Хитрый хохол», он знал, что бывает с теми, кто приблизился к трону настолько, что, предъявив наследные права, оказался бы возможным претендентом на престол. А быть казнённым Алексей Разумовский не хотел.

Екатерина И, за свой женский век сменившая нескольких любовников еще будучи великой княгиней (Андрей и Захар Чернышевы, Сергей Салтыков, Станислав Понятовский), а затем и фаворитов-любовников у российского трона (не считая любовников-однодневок), сумела в православной стране показать себя такой матушкой-императрицей, благодетельницей народа, а в переписке с Гриммом для сведения Европы так представить своих любовников (учениками, которых она готовит для государственной деятельности исключительно для пользы России), что никто не требовал отсечь ей голову, как Марии Антуанетте, и никто не собирался изгонять её из России, как поступили с королевой датской Каролиной Матильдой, отправленной обратно в Англию к её брату-королю, и как впоследствии, в XIX веке, поступили с Изабеллой II, на весь мир позорно объявленной развратницей.

Павел I, желая прекратить, по его выражению, «бабье правление», издал Указ о престолонаследии, в котором категорически пресекалось появление женщины на Всероссийском престоле. Так российский фаворитизм приобрёл другое лицо: фавориты великих княгинь, царевен и императриц уступили место у престола фавориткам Всероссийских государей. И этим преимуществом в первую очередь воспользовался сам император Павел I, а за ним и его сыновья.

Если фавориты российских государынь были прежде всего любовниками и в редких случаях, как уже говорилось, становились государственными людьми, то фавориты российских государей — это были в основном их близкие друзья-советчики, наставники в государственных делах или действительно талантливые государственные люди (А. А. Аракчеев., М. М. Сперанский). Хотя попадались и подлые предатели (И. П. Кутайсов, П. А. Зубов и др.).

Но самое главное отличие русского фаворитизма от западноевропейского состояло в более гуманном отношении к вошедшим в немилость фаворитам: в России фаворитов не казнили смертию, а только ссылали, но чаще — просто удаляли от двора, да еще и награждая при этом и землями, и деньгами (например, при Екатерине II).

Правда, был случай, когда Пётр I отрубил голову фавориту Екатерины I Виллиму Монсу, но не за разврат, а за присвоение денег из казны императрицы. Да ещё фаворита императрицы Александры Феодоровны — Григория Распутина отправили в мир иной, но сделал это не монарх, а члены августейших семейств вкупе с дворянами высокого ранга Исключение из общего правила составляет только Иоанн Грозный, который всех своих бывших

фаворитов предал смерти, уморив в тюрьме или казнив после тяжелейших пыток. Следует вспомнить, что было такое в XVI веке не только в России, но и в Англии, при короле Генрихе VIII, который своим близким друзьям-фаворитам, верой и правдой помогавшим ему в правлении государством, приказал отрубить головы (кардинал Томас Уолси, Томас Мор, Томас Кромвель и др.). То же было и при Елизавете I, казнившей своего фаворита — Роберта Девере Эссекса.

Западноевропейские державы на протяжении многих веков представляли (да и теперь представляют) Россию страной варварской, отсталой, однако исторические факты показывают, что даже в такой деликатной, но весьма показательной сфере, как фаворитизм у престола, сами они проявили больше жестокости и менее гуманизма, чем это реально происходило у российского престола и нашло своё отражение в русской истории. И нельзя не согласиться с А. С. Пушкиным, что «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».

Библиография

Альманах «Дворянское собрание». № 1-12 (1994–2000).

Альманах современных государственных деятелей. СПб., 1897.

Балязин В. И. Тайны дома Романовых. М.: ОАМА Медиа Групп, 2010.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. АСТ-АСТРЕЛЬ, 2005.

Буле С. Любовные тайны королей. АРТ-РОДНИК, 2003.

Валигиевский К. Царство женщин. М: СП «ИК-ПА», 1989.

Валигиевский К Первые Романовы. М.: СП «КВАДРАТ», 1993.

Валигиевский К. Сын великой Екатерины. М.: СП «КВАДРАТ», 1993.

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.

Все монархи мира. Россия. М.: Вече, 2001.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Дашкова Е. Р. Записки княгини: Воспоминания. Мемуары. Минск.: Харвест, 2003.

Дворянские роды Российской империи. Т. I–II: Князья. СПб.: ИПК «Вести», 1993–1995.

Дрлгоруков П. В., князь. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909.

Занятные истории / Редактор-составитель И. В. Судникова. Mj Сибирская благозвонница, 2011.

Записки графа МД Бутурлина: Т. I–II. М, 2006.

Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. СПб.: Лениздат, 1996.

Исторические рассказы и анекдоты. Из жизни русских государей и замечательных людей XVIII–XIX столетий. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1885.

История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред. И. Н. Павленко. М.: Высшая школа, 1998.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2004.

Котошихин Г. К. Россия в царствование Алексия Михаиловича. М., 1906.

Кубеев М. И. Сто великих музеев мира / Михаил Кубеев. М.: Вече, 2010.

Лубненков Ю. Н. 100 великих аристократов. М: Вече, 2003.

Непомнящий И. Н. Самые знаменитые тайны России. М: Вече,

2004.

Николай I, его сын Александр II, его внук Александр III. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

От губернатора до мэра. Главы московской власти 1708–1995. Портретная галерея. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1996.

Платонов О А. Николай Второй в секретной переписке. М.: Изд-во «Алгоритм», 2005.

Пуришкевич В. М. Из дневника В. М. Пуришкевича. Убийство Распутина. М.: «Интерпринт», 1990.

Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Правители России от Юрия Долгорукого до наших дней / 4-е изд., испр. и доп. М.: Грант, 2000.

Радзинский Э. «„Господи“, спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., Вагриус, 1993.

Радзинстсий Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1998.

Русские принцессы / Е. В. Прокофьева (руководитель авт. коллектива), М. В. Скуратовская, Н. В. Соротокина, СЛ. Чеботарь. М.: Вече, 2009.

Русский биографический словарь. СПб., 1896–1913. Т. 1-25.

Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя А. Чарторыйского. 1795–1805 / Предисл. Квоенского; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2007.

Рыжов К. В. 100 великих монархов. М.: Вече, 2008.

Савелов АМ. Родословные записки. Опыт родословного словаря. М., 1906–1909. Вып. 1–3.

Своеручные записки княгини Н. В. Долгорукой. СПб., 1992.

Советская историческая энциклопедия. Т. 1–16. М., 1961–1976.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Соч. в 18 кн. М., 1988–1995.

Строгова А. Государственная мудрость легкомыслия. Как маркиза де Помпадур управляла Французским королевством // Родина № 3.2007.

Сурмина И. О., *Усова Ю. В.* Самые знаменитые династии России. М.: Вече, 2002.

Ткаченко П. Драма Грозного царя. Литературнокритическая повесть. Mj Культурно-просветительская инициатива «Поход», 2011.

Толчев И. Иван Грозный и митрополит Филипп (Колычев): А был ли конфликт? // Поход: Духовномировоззренческий и литературно-публицистический альманах. Выпуск первый. М.: Культурнопросветительская инициатива «Поход», 2011.

Тысячелетие Российской империи. Энциклопедический

справочник СПб: ИД «Весь», 2004.

Федорченко В. И. Дворянские роды, прославившие отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

Цвейг С. Мария Антуанетта: Портрет ординарного характера / Пер. с нем. и примеч. Л. М. Миримова; Авт. предисл. П. П. Черкасов. М.: Мысль, 1989.

Шокарев С. Ю. Тайны российской аристократии. М: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Кн. 1-82. СПб., 1890–1904.

notes

Примечания

1

О значении слова «те́лепень» можно получить справку в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля:

2

Подклеть — это часть деревянного дворца, где устраивали опочивальню для новобрачных. —И.В.